

БЕЗЛИКИЙ И ЧУДОВИЩЕ

Alysa Comman

Он — никто. Всего лишь маленький раб, которому чудом удалось спастись из лап жестокого хозяина и выжить, благодаря добрым людям. Но всё ли в этом маленьком, ничтожном существе и в мире вокруг него так просто?

У каждого в душе свои тёмные углы, где мы храним самые потаенные тайны и страхи, которые мы никогда никому не покажем и не расскажем о них. Но если не противостоять этой тьме внутри себя — оно заполнит абсолютно всё существо своего кормильца, его жизнь, его близких.

История о том, что даже тень может обрести плоть и даже самая черная душа может хранить в себе искру света.

Миру угрожает большая опасность со стороны тех, кто терпит зло и потворствует ему, нежели от тех, кто совершает зло.

(с) Альберт Эйнштейн

Тихий шорох пронесется
Средь зеркал, дверей, колонн —
И исчезнет безвозвратно
В темном жутком мраке он.

Голоса давно уж стихли,

Звонких песен не поют,

Не танцуют до рассвета;
«Ты молчи, а то убьют!»

Все — все слуги, точно мыши,
В миг забились кто-куда,
Кто решил спастись бегством —
Тот исчез уж без следа...

Опустел великий замок,
Опустел и городок,
Только трон — он не пустеет,
Вновь сидит на нем, как смог,
Тот, чьё имя не произносят,
Тот, чья адская рука
Лишь в одно мгновение разом
Страну на гибель обрекла.

Он сидит, как Бог, и смотрит
Ярко-красным глазом
И ни один смельчак к нему
Не подошёл ни разу.

Блестит железный, грозный меч
Тихонько в полумраке
И точно верный пёс царю
Клянётся он в отваге.

О, мой король! Сидишь ты здесь,
Сидишь, улыбку скалишь,
И пока ты не падёшь –
С трона ты не встанешь.

Вспомни ты былые годы,
Вспомни ты родных;
На миг ты вспомни молодых
Родителей своих...

А помнишь братьев и сестёр,
И как ты с ними жил?
Ты мне ответь, ну почему
Ты даже не пустил слезу
Когда их вмиг всех-всех унёс
Тот страшный смерти поток слёз?

А был когда-то ты творцом чудесным,
Был когда-то ты прекрасным принцем,
Но каждый раз, смотря на жизнь свою, ты
Видел на любовь скупые лица.

И пламя адское в душе твоей восстало...
И всё сжигая на своём пути,
Оно заставило огнём своим упрямо
Тебя с дороги праведной сойти.

И вот сидишь ты, потупив свой взор,
И невзирая на немое осуждение
Ты без эмоций глядя в ледяной простор
Намерен продолжать тиранское правление.

***

Эта странная история начиналась, наверное, как и миллион историй до неё, но обо всём по порядку.

Не так уж и давно, но и не недавно. В одном далёком — предалеком королевстве жил-был прекрасный молодой принц.

Это был статный, молодой, красивый, умный и заботливый юноша. Одним словом — как всегда это бывает в самых обычных сказках.

И как еще это бывает в самых обычных сказках — многие девушки, и из знати, и из более низких родов были бы, мягко говоря, совершенно не против иметь такого жениха, но сердце юного принца уже навеки было отдано одной единственной — дочери придворного садовника.

Как и её воздыхатель, ничем она особо не отличалась от тысячи таких же избранниц в

сказках, как и она, но именно эта простота и, в свою очередь, великолепие и смогли покорить королевское сердце.

Долго принц добивался любви скромной и стеснительной девушки, не менее долго он добивался благословения этого противоречивого союза от своих родителей. Они, через какое-то время наконец увидев, как беспросветно и страстно влюблено их чадо, наконец согласились.

Не видел свет до того дивного момента столь пышного, счастливого и светлого праздника. От мала до велика, от самого зажиточного толстосума в городе до мелкого мальчишки с дырявыми карманами — все плясали и праздновали без усталости несколько дней свадьбу новоиспеченных наследников престола. И, естественно, всем не терпелось узнать, как же будет протекать правление молодоженов. Будет ли оно светлым и безоблачным, и что вообще ждёт всё королевство и его жителей при нём? Только Внутренний Советник, древний и мудрый дух волшебного камня, подаренный королевской семье много веков назад одним её близким другом, мог дать на это ответ. Каждый новый король, прежде чем занять своё законное место, спрашивал у этого таинственного существа о своей судьбе, и, разумеется, просил совета.

Итак, момент наступил, и вот каким было предсказание: «В светлые годы вашего правления, дети мои, вся страна будет цвести, подобно прекрасному саду в безоблачные весенние дни, будет у вас много детей, много радости, и в ваших владениях никто вспоминать не будет ни горя, ни страданий, ни войн, ни нищеты, ни потерь. Но помните! Жизнь прожить — не мёда испить. Бесконечное счастье — это хорошо, но если не будут в нужный момент ваши глаза чисты, это вам в конце-концов и откликнется. Тень от вашей же беспечности будет расти с каждым днём своего существования, пока в один прекрасный день, словно лесной пожар, не поглотит всё вокруг себя и не уничтожит всю вашу семью. Страшиться вашей страшной судьбы! Избегайте её, пока не поздно!»

Весь народ опешил от такого страшного предсказания, лишь король не согнулся под гнётом страха и с громком возгласом: «Чушь!», отозвал советника обратно в камень.

Как и говорил дух, все со дня коронации зажили в королевстве припеваючи, будто живут они в настоящем Рае на Земле, где нет даже таких понятий как боль, страдания и зло, есть только неиссякаемый свет и уверенность в благодати завтрашнего дня.

И родилось у королевской четы, как и предрекалось, много ребятишек; пятеро невероятно красивых и крепких мальчиков и двое очаровательных девочек. И вот здесь и наступил тот самый переломный момент...

Как не печально и не прискорбно, но, как ни крути, всё безупречно и абсолютно благополучно в таких больших «гнездах» может протекать только в добрых сказках. Как все могли уже догадаться, наша сказка не совсем такая, и в тени всей царской идиллии всё-таки оказался один из детей — предпоследний сын, звали его Бальтазаром, но несмотря на столь звучное имя мало кто замечал мальчика. Он был даже не в тени, ему самому иногда казалось, что он сам был ею.

И как не сложно догадаться, с каждым днём, с каждым часом, с каждой минутой и секундой всё ближе было то роковое мгновение, когда всеми забытый мальчик решил направить свой талант (а он у него был, да ещё какой!) в тёмное русло. Жаль, как же всё-таки жаль, что это происходит так часто...

В один день, когда ничего, вроде-бы, не предвещало никакой беды, трое старших принцев заболели неизвестной болезнью. Находящиеся на грани отчаяния родители звали

самых лучших докторов, знахарей, лекарей, но те лишь разводили руками. А между тем, несчастные принцы увядали на глазах, пока, в конце-концов, не скончались в кошмарных муках.

Всё королевство в один момент погрузилось в глубокий серый траур о невосполнимой утрате. Три принца, три брата, таких красивых, светлых, бодрых и совсем еще молодых юноши в один миг затянула в себя бездонная пучина небытия. Но что? Что могло случиться? Как такое могло вообще произойти? Это никак не могло быть просто случайностью! Просто не могло.

Долго искали хоть какие-то зацепки. Искали, искали... Да так и не нашли, только время зря потратили.

Два месяца со дня трагедии прошло словно в тумане, но вот громоздкие и величественные двери тронного зала резко распахнулись. Некогда огромное и светлое помещение теперь смотрелось тёмным и заброшенным. В воздухе витала какая-то вековая затхлость, всё выглядело забытым и серым. А на троне восседал, словно живой мертвец, убитый горем король. При одном только взгляде на это иссохшее и изнутри, и снаружи существо никто бы не поверил, что еще не так уж и давно это был гордый, величественный и статный мужчина, от которого так и веяло жизненной энергией. За этот короткий срок он будто постарел на несколько десятков лет, и если бы не чуть приподнимающаяся при каждом тяжелом вдохе сгорбленная спина можно было бы вообще подумать, что на троне сидит уже мёртвое тело.

Почти как дряхлое дерево через густые заросли своих голых и острых ветвей глянул король своими бесцветными и безжизненными глазами на пришедшего. Бальтазар казался в общем мраке зала пылающим огнём. Только пылал он как-то не то что неестественно, а даже немного зловеще.

Принц подошел к трону ближе и звонко вскрикнул: «Твои кости уже наверняка устали от этого брэнного и безрадостного правления! Так передай же его мне!». Сухой и безэмоциональный отказ не заставил себя долго ждать.

После этого лицо Бальтазара резко помрачнело, предвещая неистовую бурю.

«Да как до тебя не дойдёт эта простая истина, отец? Всё нормально... Всё просто прекрасно, ведь твой сын наконец-то осознал, что он может сделать всё, что только пожелает, реальным. Он захочет — горы перед ним раздвинутся, захочет — все моря, реки, озёра и океаны высушатся в одно мгновение, захочет — все леса зароятся в землю, и если он захочет, чтобы ты наконец-то умер — ты сдохнешь!»

На рассвете позолоченный венец водрузился на голову нового короля, с ног до головы облитого кровью всей своей семьи, в том числе и отца, чья изуродованная голова покоилась под тяжелым сапогом восседающего на троне и ликующего всей своей душой правителя, а обезглавленное тело тихо лежало посреди тронного зала.

С того самого дня настали в королевстве страшные и тяжелые времена. Не проходило и дня без того, чтобы главная дворцовая площадь не орошалась, точно поле майским дождём, новой кровью и весь город у дворца не сотрясался от ужасающих криков несчастных, кем-либо не угодивших королю. Тела не убирали. Они так и лежали всем людям на обозрение, а черные вороны, заполонившие всю округу, подобно крысам, летали по всей земле, разнося удушливый запах смерти.

Прошла неделя — и им пропитался весь город, прошёл год — и им пропиталось всё королевство, каждый его житель, каждая его душа...

Глава 1. Чудо

Мы бродим в неконченном здании По шатким, дрожащим лесам, В каком-то тупом ожидании, Не веря вечерним часам.

(с) Валерий Брюсов. "В неконченном здании"

В мрачном и практически черном из-за затянувших его от края до края свинцовых туч небе вновь блеснула ослепительная молния, озарив грязные, пропахшие сыростью, гнилью и тухлой рыбой улицы, где сейчас не было ни души. Даже окна в невысоких домах не горели. Да и... Они вообще не горят практически никогда — здесь люди уже давно отвыкли от света. Их серые, злобные души не думают ни о чем, кроме собственной выгоды и того, как бы урвать на местном, не менее вонючем рынке с вечно угрюмыми и хамоватыми торгашами кусок баранины подешевле. Впрочем, на всё всегда есть свои причины.

По городу прокатился грозный раскат грома, от которого задрезжали пыльные стёкла в утыканых по краям тряпками окнах. Он будто бы во всеуслышание свидетельствовал о воцарении буйной водной стихии, намеревавшейся уж на этот раз смыть весь этот жалкий городишко прямо в располагающуюся в нем загнанную в каменные стены реку, под названием «Сдохшая чайка». Изначально ли она носила такое название, или же оно пришло с наступлением тяжелых времен во всём королевстве — уже мало кто помнил.

Капли дождя градом ледяных стрел летели на черепичные крыши и каменную мостовую, стекали в общую «реку» и бежали себе дальше по холодному и темному городу. Так же беспощадно они кололи и уже раскрасневшиеся от холода ноги того несчастного, что сейчас сидел, словно маленькая неведомая зверюшка, около огромных деревянных дверей таверны, где он работал. Нет, он не просто сидел, он съежился так сильно, будто хотел пропасть отсюда вообще.

И в таверне этой проклятой он и не работал вовсе, а принудительно служил. Он — раб.

Из круглосуточной забегаловки для разного рода пьяниц, коих в этом душном поселении развелось более чем достаточно, как всегда доносился пьяный гогот, звук разбивающихся в дребезги стаканов, которые, разумеется, маленькому прислуге позже придется убирать вместе со своими товарищами по несчастью, и песни с приличным количеством сквернословия. Вот раздался особенно сильный грохот. Судя по всему, это перевернулся стол, и всё то, что стояло на нём, посыпалось на многострадальный пол, на котором, за всё его существование в качестве деревянной подстилки под ноги посетителей, что только не побывало... Слушая всё это, маленький раб лишь горько вздыхал.

Что же он из себя представлял? Да практически ничего. У него, за всю его одиннадцатилетнюю жизнь, полную побоев и проведенную в непосредственном статусе «живой мебели», не приобрелось даже своего имени. А зачем оно ему? Зачем имя забитому и ничтожному существу, которое и человеком-то назвать нельзя?

Темные, грязные и спутавшиеся волосы скрыли под собой всю голову мальчика, из-за чего она напоминала разросшийся куст. Бледные руки и ноги были покрыты плотным слоем уже давно не заживающих синяков, ссадин и ран. Мальчик уже не чувствовал никаких ударов, пинков или чего-то подобного. Боль он чувствовал во всём теле и абсолютно всегда. Чувствовать её для него уже было столь же естественно, как, наверное, чувствовать твёрдую

землю под ногами. Из одежды на нём была лишь рванная и вонючая тряпка, обмотанная вокруг торса, и выцветшие штаны, которые несколько недель назад хозяин подарил своему сынишке и тот их благополучно порвал, после чего эти самые штаны были отданы на растерзание рабам. Не пропадать же хорошим вещам, как никак! Хотя, если так подумать, это самая обыкновенная доля обыкновенного раба — доедать объедки за своими хозяевами, и совсем неважно какие. А хозяин тем временем получает высочайшее моральное наслаждение, наблюдая за этой кучкой одичалых людей, которые готовы отдать абсолютно всё за мало-мальски приличную вещь.

Он имеет над ними полный моральный контроль, именно поэтому точно такие же несчастные, как и этот мальчик, которые не успели даже на годик или месяц своей никчемной жизни познать, что такое настоящее счастье и воля, не пытаются бежать или покончить со всем этим раз и навсегда... Бритвой по венам.

Казалось бы — какое дело до хозяина мёртвому человеку? Это мысли самодостаточной личности, воля же этих бедных детей была растоптана в лепёшку. Они никогда не смели перечить, потому что ты не имеешь никакого права сделать что-то без позволения хозяина, даже умереть. Только он может забрать у тебя жизнь.

И вот: на улице ливень. Холодно, страшно, и лишь одна живая душа сидит сейчас под ледяными каплями и думает. О чём — знает лишь он сам.

Как вдруг послышался громкий скрежет и громадная дубовая дверь отворилась и шаркнула об массивную стенку дома. Из дверного проёма, словно из портала в какой-то совершенно иной мир, повеяло столь желанными теплом и светом. Стоило первому совсем немного охватить маленького раба — как он тут же вздрогнул всем телом.

На пороге стоял воистину огромный мужик с серой квадратной рожей, до предела заросшей густой бородой, большущими волосатыми ручищами, больше напоминавшими кувалды, и в насквозь пропахшей алкоголем одежде. Рядом с этой детиной съёжившийся еще сильнее прислуга казался маленьким, худощавым котёнком.

— Сидишь? — Послышался грубый и низкий голос. Сомнений не оставалось никаких — хозяин опять набрался...

— С-с-сиж... С-с-сиж-ж-жу... — Дрожащим толи от страха, толи от холода голосом пролепетал раб своему владельцу.

— Вот и хорошо, что сидишь.

Мужчина звучно икнул и, посмотрев несколько секунд красными глазами в обрамлении синих кругов куда-то в пустоту, продолжил:

— Иди, разговорчик есть.

Мальчик послушно поднялся и проследовал за хозяином в глубь помещения.

Миновав главный зал, где, как и ожидалось, царил настоящий погром, двое спустились в кабинет хозяина. По правде говоря, это не кабинет был вовсе, а всего-то переделанная подсобка. Ничего необычного, многим людям, владеющим столь «прекрасными» заведениями и имеющим при себе штук десять-пятнадцать рабов, хочется чувствовать себя хоть немного, но элитой.

Старая и почти насквозь проеденная термитами дверь с еще более жутким скрипом, чем входная, отворилась, и мужчина со своим прислужником вошли внутрь сырой, источающей смрад дешёвой выпивки, грязных носков и разлагающихся крыс коморку.

— Ну, и что же мне с тобой делать? — Прокряхтел мужчина, усаживаясь за стол. Хлипкий и ободранный со всех сторон стул жалобно скрипнул под весом этой здоровенной

тушки, но вынес. Вновь.

— Ну чего? Чего ты на меня так смотришь, шавка ты небритая? Почему снова заказ не вовремя? — Раб молчал, опустив лохматую и засаленную голову. — Чего молчишь?! Отвечай!

Огромный кулак рухнул на стол.

— П-Понимаете... — Наконец залепетал мальчик. Он сегодня толком-то ничего и не поел, ровно как и вчера, так что сознание с трудом теплилось в его теле. — У нас закончилась семга, а сейчас кошмарный дефицит... Я еле как нашел её на рынке, поэтому...

— А заранее проверить её наличие — не судьба?! — Мальчик лишь шмыгнул носом. Хозяин, раздраженно выдохнув, откинулся на спинку стула.

— Достал ты меня. — Почёсывая щетину начал гигант. — Реально достал. Всё! Решено! Завтра же веди тебя на рынок и там продаю. Надеюсь, хоть от выручки за тебя будет какая-то польза...

Мальчик лишь вздохнул. Ну вот. Уже завтра он сменит своего пятого хозяина. В большей степени ему не было до этого никакого дела, ведь в большинстве своём абсолютно все рабовладельцы одинаковые, но вот только после каждой такой смены на душе оставалось вязкое чувство собственной вины. Хотя, за что ему там стыдиться? За недосып? За голод? За изможденное побоями и вышеперечисленным слабое тело? Вряд ли... А вообще, мальчик мог с полной уверенностью назвать себя стойким парнем и везунчиком, поскольку многие такие же дети-рабы не доживали даже до семи из-за всего этого, не то что до одиннадцати... Но сам маленький раб отчетливо чувствовал — грядет тот день, та секунда, когда изможденное сердечко не вынесет и остановится. Тихо, мирно и без боли...

***

— Мама! Мамочка, смотри!!!

Из полудрёмы на влажной соломе мальчика вырвал крик одного из сынишек Мары — еще одной рабыни, проживающей вместе со всеми другими подневольными на небольшом чердаке с плесенью в каждом углу, затхлым запахом и большими кучами гнилых тряпок и сена, которые служат всем подневольными, трудившимся в таверне, местом для сна или же, на худой конец — едой.

— Мама!!! Ты только погляди!!! — Всё не унимался мальчонка, указывая маленьким пальчиком сквозь прутья решетки. — Это же «Наследие»!!! Посмотри! «Наследие»!

Малыш продолжал радостно кричать и прыгать, привлекая внимание матери и братьев, чем вызывал негодование у остальных жителей чердака. Лишь лохматый раб молча глядел на картину, хорошо видную даже сквозь железные прутья. Там, вдалеке, на синем ночном небе, которое уже успело освободиться от объятий грозных туч, виднелась малюсенькая белая точка. Это корабль. Небесный корабль «Наследие».

И вот уже маленькая стайка ребятишек сбежалась к окошку и как один радостно кричали и тянули свои грязные и исцарапанные ручки к этому недостижимому отголоску света и тепла. К этому далекому, но знакомому каждому чистому и верящему в светлое и доброе будущее сердцу, а мать просто металась между ними и тщетно пыталась успокоить.

А ведь и маленький раб был когда-то таким. Когда-то и он тоже верил этому кораблю, верил этому теплу, излучаемому далекой машиной. Но с возрастом надежда стала угасать. Да и не только в возрасте дело.

Почти все подчинённые второго хозяина маленького раба были так называемые «матросики». Так называли людей, которых, если можно так сказать, «завербовали» люди, имеющие какое-то отношение к «Наследию». Вербовка заключалась в том, что рабам старательно заливали в уши про то, что «Наследие» и жители... «Откуда-то там» готовят планы по государственному перевороту, который повлечёт за собой свержение с трона тирана, освобождение людей и в общем-то просто распрекрасную жизнь. По крайней мере, именно так им всё рассказывала однорукая подневольная маленькому рабу и ещё целому выводку ребятишек, которые слушали это, раскрыв рты. После таких рассказов уже лежавшая на соломенных подстилках ночью малышня частенько начинала шёпотом переговариваться и делиться мыслями о том, какой они себе представляют эту «распрекрасную жизнь», пока какой-нибудь лежавший тут же мужик не говорил «мелким засранцам» заткнуться и спать. Кто-то мечтал об целой куче еды, кто-то о большом доме, кто-то о таком же платьи, как и у хозяйской дочери. Маленький раб тоже о чём-то мечтал, но осознание того, что этим мечтам не суждено сбыться, пришло очень скоро.

Восстание. Рабы нескольких привилегированных домов объединились и подняли бунт. Маленький раб не видел его, так как сидел со всеми остальными детьми в подвале, но он плясал, прыгал и кричал, как дикий человек в каком-то жутком ритуальном танце, со всей остальной ребятнёй, предвкушая тот долгожданный миг, когда единственный наблюдатель того, что происходит снаружи, — застывший на высокой бочке и глядящий в зарешёченное окно под самым потолком мальчик — крикнет, что они победили. Что вот, вот! Настала та самая вожделенная жизнь. Но всю радость оборвал послышавшиеся с улицы крики и взрывы. Их товарищ наблюдатель медленно повернулся к остальным. На его лице были капли крови. Взгляд остекленел и смотрел в никуда. Он так и не оправился.

Восстание было потоплено в крови. В прочем, как потом узнал маленький раб, абсолютно все подобные мероприятия ждала подобная участь. Но не все согласились с этим мириться. Маленький раб стал свидетелем того, как один из выживших в восстании рабов ещё неделю с тех роковых событий смотрел на хозяина, как голодный пёс на желанную и оттого ненавистную добычу, как в один момент он кинулся на хозяина с ножом и как в следующее мгновение прогремел уже знакомый взрыв. Голова раба взорвалась. Просто взорвалась... по велению железной палки... И забрызгала всё вокруг мозгами... После этого и вплоть до того дня, когда мальчика продали его третьему владельцу, в кабинете у хозяина ужасно воняло горелым мясом.

Тогда-то маленький раб и задумался: как вообще тот, кто способен делать такие штуки может быть человеком? «Дьявол, который сидит на троне» способен изготавливать палки, которые взрывают головы людей, стоит только направить их на жертву. Почему он не сумеет в один момент изготовить штуку, которая взорвёт по одному его желанию разом вообще всех непокорных? Имеют ли тогда бунты против такого существа вообще какой-то смысл?

Это было давно. Со временем исчезли всяческие детские мечтания, вера, огонь в глазах... Осталась лишь тьма и неизвестность. Единственные составляющие жизни мальчика. Но он не жаловался. Он уже просто смирился...

На рассвете, как и ожидалось, хозяин повёл своего раба на рынок. Шагая по сырým и пропахшим гнилью каменным мостовым, и мысленно сетуя на то, что веревка сильно жмёт руки, мальчик то и дело глядел по сторонам. В сером небе изредка подавали клик не совсем здорового вида чайки, по улицам бегали грязные и худющие бездомные коты и собаки, а откровенно обнаглевших крыс, которые уже совершенно не боялись выбегать на всеобщее

обозрение, было столько, что и не сосчитать. И да, люди. Отовсюду смотрели серые и угрюмые лица прохожих. Все они молчали. Иной раз даже казалось, что это каменные статуи сошли со своих холодных пьедесталов и теперь гуляют по улицам.

И тут — гомон, рокот, приглашённые возгласы, возня. Мальчик уже заранее знал, что надвигается к ним. В другой ситуации он бы тут же кинулся искать какой-нибудь дальний, не заметный угол, в который через несколько мгновений заполнит как можно меньше народу. Однако сейчас, когда руки его связаны, ему, смотря то вверх, на хозяина, то вперёд, на рассасывавшуюся толпу людей, пришлось выждать невероятно несколько невероятно долгих мгновений, пока его владелец сообразит и кинет я в сторону, волоча за собой еле успевавшего перебирать ногами-спичками раба.

Впервые в жизни мальчик оказался не за спасительной стеной из чужих ног, а почти в самом мёртвом ряду, благодаря чему мог во всех подробностях разглядеть то, что через несколько мгновений выплыло из утреннего тумана, сверка приросшими к металлическому носу круглыми глазищами. Как они, наверное, страшно выглядят ночью; не раз и не два маленький раб просыпался посреди ночи от нечеловеческого вопля "КАРАУЛ!!! Дьявол!!! БОЖЕ, ПОМОГИ!!!", за которым следовала звучащая прямо сейчас во всех красках адская симфония из пыхтения изрыгающих в воздух чёрный дым медных труб, лязга блестящих сотнями мелких зубов шестерней, и грохота катящихся по нервной мостовой колёс ехавшей самой по себе кареты.

Мальчик съёжился. Он почти не дышал. Впереди стоящие люди в прилипших к домам шеренгах невольно попятнулись назад, угрожая затоптать тех, кто сзади.

Адское наваждение сгинуло. Спустя несколько секунд карета удалась.

Проводив её взглядом и выждав некоторое время, толпа синхронно выдохнула и привычное движение начало возвращаться на мостовую. Разве что несколько женщин, потряхивая узел головного платка, ещё немного поохали, мол, Боже! Неужели и до нас эта напасть из столицы доберётся? Неужели и у нас черти гнёзда свои совьют?

Да, мальчику уже довелось слышать краем уха эти леденящие кровь рассказы о том, как по столице по улицам разъезжают целые десятки и сотни таких вот карет, в брюхе которых сидят продавшие "дьяволу, который сидит у нас на троне" (это обычно говорилось шёпотом) еретики, помогающие ему строить гигантских размеров плавильни с высоченными башнями, упирающимися в облака и из которых валит чёрный дым, который и не дым вовсе, а души неверных людей или переставших быть полезными еретиков, тела которых используются вместо угля, а дух через башни отправляется в Ад. А в Аду их уже поджидают и самоездящие кареты, и стреляющий палки, и огромные чудища, ездящие по железным тропам — в общем, все те монстры, которыми одаривал Дьявол еретиков в обмен на их благосклонность.

— Пошли. — Буркнул хозяин и дёрнул за верёвку с такой силой, что мальчик чуть не упал.

Они двинулись дальше

Вот уже появились первые рыбные ларьки. Приближается река «Сдохшая чайка».

— Вот дойдем и отдам тебя за любые копейки первому встречному хмырю. — Пробурчал хозяин.

Как вдруг сверху послышался громкий треск, за ним последовал истошный крик «ПОБЕРЕГИСЬ!!!» и прежде чем кто-то что-то смог понять нечто рухнуло вниз. Раздался грохот, завопили лошади, поднялась пыль, заохали прохожие.

Маленький раб начал растерянно оглядываться по сторонам, сжав худые кулачки и

прижав их к груди. Как только пыль немного улеглась, перед мальчиком и не менее недоумевающими прохожими предстал придавленный к мостовой огромным каменным карнизом хозяин. Мужчина был жив, но явно оглоушен. Он просто лежал и, что-то невнятно бубня с раскрытыми до предела глазами, раскрывал и закрывал свою огромную пасть, точно рыба.

И тут произошло чудо. Самое настоящее чудо. Чудо, которое воистину можно объяснить лишь божьим вмешательством. Ошарашенный резким приливом адреналина детский разум вдруг стал думать. Столько эмоций разом накрыли его, что у него аж перехватило дыхание. Накрыли, и начали тянуть куда-то, сами не зная куда, точно бешенный порыв ветра. Недоуменные взгляды прохожих со стороны, всё еще витавшая вокруг полупрозрачными облачками пыль, бессознательный взгляд хозяина подействовал на маленького раба так, как обычно действует вода на погруженный в нее резиновый мячик. Сердце забилося, ноги стали невесомыми, в горле встал ком. «Беги! Беги! Беги!» — орал внутри истощенного тела внутренний голос.

Не помня себя, мальчик за мгновение оказался около зубчатого забора, обрамлявшего каменные стены "Сдохшей чайки", поддел верёвку острым штыком, одним рывком разорвал её, — благо, она была уже гнилой, — и понесся куда глаза глядят не видя ничего на своём пути, а уже донёсшийся до ушей дикий рёв «СТОЙ!!!» лишь подлил масла в огонь.

Маленький раб без труда перепрыгивал через бочки и повозки, огибал прохожих, он бежал настолько быстро, что его бы сейчас не обогнал ни один человек, ни одна собака, ни одна лошадь.

И тут — тупик. Бежать просто некуда. Лишь когда мальчик резко затормозил и начал оглядываться по сторонам, в поисках спасения. Наконец пришли запоздалые тяжесть в ногах и колкое чувство под языком и в груди. Но как только мальчик завидел сшибающего всё на своём пути и покрытого каменной крошкой огромного мужика с горящими неопишваемым гневом глазами, инстинкты вновь завладели его разумом. И тут он понял — забор. Забор!!!

Одним ловким прыжком преодолев железную преграду, парень скатился по пологому каменному берегу и... Плюхнулся в воду.

Холодная и грязная вода глубокой реки приняла тело бывшего раба остро и не дружелюбно. Ноги задубели от холода, но мальчик всё-таки смог по-собачьи доплыть до близлежащего деревянного обломка, мирно плывущего по стремительному течению старой ворчуньи "Чайки", и зацепиться за него. Только тогда мальчик смог наконец-то спокойно выдохнуть и оглянуться, чтобы увидеть застрявшего на заборе и бранящего весь белый свет красного от гнева хозяина. Мальчик не вынес и расхохотался, наблюдая за брыкающимся на хлипкой железной ограде мужиком, который с каждой секундой всё отдалялся и отдалялся.

Но на этом трудности не закончились. Нет. Они еще только начинались.

Вот уже показалась граница города, и как только мальчика вынесло за неё — и без всего этого достаточно быстрые воды Чайки просто взбесились.

Бывшего раба кидало из стороны в сторону, то резко выбрасывая вверх, то вновь погружая под воду. Мальчик то и дело ударялся обо все препятствия на своём пути: камни, берега, ветки, корни и всё в этом роде. Но он не отпускал того деревянного обломка. Он был как единственное спасение. Казалось, что если маленький раб его отпустит — он тотчас же погибнет безо всяких причин.

Так прошла, как казалось, целая вечность, прежде чем он обессиленно повис на

разнесчастном обломке, закрыв глаза и не чувствуя ни одной клетки своего тела. Есть течение или нет — это уже не волновало. Он устал. Просто невыносимо устал. Медленно, но верно полудрёма начала «пеленать» голову мальчика и погружать его в ласковые объятия сна. Он не сопротивлялся. Если это конец — он его примет. В конце концов, чем это всё ещё могло закончиться?

Через некоторое время он вдруг почувствовал, что поднимается куда-то.

"Ну, всё" — Подумал мальчик. — "Конец...".

Однако, стоило только этой наиболее складной и чёткой мысли промелькнуть в мутной пелене сознания раба — как полудрёма уже через мгновение улетучилась, точно напуганная птица. Тут же пришло ощущение того, что всё вокруг какое-то склизкое и шевелящееся, в нос ударил до боли знакомый запах. Рыба. Он в рыболовной сети.

Мальчик перепугано раскрыл глаза и через мокрые пряди начал машинально рассматривать окружающую обстановку, но стоило ему это сделать, как крик комом встал в горле.

Он в сети, вокруг дрожит задыхающаяся рыба и всё это как минимум в пятидесяти метрах над землёй в тускло-голубом небе.

Как только полный дребезжавшей и испускающей из себя последние остатки жизни скользкой добычи верёвочный капкан оказалась вплотную к палубе без всякого преувеличения огромного корабля — четыре крепкие руки схватили сеть и вывалили всё её содержимое наружу, в том числе и бедного, мокрого мальчика.

— Эй, ты только глянь! Это ещё что? — Послышался вдруг грубый, басистый голос.

— Да-э, не знаю... — Послышался второй, не менее внушительный. — Мож, рыба какая, экзотическая?

— Да сами вы рыбы! — Раздался третий-Это рыбё... Тфу-ты! То есть, ребёнок! — В этот же момент мальчик поднял лохматую голову и огляделся. Вокруг него уже успели столпиться глазевшие и шушукавшиеся со всех сторон матросы. Маленький раб съёжился, всё ещё прижимая к себе заплесневелый обломок, не зная, что делать.

— Так! Что за шум, а драки нет?! — Раздался вдруг откуда-то со стороны громкий и грубый возглас, парень даже не сразу уловил в нём что-то...женское.

Толпа немного стихла и расступилась. Неподалёку стояла высокая, стройная девушка и косо глядела всеобщее столпотворение.

— Ну? Чего вылупились? Что происходит?! — Послышался всё тот же громкий и уверенный голос из ярко-красных губ на пылающем золотистым загаром лице.

— Да вот! — Тут же отозвались моряки.

— Ты ток глянь, что выловили!

Девушка начала приближаться к любопытному улову, при этом высоко поднимая длинные ноги и гремя высоченными и кое-где прохудившимися сапогами, как солдат. При этом руки с коротко подстриженными ногтями и увешанные всевозможными браслетами были всё ещё впёрты в бока крепкого тела, а взгляд пронзительных сине-зеленых глаз всё ещё был направлен на мальчика, отчего последнему было немного не по себе.

Наконец, дошагав до незваного гостя, морячка еще раз осмотрела парня со всех сторон и подняла его за шкурку на ноги, как котёнка. Это не было особенно удивительно, учитывая недельный рацион мальчика и его постоянные физические нагрузки.

Осмотрев парня, девушка вздохнула.

— Ну, ребята, сегодня мы с мясными блюдами разойдёмся! Худоват, конечно, но кок наш — просто волшебник! Он эту мелочь мигом компенсирует! — В этот момент мальчик пискнул, точно щенок, которому заживо отрезают хвост, что вызвало бурную реакцию у наблюдавших. Мужчины расхохотались, уже начиная тихо подшучивать над не на шутку перепуганным мальчишкой.

— Да не бойсь! — Махнула рукой девушка. — Шучу я! Не съедим мы тебя! — После этого она вновь приняла деловой вид.

— Так, откуда ты такой?

— Й-Я из Рублина, мисс. Близ реки Сдохшая чайка.

— Сдохшая чайка?! — Девушка вытаращила глаза и, глядя куда-то вдаль, присвистнула. — Ну, парень, сама госпожа удача тебе сопутствовала. — Морячка вновь устала на мальчика. — Ты раб что-ли?

— Д-Да.

— Сбежал или утопить пытались?

— С-Сб-беж-жал... — Предательски дрожащим голосом проговорил мальчик. — Девушка вновь усмехнулась, обнажив ряд идеально ровных и белых зубов.

— Вот везунчик! Ладно, перейдём к главному. Руки из того места растут?

— Д-Да. — Мальчик чуть оживился.

— Какие способности?

— Ну... Хорошо готовлю, тщательно убираюсь...

— Во! — Девушка ударила мальчика по спине (ладонь у неё была, признаться честно, как деревянная доска) и, взяв за плечо, повела куда-то.

— Приведем тебя в порядок, выделим место, и я вас поздравляю, ребята! У нас наконец-то юнга появился!

— Эй! Искур! Ты погоди еще с юнгой-то! — Послышался из-за спины грозный оклик, что заставило мальчика вновь напрячься. Девушка вздохнула и обернулась.

— А тебя что-то не устраивает?

— Ну, как бы у нас еще на борту есть капитан и его праве решать, оставить нам этого оборванца или вышвырнуть за борт, к чёртовой бабушке!

— Во-первых, не будем отвлекать нашего кэпа от штурвала, во-вторых, я его правая рука, и мне тоже дозволены такие действия, да и... — Морячка в который раз посмотрела на мальчика и добродушно потрепала его по темной голове. — Вы думаете, что на вас, сорок здоровенных обжор, легко одному приготовить завтрак, обед и ужин? Во-во! Так что, не расстраиваете нашего старину Дулбо и не лишайте его двух подручных рук. А теперь — за работу! Я скоро присоединюсь! Пошли, пацан. И да, выкини ты уже эту деревяшку, зачем она тебе? — После этого девушка вновь повела маленького бывшего раба в неизвестном направлении, а матросы тем временем уже занимали свои позиции и продолжали делать свои дела так, как будто ничего не произошло.

Девушка и её маленький спутник прошли во вторую половину корабля и вошли в широкую деревянную дверь в корме. Внутри оказалось довольно холодно, слышался гул и немного неприятно пахло. «Это двигатель.»-тут же сообразил мальчик.

— Ступай осторожно, лестница тут достаточно крутая. — Послышался из темноты голос сопровождающей парня. Последний сделал несколько шагов и впрямь чуть не упал вниз. Как только глаза привыкли к темноте и мальчик смог разглядеть ступеньки — он

начал осторожно спускаться, а морячка следовала прямо за ним.

Внутри корабля оказался раза в три больше, чем снаружи. До того момента, как они добрались до нужного этажа, новоиспечённый юнга успел насчитать их в общей сложности шпук восемь, и еще несколько осталось внизу.

На нужном этаже оказалось что-то вроде бани. Пахло там, как и подобает, мылом, травами, и пропитавшимся жаром деревом.

— Итак, — начала свой инструктаж девушка. — Вот тебе ведро, вон там кран, только смотри, всю воду не израсходуй, вот тебе мыло, вон там лежат ножницы и расческа, приведешь в порядок свою... — Морячка поводила рукой около головы.-...гриву. — После этого она прошла к двери и крикнула на прощание:

— Как только приведешь себя в подобающее состояние — найдешь меня! — Дверь захлопнулась.

Еще немного постояв в тишине, мальчик принялся за дело.

Сначала он хорошенечко себя отмыл, как и обещалось — с водой он обращался крайне экономно. Вообще, для простого безродного мальчишки пользоваться водогреем в плане личной гигиены — настоящая роскошь, но как бы не хотелось еще немного насладиться этим непривычным, но поистине блаженным ощущением, мальчик был вынужден это всё прекратить и заняться волосами.

И дураку было понятно, что расчесывать многолетние дебри будет просто бесполезно, так что парень сначала взялся на ножницы, благо, у двух его прошлых хозяев было достаточно большое имение, где бывший раб частенько подстригал кусты, так что какой-никакой, но опыт у него в этом деле был.

И вот, наконец, после полуторачасовой работы, мальчик осмотрел результат; тело чисто, как никогда раньше, волосы больше не жирны, не лезут в рот и нос и совсем не пахнут, да и самому парнишке вдруг стало необычайно легко и хорошо, будто с него наконец содрали какой-то многовековой каменный слой.

После этого, одевшись, мальчик пошел, так сказать, «сдавать» результат своих упорных стараний.

— Ну вот! — Воскликнула девушка, лишь завидев посвежевшего юнгу. — Вот, совсем другой разговор! Только одежду надо будет сменить... И да, пацан, ты почему чёлку не отстриг? Тебе же без неё легче будет!

— Это не так, мисс. — Мальчик покачал головой. — Я уже привык к ней. С ней мне и удобнее, и спокойнее.

— Ну-С, на вкус и цвет — товарищей нет! — Пожала плечами морячка. — И да, хватит называть меня «мисс», терпеть не могу этих официальностей, зови меня просто Искури, идёт? — На смугловатом лице мальчика возникла улыбка и он кивнул. — А тебя самого как звать?

— У меня нет имени. — Сразу поник юнга.

— Как это?

— Я же раб! Зачем мне оно?

Девушка задумалась. Мужских имён она знала предостаточно, но это процесс тонкий, ведь она даёт какому-то живому существу имя на всю жизнь. Так продолжалось еще в течении минуты, прежде чем в голове Искури, совершенно случайно, промелькнула посторонняя мысль: «Блин, как только приедем — надо будет зажигалку новую купить, ну, или огниво на худой конец...»

— Точно! — Искури крикнула так, что близстоящие матросы аж вздрогнули от неожиданности.

Девушка величественно положила руку на голову мальчика и торжественно объявила:

— Агний. С этого самого дня и навсегда, ты — Агний.

Глава 2. Прибытие к городу

К вечеру в столовой традиционно раздавались песни, звон посуды и кружек, рассказывалось множество историй.

Новоиспеченному «Агнию» было немного непривычно после его серого и холодного городка оказаться в столь шумном и живом месте, но новые обязанности, возложенные на него, не давали особо сильно сконцентрироваться на этом.

Признаться честно, местному коку пришлось очень даже по душе трудолюбие нового члена их команды и его отточенные кулинарные способности, да и самому Агнию было несказанно приятно слышать долгожданные слова поощрения в свой адрес вместо привычного: «Работать, маленькая дрянь!», и данный фактор только лишь прибавлял желания продолжать в том же духе.

Безмятежную тишину, царившую на мостике, нарушал лишь слышимый через железные стены крик и гогот всей остальной части команды, в то время как вышеставленные, в том числе и стоявшая в тот момент у штурвала Искури, сейчас безмолвно глядели на проплывающие мимо судна невесомые облака на серо-синем вечернем небе. От этого зрелища душа наполнялась покоем и даже каким-то уютom, и если бы не каждую секунду дававшее о себе знать в сознании каждого из матросов напоминание о том, что они находятся на вражеской территории и прямо сейчас там, под ними, страдают и умирают с голоду ни в чем не повинные люди, это состояние полной эйфории способно было бы завладеть абсолютно всем разумом.

Как вдруг привычный звуковой фон прервала музыка. Это были звуки пианино.

Весь корабль, как по команде, затих, осталась только эта музыка. Но она была будто бы вовсе и не от мира сего... Нет, по звукам было совершенно понятно, что их издает пианино, а за пианином сидит человек, но всё-таки была она совершенно необыкновенная. Мирные, мелодичные и идеально сложенные мелодии, казалось, доносились откуда-то извне, настолько не хотела уживаться в голове мысль, что её сочинил обычный земной человеческий разум, и играют её совершенно обычные руки на вполне обыденном и простом музыкальном инструменте...

— Что это? — Еле слышно прошептал замороженный Агний, боясь спугнуть это трепетное мгновение, словно пугливую птичку.

— Это наш капитан. — Как-то даже немного грустно ответил мужчина, не отрываясь от работы, видимо, слушателем этого «концерта» он становился уже не в первый раз и это стало для него некой ежедневной обыденностью.

— Ка-Капитан? — Еще раз переспросил мальчик.

— Опять играет... — Тяжело вздохнула Искури, покосившись на железную стену позади нее.

— Муки творческой души! — Усмехнулся боцман. Ничего не ответив, девушка вновь приняла исходное положение, только теперь смотрела она не вперед, а на свои обмотанные уже давно пожелтевшими бинтами ладони, увешанные всевозможными перстнями, кольцами и цепочками, каждый из которых был как заветное воспоминание о чем-то, как-бы размышляя.

Примерно через пол минуты таких безмолвных размышлений, под все никак не прекращавшуюся, а совсем наоборот, только набирающую «обороты» и темп музыку, Искури

попросила одного из присутствующих подменить её, а сама она отправилась по темному коридору напрямик в сердце этого могучего судна.

— Да, капитан. — Равнодушно ответил кок, прямо из ковша попробовав содержимое стоявшей на плите кастрюли. — Он мужчина хоть и технического склада ума, но он у нас личность ой какая лирическая! Сидит в своей темной берлоге целые сутки, ни носу оттуда, и только под конец дня от него раздаётся хоть какая-то весточка. Ты её, кстати, сейчас и слушаешь.

Агний улыбнулся.

— Красиво он играет!

— Да ладно! — Махнул рукой мужчина. — Страшная это вещь — искусство. В такие крайности может человека завести — хоть святых выносите! Нет, чтоб свой единственный выходной на что-то путное потратить — надо обязательно в очередной раз стереть пальцы к чертям собачим об эти проклятые клавиши. Ужас, да и только!

...И вот она — заветная дверь, больше похожая на портал в какую-то совершенно иную, отрезанную от мира, времени и пространства реальность, отголоски которой сейчас эхом разносятся по всему кораблю. Девушка в очередной раз вздохнула. Хоть она это делала уже не в первый раз, но каждый раз ощущение, что она без спросу вторгается в какой-то скрытый от посторонних глаз, но крайне важный процесс. Она становилась прямо посреди течения бурной реки, тем самым создавая непреодолимое препятствие яростным, но столь хрупким порывам чьей-то души. Она нарушала так тщательно создаваемую порывом вдохновения ауру, скрытую за этой совершенно обычной деревянной дверью.

Но всё-таки, собрав волю в кулак, Искури достала в очередной раз уже до боли знакомый ключ из кармана жилета, повернула его несколько раз в замочной скважине и как можно тише оттолкнула дверь от себя.

Музыка вырвалась наружу подобно цунами. Морячка сделала несколько шагов и остановилась посреди объятый полумраком каюты. Вот он! Вот он — царь этой непреступной вселенной, сидит на своём деревянном «троне» с облупившейся краской на резной спинке и, практически не дыша, творит.

Для него сейчас не существует ничего на свете, на этого корабля, ни каюты, ни Искури позади него, ни стула, ни пота на лице, ни боли в пальцах, ни даже пианино как какого-то материального и осмысляемого простым разумом предмета; есть только он и музыка, которую он с каждой секундой всё более яростно извергает из себя через пальцы напрямик на эту черно-белую палитру столь одновременно и прекрасного, но столь ограниченного инструмента. А ведь когда-то сам капитан его и собрал...

С каждой секундой ритм набирал темп, с каждой секундой надежда хотя бы сегодня добиться того самого желаемого результата все стремительнее и стремительнее улетучивалась от полностью оторвавшегося от реальности капитана, с каждой секундой Искури всё сильнее и сильнее начинала ощущать, как на неё давят стены...

Всё быстрее, быстрее, быстрее, быстрее, быстрее...! И руки мужчины застыли в воздухе. Вокруг воцарилась такая тишина, что, казалось, весь мир в одно мгновение застыл с руками безутешного творца; но уже через секунду пальцы резко рухнули на клавиши и истощенный инструмент издал финальный звук: протяжный, грозный, страшный...

Крышка рухнула на клавиши, со стороны послышался приглушенный треск и через несколько секунд еще одна неудавшаяся композиция отправилась к бесчисленному количеству таких же напрямик из печатного станка, встроенного в пианино, в специальный

отсек под ним.

Истертые в прах руки облокотились на деревянную крышку и подперли налившуюся свинцом голову с растрепавшимися темными дрэдами, часть из которых была собрана сзади в тугий хвост. Только после этого Искури позволила себе приблизиться к безутешному творцу.

— И опять он себя терзает... — С легкой ноткой укора в голосе выдохнула девушка, развалившись на стоявшей неподалеку табуретке. — Мож', уже успокоишься?

— Эта чертова симфония... — Делая нажим на каждый слог простонал капитан.

— Да отличная у тебя музыка выходит, зуб тебе даю! — Девушка по-дружески ударила мужчину по спине. — Что ты там такого плохого видишь — я не знаю!

— Есть еще много недостатков! — Капитан откинулся на спинку кресла и, сложив крепкие руки, спрятанные под толстыми рукавами добротного багрового кафтана, прикрыл уставшие глаза. — Но тебе они не видны... То есть, не слышны. Ты же не музыкант!

Искури лишь фыркнула.

— Сударь, а корона с вашей головы не съедет часом? — В ответ на темном лице мужчины промелькнула лишь слабая улыбка, которая чем-то отдаленно напоминала сумевшую лишь на мгновение вырваться из плотной толщи воды маленькую рыбку — только показалась, блеснула серебристыми чешуйками и её уже и след простыл!

— Слушай... — Девушка начала перебирать пальцами на крышке инструмента. — У меня тут к тебе дело одно есть. — Капитан приоткрыл темно-синие глаза, намекая на то, что готов слушать.

— Так вот, — прокашлявшись начала Искури-Рыбачили, значит, сегодня наши парни. Вытащили после пятого заброса сеть — а там кроме рыбы оказался. Нет, дорогой мой друг, не клад и не морское чудище, а самого обыкновенного мальчика. Да-да, экология у нас уже до такой степени скатилась, что рыбы уже в детей стали превращаться! Ладно, шучу. Как я поняла, он — раб. Сбежал, когда его вели на рынок для продажи. Сиганул в реку и прямо по ней добрался до водоёма, где мы его, собственно, и выловили.

— Ну, и что?

— Что, что? Ничего. Не выбрасывать же мне его тогда со ста пятидесятиметровой высоты! Я моряк, но не живодёр! В общем, отвела я его к нашему повару. Тот, к слову, пополнением более чем доволен. Работает парень быстро и качественно.

— Это хорошо, это хорошо... — Капитан вновь закрыл глаза и на пол минуты погрузился в мрачные думы. — Только... Ты ведь помнишь про договор?

— Какой еще дого..? А-а-а, ты про этот! — Чуть ли не смеясь воскликнула Искури. — Орландо, ты серьёзно?! Ты серьёзно веришь в то, что этому параноику есть хоть какое-то дело до мелкого, худого пацанёнка, жившего у богом забытой речки в рабстве?! Боже, да не смеши меня!

Пока девушка это говорила мужчина вновь задумался, но всё-таки поспешил согласиться.

— Ладно, увижусь с мальчиком завтра по прибытию в порт. А сейчас — отбой.

***

Величественный город около королевского замка всегда славился своей бурной жизнью и неисчерпаемым жизнелюбием его жителей. Каждый приезжий сюда немедленно заряжался неиссякаемым зарядом позитива на долгие и долгие годы от одного только вида этих цветущих улиц под ярким солнцем. Ни один день здесь не проходил скучно — жители

всегда веселились и делились этим искренним счастьем с другими. Каждый день был как праздник, и так было всегда... Но только не сейчас.

Холодная, зловещая ночь в своём мрачном одеянии из свинцовых туч завывая бродила по опустевшим улицам и скорбно заглядывала в темные окна домов, и точно голодный зверь скреблась и била по стёклам, взывая к охолодевшим от ужаса, страха, гнева и отчаяния сердцам города призрака. Но хуже всего был дворец, в сторону которого жители старались лишней раз даже не смотреть.

Видневшийся в ночном тумане темный силуэт гигантского сооружения со множеством красных огоньков на нём напоминал самые настоящие ворота в Ад. Изнутри картина была ничуть не лучше.

Жителями пустынных коридоров стали лишь тишина, темнота и могильный холод, которые тоже ходили по своей территории, безуспешно выискивая добычу. И лишь только одно живое существо не боялась этих зверей, а напротив, было их соратником и чуть ли не вожаком. И сейчас он мирно восседал на кровью отвоёванным им троне посреди запущенного до невероятной степени тронного зала, больше теперь похожего на склеп.

— Я не понимаю, что за срочность? — Король как всегда был немного на веселе и абсолютно беспечно глядел на стоящего около него Внутреннего советника. Светлый, казалось, невесомый дух камня в облике неземной красоты девушки в легком платье, похожем на лепестки небесного цветка, стоял, слегка облокотившись на каменный подлокотник трона. Советник всегда, вне зависимости от ситуации, держал спину прямо, а голову чуть выше обыденного, как бы свидетельствуя всем и каждому о своей просветлённости и осведомленности обо всём на свете.

— По нашему уговору. — Прозвучал мелодичный голос, похожий на дуновение призрачного ветерка. — Я докладываю тебе обо всём, что может тебя заинтересовать... — Дух прервался.-...И хоть немного разбавить твоё рутинное существование.

— И что же это может быть? — Бальтазар чуть приподнял в улыбке верхнюю губу, из-за чего стали видны чуть заостренные техническим путем клыки.

Все с таким же невозмутим видом дух встал прямо напротив правителя и, нагнувшись, посмотрел прямо вглубь этих обросших плотными зарослями красных прожилок по бокам темных глаз. Бальтазар в своё время лишь приподнял верхнюю бровь, будто бы чего-то выжидая.

— Я неоднократно видел этот звериный кураж в твоих глазах, когда ты без всякой жалости казнишь тех, кто тебе неуютен, да еще и у всех на глазах.

— Ну и правильно! — Совершенно незаинтересованным голосом произнес Бальтазар, откинувшись на спинку трона и сделав ну уж совсем наглый вид. — Я если можно так сказать, к твоему глубочайшему сведению, значительно упрощаю этим неблагодарным выродкам жизнь. Сам посуди: допустим я и не очень одарённый правитель в их понимании. Но ты только посуди, что было бы с большинством этих крыс, если бы эти сто двадцать четыре напыщенных свиньи до сих пор бродили по улицам и сидели в своих гигантских особняках? Правильно! Просиживали бы свои дырявые и сырые штаны в подвалах этих самых особняков, выполняя самую отвратительную и грязную работу за своих хозяев, которым до них и дела никакого нет! У тех, кого бы не постигла такая участь сразу, всё равно бы не было особо большого выбора выходов из ситуации; либо в рабство, либо на перрон, либо в воду с камнем на шее! — На последних словах король ехидно усмехнулся. — Что ты на меня так смотришь? Богачи все такие, и заслуживают они только одного.

— В том числе и этого? — Внутренний советник кивнул в сторону поднятой в этот момент руки мужчины. Бальтазар скосил взгляд в ту же сторону и уставился на своё сокровище и в то же время самый страшный ночной кошмар всего королевства. Множественное переплетение железных деталей и проводов, образующих железную перчатку с огромными орлиными когтями. Это оружие мощнее любого меча, любой пушки, любого из вообще доселе существовавшего орудия, ибо эта чудовищная конструкция способна воспроизводить мощнейшую энергию, неподвластную никому — электрический ток.

Бальтазар каждый раз с неопишуемым упоением слушал льющийся по ушной раковине рокот ужаса, прокатывающийся по огромной толпе на главной площади, стоило ему лишь появиться с этой жуткой конструкцией на руке перед последним, избранным им самим смертником, с гримасой ужаса смотрящего на своего мучителя и с невероятной болью осознающего то, как пройдут его последние секунды жизни. Секунды, которые покажутся жертве часами, а то и целой вечностью. Уж об этом Бальтазар позаботился в первую очередь, когда конструировал вручную своё величайшее творение, что раз и навсегда заставило всех уяснить одну простейшую истину: чем тише омут — тем более страшные демоны в нём водятся. Своевременно в самом Бальтазаре, в чем ни на секунду не сомневался и он сам, поселился сам Сатана с доброй дюжиной из его самой страшной свиты.

Мужчина как-то даже гордо ухмыльнулся и, лязгнув продолговатыми железными когтями, воспроизвел маленькую электрическую искорку.

— Да, и этого в том числе... По крайней мере, избранные.

— Боюсь, однажды она уже тебе не поможет.

— В смысле? — Король резко оторвался от блаженного созерцания своего творения и уставился на Внутреннего советника, беспечно расхаживающего около трона взад-вперед, заведя руки за спину.

— Из-за этого я и проявился именно сейчас, Бальтазар. — Дух повернулся лицом к своему подопечному. Выглядел он так, будто собирался возвестить о чем-то совершенно очевидном и заранее предугаданном десять тысяч раз.

— Ты ведь помнишь моё предсказание тебе?

— Д-Да. — Всё опьянение как рукой сняло. Сам того не желая, мужчина с каждой секундой всё отчетливее и отчетливее ощущал, как в самых глубоких закоулках души и сознания, еще не превратившихся в один серый бульон, нарастает лёгкое напряжение.

— Так вот, мой король. Можете мне верить, а можете и не верить, это исключительно ваш выбор. Но я чувствую. Вы на первой ступени. На первой ступени вашего финала.

— О чем ты говоришь? — Бальтазар вдруг нахмурился.

— Окончание избранной вами же дороги, которое я предсказал много лет назад, всё ближе к нам.

— Идиотский булыжник, — Разъяренный Бальтазар вскочил с трона и мелкий сверкающий камень в мгновение ока оказался плотно сжат между когтями указательного и среднего пальцев. По гладкой поверхности уже начали скакать маленькие молнии.

— Да ты хоть знаешь, что я с тобой сделаю?!

— Это ничего не меняет, и ты это заешь. — По телу Внутреннего советника начало гулять что-то отдаленно похожее на рябь.

— Показывай! — Король резко повысил голос, по всей перчатке и руке правителя заплясали разноцветные разряды, а камень полетел на пол. Раздался тихий треск, и в ту же

секунду на белоснежной щеке духа проявилась глубокая трещина. Советник лишь немного сдвинул брови, но в остальном похожее на керамическую маску лицо осталось абсолютно гладким.

Преπειраться или опять что-то говорить Внутренний советник не стал, а молча протянул мужчине за несколько секунд преобразовавшийся будто бы из инея шарик, предварительно заставив правителя снять своё устрашающее оружие.

Бальтазар сжал бледными пальцами холодный предмет и начал вглядываться в узорчатую поверхность, в которой уже начало что-то проявляться.

Поначалу изображение напоминало Бальтазару морду тонкошёрстого щенка, которого не брили уже как минимум полтора года, но через короткий промежуток времени стали проявляться выглядывающие из-под черных прядей нос и растянувшиеся в задумчивой улыбке на немного смугловатом лице губы. После этого проявились и руки, заведенные за голову, а также большая часть туловища. Судя по всему, неизвестный лежал на чем-то.

— И что это за..?

— Это мальчик, Бальтазар. — Без промедлений ответил Внутренний советник. — Мальчик, недавно сбежавший из рабства.

— И что ты этим хочешь сказать? — Мужчина уставился на духа и прищурил глаза. — Что вот это вот проберется сюда и свергнет меня?

— Судьба есть судьба, милорд, и если она предрешена — её ничто не переменит. — В ответ Бальтазар лишь устало закатил глаза, протёр их, после чего встал с трона и тяжело вздохнул.

— Наверное, уместнее всего в данный момент будет сказать: «Попробуйте меня после этого убедить, что у камней нет чувства юмора».

— Мой король, самоуверенность ни одному из ваших предшественников еще не сыграла на руку, и вы стали этому свидетелем, так что я...

— О, Боже мой! Вот только не надо сейчас опять говорить загадками или зачитывать мне эти муторные лекции по философии на подобии «Не суди о книжке по её внешности»!

— Знаешь, сколько бы я тебе всё это не говорил — ты всё равно ничего не будешь принимать. Так что не буду настаивать.

— Короче, отстань. — Бальтазар навалился на обросшую пылью дверь тронного зала и тут же приложил руку к начавшему в который раз пульсировать лбу. — У меня голова-а-а болит...

— Так прилягте и поспите. — Король резко оглянулся и уставился на Внутреннего советника непонимающим взглядом. С чего это он вдруг такой заботливый?

— Это тонкий намёк на что-то?

Дух практически незаметно усмехнулся.

— Думаю, далеко не я один сталкивался с одной не очень приятной сценой: вы сидите на кровати и жадно заглатываете абсолютно все микстуры и настои, беспорядочно стоящие около вашей кровати. Только после этого вы ложитесь спать. И да, я заметил, что большинство из них — это сильнодействующие снотворные. — Сказать честно, Бальтазар даже и не заметил, как Внутренний советник оказался прямо перед ним, паря в воздухе. — Что вас так сильно тревожит, мой король? Вы боитесь уснуть, или что-то увидеть во сне?

Мужчина на несколько секунд замешкался, но после встряхнул головой и практически мгновенно пришел в себя.

— Не важно! — Во второй раз правитель попытался выйти и во второй раз его

остановили.

— А вы не хотели бы поинтересоваться, где сейчас находится мальчик?

— Это же вроде не в интересах тех, на чьей стороне ты находишься, верно? — В ответ Внутренний советник лишь вздохнул и прикрыл глаза.

— Моё предназначение — служить королю.

— Типа я уже свою судьбу предрешил, верно ведь? — Передразнил своего собеседника Бальтазар. — Ладно, чего там у тебя?

— А вы как думаете? — Через секунду король оказался лицом к лицу с невесомым духом и весь взор занимали белые, как две цельные жемчужины глаза последнего, в которых, как могло показаться при длительном зрительном контакте, отражалась целая вечность со всеми её тайнами и историями.

— Вы долго гонитесь за этим отголоском неприятелей, пытаетесь откапать хоть какие-то вести об его действиях, но до этого момента не могли...

Король медленно притянул к себе ледяной шарик и вновь внимательно посмотрел на отображающуюся в нём картинку.

— «Наследие»... — Раздался тихий шепот в зловещей тишине. — Мальчишка на «Наследии». — За этим последовал тихий смех, который после перерос в зловещее скандирование:

— Ну всё, старик! Ты попал! Молись, чтобы у этих недоумков хватило ума сбросить мелкого крысёнка за борт! Готовьте войска! Наведаемся к старым знакомым.

***

Пока повседневная жизнь на просыпающемся «Наследии» стремительно возобновлялась, Агний всё ещё лежал на своей койке и безмолвно смотрел на обитый бамбуком потолок, через который иногда будто бы пробивался солнечный свет. В каюте было светло и просторно, все уже давно проснулись и занимались своей обычной работой на корабле, мальчик же, после приготовления завтрака, был свободен аж до полудня. И решил он всё отведенное ему время — по крайней мере, большую его часть, — провести здесь. Это сложно понять другим, но мягкое ощущение под спиной, свежий и прохладный воздух и всепоглощающая тишина создавали в душе какое-то новое, и невероятно приятное ощущение покоя и уверенности. Опять же в это сложно вникнуть тем, кто не рос в затхлых и темных подвалах, насквозь пропахшими плесенью, сыростью и потом, да еще и с как минимум двадцатью такими же несчастными, как и сам Агний. Да, разумеется, каюты тут тоже общие, но по крайней мере мальчику сюда можно ходить без чужого разрешения и хотя бы иногда, вне рабочего времени, отлёживаться в полной тишине, пока все остальные матросы трудятся.

Как вдруг полное умиротворение прервал звук, доносившийся сверху, очень похожий на что-то среднее между воем трубы и механическим скрежетом. Он раздавался как бы «обрывками», а не одним цельным звуком. Уже через мгновение последовало ощущение легкой невесомости, как будто кровать медленно выплывает из-под спины.

Агний резко встрепенулся, начал нервно оглядываться и через секунду соскочил с койки и босиком бросился наверх совершенно не понимая, что происходит.

Сверху к этому непонятному завыванию прибавились характерные звуки суеты и топот многочисленных ног, который всё приближался и приближался.

На очередном повороте Агния чуть было не снес огромный, точно самый настоящий

трактор, моряк, который в свою очередь не обратил на мальчика никакого внимания. За своим товарищем по лестнице вниз сбежали еще несколько человек. Все они были явно чем-то взволнованны.

— Что происходит? — Хотел крикнуть Агний, но из его уст это прозвучало больше как жалкий писк.

Пробиваясь сквозь огромную толщу народа, точно корабельный мышонок, мальчик всё-таки сумел добежать до двери, но успел он в неё лишь заглянуть, поскольку стоило Агнию оказаться ногами на железном пороге, как его тут же отдернули за шиворот назад и огромный кусок металла с железным вентиляем закрыл выход наружу.

— Агний, ты сдурел?! Тебя же сдует к чертям собачим! — Мальчик сразу узнал боевой голос Искури. Долго мыслить об смысле её слов и действий не пришлось. Одного только мощного дуновения ветра в лицо и взгляда на окружение корабля было достаточно, чтобы понять: махина снижается...

Девушка бесцеремонно потащила Агния за край рубахи в глубь корабля, а тем временем всё сильнее и сильнее нарастало ощущение того, что ноги вот-вот оторвутся от деревянного пола.

Добравшись до двери какой-то мелкой каморки, Искури раскрыла её, буквально швырнула туда мальчика, как нашкодившего котёнка, и быстро выкрикнув: «Сиди и не высовывайся!» — захлопнула за собой дверь.

За несколько секунд оклемавшись, Агний прильнул к пожелтевшему иллюминатору и начал с бешено колотящимся внутри сердцем смотреть на то, что творилось снаружи.

Вот корабль уже нырнул в плотную толщу желтоватых от солнца облаков и воздушные сугробы начали стремительно пролетать мимо взора Агния, пока «Наследие» не вынырнуло из них, точно сурок из-под только что прокопанной земли, скрывающей что-то таинственное, неприступное. И было что скрывать...

Перед изумленными глазами мальчика, скрытыми под густой челкой, предстало кристально чистое море, уходящее своими краями далеко в белую даль и растворялось в ней, как будто они вновь становятся единым целым, как и задолго до сотворения всего физического и разграниченного. Это была высшая степень гармонии.

Признаться честно, Агний ни разу за всю свою короткую и, чего уж греха таить, жалкую жизнь ни разу не видел такого огромного и чистого водоёма. Вода в Сдохшей чайке всегда была какой-то грязно-серой; в ней то и дело плавал мусор, иногда даже утопленники... Да и вообще от той злосчастной реки веяло постоянно чем-то холодным и недоброжелательным. А здесь... Это невероятное море, переливающееся под лучами восходящего солнца, все еще сонно проглядывающего через светлые и пушистые облака, так и отдавало духом величия, но в то же время дружелюбия и нежности, будто добродушный страж, приветствующий в данный момент вернувшихся домой путников множеством бликов на прозрачных волнах.

Как только сознание Агния наконец смогло вернуться к изначальному ходу мышления, корабль резко приземлился и огромные струи воды, словно переливающиеся на солнце водяные крылья, взметнулись из под бегущего по волнам к своей цели корабля. У мальчика от созерцания всего этого аж дух захватило.

— Что, нравится? — Агний дернулся от неожиданности и резко обернулся. В дверном проёме стояла Искури, поставившая руки в бока.

— Идем, — Девушка жестом позвала мальчика к себе. — снаружи еще красивее!
И Агний послушно проследовал за ней на верхнюю палубу.

Лицо при выходе обдало легким шпилем, где-то наверху кричали чайки, слышалось плесканье волн. Как только глаза к резко ударившему в них свету, Агний смог более внимательно разглядеть то, к чему приближался корабль, и легкое чувство сюрреализма мгновенно вернулось.

Это был город. Настолько огромный и настолько величественный, что все его масштабы просто не могли быть полностью переварены разумом бывшего раба, который ничего кроме каменных стен трёхэтажных домов, разваливавшихся на глазах, и не видел-то толком.

Гигантские башни вздымались к небесам своими светлыми шпилями с диковинными флюгерами на концах. С ухоженных балкончиков свисали огромные скопления разноцветных цветов, кучками посаженных в горшки с изящными узорами. Улицы светлые и ухоженные, кое-где свисают флажки и на каждом из них запечатлен какой-то свой оригинальный сюжет.

Завидев корабль, все жители этого городка как по команде бросились к причалу, радостно размахивая руками и что-то выкрикивая.

— Ну-с, вот мы и дома! — С какой-то долей облегчения вздохнула Искури, положив руку на плечо Агния. Может быть вся остальная часть экипажа и вернулась домой, но вот мальчик чувствовал себя немного не в своей тарелке, будто он тут явно лишний.

— Так это и есть он? — Агний вместе с Искури обернулись на голос, донесшийся со стороны, вот только девушка среагировала на него менее испуганно, чем её маленький друг.

К ним подошел высоченный мужчина в темном и местами прохудившимся пальто-жакете с золотыми застёжками, пожелтевшей рубашке и в огромных жестких кожаных сапогах. Лицо у него было темное, потому и выделялись на нём так ясно глаза цвета ясного майского неба. Темные волосы, отдающие немного даже каким-то зеленоватым отливом, заплетены в толстые дреды, собранные сзади в тугой хвост. Сомнений не оставалось, перед ними капитан.

— Ты должно быть Агний, верно? — Незнакомец присел перед новым членом своей команды на одно колено, чтобы быть с ним относительно на одном уровне. Мальчик лишь кивнул головой. — Что ж... Наслышан о тебе. Считаю тебе повезло. Очень крупно повезло. А сейчас, давай мы ближе познакомим тебя с нашим домом. Идет? — Агний вновь кивнул, не проронив не слова, и они все вместе направились к уже приложенному к борту мостику, ведущему на причал.

Почти сразу после схода на твердую землю Орландо затерялся в толпе, а Агний остался с Искури, которая быстрым шагом вела куда-то своего маленького друга и попутно, казалось, что-то с пристрастием говорила своим немного грубоватым для молодой женщины голосом, но мальчик её практически не слышал.

Признаться честно, Агний, хоть и вырос в не самой благоприятной для этого обстановке, был достаточно умным мальчиком и был склонен к познанию и даже систематизированию всего, что наблюдал вокруг себя. К этому относилось в том числе и поведение людей. В таверне, в гостиной, в общем зале, в колхозе — везде, где Агний только успел поработать за свою сравнительно короткую жизнь, он не переставал наблюдать, и это впоследствии ему очень даже помогало. Благодаря таким вот наблюдениям, люди в той или иной окрестности превращались уже не в хаотично двигающиеся точки, а в части вполне упорядоченной системы. Всё-таки мы все люди и психология у нас одна на всех, просто в разных местах и в разном обществе она у его членов склонена в разные стороны, надо лишь найти нужный «ключик» и вуаля! Ты уже практически свободно можешь предугадать действия того или иного человека, и чувствуешь ты себя в принципе более уверенно.

А здесь — полная неразбериха. Никакой слаженности и четкости, просто бурлящий поток, так и норовящий смести бедного мальчика и утащить с собой в какие-то неведомые дали. Именно это и заставляло его сжимать твердую руку Искури в толстой кожаной перчатке всё сильнее и сильнее, как спасительную веточку дряхлого кустика. Как вдруг девушка с громким возгласом «Имир!!!», который, казалось, переглушил все на свете, рванулась куда-то в глубь толпы и Агний случайно упустил её ладонь, оставшись один на один с городской стихией.

— Имир, вот так рас! Ты что так далеко от дома делаешь, а?

— Спрашиваешь. — Рослый молодой человек сдул с чуть загорелого на жарком солнце лица непослушную русую прядь и, освободив предплечья от крепкой хватки морячки, поднял с каменной мостовой нечто накрытое куском белой простыни. Этим «чем-то» оказалась серебряная клетка с пестрой экзотической птичкой, размером, примерно, со среднего попугая. Стоило ей только оказаться на свету, как она тут же распушилась, всю демонстрируя свои длинные и мягкие, точно шелк, перышки, мягко переливающиеся на солнце, и начала плавно кружиться и чирикать на тоненькой деревянной черточке, словно балерина. В этот-то момент Искури и заметила, что у чудо-птички было слегка погнуто крыло.

— Добродетельностью опять решил заняться, зоолог ты наш? — Проговорила девушка, смотря на оставшиеся на земле клетки, также накрытые простынями. Всего их там было пять.

— Жалко мне их. — Вздыхнул Имир, вновь накрывая клетку куском ткани, чтобы пташка не сделала себе еще хуже. — Вылечу — выпущу на волю. Не место им в клетках и в домах, что бы там не говорили. Они же живые!

— Это да... Слушай, а учитель твой хотя бы знает, где ты сейчас? А то он волноваться будет...

— Да знает, естественно! В любом случае, у него там всегда под боком Лейв и Гор — помощи хватает!

— Небось мелкий-то обзавидовался, что его так свободно никуда пока не отпускают.

— Ну... — Имир усмехнулся. — Промолчал, но по глазам было видно. — Оба рассмеялись, но потом Искури вновь приняла серьёзный вид.

— Я тут хотела бы тебя кое-с-кем позна... — Девушка осмотрела пространство у себя за спиной, а после начала судорожно оглядываться по сторонам, будто ища кого-то глазами.-... комить...

А тем временем Агний метался из стороны в сторону и отчаянно пытался не быть затоптанным или зажатым, прямо в точности как тогда, на корабле. Как вдруг его резко схватили за локоть, да так, что мальчик аж вскрикнул от неожиданности. Резкий рывок через гущу тел — и вот мальчик на свету и перед ним два силуэта, один из которых знаком.

— Вот, познакомьтесь. — Девушка, схватив еще до конца не понимающего что происходит Агния за предплечья, выставила мальчика одним рывком прямо перед русоволосым юношей, сложившим руки на груди и, чуть наклонив голову, внимательно рассматривающим пришельца.

— Имир, это Агний! Агний, — Искури сверху вниз глянула на своего маленького друга-это Имир, наш верный друг и товарищ! — После этого девушка с размаху, но по дружески, хлопнула Агния по спине, отчего мальчик попятился вперед и уткнувшись случайно Имиру в грудь, облаченную в зеленую кофту с растительным узором и жилетку, обитую жестким мехом, резко отпрянул назад.

Имир в свою очередь еще несколько секунд посмотрел на своего нового знакомого с высоты своего полного роста, потом чуть нагнулся (парень был выше Агния примерно на две головы) и, слегка сморщив усыпанный веснушками нос, прищурился, будто пытаясь разглядеть что-то очень мелкое или находящееся в непроглядной мгле.

— Что-то ты у нас... Что-то ты худой какой-то, братишка. — Парень, не разгибаясь, повернул голову к Искури.

— Вы там что, на чем-то более протеиновом, чем водоросли и рыба, экономить стали?

— Но-но! — Девушка как-то даже оскорбленно погрозила Имиру пальцем. — Ни на чем мы не экономим. Нормально питаемся, просто он... — Морячка вздохнула. — В общем, раб он бывший. А не откармливали уж больно сильно потому что, сам понимаешь, судорога может схватить.

Спаситель птиц вновь осмотрел мальчика с головы до пят.

— А по нему, с другой стороны, видно... — Медленно вздохнул Имир, растянув кончики рта в чуть кривую линию темноватых губ. Агния особо не удивили эти слова. Всё-таки рабство это такая злая вещь, следы и воспоминания о которой не пройдут ни через день, ни через год, да и не факт, что пройдут хоть когда-нибудь вообще.

Имир вдруг усмехнулся, но совершенно без какой-либо насмешки, а скорее заинтересованно.

— А с челкой-то у тебя что, дружище?

— М-Мне так удобно, с-сэр. — Решил наконец-то неуверенно подать голос Агний. Хоть он и чувствовал до этого некую опору в лице Искури, всё-же мальчику не хотелось, чтобы всё рассказывали за него.

Имир, улыбнувшись, хмыкнул.

— «Сэр»! — Юноша поднял глаза на Искури и они оба невольно прыснули. Бедный Агний еще сильнее засмутился и, теребя пальцы, опустил лохматую голову.

— Ладно, можешь присмотреть за ним, пока мы там в «Соловье» не управимся? —

Вновь обратилась Искури к Имиру. — Агни, ты не против? У нас там просто дела есть. Имир парень хороший и более чем безобидный, тебя не покусает! За это ручаюсь. — На последних словах девушка посмотрела прямо в темные глаза юношу, как бы на что-то намекая, и чуть пригнула голову подбородком к шее, при этом так и не спустив глаз с парня.

— Й-Я не против. — Всё так же дрожащим, но уже более уверенным голосом пролепетал Агний, и помотал свисающими темными прядями.

— Без проблем! — Бодро выкрикнул юноша, подбирая с земли все свои тайные приобретения, укрытые плотной тканью, после чего позвал к себе мальчика, вручил ему нескольких из них и они направились вниз по извилистым дорожкам из желтого кирпича напрямиком вглубь городка.

Шествую за уверенно идущим, как настоящий солдат — с ровной спиной и высоко подняв голову, Имиром неотрывным хвостиком, Агний то и дело смотрел по сторонам и удивлялся всему тому, что видел. Жизнь в этом городе тем и была необычна, что она была именно ЖИЗНЬЮ. Повсюду были смех, голоса, в которых были вплетены такие эмоции, и существование которых Агний уже практически не верил, стук, топот, ржание ухоженных и не похожих на ходячие скелеты с копошащимися в покрытых гноем глазницах и ноздрях мухами лошадей и еще много-много чего достигало ушей бывшего раба ежесекундно. Всё светло и жизнерадостно. Никакого рыбного запаха, никаких угрюмых лиц, больше походящих на надгробные камни, никакого вечного свинцового неба над головой... Небо... Такое чистое, и светящийся ярким жизнерадостным светом шар прямо на нём. Настолько ярким, что, казалось, если бы не защитная челка — неподготовленные глаза мальчика бы просто ослепли в один миг.

— К слову, а ты откуда такой чудной к нам прибыл? — Вопрос резко зацепился на Агния и дал ему незамедлительное ускорение вниз, с небес на родную землю.

— А-э... — Замешкался мальчик. — Й-Я из небольшого города, что близ реки «Сдохшая чайка». Ну, точнее я не совсем оттуда, хозяев у меня было несколько, и...

— Ладно, ладно, придержи рассказы на потом. Дойдём — выговоришься. — На секунду Агнию даже стало неловко за то, что он позволил языку так быстро развязаться, всё-таки годы одиночества в толпе и желание хоть кому-то рассказать с своей непростой жизни дали о себе знать.

Наконец они зашли на какую-то по-особенному тихую улочку, атмосфера которой сразу ударяла в мозг своей некой сонливостью и беспечностью.

Стены невысоких домов с темными оконцами, окруживших ухоженный дворик со множеством цветников колечком, плотно заросли густой виноградной лозой. Пышные и роскошные абрикосовые деревья устало склонили свои темные руки-ветви к земле, под тяжестью своих налитым свежим соком и пьянящим разум ароматом плодов, будто намереваясь передохнуть и подремать часок-другой под сенью каменных «оград» этого уголка блаженства и через листья то и дело пробивались мелкие лучики. Вокруг не было ни души, царила звенящая тишина, которую лишь изредка прерывало стрекотание кузнечика в кустах или щебет мимо пролетающей мелкой птички. А так — ни одно живое существо не стремилось нарушить эту вселенскую идиллию.

Мальчик с его спутником подошли к высокой стене одного из домов, которую, на удивление, еще не успели облюбовать заросли лозы, и остановились.

— Всё! Дошли! — Имир опустил свои клетки на дорожку и устало потянулся. Агний, в свою очередь, начал немного недоуменно оглядываться по сторонам.

— Т-Ты здесь живешь?

— Ну да! — Парень поставил загорелые руки на пояс. — Вот прямо здесь. — Он указал на стену дома. Агний вновь внимательно посмотрел на ровную каменную выкладку, но ни двери, ни окон он так и не разглядел, кроме, разве что, большого лилового циркового шатра, мастерски нарисованного прямо на этой таинственной стенке. Теперешнему юнге нечто подобное уже приходилось видеть, правда это «нечто» было намного больше и смотрел он на него издалека, из окна небольшой коморки. На своём веку Агнию посчастливилось побывать в прислугах и у состоятельных семей, и несколько раз он провожал своих хозяев с остальной прислугой в цирк. Достаточно блеклое местечко с огромным количеством людей выполняющих всякие невероятные штуки, но глаза у них при этом остаются совершенно пустые, как у рыб. Будто они лишь марионетки в ловких руках кукловода, который быстро-быстро дергает цветные ленточки, заставляя этих бездушных кукол двигаться. И ленточки эти — их изможденные желудки.

— В-В этом доме? — Агний указал тонким пальцем на злосчастную стену.

— Да нет же! — Усмехнулся Имир, будто от хорошей шутки. — Здесь — прямо в этом шатре. — В этот момент Агний уже совсем усомнился во вменяемости своего собеседника и стал просто сверлить нарисованный шатер невидимым взглядом, чуть приоткрыв рот.

— Ну что, уже успел подумать, что я того? — Вновь подхватив клетки за потертые ручки беспечно проговорил Имир, после чего начал широким шагом идти к рисунку на стене.

«Ну не собирается же он прыгнуть прямо на эту стену? — С долей ужаса подумал Агний. — Он же себе голову разобьёт!»

Наконец, оказавшись с нарисованным шатром лицом к лицу, Имир взял все клетки пальцами одной руки и... Сунул другую прямо в стену и та пропала, точно в морском омуте.

Агний так и застыл. Мальчик несколько раз потряс головой, поморгал скрытыми глазами — может, это ему просто голову напекло — но нет. Всё было более чем реально.

— Ну ты, это, — Повернулся к новому знакомому юноша-заходи. — После этого он сделал еще один шаг и окончательно пропал.

Агний еще несколько секунд стоял на одном месте, вслушиваясь в тишину, после чего огляделся по сторонам, будто чего-то выжидая, и наконец приблизился к незамысловатому рисунку.

Оказавшись прямо перед ней, мальчик внимательно и не спеша осмотрел её с каждого конца. Обыкновенная четырехугольная стенка четырёхэтажного домика, сделанная из светло-желтого кирпича, кое-где уже успевшего облупиться... Ничего особенного и сверхъестественного.

После этого Агний приподнял большой палец правой руки, что был свободен от ручек клеток, и осторожно дотронулся до каменной кладки. Поверхность стены тут же пошла волнами, точно водная гладь, и Агний замороженно проследил их плавное движение до самой крыши. Но тут из стены выглянула будто бы немного сонная физиономия Имира, да так неожиданно, что у юнги аж перехватило дыхание и он чуть не выронил клетки.

— Чего мешкаешься? Я же сказал, заходи! Не съест тебя эта стена! — И парень вновь исчез.

Собравшись с духом, Агний просунул в невидимый проход сначала руку, потом большую половину торса и, наконец, нырнул туда целиком. Ощущение было такое, будто он прошел через очень тонкую и прохладную пленку воды.

— Клетки оставь во-о-он там, и можешь располагаться. — Имир махнул рукой в сторону небольшого стеклянного стола на ножках, напоминающих переплетение серебряных стебельков, и завалился на широкое бархатное кресло.

Окружение и впрямь походило на средних размеров шатер, внутри которого располагалось нечто среднее между обсерваторией и лабораторией. Это Агний заключил из наличия огромного телескопа, занимавшего почти половину этого помещения, а также присутствие здесь рабочего стола со стопкой толстенных книг с потертыми переплетами, не менее большой стопки каких-то записей (которые, к слову, валялись также по всему полу) и карты земного шара, повешенной на самое видное место.

— Ты извини за небольшой беспорядок, не ждал гостей.

— Да ничего. — Вздохнул Агний в ответ, освобождая затекшие и покрасневшие пальцы от ноши. Имир тем временем уже умывал руки и готовился к «реанимированию» несчастных птах.

— Так-с, а теперь будешь мне помогать. — С этими словами парень прошел к своему рабочему столу, достал из небольшого выдвижного ящика что-то походящее на железный поднос и водрузил его на стол.

— Так-с, — снова начал птичий врач, надевая на лицо повязку из белой стерильной ткани-а теперь неси мне во-о-он ту, синенькую! — И он со стула указал на одну из клеток, на ручку которой был повязан синий платочек. Не долго думая, Агний осторожно взял вместилище раненого дитя неба и понес на обследование.

— Так сколько у тебя там хозяев было? — Не оборачиваясь на мальчика спросил Имир.

— Пять.

— Пять? За сколько лет? — Агний вопроса не понял.

— Ч-Что?

— Лет тебе сколько?

— Одиннадцать. — Ответил наконец Агний, поставив клетку на рабочий стол.

— Хм-м-м... — Протянул задумчиво юноша. — Моему младшему брату тоже одиннадцать... Будет. В следующем месяце. — Говорил он это не сводя глаз с блестящего в свете позолоченной лампадки скальпеля, по которому слегка водил большим пальцем одной из рук, будто проверяя его наточенность. Создавалось даже отчасти такое впечатление, будто разговаривает Имир с ним, а не с мальчиком, стоящим по левую руку.

— Ладно. — Скальпель отправился на своё место к остальным инструментам, точно послушный тигр в клетку.

— Ну-с, как я понял по твоему опыту работы — руки у тебя из того места растут, так ведь?

— Ну... Д-Да, работаю хорошо.

— Хах, верю на слово, всё-таки сомневаюсь, что Искури стала бы защищать лодыря. Ты не обижайся, я в хорошем смысле... — Руки с закатанными рукавами потянулись к клетке, скинули с неё ткань и невероятно трепетно и аккуратно вынули оттуда очаровательную птичку, которая уже начала рассматривать всё окружение глазками-бусинками, в которых, казалось, отражалось весеннее озеро в ночи, и отрывисто мотала головкой из стороны в сторону.

-’От она, моя летунья! — Имир уложил несчастное существо спиной вниз на холодный поднос. Птичка жалобно чирикнула, видимо еще не понимая, что этот непонятный человек с маской на носу будет с ней делать.

Как только птица оказалась в лежачем положении Агний понял, что с ней не так — у неё отсутствовало сразу несколько пальцев на лапках. Даже не надо было быть прирожденным ветеринаром чтобы увидеть, что ранки обработаны просто наспех.

— И кто их так калечит, это-ж надо! — Имир уже принялся за работу, а Агний просто стоял в стороне и ощущал легкое покалывание в животе, будто это он сейчас лежит на этой блестящей и холодной поверхности и его же сейчас и обследуют, настолько было велико волнение за эту птичку.

— Эту, наверное, тоже так сразу выпустить не удастся, ей протезы нужны, а у меня при себе их нету. Придется её домой взять. — Агний в ответ лишь учтиво угукнул.

Прошло еще несколько минут, которые всё неспешно тянулись и тянулись, будто прогуливались по какой-то неопишимо тихой и дарящей блаженное чувство покоя аллейке, с которой всё никак не хотели уходить. За это время чувство волнения за это несчастное пернатое существо в Агние успело утрамбоваться, да и сама птичка чувствовала себя намного увереннее, чем было до этого. Имир был явным мастером этого дела и точно знал, что надо делать.

В один момент, разминая уже успевшую затечь шею, Агний оказался лицом к потолку и... замер. Над головой у него раскинулся бескрайний звездный купол, со всеми его созвездиями, недостижимыми галактиками, метеоритами и прочими тайнами. Сначала изумленному мальчику, которого еле удержали ноги при виде этого бесконечного простора, в который в любой момент можно будто бы упасть, показалось, что крыши никакой и в помине нет, но потом всё-таки осознал, что это лишь карта. Живая и точнейшая карта космоса, которая схватывает и проецирует здесь движение и изменения каждого его объекта.

Именно в этот момент Агний наконец-то осмелился задать вопрос, который терзал его уже далеко не маленький промежуток времени.

— А-А что это вообще за место?

— Это? Это палатка, в которой я...

— Д-Да нет же! Вообще ВСЁ это! Этот город, эта земля...

— А-а-а... — Протянул Имир, на секунду откинувшись на спинку стула, на котором он сидел, не сводя при этом глаз со своего пациента. — Мы называем эту землю «Ковчегом». Это отдельная от королевства земля, где король Бальтазар не имеет власти. Когда-то наш с братом учитель заключил с царем сделку. Она заключалась в том, что некоторое пространство отделяется от общих владений и будет существовать самостоятельно, при этом ни мы, ни войско Бальтазара не имеем права атаковать друг друга. Хотя... Он не смог бы на нас напасть, даже если бы решил нарушить этот договор.

— А почему?

— «Ковчег» существует в тайне ото всех, даже от короля. Никому неизвестно, где он находится, и заодно его защищает очень сильная магия, которую также наложил наш учитель. Именно поэтому мы никого и не впускаем, и не выпускаем. Ну, кроме тебя, разумеется. Но в любом случае, в родные края тебя, парень, больше не выпустят.

— Н-Но там же... — У Агния опять задрожал голос. — Т-Т-Там же, с-снаружи, остались тоже люди! Они же тоже ни в чем не виноваты, они тоже заслуживают спасения!

— Ох, ну прости, пацан. — Имир вздохнул и безучастно пожал плечами, будто констатировал очевиднейший и неизменяемый ничем на свете факт. — Такова жизнь. Кто-то спасается, кто-то нет, здесь мы ничегошеньки поделать не можем. Я бы на твоём месте радовался бы лучше. Ты просто не представляешь, как тебе повезло!

Имир говорил еще что-то, но мальчик его уже почти что не слышал. Его охватило колкое чувство чего-то неправильного и несправедливого. Что это вообще значит, «кто-то спасается, кто-то нет»? Да, ему повезло, крупно повезло, но такое везение выпадает одному из миллиона. А как же все остальные? Как же та мать, дети которой тянули свои маленькие, грязные и исхудалые ручонки через прутья решетки к единственному лучику спасения, которое никогда их не одарит своим взором? Как же все те несчастные люди, которые вынуждены терпеть голод, побои, издевательства и унижения только ради того, чтобы вернуться в свой грязный угол сегодня живыми и в здравом уме? Почему кому-то светит возвращаться к себе домой вечером по тихим чистым улочкам, без пьяниц и маньяков за каждым углом, к своей чистой, сытой и опрятной семье, сытно есть и ложиться на мягкую и свежую кровать, чтобы провалиться в объятия нежных снов, а кому-то светит лишь смерть морозной ночью под дверями какой-то таверны или борделя, лежа в грязной луже под хохот жирных безнаказанных уродов, которые творят всё, что им только заблагорассудится только потому, что им повезло оказаться на одной из верхних ступеней пищевой цепи этих каменных джунглей, на вершине которой, точно древний кровожадный бог, восседает Бальтазар, облизывая окровавленные клыки заостренным языком? Почему? На этот вопрос ответа не было...

Когда Агний с Имиром вышли из скрытого от посторонних глаз шатра в, казалось бы, самой обычной каменной стене, над городом уже сгущались сумерки. Плавное трехцветное марево растеклось по небу, как опускающаяся кулиса, провожающая отыгравшее в очередной раз свой спектакль солнце, яркие лучи которого еще играли где-то на западе, обвивая горизонт в светлое кольцо.

— Хочешь посмотреть, над чем они там работали? — Имир слегка ткнул локтем мальчика в бок. Тот, не долго думая, согласился.

Пришли они к какому-то сравнительно небольшому, но очень красивому строению, похожему на норку дикого животного прямо посреди обширной площади, выложенной красивой мозаикой из полупрозрачных камушков. Все оно волнообразно переливалось самыми различными оттенками. Но самое главное — они светились. Будто все стены этой «норки» были в загорающихся разными цветами лампочках, но вот когда Агний подошел поближе — он был изумлен еще больше. Это были не лампочки, а цветы! Плавно-плавно они то раскрывались, то закрывались, и каждая фаза этих двух процессов заставляла лепестки светиться разным светом.

— Идем, уже скоро начнется. — Что начнется Агний спросить не успел, так как Имир уже потянул его к широкой деревянной двери с красивым круглым ветражиком-оконцем, служащей входом в этот таинственный обитель.

Зайдя туда и тут же прикрыв за собой дверь, они сразу оказались на винтовой лестнице, которая вся была будто бы небольшим отголоском природы; создавалось отчасти такое впечатление, будто бы обвитые тысячелетними корнями, лианами и цветами каменные ступени облили бронзой и перенесли сюда, настолько они реалистично выглядели.

Сама же лестница вела в роскошный зал с изящными столиками на одной ножке и множеством людей. Все эти дамы и господа были совершенно не похожи на тех расфуфыренных и разукрашенных, как клоуны, барышень, что восседали на коленях похожих на свиней волосатых мужиков, которых Агний регулярно наблюдал и слушал их звонкий и басистый смех, от которого уже резало уши, у себя в таверне и в других местах работы. Нет, совершенно нет. Это были приличные и опрятные люди, но они, тем не менее, и не

напомнили тем самым многочисленных званных гостей в поместье господина О'Шерлиха, где Агнию также посчастливилось служить с шестого по девятый год жизни. От здешних не веяло какой-то показушностью, наигранностью и лихоимством. Здесь мальчик ощущал спокойствие и комфорт, поскольку на него никто не бросил ни одного брезгливого или насмешливого взгляда. Его принимали как своего, как обычного ребенка, коим он, по факту, всегда и являлся.

Но вот особое внимание Агния привлекла большущая сцена, занимавшая почти половину общего зала. Хотя, нет, скорее даже не она сама, а два силуэта, на мгновение промелькнувшие за атласной ширмой с выющимся узором.

— Да стой ты смирно, не придушит она тебя!

— Если её надеваешь ты — это еще огромный вопрос. — Пока Искури, чуть высунув язык от напряжения, пыталась со своими длиннющими ногтями, которые отчасти напоминали даже когти, завязать на шее Орландо красный галстук-бабочку, музыкант краем глаза косил в сторону своего налакированного и вычищенного инструмента, находившегося в небольшом помещении по правую сторону от сцены, где ни играющего, ни самого пианино видно не будет, да и это не было так важно. Главная действующая фигура — это девушка в пышном платье цвета красной охры с черными кружевами и накладными черненькими крылышками за спиной, которая всё-таки перетянула ленту бабочки, что заставило Орландо судорожно вдохнуть.

— Вот-и-всё! — На распев сказала улыбающаяся Искури, окончательно подправляя кончиками пальцев и гордо рассматривая свою работу. Это их небольшой ритуал, который они выполняют перед каждым выступлением. И каждый раз капитан молится небесам, чтобы ему случайно не сломали позвоночник или не передавили горло.

Как раз в этот самый момент в потемневшем зале раздались заветные аплодисменты и им обоим дали знак, что пора начинать.

— Всё, я пошла. — Шепотом прошептала девушка и не успел Орландо и слова сказать как она, чуть приподняв ножку, коснулась теплыми алыми губами его переносицы и упорхнула на своё место, точно сон перед рассветом. Не став долго задерживаться, занял собственное.

По залу плавно растеклась мелодичная музыка, наполнявшая уши, а затем и разум и затем пьянила не хуже запаха свежих трав солнечным летом. Ширма «отплыла» в стороны и всеобщему взору предстало прекраснейшее создание. Певица, во взгляде и образе которой и на сцене и по жизни гармонично сочетались и врождённое бунтарство и природная грация.

Искури! Какая же она красивая здесь! — Думалось Агнию, наблюдающему за развитием событий вместе с Имиром. И если последний, что было видно, видел это представление уже далеко не первый раз, то для Агния всё было настолько ново и дивно, что просто дух захватывало!

Вступление завершилось плавным поклоном выступающей в такт затихающей музыке, пришло время песни.

Как поезд, на станцию прибывший,
Чрез сомкнуты губы шиплю,
Усталость уж ног от дороги
Бьёт в мозг мне, но я всё терплю.

Всё гонит и гонит созвездье
В далёкие дали, а ты
Терпеть всё-же склонен ущербность,
Даренья ласкать пустоты.

Тебе всё-ж уют твой дороже,
Не знаешь, что дни сочтены,
Не хочешь принять, что в могиле
Окажешься скоро и ты

Что черви пожрут твои кости,
В мозгах свой построят дворец
И вот, ты стоишь со свечою,
Проклятый, полночный мертвец...

Странно это, но еще, кажется, всего-то... Да, точно, всего-то шесть лет назад именно в этом самом платье и поющую эту самую песню кэп и увидел её в первый раз. Только одного случайного взгляда хватило для того, чтобы капитан все следующие три с половиной минуты проиграл на своём верном инструменте чисто на автомате, совершенно не задумываясь, попадает он в ноты или же нет, да и было ли это в тот самый момент, в ту самую секунду так важно? Он влюблён! Он в совершенстве, всем своим мрачным и тяжелым существом будто бы высвободился из плена огромных, ржавых и тяжелых оков, державших его всю жизнь на дне глубокой, грязной и богом забытой реки, и воспарил, точно невесомое облако, в самые небеса, навстречу яркому, недостижаемому светилу. Хватило лишь взгляда...

Взгляда на это дышащее, молодое тело и блестящее жизнью глаза, в которых отражалось всё то душевное, всесокрушающее пламя, обращающее лишь одним взглядом, лишь одним дерзким жестом, лишь одним звонким словом без единого изъяна в прах всё на свете, всё то, в чьей душе нет больше ничего. Никакого огня, только дым... Всё это обращалось в пыль перед ней, созданием, не достойным простого, земного наименования. Она как ангел... Падший ангел, который словно слабая тростинка стоит ровным штыком в чистом поле при дьявольском урагане. Чуть дрожит, но стоит; против всего мира, против всей их темной, гнилой и смрадной вселенной, в которой все они, погрязшие во мраке души, влачат своё не менее мрачное существование.

Отходя от всей этой романтики стоит упомянуть, что всего-то через какую-то четверть часа выражение «любовь ударила в голову» приобрела и для Орландо, и для Искури немного другой смысл, так как она действительно ударила... Нет, точнее, ударила не совсем она, ударила деревянная дверь, которая открывалась наружу, чего капитан, к сожалению, не знал. Один миг, и мужчина уже валяется на полу с чудом уцелевшим носом. Благо, всё закончилось в тот вечер хорошо. Они пообщались, потом еще много раз встречались и наконец Орландо осмелился пригласить свою избранницу на корабль, в коллектив которого бездомная девушка-сирота, как она сама призналась, влилась достаточно быстро.

Ну, а я продолжаю дорогу,
Невзирая на боли в мышцах,

Всё же верю, что жизнь и упорство
Мне прослужат в дороге в щитах.

Ветер воеет всё сильнее со злобой,
Но не сломит меня никогда,
Ведь я знаю, горит надо мною
Даренья судьбины звезда!

Музыка завершилась звонким аккордом, после чего весь зал взорвался аплодисментами (некоторые даже не смущаясь повскакивали со стульев), настолько был велик восторг от, казалось бы, уже отыгранной десять тысяч раз мелодии и отпетой десять тысяч раз песни. И во всем этом всеобщем ликовании никто не заметил черную, костлявую птицу, глядящую единственным вытаращенным глазом в зал через небольшое витражное оконце на макушке пригорки, в которой располагался вход.

Глухо каркнув, жуткое создание расправило свои изрядно поредевшие крылья и исчезло в черном небе. Хозяева будут довольны.

Глава 4. Поезд

Вот уже прощальные лучи солнца, похожего на идеально круглое красное блюдо, скрылись за черными силуэтами холмов, а черная ворюга всё летела и летела навстречу своей цели, оглядывая единственным глазом простирающиеся под ним просторы, совершенно не походящие на те, что он наблюдал с самого момента своего вылупления на ветке посеревшего от старости безжизненного дерева в воняющем плесенью и пеплом гнезде под жестким контролем их с немногочисленными братьями и сестрами облезлой мамы-воронихи.

Как вдруг, почти одновременно с исчезновением последнего луча с небосвода раздался громкий крик, от которого, казалось, содрогнулось всё на свете, и на дернувшемся от неожиданности в воздухе ворона налетел, широко расправив крылья и растопырив похожие на самые настоящие ножи когти налетел сапсан и бросил соперника вниз.

Ворон издал отчаянный визг, рассыпая во все стороны немногочисленные перья при падении, после чего затормозил примерно в двадцати метрах от земли и стремглав кинулся на обидчика.

Загрел неравный бой, который, однако, продлился не слишком долго, так как уже меньше чем через минуту со стороны послышался чей-то крик и хватило лишь мгновения для того, чтобы нечто с громким гулом, как у самолета, спикировало вниз, сшибло собой несчастного ворона и с грохотом врезалось в ствол близлежащего столетнего дерева.

Немного оклемавшись от произошедшего, сапсан подлетел ближе к месту столкновения с древесным стволом и взору золотистых глаз предстала восседающая на швабре, мохнатый конец которой сейчас был воткнут в ствол могучего растения, молодая девушка в симпатичном сером пальто, поправляющая такого же цвета котелок, съехавший ей на травянисто-зеленые глаза.

Чуть завидев рядом с собой птицу, молодая особа заголосила звонким голоском:

— ГОР!!! Друг мой л-ле-та-ю-ш-чий! — Она сделала несколько плавных движений руками, имитируя взмахи крыльев. — Какое это всё-таки счастье, что мы с Матильдой приземлились..! Ну, или, не совсем приземлились... В общем — прибыли именно сюда и встретили вас! — Девушка несколько раз стукнула каблуком остроконечного ботинка по стержню швабры и та начала потихоньку выезжать из своего, и в этом сомнений не возникало, не самого удобного положения.

— Я надеюсь, мы вам особых неудобств не доставили? — Продолжала храбрая наездница столь неординарного летательного аппарата. — Просто моя дорогая подруга в один момент решила срезать путь через лес, меня об этом не предупредив! А вы ведь знаете, какая она иногда бывает ненаблюдательная? В любом случае — это прогресс! Мы совершили неконтролируемое падение, и при этом ни-ко-го не сшибли!!! — И в этот самый момент с земли послышался тихий стон, издаваемый оглоушенным вороном, валяющемся в несколько неестественной позе.

— Н-Ну или... Почти...

Быстро подлетев к раненому представителю семейства пернатых (в ходе недолгосрочного полета, кстати, можно было бы случайному наблюдателю заметить вот такую особенность — метла, или же Матильда, летела задом на перед), девушка аккуратно завернула его в широкий носовой платок и положила за пазуху. После этого они вместе с

сапаном Гором полетели к городу, всю дорогу к которому веселая наездница метлы во всех красках рассказывала последние события из её жизни, из жизни «Ковчеха» и не только.

Долетев до площади с усыпанным переливающимися цветами бугорком с дверью по середине, из которого как раз сейчас выходили два силуэта, метёлка со свистом спикировала вниз и налетела на один из них.

— Имир! Мой любимый и дражайший друг! — Сняв с себя котелок и совсем не поинтересовавшись у лежащего под ней товарища о каких-либо травмах вновь завизжала девушка. — Как же я счастлива, ох, как же счастлива, что вы оказались именно здесь и мы с вами так быстро встретились! Бывает же!

— Да... — Нервно выдохнул Имир, чуть скосив глаза. — Бывает...

Только после этого девушка наконец заметила стоящего в полуметре худенького мальчика, с чуть приоткрытым ртом и густой челкой, закрывающей больше половины лица.

— Да, кстати, это Агний! Наш новый товарищ... — Без всяких лишних перегибков и вопросов, светловолосая красавица встала и широкими шагами и широко-о-о растянутым в немного неестественной улыбке лицом приблизилась к мальчику и рывком нагнулась к нему. Немного робко, Агний протянул ей свою бледненькую, прохудившуюся до костей и выпирающих жил руку, которую девушка тут же схватила железной хваткой и несколько раз встряхнула так, что в ладони чуть суставы не порвались.

— Гальдора. Личный воздушный курьер, выпускник элитной академии для одаренных ведьм и колдунов имени Глафтора-Дырявого-Башмака, потомок великой династии Фофтеров, основанной две тыщи лет назад моим доблестным пра-пра-пра-пра-пра и еще черт один знает сколько прадедули Стэнья, носитель знамени старейшего ордена защиты всех магических существ, а также просто хороший друг — к вашим услугам! — Агний наконец вырвал руку из мощного обхвата Гальдоры и, разменяв изрядно помятую ладонь, чуть запинаясь промямлил, смотря на новую знакомую:

— Оч-чень приятно...

Тем временем вниз уже спустился и Гор, который присел на согнутое колено всё еще лежащего на земле Имира и издал не громкий клич в знак приветствия.

— А здравствуй... — Выдохнул юноша. — Как там дома? Чт..? Да знаю я, что я задержался, чего вы разволновались-то? Мне-ж не десять, как Лейву!

— Кстати, Имир, а ты... — Но Гальдора не договорила, так как на их с Агнием плечи вдруг рухнули крепкие руки Искури, что заставило обоих вздрогнуть от неожиданности.

— Вы чего стоите тут, на морозе, а? — Бодро усмехнулась всё еще находившаяся в концертном платье девушка. — Заходите! Перерыв тем более почти окончен!

По дороге вниз Гальдора успела поведать другу в чем собственно дело и даже успела мельком показать пациента. Имир особо не раздумывая решил заняться им прямо сейчас, и им для этого выделили даже небольшую и совершенно не пыльную подсобку под сценой, со столом и даже работающей лампой на нём.

Как только всё было готово, Имир аккуратно развернул белый платок и осмотрел раненую птицу.

— Ну что там? — Заинтригованно и немного зловеще, при этом широко вытаращив глаза и глядя Имиру через плечо со своей верной спутницей Матильдой, прошептала Гальдора.

— Тут... — Имир прищурился и заметно напрягся

— Ну что у вас там? — Послышался со стороны лестницы голос Искури, эхом

разнесшийся по затхлому подсобному помещению. Имир на нее не среагировал.

— Тут... Тут... В общем, видите? — Парень аккуратно приподнял одно крыло так, чтобы было видно основание крыла. — Вот: тут механизм. У него механическое всё тело, кроме головы. Это киборг, самый настоящий! — Пока он это говорил, Агний чуть поддался вперед, для того чтобы лучше рассмотреть распластавшегося на белой ткани и совершенно не подающего абсолютно никаких признаков жизни ворона и уставился прямо в его бледный рыбий глаз, с синим зрачком и черными прожилками. Стоило только размытому отражению мальчика очутиться в середине мутного глаза, как тот зловеще сверкнул в полумраке и тут же птица вскочила на костлявые ножки и заорала разными голосами на всю подсобку, заставив всех отстраниться назад.

— Да это смешно-о-о! Смешно-о-о! Смешно-о-о! Мальчик раб в Ковчеге! В Ковчеге говорю! В ковчеге мальчишка! Да он его разорве-е-ет! Разорве-е-ет! Король свихну-у-улся! Король свихну-у-улся! Свихну-у-улся! — После этого последовал кряхтящий гогот, от которого волосы на голове зашевелились, после чего ворон беззвучно рухнул на спину и благополучно сдох.

Все медленно повернули голову к Агнию, который, казалось, просто перестал дышать. Из единственной части лица, которое в сочетании с темными волосами казалось раз в пять бледнее, чем сейчас есть, а именно приоткрытого рта, вырвался судорожный, медленный выдох.

Уже через каких-то полторы часа Агний с замирающим сердцем невольно вслушивался в доносившийся из каюты капитана разговор, стараясь унять дрожь в коленях, колкость в горле и мелкий зуд в кончиках пальцев. Бедного мальчика морозило как при гриппе. Этот неумолимый внутренний холод вызывал спазм во всем теле и даже перекрывал доступ кислорода в легкие.

— Вы с ума не сошли?! Какая столица?! Вы хотите, чтобы Бальтазар двинулся прямо в сердце «Ковчег» и сравнял его с землей?! Это Бальтазар, понимаете? БАЛЬТАЗАР!!!

— В столице намного безопаснее, чем здесь, там будет намного легче защитить мальчика.

— А на кой черт нам его..? В смысле, я имею ввиду... Ну, я хочу сказать, что не проще будет, если мы его просто... Ну, в-вы сами поним...

— Убьем? Скинем назад, в королевство? Ай-яй-яй, Имир! Что бы сказал учитель!

— Заткнись!

— Так, тихо! Драки нам здесь не нужно! Имир, пойми, если этот мальчик действительно так нужен Бальтазару, что он даже готовит вторжение в «Ковчег» для того, чтобы заполучить его, значит, в этом что-то есть.

— Да нафиг ему этот пацан сдался! Как вы до сих пор не поняли? Ему нужен не мальчик — ему нужна наша ЗЕМЛЯ! Я даже не удивлюсь, если Бальтазар сам этого мальчишку и подкупил, чтобы он хитростью пробрался сюда и этот хренов царь получил полное право на вход сюда!

— Договор между Бальтазаром и Зигмундом был подписан кровью и его нельзя будет обойти никакой хитростью, и вы это сами знаете!

Зависла пауза, после чего послышался глухой удар, как показалось, по деревянному столу.

— Всё, решено, отправляем его в столицу! Не нам распоряжаться судьбой Агния.

После окончания совещания все четверо: Имир, Гальдора, Искури и Орландо вышли и

как можно мягче объяснили Агнию всё их настоящее положение. Мальчик в своё время, вопреки тому, что он и так всё прекрасно слышал и понял, просто немо кивал головой.

Наконец, лохматого страдальца собрали, вручили карту с компасом, объяснили как ими нужно пользоваться и отправили в дорогу.

Вот только уже выйдя за ворота города, Агния вдруг окрикнул съезжающий за ним с пологого песчаного склона Имир.

— Вот. — Ухнул запыхавшийся парень и протянул недоумевающему путнику завернутое в конверт письмо с очень извилистой и красивой красной печатью. — В столице живет мой учитель — Зигмунд Вальгард. Он хороший человек, он поможет тебе. Если в городе заблудишься — просто покажи любому прохожему эту печать и он тебе укажет дорогу. Как доберешься — передай учителю это письмо. Хорошо?

— Х-Хорошо. — Кивнул головой Агний, неотрывно смотря на Имира невидимыми глазами.

— Всё. — Выдохнул последний, хлопнув мальчика по плечу. — Тогда — бывай. Удачи тебе!

Уже подходя к городским воротам, Имир слышал над собой звонкий клич сапсана и, подняв голову, как и ожидалось, завидел над собой Гора, плавно рассекающего просторы розового неба и летящего прямо за удаляющимся всё дальше и дальше маленьким худеньким силуэтом.

— Присмотри за ним, друг. — С легкой улыбкой промолвил юноша, встречая взглядом рассветное солнце.

***

Бальтазар судорожно распахнул красные глазищи и, вскочив с кровати, начал судорожно дышать, будто после марафона на одном дыхании. Опять эти сны... Опять эти кошмары... Да еще эта головная боль... Будто дрелью голову сверлят!

Немного придя в себя, король, ни секунды не раздумывая, кинулся к прикроватной тумбочке и начал без разбору сыпать в дрожащую и мокрую ладонь таблетки, будто от этого зависела его жизнь. А их там, уж поверьте, было целое магазинное ассорти...

— Скверного вам утра, повелитель! — Послышался откуда-то со стороны всё такой же как всегда безразличный и холодный голос Внутреннего Советника. — Что? Опять забыли принять таблетки перед сном? Так вас взбудоражил этот бедный мальчик?

— Да от них, по крайней мере, пользы побольше будет, чем от тебя! — Хрипло бросил Бальтазар, одним рывком забрасывая, точно в бездонную шахту, горсть сыплющихся на пол и звонко отскакивающих от мраморной поверхности таблеток прямо в рот. Проглотив всё это богатство, мужчина вновь пластом рухнул на кровать и уставился в потолок. Внутри что-то всё еще было туго сжато, и только сейчас это что-то начало понемногу распрямляться и приходить в себя. Признаться честно, даже Внутренний Советник иногда поражался, вопреки своей природе, выносливости организма Бальтазара, так как от такого залпового поглощения столь огромного количества лекарств любой нормальный человек уже бы давно в муках откинул ноги. Хотя уже многие (да что там многие? Почти все) жители королевства и далеко за его пределами уже давно усомнились в том, а человек ли вообще то красноглазое существо, без разбору косящее население королевства и воспринимающее это как средство удовлетворения каких-то своих дьявольских наклонностей? Но они не знают... Они ничего не знают...

Кто бы что не думал, но сам король уже давно стал чувствовать, как медленно разрушается его душа и разлагается тело. Настолько давно, что он и сам не смог бы точно сказать, с каких пор. Он даже сам на себя производил впечатление чего-то мерзкого, склизкого, тухлого и вздувшегося, как утопленник, изрыгающий из себя тонны зловонной гнили. Одним словом — жуть.

Ну да ладно, на это времени нет, пора вставать.

Приведя себя с горем пополам в порядок и как вечный последний штрих его каждоготренного небольшого ритуала водрузив себе искусно сделанный века назад венец на голову (причем медленно, как говорится, со вкусом, как в самый первый раз) и надев на руку заумное железное устройство, внушающее неподдельный ужас одним своим видом, направился в тронный зал под отдающийся гулким эхом в пустынных коридорах грохот собственных тяжелых сапогов.

И всё-таки, абсолютно невзирая на повседневное и не предвещающее ничего особенного начало дня, у Бальтазара было какое-то чертовски паршивое настроение. И самое главное даже сказать нельзя, из-за чего... Из-за кошмара? Смешно! Из-за недосыпа? Да и к этому уже давно привыкли. Из-за того, что казней давно не было? Бальтазар не такой уж и садист, может и потерпеть. Из-за того, что он банально пропустил завтрак? Да тоже не такая ж и большая потеря, не помрем... А может... из-за мальчика?

Нет, это просто какой-то бред... Они же не в сказке про Гадкого утенка находятся, верно? Он — мелкий и худющий, как шпунтик, раб, которого еле ноги держат, а Бальтазар — злой гений, тиран и маньяк, отправивший в адское жерло не одну сотню человеческих душонок. Смех, да и только.

Заведя за покрытое ровной колонкой шрамов ухо облаченным в железный доспех с кучей проводов (от которого за метр несло паленым железом) пальцем темную прядь, упавшую на глаза и лениво потянувшись Бальтазар облокотился на ручку трона, закрыл глаза и начал вспоминать:

Позднее утро. Белое летнее солнце уже давно поднялось из своей зеленой пастели-горизонта и теперь приветливо просовывало свои теплые, игривые лучики через витражи на окнах королевской столовой, освещая все вокруг радужными бликами.

За пышно накрытым столом сидит большая семья: молодые родители в самом расцвете сил — король с королевой — и их дети: пятеро мальчиков и две девочки. И все они такие нарядные, такие опрятные, такие... счастливые. От них так и тянет этой неиссякаемой жизнью и чем-то лучезарным, что освещает всё вокруг даже в самые трудные дни. Ну, или, почти ото всех...

Как сказал один человек — «В семье не без урода». Сказал, и был в общем-то прав. Вот и здесь, точно черная блямба чернил на идеально белом полотнище сидел этот самый «урод» — предпоследний сын, пацан пятнадцати лет; сутулый, бледненький, хиловатый и с потупленным взглядом, безразлично смотрящим в серебряное блюдо с остывающим супом, сжав руками сидущку стула с бархатной обивкой. У него не было аппетита. У него никогда не было аппетита в это время суток.

Скучающий разум в один случайный момент провел аналогию между плавающими на поверхности бульона кусками овощей и мяса, а точнее с местом их положения, и улыбающимся лицом.

Суп ему улыбается. Улыбается, и просит: «Ну съешь меня скорее! А то я испорчусь, и будет плохо... А ведь меня готовили специально для тебя!»

Худощавый принц усмехнулся и на тонких губах застыла невольная полуулыбка.

«У тебя есть желания, да? У меня они тоже есть... Вот только кого это волнует?»

Темные и смотрящие неестественно взросло на мир глаза поднялись на входную дверь. Там, стараясь не прерывать всю эту семейную идиллию, стояли слуги. Они любили наблюдать за царской семьёй в такие моменты, умиляясь их неиссякаемой любви и привязанности друг к другу.

«Думаете всё так идеально? Хах, ну-ну»

Взгляд из под черных волнистых локонов переметнулся на родителей. Как уже упоминалось, молодые и красивые мужчина и женщина. Отец, как и подобает истинному главе семейства и королю соответственно, представлял из себя собирательный образ из крепкого, сильного и стойкого как гора мужчины, мать же — мягка, добродушна и мила, в ней не может быть ничего грубого и злого.

«Мои родители мной абсолютно не интересуются. Именно мной. Я крайний для них»

Дальше по списку были два старших брата-близнеца — Худэпин и Говард. Оба, как и подобает близнецам, равны, как на подбор, долговязые, светленькие, кудрявые и конопатые.

«Ничего особенного. Просто два балбеса, которым в семнадцать лет просто ни на что большее умственных способностей не хватает, как собирать таких же отморозков, только в разы тупее, вокруг себя и вместе с этой вот «свитой» устраивать каждый раз какую-то хрень. Выпивка, дебош, легкие девочки — это всё про них»

Дальше младший братик, Химелен: черноволосый и симпатичный парнишка с большущими и ясными, как голубое небо, глазками и не менее ангельской улыбкой.

«Мелкий паршивец, постоянно лазает в мастерскую и устраивает там погром, даже если дверь закрываю. Подхожу к нему: «Кто это сделал?», а он улыбается так, паскудненько, и глазки в пол тычет. Мр-р-р, прибил бы! И всегда, главное, «виноват сам». Сам, видите ли, не убрался вовремя — вот всё и разворотили. Это же ребенок, ему всё интересно! А если на этого оболтуса еще и что-нибудь упадет — так тут вообще, тушите свет...»

Подошли к девочкам, Солин и Алиса, светловолосая принцесска и темненькая мышка.

«Девочки, как девочки. Любят кукол, розовый цвет, ну и... Всё такое. Я ими не особо интересуюсь. Меня для них нет — и их для меня нет»

И наконец — первенец. Старший брат, Принцен. Ну тут уже имя говорит само за себя — самый классический прекрасный принц из сказки: силен и храбр. Гордый профиль и немного грустноватый взгляд. На этом всё. Больше о нем сказать нечего. И дело вовсе не в том, что скучающий наблюдатель им тоже не интересуется, совсем нет, просто... Принцен из разряда таких людей, которые рождаются, проживают без каких-либо происшествий своё тихое и беззаботное детство, учатся, вырастают, женятся на таких же среднестатистических и старающихся не выделяться особо ничем людях, с которыми потом они нарожают себе кучу точно таких же детей, работают размеренно и без перевесов, стараясь ничего не менять в привычном укладе жизни, и благополучно умирают. В общем, не выдающийся ум, но и не дурак. Самый обычный среднячок, каких в мире необъятной миллионы — миллиард. Но вот почему-то родителей, в особенности маму, именно эта его простота и невозмутимость и подкупала. Всегда и при каждом случае она повторяла своим сыновьям: ровняйтесь на брата. В смысле «ровняйтесь»? на кого ровняться? На этот сосуд, в котором нет ничего своего? Он — это он, а они — это они, и в этом отношении Худэпин с Говардом за словом в карман не лезли, но даже мама, вопреки своему обыкновению всем и всему на свете угодить, нежно, но пресекала их. Безмолвный наблюдатель бы тоже что-нибудь бросил в такой ситуации, но кто

его послушает? Никто... Не послушают, да еще и высмеют.

— Чего не ешь? — Внезапно прозвучало над самым ухом.

Бальтазар вздрогнул всем телом и звучно ударился коленями об столешницу, из-за чего спустя мгновение оказался под испепеляющим прицелом непонимающих взглядов всех членов его семьи, в то время как виновница сего казуса со смехом прошествовала к еле сдерживающим гогот подружкам. Звали эту причину Адруной — невысокая девушка с внешностью стереотипной деревенщины — бледно-голубые глаза на выкате, коровьи ресницы, круглое лицо в бледных веснушках, следка выпирающие передние зубы и обрезанной чёлкой. Будучи дочерью прислуги, она, однако, быстро вычислила в нелюдимом принце объект для насмешек. То, как сейчас, что-то исподтишка скажет, то, если их весёлой компании доведётся оказаться рядом с потонувшим в своих мыслях и уставившимся в одну точку принцем, могла с широкой улыбкой, будто она общается с ребёнком, помахать перед ним рукой и всё в этом роде. Один раз подобный мелкий подкол Адри сильно взбесил и без того находившегося в дурном расположении духа Бальтазара и он, вскинув руку, с силой потряс в воздухе кулаком, еле сдержавшись, чтобы не показать средний палец. Это привело к тому, что всю следующую неделю, стоило только компании Адри оказаться поблизости, он обязательно слышал в свой адрес: «Бальтазар, покажи кулак!».

Принц прекрасно понимал, что и Адркуна, и братья, и некоторая прислуга, и даже папа с мамой смотрят на него, как на недоразвитого дурачка, над которым можно при случае или от «нечего делать» можно несильно и при этом безнаказанно посмеяться. Ну, а что он мог сделать с той же Адри? Наорать на неё? Облить отменной грязью? Отомстить? Унизить? Нет, Здесь ситуация та же, что и с Солин — орёт и ругается только слабак. Сильный же одним лишь своим взглядом способен пресечь на корню одну лишь мысль высмеять его. Всё это благодаря уверенности. Благодаря внутреннему стержню. У Бальтазара его, к сожалению, нет. Однако он пытается его взрастить. Всеми силами. У него есть способности, у него есть ум, у него есть его изобретения, у него есть союзники...

Так почему не выходит?

***

Путь через осенний лес занял большую часть времени. Был он не особо сложен: вокруг росли молодые деревца, закрученные в экзотические узлы корни, под ботинками шуршала опавшая листва, солнечные лучи пробивались через пышные и плотные кроны разноцветных деревьев, будто через треснувший в каких-то местах витраж.

Сначала вся эта красота захватывала дух и было просто невозможно отвести глаз, но уже через какой-то промежуток времени Агний начал больше смотреть под утопающие в сухой траве и листьях ноги, ибо лес всё не кончался, силы были не долговечны, но всё-таки добраться до места назначения хотелось как можно быстрее.

Как вдруг, когда не чувствовавший ног мальчик уже просто с головой и пятками ушел в собственные мысли, самого кончика носа коснулось что-то холодное и мокрое. Что это? Снег? Да нет, не может этого быть, откуда ему тут взяться? Но, как можно было уже догадаться, мысли эти были более чем наивны.

Прошло двадцать минут — белые кристаллики уже водили самозабвенные хороводы вокруг одинокого путника, прошел час — Агний уже широкими шагами переступает огромные белые сугробы сухого снега, достававшие ему почти до колена. Вокруг были абсолютно голые деревья, черные стволы которых плотно обвивали заумные природные

кружева, которые, казалось, ни разу не повторялись.

И что еще заметил Агний, так это то, что ему совсем не было холодно. Нет, одет он был достаточно тепло, но мороз совершенно не касался тела мальчика; ни лица, ни рук. Либо Агний уже успел хорошенечко разогреться за всю дорогу и его спасает внутреннее тепло, либо... А хотя, парень после столь резкой смены климата уже совершенно перестал удивляться чему-либо.

Как вдруг откуда-то со стороны послышался тонкий птичий клич, и, подняв голову, Агний рассмотрел среди белой лесной пелены сидящего на небольшой и длиннющей (уходящей в самую глубь леса) возвышенности сапсана, глядящего неотрывно прямо на него. Только этот взгляд не был изучающим или бессознательным. Нет, вовсе нет, ибо даже на расстоянии чувствовалось то, что это совершенно не обычная птица, и в её взгляде читался явный призыв приблизиться. Агнию на секунду стало даже как-то неуютно, но он всё-таки подчинился и, неуверенно, но верно, направился к своему пернатому наблюдателю, вскарабкался на возвышенность (которая так и осыпалась под ногами, поскольку, как оказалось, была сделана из мелких галек) и за секунду до того, как мальчик поднял косматую голову, чтобы в очередной раз взглянуть на хищного летуна, птица вновь издала тонкий клич, взмахнула крыльями и улетела.

Только Агний уже собрался с досадой вздохнуть и начать спускаться назад, как вдруг его внимание привлекло что-то блестящее, замеченное боковым зрением. Как оказалось, на том самом месте, где сидел сапсан, в тонком слое снега затерялась золотая монетка. Ах, да! Это называется жетон на... Ну, этот самый... Поезд! И лежал он на широком изваянии из металла, напоминающем изогнутую и плоскую лестницу. Это называется, кажется, рельсами...

Про всё это Агнию рассказывали перед самым походом, вот только голова мальчика и без того была перегружена всяческой не менее важной информацией, и потому парень слушал своих товарищей в пол уха. Всё что ему удалось запомнить, это то, что поезд — это такая длинню-у-ущая машина на колесах, которая может передвигаться без лошадей и служит для более быстрого перемещения из одного места в другое. Чтобы попасть на поезд, надо добраться до так называемой «станции», купить там «жетон» и преспокойно уехать. Для покупки последнего ему даже денег дали. Вот как-то так.

Как вдруг радостные размышления мальчика прервало то, от чего у него чуть не случился сердечный приступ. Через секунду после того, как оглушительный звук, похожий на рев дикого слона, безжалостно прокатился по барабанным перепонкам, мальчик машинально повернул голову и встретился лицом к лицу с огромным металлическим монстром с пылающими глазами и изрыгающим из себя целыми клубьями черный дым. На секунду, как показалось, вся кровь разом ушла куда-то вниз, к стопам, мальчик рванулся вперед, покотился кубарем вниз и шлепнулся в сугроб.

Немного придя в себя, Агний медленно приподнялся на руках и узрел проносящийся примерно метрах в двадцати от него длинный хвост того чудовища, разделенный на множество частей, точно тело гусеницы. Каждая «часть» была похожа на узкий одноэтажный дом со множеством квартирок с кружевными занавесками на окнах. Неведанное существо издавало лёгкое постукивание, беспечно проносясь мимо случайного свидетеля, а Агний просто наблюдал за ним, пока оно не скрылось в заснеженном лесу.

Агний посмотрел на свою правую руку. Монетка была на месте. Мальчик так сильно испугался, что не то что не выронил её, а наоборот, сдавил с такой силой, что её края

въелись в бледную плоть, оставив красные борозды.

Парень невольно усмехнулся, представляя собственное перепуганное насмерть лицо, как вдруг его вновь отвлек внезапно раздавшийся со стороны звук, теперь уже похожий на трезвон колокольчиков, и уже изрядно изношенная за последнее время нервная система мальчика тут же среагировала и он, точно лягушонок, прыгнул вперед и тут же со спины послышался почти тот же стук колес, только намного тише.

Мальчик обернулся. На фоне большой, белой и освещенной солнцем поляны, проглядывавшей сквозь прореху в ровном и густом лесном «заборе», мимо Агния проезжало нечто отдаленно напоминавшее ту страшную гуделку, только было оно намного меньше, состояло лишь из двух небольших отделений и вместо трубы, из которой шел дым, у этой штуки были рога, прицепленные к черным шнурам наверху, которые мальчик до этого не замечал. И самой важной и наиболее сильно бросавшейся в глаза деталью было то, что это нечто было будто бы сплетено из тонких черных прутиков, напоминавших лозу.

Немного поразмыслив над своим текущим положением, Агний решился идти по направлению движения того огромного чудища. Тем более, через определенный промежуток времени пути по «рельсам», мальчику попала высокая палка с двумя будто бы сплетенных их железных ниточек стрелками, в которой он без труда распознал указатель. Одна из стрелок указывала туда, куда сейчас направлялся Агний, а другая в противоположную сторону. Читать парень не умел, но вот в цифрах более-менее разбирался, так как тому, кто регулярно ходил на рынок за продуктами, этот навык был просто необходим. Да и сейчас без него никуда.

«Так-с... Туда — сорок» — кивнул Агний в сторону своего изначального направления. — «Туда — сто двадцать.» — кивнул в другую. — «Сорок... Сорок меньше ста двадцати... Значит иду правильно!» — Обрадовался своей правоте мальчик и с возросшей уверенностью в свои силы зашагал вперед и уже через неопределенный промежуток времени он оказался перед не особо большим кирпичным зданием, над входом в которое было выложено какое-то слово из объемных красных букв, но Агний, как не сложно догадаться, ничего не разобрал. Скорее всего, это и есть «станция».

За большими двустворчатыми дверьми было не так много народу. Кто-то зашел чисто погреться, кто-то копошился рядом с большим прилавком с едой, вырезанным прямо в стене и от одного вида которого у Агния загустела слюна, а некоторые, как понял мальчик, покупали в каких-то окошечках «жетоны», опускали их в непонятные железные штуки с вентилями, преграждающими дорогу, и проходили дальше. Подойдя чуть ближе и глянув на пространство за «перегородками», Агний разглядел уходящую вниз широкую лестницу из белого камня, а внизу виднелись четыре дорожки с «рельсами», на двух из которых и стояли те самые не то гусеницы, пышущие дымом, не то дома на колесах.

«Это, наверное, и есть эти самые «поезда»!» — про себя подумал Агний, неуверенно подкрадываясь к железным перегородкам с вентилями, будто к невиданному ранее зверю. Хорошенько изучив действия других людей и рисунок на железной «коробке», Агний опустил свою заветную монетку в тонкую дырку, на которую указывала красная стрелка, прошмыгнул через вентиль и вскоре оказался уже внизу. Только вот... что дальше? В какой заходить и что вообще делать?

Мотая головой из стороны в сторону, внимание Агния вдруг привлек рослый, шкафоподобный дядька в строгой форме, длиннющими усищами и высоченной шляпке с манжетами, стоящий около стены и, видимо, поставленный здесь для того, чтобы разъяснить

вот таким вот горе-пассажирам что, как, зачем, да почему.

Изрядно потрепанный жизнью и не привыкший лишней раз заговаривать с посторонними людьми мальчик, почти в полуприсяде подкрался к мужчине, который, казалось, не обратил на него ровным счетом никакого внимания, и невольно запинаящимся и писклявы голосом спросил:

— П-Пр-ростите... Вы не подс-скаж-жите, где п-па-поез-зд до с-столиц-цы? — Мужик глянул на мелкого собеседника сверху вниз, не сгибая ровной, как струна, спины и еле заметно приподняв одну бровь, после чего громогласно провозгласил на всю станцию.

— Поезд до столицы отходит с четвертой платформы — он указал ровной рукой на дорожку, около которой была вывеска с цифрой «четыре» — в девятнадцать часов, сорок три минуты, то есть... — Мужчина строгим взглядом взглянул на руку. Как оказалось, там у него располагались часы на кожаной лямке. О существовании подобных Агний даже не подозревал до сегодняшнего дня.

Посмотрев время, мужчина вновь вернул руку в исходное положение и не менее громко закончил:

— ...через двадцать минут!

Так же тихо и сжато поблагодарив, Агний поспешил, точно мышка, удалиться от этого человека-громофона к указанной дорожке.

И вот, Агний уже преспокойно сидит на зеленой скамеечке, жуёт толстый и продолговатый бутерброд, периодически вытирая с подбородка и жадно слизывая стекающий майонез и томатный сок, и запивает каждый прожеванный кусок холодным молоком прямо из горлышка бутылки. Ему, конечно, когда еду про запас давали говорили, чтобы он слишком много не наедался, мол, плохо будет, но хоть один раз своему желудку, как думалось самому мальчику, небольшой праздник устроить можно, после стольких-то голодных лет.

Как вдруг откуда-то издалека послышался уже знакомый гул и не прошло и нескольких минут, как к четвертой платформе подъехал огромный синий поезд, из которого тут же повалились нагруженные по самое не могу чемоданами и иными вещами пассажиры. Агний уж было торопливо вскочил с места и побежал к входу, но его жестко одернула высокая контролерша в меховой шинели и огромным носом, сильно выделявшимся на фоне худых щек с острыми скулами.

— Нельзя! Убирают! — Парень послушно поплелся в сторонку.

Так прошло еще какое-то время мучительного ожидания, пока, наконец, не прозвучало заветное «Посадка началась!» и в двери поезда начали активно загружаться новые люди.

Перед самым входом Агний вдруг замешкался и нерешительно решил уточнить у той же самой большеносой контролерши:

— А после посадки что делать?

— Проходим! Проходим! Рассаживаемся в купе! — Безразлично бросила женщина и, даже не посмотрев на мальчика, одним резким движением руки впихнула его во внутрь.

— Н-Но... В какое? — Но его уже не слушали.

С легким душевным напряжением Агний всё-таки нашел свободную комнатку, вошел в неё, хорошенько осмотрел на наличие чужих вещей, после чего, ничего не обнаружив, закрыл за собой дверь, снял наконец уже успевший натереть плечи рюкзак и пристроился на нижнем ярусе одной из двуспальных кроватей и, потирая запотевшие от волнения руки на небольшом раскладном столике перед окном в ожидании чего-нибудь.

В конце-концов дверь отварилась и в небольшую щель просунулась смуглая девичья голова с двумя рыжими косичками и большими карими глазами. Агния аж подбросило от неожиданности.

— Занято? — Пролепетал тоненький голосок. Агний, оклемавшись, отрицательно покачал головой.

Вскоре к его новоприобретенной соседке прибавилось еще несколько девиц, как видимо, её подруг, с которыми она уже успела хорошенько разговориться, но Агний их уже не слушал. Прозвучал финальный свисток, поезд отошел от станции и помчался по белым далям, пронесившимся мимо окон и колебавших ранее спящие непробудным сном чувства в самом сердце мальчика-раба. Хотя, теперь уже бывшего. Он свободен, и эти просторы, от которых сказать, что просто захватывало дух, значило замолчать навеки, лишь подкрепляли это ощущение полной вольности и долгожданного единоличного обладания своей собственной жизнью, которое не приходило к парню даже в самых заоблачных мечтах и снах. Ни один человек, никогда не лишавшийся свободы, никогда не поймет, каково это, быть хозяином своей жизни, мыслей, действий и всего, что вообще по праву принадлежит живому существу в дар от самой природы. Теперь та коморка с решетчатым окном, те регулярные издевательства, голод и уже столь привычный страх с болью казались частичками какой-то прошлой, чужой, былой жизни, к которой мальчик уже никогда не вернется. Она его просто не догонит. Ведь он здесь, внутри этого мчащегося по зимним просторам наперекор ветрам дома на колесах. Теперь уже было всё равно на весь мир.

И тут послышался странный скрежет и Агний успел лишь повернуть голову, чтобы встретиться носом с полом. Только парень поднялся, как дверь в купе тут же распахнул взволнованный контролер и всех людей поголовно вывели из поезда наружу. Из-под колёс «головы» поезда валил дым. «Непривязники опят бунтуют» — то и дело звучало со стороны. Что за непривязники? Агнию в тот день этого узнать было не суждено. В любом случае, у пассажиров оказалось лишь два пути: либо ждать починки, которая может затянуться на неопределенный срок, либо добираться до города уже своим ходом. Раздосадованный Агний уж было хотел дожидаться устранения неисправностей, но, прождав достаточно долго, всё-таки решил пойти пешком. Что он в конце концов, пополам сойдёт из-за этого? Но путь оказался на деле не таким уж и легким, как казалось изначально. Раньше практически незаметная ноша за спиной на лямках вдруг резко потяжелела, ноги стала бить мелкая дрожь, в ушах периодически появлялся шум. Агний устал. Он просто не привык к столь длительным и, самое главное, не скупым на препятствия путешествиям.

А время шло. Совершенно незаметно стемнело. Совершенно незаметно на небе засверкали звезды, совершенно незаметно пошел мелкий снег, совершенно незаметно сугробы сменились на каменную мостовую, а ряды деревьев на высокие каменные дома с темными окнами. Но мальчику было уже всё равно куда и зачем он идет. Ведь всё равно он куда-то дойдет, верно? Вот и хорошо!

Но вот уже, казалось, превратившиеся в истлевшие спички ноги подкосились и измученный Агний свалился на чей-то припорошенный тонким слоем снежка порог. Свалился и благополучно провалился в глубокий и столь долгожданный сон.

Глава 5. В гостях всегда хорошо

Словно бочка с еще вчера затонувшего в темных водах корабля, медленно выносимая на берег теперь уже мирными волнами, выплывал разум Агния из черноты. Мальчик не сразу понял, где находится; лежал он под чем-то плотным и приятным на ощупь, тело тоже было облачено во что-то нежное и даже по ощущениям свежее, а к голове (точнее — ко лбу) было привязано нечто округлое, немного горячее и... Это сложно объяснить... Наверное, те же самые чувства испытывает слепой щенок, прижимающийся мокренькой головкой к мягкому, теплему и немного мохнатому животу матери. Кинетическое блаженство и следующее за ним чувство умиротворенности.

Медленно-медленно Агний приоткрыл глаза на, казалось, лице с по-настоящему задубевшими мышцами. Первое время всё было размыто, пред взором плавно появлялись и исчезали «белые мухи». Агнию даже в какой-то момент показалось, что он медленно покачивается из стороны в сторону и вот-вот просто рухнет со своего лежбища в бездонную бездну, что заставило его на несколько секунд вновь зажмуриться. Но это продолжалось не так уж и долго.

Вскоре мальчик вновь открыл глаза, зрение пришло в норму и он смог разглядеть над собой высокий куполообразный потолок со множеством фресок в виде всеразличных фантастических зверей, птиц, растений и всё это представляло из себя будто бы сливающиеся и перетекающие друг в друга созвездия. Вот только обзор немного заслоняла лежащая на лбу мальчика... резиновая грелка.

Скрип открывающейся огромной, толстой и крепкой дубовой двери в обрамлении дверного проёма из живой древесной лозы, жгуты которой оплетали и ножки кровати, и стула, стоящего около заваленного всяким хламом от книг и записей до яблочного огрызка, и также заполонили половину пола просторной комнаты и расписного ковра на нем. Из темноты коридора вылезла маленькая рука, которая смотрелась неумолимо ничтожно на фоне огромной двери, которую она обхватила тонкими пальцами, как у юного пианиста, и вслед за ней показалась румяная мордашка с большими, листовидными и невероятно красивыми глазами, которые в сочетании с вьющимися и достаточно пышными волосами казались еще более выразительнее. Агний попытался приподняться на дрожащих руках, но державшаяся на одних лишь тонких бинтах грелка тут же слезла ему на лицо, потянув за собой темную шевелюру, и мальчик невольно ухнул обратно на кровать. Незнакомец, видимо совершенно не ожидавший того, что гость уже очнулся, испуганно вскрикнул и отпрыгнул назад, готовясь вновь захлопнуть скрипучую дверь, но тут в одно из узких окон с громким и приободряющим кличем впорхнул сапсан, словно луч рассветного солнца, и, плавно примостившись на железной лампе на рабочем столе, повернулся к чуть приоткрытой двери и стал, пригибая голову, будто зазывать, сообщая, что опасности здесь нет. Нежданный пришелец это понял и вступил в помещение.

— Вы отдохнули, сэр? — Стянув тяжесть со своей многострадальной головы и оказавшись вновь под покровом своей лохматой шевелюры, Агний уставился на стоявшего в паре метров от кровати невысокого парнишку с вышеперечисленными чертами.

— Простите, что я вас разбудил.

— Чт..? А-а н-нет, меня не будили, я сам проснулся. — Засуетился лежащий.

— Я суда ненадолго, просто мой брат сейчас в отъезде, а мне надо кое-что посмотреть в

его комнате. — С этими словами он быстрыми шагами направился к середине ковра, где стоял огромный глобус на вращающейся подставке, опоясывающей шар по линии экватора. Но был то не обычный глобус — все материки на нем были объемны, волны в синих морях шевелились, облака витали невесомыми скоплениями, похожими на пар, отходящий от кружки с горячим чаем, парили над поверхностью искусственной земли, а там, где на шар падала тень, можно было разглядеть мерцающие, словно выложенные из драгоценных камней, проступающие созвездия.

А если немного точнее, то нужен был кудрявому мальчику не столько глобус, сколько толстая и исписанная вдоль и поперек тетрадка, вся утыканная закладками и бумажками с дополнительными записями. А находилась она также на подставке около глобуса, изображавшей птичье гнездо на витиеватом дереве.

— Вы не поймите неправильно... — Вновь начал мальчик, уже начав листать запутанные письма. — Он просто крайне не любит, когда кто-либо трогает его вещи, особенно вот такие вот. Он не жадина, он просто... Бережливый очень. У него всегда так: если хоть что-то, даже спросив, тронешь... — Мальчик замолчал.

— Что? — Хрипло промолвил Агний, чуть подавшись вперед.

Кудрявый как-то по-заговорчески, кивнул, не оборачиваясь, на противоположную стену, где на крючке висел большой, расписной и достаточно увесистый деревянный половник.

— Вот этим вот по рукам как даст-даст — так всё, всякое желание пропадает. Ходим потом, всю неделю на друг друга дуемся. Что вы так смотрите? Да не волнуйтесь, не тиран он совсем! У меня и самого всегда чем ответить на такое найдется! Вот так и ведем мы скрытую войну. Учитель нас за это, разумеется, ругает часто, но мы же не из зла...

— Послушай... Ль-Лив? — Начал новый разговор Агний.

— Лейв. — Подправил его собеседник, предположив, что гость из местных, раз знает его имя, пусть и не точно.

— А ваш учитель ведь... Ну... Забыл...

— Зигмунд. Великий Зигмунд Вальгард. Верный спутник и главный советник королевского престола на протяжении двадцати семи поколений.

— Скольких..? — Просипел Агний, при этом лицо его сильно вытянулось. Лейв невольно усмехнулся.

— Да не удивляйтесь вы так! Он просто...

— Лейв! — Входная дверь распахнулась так резко, что Агния аж подбросило.

Само собой, двадцать семь поколений — это далеко не хуры-муры, и даже если какой-то человек каким-то невиданным образом умудрился прожить столько времени, на нем бы это непременно отразилось. И вы представьте просто удивление и даже шок Агния, когда вместо иссохшего старика, с опустошёнными и безжизненными глазами, а также еле держащими костлявое, лысое и полумертвое тело ногами перед ним предстал высоченный (два с лишним метра ростом) и крепкий мужчина в самом расцвете человеческих сил.

Лейв обернулся.

— Доброе утро, учитель. — Хоть и было понятно, что столь резкое появление наставника его тоже взбудоражило, но чувствовал мальчик себя в его присутствии более чем спокойно.

— Доброе... — Мужчина тяжело выдохнул и вытер пот со лба. Скорее всего, по лестнице длинной поднимался, уж с этими-то тварями у Агния всю жизнь была ожесточенная война.

— Что-то не так?

— Ты записи с пятой полки у меня не трогал.

— Да н-нет... — Лейв задумался, будто что-то вспоминая. — Я их вообще не видел.

— Да? — Наставник вновь устало вздохнул и приложил огромную жилистую ладонь к сморщившемуся, будто от напряжения из-за головной боли, лбу, при этом прикрыв абсолютно зеленые глаза (в том смысле, что хоть зрачок со склера и отличались от радужной оболочки тоном, но в плане цвета — нет). — Боже, ну куда я их тогда дел?

С звонким кличем, в котором прослеживалась даже доля вполне осознанной радости, Гор вспорхнул и через несколько мгновений оказался на плече своего давнего товарища и слегка, будто в знак приветствия, потрепал прядь светло-рыжих волос средней длины, в которой временами проглядывали отдельные волосы, отсвечивающие зеленым, синим или голубым.

Как вдруг мужчина, видимо, вспомнив что-то очень важное, встрепенулся и как можно тише сказал своему ученику строгим тоном:

— Лейв! Тебе кто сюда заходить разрешал?! Тут же..!

— А уже... — Одновременно со словами Лейва, указавшего рукой на кровать, мужчина обернулся и встретился взглядом с всё это время тихо сидевшим на матрасе и сжимавшим в воробьиных пальцах край одеяла Агнием.

— А-ах... — Лицо наставника озарило облегчение. — Уже проснулся! Ну-с... Я думаю, вы уже наговориться успели? — Оба — и Агний, и Лейв — одновременно качнули головой. — Хорошо.

Мужчина, в пол оборота повернувшись к дверному проему, будто готовясь уйти, кивнул в сторону последнего, глядя при этом на ученика.

— Спускайся. Пора завтракать.

— А...

— Наш гость к нам присоединится, не волнуйся. А сейчас — иди.

Бросив короткий взгляд на Агния Лейв кивнул учителю и поспешно скрылся в коридоре (не забыв при этом тайком прихватить с собой книжечку братца).

Агний невольно напрягся и стал ожидать каких-то слов или действий со стороны наставника, при этом плачевный опыт мальчика заставлял его сильно нервничать.

— Вовремя же тебя нашли! — Сначала до съездившегося раба, ожидавшего чего угодно, не сразу дошел смысл этих слов, но после в нем будто бы разжалась какая-то немислимо твердая и тугая пружина, но даже несмотря на это внятного ответа мальчик выдать не смог, ибо изо рта вылетело что-то в принципе неразборчивое и нечленораздельное.

— Хорошо, что нас было кому тогда разбудить... Так бы вообще замерз! — В этот самый момент мужчина безмянным пальцем (поскольку голова Гора была по сравнению с ладонью хозяина достаточно маленькой) потрепал своего пернатого друга по голове, отчего гордая птица распушилась, засвистела и на несколько секунд расправила крылья. Именно этот жест и подсказал мальчику, кто спас его от смерти на морозе.

Но тут Агний неожиданно вспомнил про письмо и это заставило его наконец заговорить внятно:

— А-а-а там! В вещах! Ваш ученик вам...!

— Ты про письмо? Я его нашел, не волнуйся, вывалилось случайно. Прости, конечно, что взял без спроса, просто на нем было моё имя и подпись отправителя... Ты ведь не против?

— Нень...Нет! — Мальчик помотал головой, всё еще приходя в себя.

— Хорошо... — Высокий человек повернулся к выходу. — Агний, верно? Та-ак. Сначала переодеваешься. — Мужчина кивнул в сторону стоявшей неподалеку деревянной табуретки, на которой была аккуратнее некуда сложена идеально выглаженная и чистая одежда. — Потом спускаешься. Столовая прямо по коридору и направо. Всё понятно? — Всё это наставник отчеканил четко, ясно и громко. Агний незамедлительно кивнул, словно он желторотый рядовой, находящийся перед генералом.

После этого мужчина кивнул и удалился.

Уже потом, сидя в своём потаённом кабинете, не отличавшемся от других самых классических домашних кабинетов увлеченных алхимией и всякой иной волшебной дребеденью личностей практически ничем, наставник, или же всё-таки назовем его наконец его собственным родным именем — Зигмунд, сидел на своем излюбленном стуле из прочной, толстой древесины, украшенной резьбой самого высшего мастерства и что служил своему владельцу верой и правдой без малого триста с лишним лет, и перечитывал письмо своего старшего ученика, находившегося в отъезде. В этот же самый момент Гор с кличем подлетел к столу и деловито приземлился на разросшиеся рога огромного оленьего черепа, стоявшего на нем в качестве в качестве бывшего экспоната для исследований, а ныне некой доски для напоминаний и вешалки для различных безделушек. (Дабы не навлечь на себя гнев ярых любителей живой природы упомянем, что сей олень умер своей смертью и большая его часть была похоронена со всеми почестями).

Зигмунд обратил на друга внимание, но глаз с письма не свёл.

— И не говори. — Устало выдохнул мужчина, откидываясь на спинку стула. — А ты был прав, парнишка вполне приятный... Меня вот только всё мысли не оставляют, чем он успел так Бальтазару не угодить... — Сапсан вновь что-то пролепетал на своем птичьем языке, а Зигмунд его тем временем внимательно слушал.

— Нет, ну знаешь, да и я не настолько глупый, чтобы не понять, что он к этому приложил свою ру... Ну, точнее, язык. — Древний ученый облокотился на стол, вид его сделался печальным. — Эх, а ведь когда-то я сам, в своих собственных руках принес этот камень далекому предку этого... царя... Хотел, чтобы он помогал, предвещал, наставлял... А оно вот как получилось...

Гор слетел с белоснежных рогов и, примостившись на широких руках Зигмунда, облаченных в толстые перчатки со шнурами, со всей своей звериной лаской потерся об нижнюю челюсть друга, поросшей хоть и короткой, но густой рыжей бородой. Как и следовало ожидать, всё это внимание Зига из мрачных мыслей выдернуло и даже немного приободрило. Заметив это, птица вновь сосредоточилась на изначальной теме и продолжил дискутировать.

— Чт..? Нет, ну это уже совсем бред. — Сощурил глаза мужчина. — Я Бальтазара знаю и всё-таки его изобретательности какую-то честь всё же отдаю. И я не думаю, что он не придумал бы ничего умнее, кроме как подбросить на «Наследие» какого-то мальчишку. Да и то, что говорил тот ворон; ты сам подумай, если это всё, грубо говоря, «постановка», то зачем Бальтазару так явно прикреплять внимание к своему же по сути, если можно так сказать, агенту?

Зависла пауза и лицо ученого вновь стало напряженным и даже каким-то серым. Гор просто выжидающе смотрел на него, чуть наклонив головку в бок. Он знал, он чувствовал, что в этом состоянии его товарища лучше не трогать.

— Да... — Сухо выдохнул Зигмунд, и прозвучало это как звук одиноко гуляющего ветра в давно опустевшем доме. — Может придумать и что-то другое... Да вот это-то и страшно...

Завтрак прошел пышно, но без хозяина и его пернатого приспешника, хотя Агний это заметил достаточно поздно, поскольку все его мысли были об увиденном в одном из высоких, продолговатых и чуть заостренных на концах окон примерно несколько минут назад.

В общем-то вид себе был, как вид; красивый, бескрайний, манящий чем-то далеким и потрясавшим воображение. Короче говоря — там было всё, что можно узреть, находясь примерно в пятидесяти метрах над землей. Вот только было одно небольшое «но» — всё было... в каком-то смысле перевернуто. У Агния даже на несколько секунд создалось ощущение, что ноги медленно отлепляются от пола и он сейчас рухнет на потолок, стоило ему только увидеть поменявшихся местами небо и землю. Но как ему потом объяснил Лейв, по дороге в его покои, здесь ничего особо необычного нет, просто огромный замок, в котором они сейчас, собственно, и находятся, разделен на две части: одна из них стоит, как это и подобает всем нормальным строениям, на земле, а если конкретнее — на вершине скалы, а вот вторая — прямо под первой, под каменным навесом, и свисает она, словно сталактит, пиками своими вниз, к земле. А вот насчет гравитации, тут, честно признаться, уже без магии не обошлось.

Наконец, мальчики дошли до большой, толстой двери, украшенной множеством растительных орнаментов, а также позолоченной лозой по краям.

— Это... И есть твоя комната?

— Что? Да нет, ты что? — Почти рассмеялся Лейв. — Моя находится выше, почти под самыми крышами башен верхней половины замка. Это учитель так придумал, чтобы нам с Имиром сложнее друг другу, так сказать, жизнь было портить. — Агний в ответ лишь тихо хмыкнул.

Дверь распахнулась и сказать, что у темноволосого раба отвисла челюсть, значит, как бы это просто не звучало, вообще ничего не сказать.

Перед ними развернулся целый сад, наполненный таким разнообразием доселе неизвестных не то что самому Агнию, но и, наверняка, ни каждому жителю «Ковчега», а вот об землях, располагавшихся за его пределами, думается, и говорить нечего. Повсюду их окружили самые разнообразные формы и цвета, от причудливых завитков до напоминавших ровные треугольники листьев, некоторые из представителей здешней флоры даже двигались, напоминая нечто вроде медуз, распыляющих пыльцу, или же осьминогов, со множеством шевелящихся и переливающихся всеми цветами радуги щупальцами-листьями или выглядывающими из-под чернозема корнями. И все это пышное великолепие располагалось под высоким и немного темным куполом, сложенным из стеклянных панелей в округлую форму, разделенную кверху на несколько узорчатых «колец», несколько из которых были еще не dokonчены.

— Это... Это всё что... — Еле шевеля губами молвил Агний, оглядывая, задрав голову, всё это великолепие. — Э-Это всё что, ты?

— Ну, да. — Как ни в чем не бывало бросил Лейв, схватив с небольшого поросшего лозой комода, стоявшего прямо около двери, толстый и широкий альбом в твердом кожаном переплете и устремился вглубь сада. Агний, как не сложно догадаться, немного отойдя от культурного шока, последовал за ним.

В самом сердце этого обширного цветника располагался небольшой каменный

фонтанчик, больше походивший на естественный родник, обложенный каменной стенкой, а также три плетенных кресла: одно побольше, другие два поменьше.

Лейв, практически не думая, плюхнулся на одно из них, жестом подозвал новоиспеченного друга к себе, бросив на него мимолетный взгляд горящих предвкушением чего-то глаз, и раскрыл альбом.

Агний, шмыгнув носом, не спеша приблизился к светлоглазому мальчику и, по привычке, даже при этом не подумав сесть на соседнее кресло, пристроился на краю каменного фонтанчика и стал внимательно глядеть на быстро-быстро мелькающие перед глазами изрисованные страницы.

— Мы тут очень с учителем сидеть на досуге любим. Тут, к слову, только ТЕНЕлюбивые. — Проговорил Лейв, всё не отрываясь от своего занятия и держа при этом в зубах темный мягкий карандаш, прятанный всё это время между черенком и страницами. — СВЕТОлюбивые находятся в верхней половине. Туда мы заглядываем, но редко. Жарко там просто, особенно летом... — Агний угукнул, не отрывая незримо взгляда от проносящихся всё быстрее и быстрее картинок, на которых, по отдельности, были акварелью нарисованы, как тогда показалось мальчику, абсолютно все растения в этом чудесном уголке, причем со всеми, даже самыми ничтожными деталями.

— Кр-Крас-сиво рисуешь... — Только и смог вымолвить Агний. Всё-таки наш горепутешественник был совершенно не мастак в поддержании и вообще заведении какой-либо беседы. И дело было в большей степени даже не в том, что от парня с самых пеленок требовали лишь «меньше слов, больше дела», но и просто в его темпераменте. Ну не мог он просто нормально ни с кем поговорить, не мог! Вот и всё...

— Спасибо. — Вежливо кивнул Лейв и наконец резко остановился на одной из страниц, где был полукругом вырисован какой-то причудливый и мудреный узор.

Лизнув кончик наточенного канцелярским ножом карандаша, голубоглазый мальчик рывком придвинулся к лежащему на коленях альбому и стал старательней старательного, даже высунув язык от напряжения, выводить каждую линию и каждый завиточек по четко прочерченной траектории. В какой-то момент в голове Агния что-то внезапно щелкнуло и он запрокинул голову, чтобы воочию узреть, как вместе с плавными движениями карандаша по бумаге на стеклянной поверхности вырисовывается недоконченный узор.

«Чудеса, да и только...»- Почти про себя сказал Агний.

— Ты не молчи, чего стесняешься-то? — Бодро проговорил Лейв, не смея даже на секунду отвлекаться от своей тонкой работы. — Рассказывай что-нибудь, поговорим... — Агний сначала что-то неразборчиво промычал, но потом, взяв себя в руки, всё-таки заговорил и начал диалог с малого:

— Так... Ты здесь всё вырастил? — Лейв скромно пожал плечами.

— Ну да! Теплицу... Ой, то есть, теплицЫ мы с учителем и Имиром строили, а потом их населял. Одну часть — находил, другую — мне дарили, третью — рисовал.

— Прости... Ри-Рисовал?

— Ну да, выводил семя из двух разных видов, связывал его, как и стекло, — художник показал тупым концом карандаша вверх, — с альбомом с помощью вот этого вот карандаша, садил в землю и рисовал, каким это растение будет... Тут только важна внимательность и тщательность — только в этом случае у тебя выйдет то, что ты задумывал.

— То есть, погоди... Ты просто вот так берешь, садишь семечко, рисуешь его взрослый облик и оно вырастает именно таким?! — Незаметно для беседующих, в приоткрытое

окошко в стеклянном куполе влетел Гор, примостился на веточку одного из множества экзотических растений и стал наблюдать за детьми.

— Ну да! Ты только представь себе, какой это простор для фантазии! Рисуешь — а оно берет и сбывается! Надо только хорошенько это всё представить и очень-очень захотеть... Но и, да, уход соответствующий тоже никто не отменял. А для каждого из них нужен индивидуальный подход, а это, уж поверь, не так-то и просто.

— Поня-я-ятно... — Протянул Агний, все еще пытаюсь переварить услышанное. — Слушай, а-а можно задать вопрос?

— Слушаю.

— А кто такие "Непривязники"?

— "Непривязники"?

— Ну, да. Они, как я понял, поезд поломали, на котором я ехал.

— Поломали. — Лейв усмехнулся. — "Непривязники" — это люди, протестующие против техники. Ну, там, поездов тех же самых, трамваев, летающих лодок и всего остального.

— А здесь такие есть?

— Конечно есть! Из королевства бежали люди самой разной масти. И те, кто был в общем-то не против всего этого дела и быстро к нему приспособился, а есть и те, кто это всё чертовщиной считает и яро против всего этого бунтует. Мол, как вы можете пользоваться тем же дьявольским орудием, коим пользуется и дьявол на троне. Ну, то есть действующий король королевства. Бальтазар. Слышал о нём?

— Ну... Что-то слышал... Ты не обижайся, но от вида некоторых этих вот штук и впрямь душа в пятки уходит...

— На вкус и цвет — товарищей нет, как говорится.

Ненадолго все замолчали.

— Кстати, а зачем тебе тетрадь Имира?

— Тетрадь? Я хотел бы кое-что проследить. У меня недавно возникла гипотеза, что положение нашей планеты в тот или иной момент влияет на рост и процессы в организме растений. И я имею ввиду не только сбрасывание листьев осенью.

— А ты не боишься? — В ответ Лейв лишь усмехнулся.

— Ну, как сказать... Сам не знаю.

Казалось бы, разговор вновь зашел в тупик, но тут ему на глаза попалась некая, ясен пень ему не понятная, запись на корке альбома.

— Прости, что отвлекаю, — снова начал мальчик. — Н-Но что тут написано?

— Чт..? А-а! — Догадавшись, о чем идет речь, Лейв прикрыл своё творение, при этом придерживая пальцем нужный разворот, и громко, четко, а также с выражением прочел следующее:

«Моему дражайшему ученику Лейву на его шестой День рождения. Твори и не стесняй своей фантазии!»

— Так это... О-Он тебе это подарил? — Лейв сначала опять не понял, кого Агний имеет ввиду, но потом так же быстро пролепетал:

— Ага. Подарил и объяснил, как он работает. Вот теперь и творю! — Агний что-то промычал в ответ, после чего зависла секундная пауза.

— Зигмунд вообще активно поощряет наши интересы. — Всё таким же резвым тоном продолжал мальчик. — Предоставляет всё необходимое, ну и совет если что даст. Он же всё-

таки на свете не одно столетие живет, знаний у него по всем вопросам просто ОГО-ГО! — Вот так и живем мы: я, ботаник, и Имир, звездоЦАП и животновод...

— Животновод — это в смысле то, что он за, этими самыми... Птицами ухаживает?

— Угу... — Лейв тяжело вздохнул. — И птиц, и насекомых, и собак с кошками, и зайцев, и даже медвежонка с раненой лапой где-то раздобыл... — Напряженно-задумчивое выражение лица художника сменилось на легкую полуулыбку. — Я помню... Хах, да какой помню? Я на всю жизнь запомнил — Имир когда этого звереныша к нам только-только привел, учитель, если что, еще не в курсе был, он трехлетнего меня за своего сородича, видимо, принял. А я еще тогда всё еще на четвереньках ползал. Не, ты не подумай, ходить я уже умел, просто, ну, не хотел. Не нравилось мне это.

— И как?

— А что как? Принял меня маленький медведь за своего и... В общем, поиграться решил. По-своему, разумеется. — Лейв на несколько секунд отложил альбом, задрал воротник рубахи и стал виден небольшой и еле видный белый шрамик на шее. Агний сморщил бледный нос с кое-где выступающими жилками и пискнул тихое «Ауч...».

Лейв вновь, как ни в чем не бывало, улыбнулся и продолжил рисовать.

— Вот-вот! Имира, насколько я знаю, потом ждал после выговор и, после наказания в виде домашнего ареста, отдельная комната под все его добродетельные действия по отношению к братьям нашим меньшим. Запретить Зиг Имиру всё это уже отчаялся, так что делать нечего. Медвежонка они того, к слову, уже в той обустроенной мини-поликлинике благополучно вдвоём как подобает выходили — по быстрому, чтобы к человеческим рукам не привык — и на волю отпустили, от греха подальше...

Агний в очередной раз кивнул головой, вздохнул и неожиданно для самого себя даже изрек:

— Он у вас, как я понимаю, больше родитель, чем учитель...

— Э-эм-м-а... — Лейв будто бы задумался. — Ну-с, учитывая то, что мои родители попытались утопить меня в речке, когда мне еще и недели не было... — Мальчик нервно засмеялся, говоря это...а Зигмунд с Гором вовремя подросли и спасли меня... Да. Они моя семья.

— А Имир?

— И Имир, конечно, тоже. Просто у него ситуация немного сложнее... Учитель заботился о нем далеко не с рождения, а обстановка в его настоящей семье была не самой лучшей. Короче говоря — я не сплетник, я не хочу это обсуждать. Будет лучше, если он сам тебе всё расскажет, если, разумеется, захочет. Но имей ввиду — это большая для него тема.

И почти ровно через два часа приезжает... Да, приехал Имир. Упакованный в теплую одежду и «броню» из чемоданов, а также со своими пернатыми товарищами. Как не сложно догадаться, новый скандал в этой маленькой семейке не заставил себя долго ждать.

— Да твою ёкарную вошь! ЛЕЙВ!!! Куда ты дел мою чертову тетрадь?!

— Имир, это еще что за выражения?!

— Кажется, мне пора...

***

— ВОРОН?! Вы послали туда старую, замшелую птаху?! — Глаза короля засверкали такой злобой, которая просто никак не может присутствовать в глазах разумного существа.

— Н-Но, сэр, он единственный нашел...

— Боже праведный, помилуй меня грешного! — Бальтазар вцепился в волосы, да с такой силой, что чуть не выдрал их с корнем. Стоящий позади него Внутренний советник лишь покачал головой. — Кому?! Вот кому, ответьте мне нормально, КОМУ я собирал подетально каждый из этих поганых дронтов?!

— В-Ваше превосходительство. Н-Но ни один из них...

— Слушать! Заткнуться просто и слушать! Говорить — только по повелению! — Голос правителя истерично звенел. Большие и малые электрические разряды при каждом грозном слове вырывались из железной перчатки, превращая её владельца, в широко распахнутых глазах которого изредка отражался белый свет, в подобие некоего древнего кровожадного бога, кара которого будет незамедлительной и жестокой. Вырывались и принимались плясать свой конвульсивный и беспорядочный танец по всему тронному залу, так и грозясь вцепиться смертоносными когтями в одного из стоящих треугольником около широкого каменного пьедестала, на котором стоял величественный трон, солдат. Несколько еще совсем молодых ребят в какой-то момент не вынесли и с воем бросились к двери, настолько это было кошмарное зрелище. Вот только когда один из них вот уже почти выбежал в темный коридор, мощный разряд шибанул по обделанной железом створке двери, последняя с грохотом захлопнулась, защебив парня и вот уже несчастный молодой человек валяется на полу с выпученными глазами перед перепуганными собратьями и подергается.

Казалось, лишь только лицо командира, искаженное широким и продолговатым шрамом, оставалось невозмутимым.

Стоило только эху, возникшего от громогласного лязга падающих на каменный пол доспехов, стихло и затерялось в темных углах этого мрачного помещения, Бальтазар стих, и, обливаясь потом, начал тяжелую отдышку.

— Можно, мой король? — Лишь чуть приподняв густую бровь совершенно спокойным и четким голосом спросил командир. Бальтазар судорожно кивнул, что-то невнятно при этом пробормотав.

— Значит так, — Начал уверенно мужчина, — у него был этот... Как его? Дито..?

— Диктофон? — Сощурился глаза выдохнул король. — А-Ах... Диктофон... Э-Это был получается, номер пятый, верно? — В ответ последовал кивок.

— Эта штука, вроде как, может голоса «записывать», верно ведь? Может быть..?

— Да, да, да, спасибо. — Торопливо залепетал Бальтазар, стирая пот дрожащей рукой с бледного лба, на который успели налипнуть засаленные волосы.

Напоследок, темноглазый предводитель успел бросить мимолетный взгляд на всё еще лежавшего на полу беднягу-солдата, изо рта которого тонкой струйкой текла кровь.

— И да, э-этого к врачу отнесите. Заряд в начале недели стал падать, так что... В общем, удар не должен был быть смертельным. — Король скрылся во тьме.

Никто не знал, куда он уходил, но было ясно, что это таинственное место он пытался скрыть всеми силами. Возможно, именно для этого он и сделал так, чтобы в тронном зале было темнее темного, дабы было легче укрыть во тьме этот маленький секрет. Поговаривали, что он нашел некий тайный проход, и нашел он его еще в годы далекой юности. Куда он ведет? Никто не знает. Но также ходят слухи, что это тайный ход в катакомбы под замком, который много-много веков назад носили в себе несметные богатства недр земли, которые обнаружил тогда, еще будучи обычным работягой, основатель королевской династии. На месторождении было основано поселение, затем оно плавно превратилось в город, который потом разросся до целого королевства. Со временем, когда

богатства земли под замком иссякли, все проходы просто засыпали, но люди верили, люди знали, что таинственные призрачные ходы всё еще существуют, и ждут своего нового владельца...

— Диктофон значит... — Проговорил задумчиво Бальтазар, быстро семена по низеньким ступенькам улиткообразной лестницы и скидывая с себя тяжелые доспехи. За ним медленно шел, гордо подняв голову и заведя обе руки за ровную спину, Внутренний советник. — Что ж... Тем лучше. Думаю, хоть какую-то пользу мы из этого извлечем.

К концу лестницы взору предстала истинная суть грозного тирана: худой, сутулый лохматый мужчина, но, справедливости ради, далеко не шуплого телосложения. Всё-таки годя тяжелой работы давали о себе знать...

Внизу в лицо тут же ударила вековая прохлада. Огромная пещера встречала своих гостей видом величественных «стен», огромных сталактитов, свисавших сверху, примерно за сорок-сорок пять метров от каменной платформы, на которой стояли вошедшие, гулким эхом, прокатывающимся по этому мрачному месту от каждого случайного шороха и, наконец, вида бездонной пропасти внизу, «за бортом» вышеупомянутой каменной платформы с небольшими возвышениями. А на этой самой платформе стояло всё то, для чего король сюда и навещался. Признаться честно, от такого просто невиданного разнообразия всеразличных приборов и конструкций, соединённых бесчисленным количеством проводов, скопившихся на холодном камне подобно огромному клубку змей и освещенными так называемыми «лампочками» — небольшими осветительными штукаами, напоминающими яркие и почти не гаснущие огоньки в маленьких баночках — у нормального человека со среднестатистическим складом ума просто порешился бы рассудок. Но для Бальтазара это всё было делом обычным, даже не таким уж и сложным. Он был очень требователен и самокритичен по своей сути.

— Сейча-а-ас... Сейча-а-ас! — Приговаривал Бальтазар, то и дело прислоняясь ухом к огромному железному агрегату со множеством приделанных к нему приёмников, подписанных каждая своим номером, и пытаюсь настроить как надо приёмник под номером «пять». Внутренний советник безмолвно наблюдал за этим цирком и только он уже наконец собрался что-то сказать, как вместе с помехами из сетчатого микрофона наконец донеслись голоса:

«Полагаю... Выбора у нас нет, господа.»

«В смысле?»

«Эх... Отправляем пацана в Столицу!»- Чем дальше продвигался разговор, тем шире становилась зубастая улыбка на лице царя.

«Вы с ума не сошли?! Какая столица?! Вы хотите, чтобы Бальтазар двинулся прямо в сердце «Ковчега» и сравнял его с землей?! Это Бальтазар, понимаете? БАЛЬТАЗАР!!!»

«В столице намного безопаснее, чем здесь, там будет намного легче защитить мальчика.»

«А на кой черт нам его..? В смысле, я имею ввиду... Ну, я хочу сказать, что не проще будет, если мы его просто... Ну, в-вы сами поним...»

«Убьём? Скинем назад, в королевство? Ай-яй-яй, Имир! Что бы сказал учитель!»

Дослушав до конца, Бальтазар резко подскочил на ноги, звонко расхохотался, хлопнул в ладоши и, подскочив к Внутреннему советнику и обхватив его всё такое же каменное лицо обоими руками, смачно поцеловал последнего в лоб со словами:

— Ну что, сол-ныш-ко моё? Живем! — Советник, однако, на такую наглость

практически никак не среагировал. А радостный, как дитя малое, мужчина тем временем, приплясывая, направился к одному из своих изобретений, выделявшимся, однако, внушительными размерами и прикрытому грязно-желтой простыней, крепко держащейся благодаря прикрепленным к земле тросам.

— И что у нас дальше? — Вздохнул Советник, наблюдая как Бальтазар резво обрезает карманным ножом один трос за другим.

— Убьём двух зайцев сразу, радость моя, причем в прямом смысле! И тогда-то я тебе докажу-у! Докажу, зараза этакая, что МОЯ судьба — тебе не покорна!

— Я не предсказываю судьбу. — Монотонно проговорил дух, будто бы цитируя уже сказанные более миллиона раз слова. — Я просто излагаю итог определенной цепи событий, который, разумеется, можно поменять... Хотите, ваш повторю? «Когда...»

— Ой, да заткнись ты хоть на минуту! — Рывкнул через зубы король, с натугой перерезая последний трос.

Мятая материя соскользнула с объекта своей «охраны», и перед ними предстал крылатый корабль, сплошь обставленный деревянными стремянками. Да какой корабль! «Наследье» бы рядом с ним, признаться честно, показалось бы просто невинной игрушкой...

— Чуть-чуть подлатать — и в бой! — Радостно провозгласил Бальтазар, с ловкостью мартышки взлетев на одну из стремянок. — Это только главный, у меня в разработке еще пятнадцать патрульных! — Задыхаясь от восторга всё приговаривал король. — Это хорошо-о-о, что был с рацией, так намного быстрее найдем. Только надо будет...

— И рук вам ваших не жалко? — Жалостливо вздохнул Советник. — Разве не видите вы, куда идете? Думаете, это хоть что-то изменит?

— Изменит, счастье моё, — ответил правитель, уже принявшись за работу, — еще как изменит! Нас ждут великие дела!

Глава 6. Вороны прилетают ночью...

Имир никогда не отличался хорошим сном. Возможно, это было как-то связано с тяжелым прошлым. Постоянным инстинктивным вслушиванием в окружающий мир и томительным ожиданием рева пьяного отца, быстро поднимающегося по шаткой деревянной лестнице на ватных ногах.

Зигмунд знал про это и советовал своему воспитаннику в таких случаях нюхать один специальный настой, который юноша с того дня хранит в своей прикроватной тумбочке. Микстура эта, конечно, помогает, да еще как, но иногда Имир мог просто не рассчитать дозу и заснуть непробудным сном аж до обеда завтрашнего дня, а потом ходить и злиться на весь мир и самого себя.

Именно поэтому, и еще по одной причине, парень предпочитал терпеливо ожидать естественной дремоты. Второй причиной для этого было то, что в такие тихие ночные часы у него есть по-настоящему свободное время для того, чтобы подумать о чем-то. Просто подумать. Помедитировать, говоря более понятно.

В комнате было тихо. Очень тихо. Изредка по стенам темной комнаты пробегали голубоватые блики от окна, напоминавшие пугливых ночных зверей, на столе шелестели бумаги из-за ленивого ночного ветерка, всё было погружено в сонную эйфорию прохладной осенней ночи. Единственное, что её портило, это запах... Какой-то слабый, но определенно инородный запах. Сначала Имир не предавал ему особого значения, но с каждой минутой эта вонь начинала всё сильнее и сильнее сверлить мозг нервного молодого человека пока он наконец не поднялся со своего горячо любимого лежбища, (предварительно сделав вывод, что причиной сего несчастья является раскрытое окно, откуда и доносится этот навязчивый раздражитель), подошел к окну, но стоило ему только устремить взгляд в сторону ночного простора, как он тут же обомлел а всякую усталость как рукой сняло.

Разум начал судорожно перебирать все возможные варианты; что это? Гроза? Пыль? Галлюцинация? Но нет... Последняя, самая точная догадка заставила огромный ком встать поперек горла мальчика.

Вороны. Огромное, поистине гигантское облако ворон практически полностью загородило небо. А в клювах эти вестники всеобщей кончины несли по пузатому футляру с какой-то зеленоватой зловонной субстанцией, похожей на жидкий газ. Газ, в котором потонуло уже три города от границы «Ковчега», в том числе и бедное «Наследие». Он жёг глаза. Им было практически невозможно дышать. Он был как лесной пожар, который несет в себе еще даже нечто более ужасное, чем просто огонь и дым.

— Имир! — Душа прибывавшего в безмолвном ужасе молодого человека упала в пятки, когда две огромные руки резко схватили его за плечи и отшвырнули от окна. В темном силуэте Имир не сразу узнал наставника.

— Ч-ш-ш-што это за хр..?

— Закрой рот и нос рубахой, собирайся и немедленно вниз! — Не успел парень вновь открыть рот, как перебивший его Зигмунд в прямом смысле растворился во мгле комнаты. Только зеленые глаза на секунду сверкнули двумя светлячками и исчезли в коридоре. Теперь Имир точно понял, что дело серьёзное.

Закрыв лицо наполовину воротником, Имир судорожно нащупал лампу, зажег свет, достал из-под стола сумку и начал сваливать туда всё самое необходимое, вытаскивая его из

самых непроходимых мест. И крутилась в голове только одна мысль: «Скорее! Скорее! Скорее! Они рядом! Они рядом! Они рядом!»

К тому моменту, когда юноша наконец накинул сумку на плечо, схватил куртку и ринулся к двери, запах начал постепенно достигать своего апогея. Глаза начали слезиться, голова болеть, резко затошнило.

В последнюю секунду Имир рефлекторно обернулся в сторону окна, но даже этого мига было достаточно для того, чтобы узреть еще более страшную картину:

Через плотную гущу черных птиц плавно начал приближаться к земле, освещая при этом себе путь сотней белых прожекторов, воистину гигантский летучий корабль, который был раза в четыре больше того же самого «наследия». Приближался, и вел за собой еще штук двадцать летающих лодок.

Ну, всё... Он здесь. И цель его ясна.

Имиру не надо было долго объяснять, куда бежать. Он уже знал. Они обговаривали подобный вариант развития событий с Зигмундом и далеко не раз.

На так называемой «ключевой» лестнице, представлявшей собой ряд составленный в спираль по длинной каменной «трубе» ступеней, соединивших «верхний» и «нижний» ярусы замка, можно было встретить узкий проход, который почти никогда не освещался и походил больше на простую дыру в стене. Без раздумий нырнув в источавший мглу проход и пройдя вдоль закруглявшейся стены, Запыхавшийся и истекающий потом Имир наконец оказался в маленькой комнатке, где его уже поджидали все остальные: учитель, Гор, Лейв и Агний.

Быстро нащупав рукой нужный камень, Зигмунд приложил к нему тыльную сторону ладони, после чего стыки между частями стены засветились тусклым зеленоватым свечением и через секунду небольшой участок стены просто пропал, продемонстрировав непроглядную черноту позади себя.

— Сможешь добежать?

— Да! — Без колебаний ответил Имир.

— С-Стоп, ты остаешься?! — И без того большие глаза Лейва расширились еще сильнее. Его лицо выражало неприкрытый ужас.

— Гор полетит с вами!

— У-Учитель...

— Гор?! Зачем?! Он нужнее тебе, я справлюсь!

— У...

— Имир, сейчас не время, мне надо точно знать, что с вами ничего не слу..!

— Зигмунд!!! — Рослый мужчина вздрогнул и резко направил на взиравшего на него с немим вопросом всё это время мальчика. Зигмунд заметался, явно не в силах вот так сходу придумать, что делать, и в конце концов просто без разбору сдернул с себя один из многочисленных амулетов, висевших на его массивной шее, присел на одно колено и надел его на мальчика.

— Вот. — После этого мужчина положил руки на плечи ученика. — Всё будет хорошо, я клянусь тебе. Но вам надо уходить. — Затем Зигмунд быстро снял с пояса два пузырька, наполненных каким-то поблескивавшим белым светом газом.

— Вот. Нюхните.

Глядя на это непонятное облачко за стеклянными стенками Агний сильно колебался, но взглянув на то, как смело откупорил свою бутылочку Лейв, мальчик последовал его примеру и через мгновение полностью втянул в себя содержимое маленького сосуда. Буквально сразу

после того, как сладковато-горький запах ударил в нос, Агнию показалось, что он и сам стал невесомым паром и сейчас медленно куда-то втягивается...

Зигмунд успел одним ловким движением руки схватить обе бутылочки до того, как они бы соприкоснулись с землей. Пар теперь в первой и во второй имел синий и красный оттенок соответственно.

Закупорив их, мужчина отдал сосуды своему старшему ученику, тот положил их в сумку и после этого в последний, прощальный раз посмотрел на своего наставника. Тот сидел перед ним, положив руки парню на основание шеи и смотря ему прямо в глаза. Взгляд зеленых глаз выражал предельную серьезность.

— Я на тебя рассчитываю. — Имир ответил кивком. Они обнялись и парень за два рывка оказался во тьме потайного прохода.

— Береги их, мой друг. — Гор в ответ издал прощальный клич, вспорхнул с мощной руки великана и уж было на всех парах ринулся за мальчиком, но тут прогремел хлопок.

Они здесь.

Пуля пролетела за сантиметр от шеи Зигмунда и едва задела крыло гордой птицы, но и этого было достаточно для того, чтобы сапсан потерял равновесие в воздухе, завалился на бок, но в последнюю секунду его успел подхватить Имир и при этом еще стать свидетелем того, как резко исчез проход, соединявший потайной ход и маленькое помещение, в котором Зигмунд остался один на один с как минимум десятью вооруженными людьми с противогазами на лицах.

Имир оказался совсем один в крошечной тьме, но тут его внимание привлекло нарастающее зеленое свечение под его головой. Этот свет струился от Гора. Он вырисовывал на оперении птицы плавные узоры, и вместе с тем достаточно хорошо освещал окружение. Быстро опомнившись, парень усадил своего пернатого спутника на плечо и стремглав помчался к длинной каменной лестнице, закручивавшейся по спирали и верно ведущей вниз.

Солдаты медлили буквально несколько секунд, пока один из них спонтанно не выхватил с пояса пистолет и не воспроизвел еще три выстрела. Раздались три громких хлопка, затем секундный свист и... все три пули остановились прямо перед сохранявшим всё это время абсолютно невозмутимый вид Зигмундом и упали вниз маленькими горстками дымящегося пепла.

— Очевидно, ваш король не знает о том, — начал мужчина, расстегивая плащ и поспешно скидывая его на пол, видимо для того, чтобы он не мешался за спиной, — что порядочные люди сначала осведомляют противника о начале войны, а уже потом врываются к нему в час ночи домой. — Солдаты стояли молча.

— Что ж... — Продолжал Зигмунд. — Полагаю, некоторые из присутствующих были свидетелями моего последнего визита в Столицу, не так ли? И поэтому прекрасно знают, на что идут, если, конечно, осмелятся атаковать меня.

— Нам дан приказ — мы исполняем! — Секундная уверенность одного из воинов, однако, ни ему, ни его товарищам особо уверенности не прибавила. Зигмунд многозначительно поднял одну бровь, с легким оттенком сожаления вздохнул и наконец произнес:

— Ладно. Намёк понят.

Имир летел по ступенькам, почти не ощущая твердой поверхности под ногами. Кровь в висках неистово пульсировала, взгляд был практически безумен, мальчик почти что летел вниз. Как вдруг раздался грохот. Истошно завопил Гор. Лестница задрожала так сильно, что шлепнувшийся на холодные и сырые ступени Имир, прибывая в облаке пыли, не на шутку испугался, что он сейчас полетит вниз. Как только все перестало трястись, парень резко вскинул голову и узрел огромную дыру в стене и торчащий нос протаранившей её «воздушной лодки». А прямо на этом самом носу распластался несчастный пилот, которого, очевидно, просто вынесло из кабины. Секундного замешательства Имира было достаточно, чтобы пилот тоже вскинул голову, как испуганный зверь, и, увидав смотрящего прямо на него парня, тут же схватил пистолет и выстрелил. Вскрикнув, юноша увернулся, но острая боль в правом боку дала знать, что пуля всё-таки успела задеть плоть и оставить царапину. Гор издал протяжный крик, будто пытаюсь сказать «Берегись!».

Прогремело еще несколько хлопков. Имир вскочил на ноги, ломанулся вперед, взлетел на нос злосчастного аппарата, сбил солдата с ног, после чего они оба повалились на ступени и сцепились в схватке. Гор беспорядочно махал крыльями и метался из стороны в сторону, кричал, всеми своими силами пытался помочь другу, но контакт между двумя разъяренными бойцами был настолько плотный и жесткий, что подобраться к солдату было практически невозможно. Удар за ударом, рывок за рывком, остервеневший Имир чуть ли не зубами вцеплялся в своего соперника, ни давая ему даже шанса воспользоваться оружием. Они то чуть не падали, то буквально плясали по ступеням вверх и вниз, пока наконец ноги потерявшего бдительность Имира вдруг не смогли нащупать опору, после чего парень рефлекторно схватился за кожаную куртку врага и под истошный вопль перепуганного сапсана они полетели вниз.

Падение длилось не дольше двух секунд, но они пролетели словно минута, после чего был слышен всплеск и острое ощущение пронзило всю спину и затылок. Вода. Они упали в чашеобразный водоём. Не слишком глубокий, но вода в самой глубокой точке достигала уровня пояса.

Очухавшийся быстрее своего соперника солдат не теряя ни секунды взял ситуацию под контроль и навалился на парня всем своим весом, из-за чего Имир, издав короткий писк, тут же с головой ушел под воду. Сверху, оставляя за собой длинный след из буро-серых перьев, ринулся на помощь Гор. Сапсан беспощадно накинудся на солдата и задействовав все данные ему конечности принялся рвать и метать все незащищенные места. Солдат мотал головой, кричал, даже на секунду привлекал к сопротивлению одну из рук, что было лишь на руку Имиру, который и без того барахтался, словно рыба на мелководье, и из последних сил старался скинуть с себя эту непосильную ношу в виде королевского гвардейца. Это продолжалось почти вечность, пока внезапно сильная рука в толстой перчатке не вцепилась в хвост Гора и не зашвырнула бедную птицу в другой конец бассейна, после чего они мигом присоединилась к своей сестре и в очередной раз они затащили уже начавшего тоже сдавать позиции парня с головой под воду. Мгновения оледеневшие пальцы еще из последних сил умудрялись хоть как-то противиться, потом наступили предсмертные конвульсии и наконец... тишина. Абсолютная тишина. Лишь приглушенные звуки снаружи и звук стекавшей с формы воды её нарушали.

Солдат поднялся на дрожащих ногах и холодным взглядом оглядел лежащего уже без посторонней помощи на дне бассейна противника. Тихо хмыкнув, солдат, высоко поднимая

находившиеся в воде ноги, направился к основанию лестницы. Почти около неё на поверхности воды, в куче собственных перьев, мирно покоился прибитый сапсан, задрав ножки кверху. Мерзкая картина... Вода здесь чистая, горная, неприкосновенная. Жалко будет немного, что её испортят продукты разложения тел этой дурной птицы и долговязого сопляка, удумавшего одолеть взрослого, специально обученного и вооруженного до зубов воина. Наверное, именно поэтому эта победа и не доставила солдату особого удовольствия. Хоть пацан и заставил его попотеть, но всё-таки это просто несчастный ребенок, у которого не было никаких шансов. Но ничего, великие свершения еще впереди!

Но тут все размышления уже расслабившегося гвардейца прервал тихий клич внезапно поднявшего головку сапсана, и прежде, чем бедняга солдат смог хоть что-то осознать, темный силуэт словно ракета вынырнул из воды и на шею воина была накинута прочная кожаная лямка дорожной сумки. Мужчина начал задыхаться. Мужчина беспорядочно жестикулировал, слонялся то взад, то вперед, пару раз чуть не упал, но раскрасневшийся от напряжения и столь долгого пребывания в холодной воде без кислорода Имир успевал резко оттолкнуться обоими ногами об каменный пол, тем самым направляя плененного соперника в одном строгом направлении. Из последних сил мокрый насквозь Гор сделал рывок вперед, вцепился прямо в лицо солдату и наконец содрал уже изрядно потрепанный противогаз, обнажив бледное лицо с легкой щетиной, высунутым языком и вылезающими из орбит глазами.

Наконец, Имир ощутил спиной заветную поросшую мхом каменную стену и, выждав нужный момент, словно мировой чемпион по плаванию сделал финальный толчок обоими ногами в спину солдата, отчего тот наклонился вперед и рухнул лицом вниз, вмазавшись прямо в дно мелководной части бассейна, в коей они и находились. Из рта вывалился выбитый зуб; солдат попытался встать, но Имир тут же вцепился в волосы на его затылке и вновь приложил мужчину об каменную поверхность. Удар. Удар. Удар. Удар. Всё! Противник в полном нокауте.

Последний солдат без чувств рухнул на пол. С магией или без неё — Зигмунд всегда мог положиться на свои умения. Он не любил драться. Крайне не любил. Но всё-таки раз за разом приходил к одному не самому приятному выводу о том, что чем больший приоритет у тебя в схватке, тем противнику более не выгодно с тобой конфликтовать. Значит, он постарается пойти на мировую. Но, очевидно, сегодня ему довелось наблюдать не этот случай.

Обернувшись к входной двери, Зигмунд уж было был готов выйти отсюда и направиться к выходу, как вдруг всё тело обожгла острая боль, будто в каждую клетку вонзили по раскаленному мечу из платины. Потерявший на несколько секунд обладание собственным телом мужчина рухнул на пол и тут же на его руках за спиной защелкнулось что-то холодное. Всё еще ничего не понимающий Зигмунд попробовал воспользоваться своими сверхъестественными способностями, но за секунду до предполагаемого «чуда» тело вновь пронзила боль. Его ладони были заключены в массивные наручники, представлявшие из себя два металлических шара с кучей проводов и мелких деталей на них. Этого быть не может! Хотя... Зигмунда бы совершенно не удивило то, что Бальтазар готовился к своему нападению долго и тщательно.

— Зигмунд Вальгард. — Прозвучало сверху, точно божий приговор. — Вы обвиняетесь

в распространении антиправительственной пропаганды и настраивании народа против его правителя, из-за чего подлежите немедленному аресту.

Зигмунд с туром поднял глаза на запотевшем лице и посмотрел на горстку вражеских людей.

— Ну что? Ведите уже!

По воде начала расплываться бледная красная лужица. Имир с трудом оттащил находившегося в бессознательном состоянии противника на более-менее сухое место. Гор присел последнему на лицо, внимательно его осмотрел, что-то проверил и после всех этих коротких манипуляций птица издала короткий клич, подтверждая то, что солдат в полной отключке и пробудет в таком состоянии еще довольно долго.

— Спасибо, дружище! — Устало проговорил юноша, помогая сапсану взобраться обратно на плечо.

— И да, дам тебе хороший совет. — Имир в последний раз посмотрел на поверженного гвардейца. — Никогда не пытайся утопить того, кого уже до этого три раза пытались утопить в бочке.

После этого парень побежал к своей самой первой и основной цели — основанию каменной лестницы.

«Так-с... Как там? Основание лестницы... Мох... Грибы какие-то странные... Справа от отколовшегося куска... Ага!» — Найдя нужный выступ, подходивший как раз под ладонь Имира, точно был вылит под неё, парень провернул его три раза на сто восемьдесят градусов, после чего открылся очередной проход. Их путь на волю.

Глава 7. Царь Голод, или как легко и быстро найти себе брата

Светло-серое полотно одним сплошным покрывалом обтянуло абсолютно всё небо и лишь небольшой светлый круг, в обычных условиях называемый «Солнце», еще хоть как-то пробивался через плотное бесцветное марево, напоминая о том, что за ним всё еще находится небо. Скалистая местность вокруг, сплошь усеянная выбивавшимися из-под сухой земли, оседавшей на башмаках, камнями и булыжниками, а также редкой, пожухлой травой, из-за такого освещения тоже казалась серой-пресерой. И в душе у шагавшего уже невесть сколько времени Имира всё тоже было серым-серо. Вот такая вырисовывалась одноцветная картина, на которой, всё-таки, совершенно невзирая на свой природный окрас, всё-же было одно милое глазу пятнышко. И оно сейчас парило в облаках, бороздя воздушные волны на своих раскидистых крыльях и изредка издавая пронзительный во всеобщей тишине клич, проверяя таким образом своего шагавшего в это время по земле подопечного.

Было вполне очевидно, что оторвались они от преследователей уже знатно, и в ближайшее время никаких сюрпризов не предвидится. Раз так, почему бы зрителей вышеописанной сцены немного не развлечь маленькой историей из жизни нашего путника? А рассказать есть что, уж поверьте.

Начать стоит с того, что Имиром его звали не всегда. Настоящее имя мальчика — Чжан Джакомо-Байон. Несмотря на столь благородное звучание данного именованья, гордиться мальчику в его прошлой жизни приходилось мало чем: родители, в прошлом хоть и строгие, но достойные люди, после государственного переворота забросили хозяйство и стали прикладываться к бутылке. Дом очень быстро стал напоминать заброшенный барак, из которого постоянно несло тухлятиной, затхлостью, спиртным и прочей мерзостью. Вечной симфонией, в звучании которой проходил каждый божий день в этом местечке, были звон рюмок, пьяный рев, хруст закуски, ругань и иногда звон разлетающихся из-за столкновения с потрескавшейся стеной в дребезги бутылки, которые потом, разумеется, придется убирать живущему на чердаке худенькому двенадцатилетнему сынишке, с которого прохудившаяся маечка, которую ему некогда полная сил и цветущая всеми красками жизни подарила на его шестой день рождения, и та сползает.

Хотя Джакомо родился еще задолго до пришествия Бальтазара, все воспоминания о некогда счастливом детстве, которые определенно были, вытеснило постоянное чувство голода и животный страх перед пьяным отцом, который в любой самый непредсказуемый момент готов заявится к своему отпрыску и тогда начинается игра в кошки-мышки, где кошка (хотя... скорее злой и бешенный кошара) носится за улепетывающей на трясущихся ногах мышкой, и на фоне всего этого действия по дому летает всё его содержимое.

Вот так и жили. Разумеется, опустившимся до уровня развития своих самых-самых-самых дальних предков родителям было глубоко наплевать на все, кроме бутылки, в том числе и на тот факт, что их всё еще живому и сосуществующему поневоле с ними ребенку надо чем-то питаться. И учитывая это, Джакомо еще в самые юные годы пустился во все тяжкие и стал самым настоящим виртуозом в воровстве. Воровал везде, уже почти по рефлексу, и всё, что только можно было, и при этом никогда не попадался. Лишь один раз у одного выходявшего из трактира поздно ночью господина в тот момент, когда Джакомо не совсем аккуратно стянул с короткой кожаной лямки на штанах у мужчины его кошелек, в его

хмельном разуме что-то щелкнуло и этот самый господин, как в беспризорную собаку, со всего маху швырнул в улепетьявавшего от него по улице мальчишку стеклянную бутылку. Та, разумеется, разлетелась на десятки осколков, но Джакомо остался цел. Лишь один маленький осколочек слегка полоснул голую ногу по щиколотке.

И кто бы мог подумать, что одна такая вылазка перевернет жизнь мальчика раз и навсегда.

Дело было вечером, делать было... есть чего. Именно «есть» Джакомо в это время хотелось больше всего. Измученный голодом и просто чудом каким-то не сгнивший от многолетних пыток живот молодого человечка достаточно редко давал о себе знать, видимо понимая, что его хозяин всё равно ничего сделать не сможет. Но вот иногда, в определенное время, в этом стянувшемся кожаном мешке будто просыпалось нечто первобытное. В такие дни Джакомо казалось, что он способен за один раз сожрать абсолютно всё: от его недокровати, представлявшей из себя прохудившееся и сложенное втрое покрывало с тысячами поселений клопов и другой живности в складках, до... Да хоть его пьяных родичей, которые недавно нашли мелкую заначку своего сынишки и без всяких лишних разбирательств пустили её на выпивку и кусок сала к столу. Ясен пень, после этого отпрыску для того, чтобы добыть себе хлеб несущий требовалось перед этим еще немного поднапрячься. Благо, уже начинавший «нервничать» желудок активно поддерживал своего хозяина в этом нелегком деле.

В горле что-то рокотало, в ногах чувствовалась болезненная слабость, а живот стянуло, словно шнурком маленький мешочек. Да-а-а, мешочек. Маленький, кожаный мешочек, набитый блестящими кругляшками — верным ключом к сытному ужину. И он, Джакомо, незримый обычному глазу хищник, уже вышел на свою охоту за ним.

Обычно Джакомо старался долго не задерживаться на одной улице, дабы не вызывать подозрения. Походил-походил, набрал чего-нибудь или не набрал, в любом случае — свистнулся в другое место и всё сначала. Мальчик отлично помнил свою первую охоту, как он, дрожа, как одуревшая от бесконечного голода и побоев псинка, бродил среди, как ему тогда казалось, серых гигантов, уставившихся мертвыми глазами куда-то в пустоту, и всё никак не решался на это. Но он знал. Он понимал — ему придется сделать это, если ему, конечно, хочется встретить завтрашний день с бьющимся сердцем и в здравом уме, хотя и казалось, что этот проклятый кошелек лежит на маленьком выступе посреди бурлящего озера лавы, и ему, маленькому, истощенному ребенку надо будет спуститься по тонкой ниточке к самому низу, самому пеклу, чтобы его достать. И как же всё в общем-то легко на самом деле оказалось... Конечно, в отношении более робких граждан и уже пьяных в самую зюю забулдыг, которых даже падение метеорита не вырвет из транса. Джакомо вообще относился к такому типу людей, которые по глазам умели определять, от кого лучше держаться подальше, а на ком можно совсем наоборот, очень даже хорошо пожить. Так, чисто для собственной безопасности ради.

Но вот конкретно сегодня пацану что-то сильно не везло. Уже целый час — а то и больше — он обтирал голые пятки с рыжими натоптышами об грязные мостовые и ни одной, даже случайной, монетки до сих пор не оказалось в его руках. Но вот, когда уже перед глазами начали появляться черные круги, через серо-черную массу вдруг пробился маленький огонек. Джакомо встрепенулся, широко раскрыл глаза, встряхнул головой, чтобы привести свой мозговой мотор в порядок и пригляделся.

Да. Точно. Через толпу, словно кузнечик, при виде которого в мозгу сразу отзывался

звук крохотного колокольчика, пробивался невысокий мальчик лет шести-семи. Но это было не главное: он был весь чист, опрятен, ухожен, темные волосы вились не засаленными кудряшками, на пухлых детских щеках поблескивал здоровый румянец, а глазки сияли, словно две синие звездочки. Это маленькое чудо шустро перебежало улицу, петляя между прохожих и через мгновение уже нырнуло в переулок. Джакомо выглядел как истощенный столетним путешествием через пустыню странник, перед которым только что дразняще потрясли бутылкой с чистой, холодной, сверкающей на солнце воды. Ну не-е-ет, такую рыбку он не упустит никогда! Не теряя ни секунды, Джакомо медленно, но бдительно, начал следовать за своей «жертвой». И вот так, поворот за поворотом, шаг за шагом, улица за улицей, они оказались за городом. Там была небольшая роща с кучей пробелов. Джакомо так не радовался со своего четвёртого дня рождения наверное. Все шло так, будто сам Всевышний решил наконец-то смилостивиться над измученным рабом своим и послать ему столь легкую наживу. И причем парня в те секунды абсолютно не волновало, зачем этому беспризорику понадобилось идти в эти гиблые края, да еще и заходить в такую глушь, где он абсолютно незащищен. Какая к черту разница? Сейчас Джакомо просто подойдет, обчистит этого мальчика и... Стоп, а вдруг завизжит? А вдруг шум поднимет?! А вдруг родакам пожалуется?! А они у него определенно еще те шишки, в этом Джакомо сомневаться совершенно не приходилось. Осознав, что он уже несколько секунд стоит у всех на виду, Джакомо немедленно нырнул за ближайшее деревце и краем глаза посмотрел себе за спину. Пацан всё так же безмятежно брел по дороге, напевая какой-то неразборчивый мотив и не обращал никакого внимания ровным счетом ни на что. Нет, тут точно без высшего помысла не обошлось... Выпустив воздух через нос, Джакомо начал судорожно шевелить уже готовыми растечься в жижу мозгами. Что делать? Ответ был под ногами. В буквальном смысле.

В метре от вспотевшего от напряжения парня лежал остроконечный камень, отдаленно напоминавший остриё копья. Нет! Это же безумие! А хотя... Кого это волнует? Все так сейчас делают. Люди издыхают каждый день. Сотнями. Тысячами. Ничего не изменится из-за одного мелкого слизняка. Луна на землю не шваркнется. Всем на всё плевать. Плевать горожанам. Плевать пьющим маме с папой, плевать родителям этого сопляка, которые будто специально выпускают своё чадо в это проклятое место, могли бы и догадаться, чем это кончится...

Подожел, похолодевшими руками взял камень. Всё получится! Всё кончится быстро. Потом выбросит просто это мелкое недоразумение куда-нибудь — и дело с концом! В яму, в болото, в реку — не важно!

Собравшись с духом и втянув в грудь по больше воздуха, парень резко развернулся... Чтобы увидеть, как детские ноги исчезают в ящике письменного стола, который всё это время стоял на небольшом холмике, усыпанном опавшими листьями, метрах в двадцати от застывшего Джакомо. Глаза парня округлились даже сильнее, чем тогда, на улице.

— Какого хрена?.. — Прошелестел он одними губами, так и не двинувшись с места. Постояв так с минуту и более-менее переварив увиденное, парень наконец вспомнил про всё еще находившийся у него в руке камень и бросил его на землю. Зачем он теперь? Но хотя... Ай, да ладно, всё равно уже есть дело поважнее.

Ну всё... Приплыли. Сбрасывайте якорь. Мальчики уже исчезают в столах, невесть как оказавшихся посреди небритой глуши. Что дальше? Жрушие друг друга розовые носопотапы будут скакать по крышам города? Феерия. Но плюсы всё-таки были — чувство голода как

рукой сняло.

Не до конца понимая, какого конкретно результата он хочет добиться, Джакомо молча поднялся на холмик. Посмотрел на стол. Обошел его пару раз. Провел рукой по гладкой деревянной поверхности. Случайно словил занозу. Посмотрел на всё еще раскрытый ящик, приделанный к низу столешницы. Осмотрел беглым взглядом его содержимое. Пару раз позакрывал.

Обычный рабочий стол, деревянный, воняет немного сыростью, набит всяким хламом от многочисленных деревянных огрызков, бывших когда-то карандашами, до множества мятых-перемятых бумажек с текстом на непонятном языке. Всё это создавало достаточно полярные ощущения.

По прошествии нескольких минут после детального осмотра этой, безусловно, полезной в человеческом быту вещи, в течении которых Джакомо безмолвно вглядывался в кучу барахла в деревянном ящике и слушал ветер, мальчику вдруг пришла в голову неожиданная мысль. Джакомо склонил голову на бок и медленно опустил её на кучу бумаг так, чтобы можно было увидеть глубь самого ящика. Конечно, парень прекрасно понимал, что никакие законы физики не позволили бы тому пацану, сложишь он хоть в трое, пролезть в эту маленькую щелку, но всё-таки какое-то незримое чутьё подсказывало, что из этого может что-то выйти.

Внутри глаза резала лишь непроглядная мгла, словно в темной пещере под горой.

Вновь поднявшись, Джакомо опять взялся за деревянную ручку ящика и потянул её на себя. Сдвиг. Потом еще. После этого парень уверенно вытянул ящик до самого предела, пока, как предполагалось, задняя стенка этого маленького вместилища не ударилась об препятствие, не дававшее ящику вылететь из стола. Джакомо вновь посмотрел во внутрь. Всё та же темнота. Наверное, застряла, — подумал мальчик, с силой дернув ручку ящика вперед. Не поддавалась. Тогда он дернул еще раз. И еще. Нахмурившись, парень вперся босой ногой в ножку стола и дернул так сильно, как только смог. Результат не заставил себя долго ждать. С глухим треском ручка вылетела из стенки ящика и Джакомо шмякнулся в сухую листву. Парень посмотрел исподлобья на этот проклятый кусок древесины с ножками так, как обычно смотрят на самого злейшего врага. Но сдаваться так просто он не собирался.

Вновь подойдя к столу, Джакомо решил действовать на этот раз более практично; а именно — сунуть туда руку. Так он и сделал. Цепляясь рукой за всякую всячину, и мысленно молясь о том, чтобы пальцы не напоролись на что-нибудь острое, Джакомо внезапно заметил, что рука погрузилась в ящик уже практически целиком, почти по локоть. Да такого быть не может, — думал мальчик. Не может ящик быть таким большим, он бы просто в этот стол не влез! А может... Может просто оставшаяся снаружи часть тела немного мешает, или он чего-то не заметил? С этими мыслями парень сунул туда и вторую руку. Но тут Джакомо заметил, что его, по мере продвижения рук во внутренней части ящика, начинает немного... перевешивать вперед. Не прошло и минуты, как голова, торс, а затем и ноги, словно в каком-то сне, оказались внутри поглощенного темнотой ящика. Лишь из-за спины струился слабый свет. Вокруг завалы всякой всячины, не повернуться — не развернуться, даже голову хоть на сантиметр поднять нельзя, так как её наверху макушку тут же встречал деревянный «потолок». В общем — кошмар любого клаустрофоба. Но Джакомо это абсолютно никак не покорёжило, совсем наоборот, даже в какой-то мере обрадовало. Теперь оставалась только одно — ползти дальше. Пацана-то того тут определенно нет, значит он там, впереди. И это значит еще что там, впереди, что-то такое есть. И Джакомо до этого «чего-то» был намерен

добраться во что бы то ни стало. А потом... А потом посмотрим. Но это оказалось не так уж и легко.

Непроходимые завалы, постоянно впивавшиеся в живот безделушки, упирившиеся в стенки ящика локти да еще и голова, которая постоянно стучалась об верх, несусветно действовали на нервы. Искусавший всю верхнюю губу и заработавший на последней не шуточное воспаление Джакомо был готов с ревом перегревшегося паровоза и со скоростью разъярённой черепахи поползти через весь этот проклятый склад, пропахший затхлостью, уже невзирая абсолютно ни на что. И вот, когда уж было начало казаться, что весь этот поход длится уже как минимум две, а то и три вечности, впереди забрезжил луч надежды. Тонкая линия света, образывавшая недоконченную трапецию, виднелась впереди. С первого взгляда Джакомо не совсем понял, что это такое, так как этот просвет мальчику удавалось разглядеть лишь на секунду, «выныривая» из-под огромных волн здешнего окружения. И вы только представьте тот прилив облегчения и сил который ударил в мозг парня в тот момент, когда он понял, что это дверь. Небольшая, резная дверь из породистого дерева, предположительно, является частью шкафа. И еще и открытой была. Естественно, добравшись до этого спасительного кусочка древесины, Джакомо не долго думая с силой толкнул его вперед и, задержавшись буквально на секунду в нерешительности, в течении которой он успел разглядеть фрагмент блестящего пола из цветного мрамора, мальчик поддался вперед и на половину вывалился наружу. Яркий свет, словно иглы, впился в глаза. Голова пошла кругом.

Издав тихий, неразборчивый писк, Джакомо резко вжался в сложенные внизу руки и поджал всё еще находившиеся в том темном тоннеле ноги к туловищу. Как только жгучее ощущение прошло, мальчик даже почувствовал какое-то странное, природное ощущение покоя и уюта, которое, однако, продержалось ровно до тех пор, пока парень не вспомнил, что он всё еще находится невесть где. Впрочем, то, что до сих пор ничего не произошло, уже было хорошим знаком.

Наконец, Джакомо приподнялся на руках и осмотрелся. Первое, что бросилось в глаза — невероятные размеры помещения, где мальчик оказался. На ребенка, что почти всю жизнь ничего больше чердачной коморки не видал, это произвело воистину ошеломляющее впечатление. Но не менее сильный эффект оказала и вся окружающая обстановка: Цветной куполообразный витраж в середине высоченного потолка, гигантские шкафы, набитые таким количеством разнообразной литературы, что за всю свою жизнь ни один человек не успел бы проглотить и малой её части, безумное множество каких-то непонятных артефактов и... золото. Золото! Драгоценные камни! Платина! Серебро! Всего даже перечислить нельзя. Естественно, глаза у пацана от вида всего этого великолепия оказались даже не на лбу, а на затылке.

Мышиными шагами, практически не дыша, Джакомо подлетел к широкому кругообразному столу, где помимо всякой рабочей ерунды лежала кучка переливающихся всеми цветами радуги камушков, мальчик с жадностью вобрал их в ладони, испытывая при этом настоящий кинетический экстаз. Надо брать. Но если еще на первых парах Джакомо и пытался сохранять хоть какую-то осторожность, то уже потом он без всякого зазрения совести сгребал всё, что только видели его обезумевшие глаза: обыскивал каждый сундучок, вырывал из стены золотые подсвечники в виде птиц, отламывал серебряные ножи у стульев и табуреток, выковыривал находившиеся там с самого своего появления самоцветы из каменных колонн, шириной в три обхвата, разламывал нефритовую поверхность того же

самого стола и с жадностью забирал каждый кусочек. Как только не осталось места в худых карманах — принялся ссыпать всё это добро в рубашку, в рот, в закатанные штанины, в дырявые башмаки, что-то даже умудрился вставить в уши и вплести в волосы. И конечно же, во всей этой радостной суете Джакомо никак не мог заметить наблюдавшего за ним сапсана, примостившегося на древесном выступе дверного проёма, представлявшего из себя переплетение множества длинных ветвей, в другом конце зала.

И вот, окутанный заоблачными мечтами, счастливый, похожий на набитый драгоценностями до самого треска в хлипких швах одежды и еле держащийся на ногах пацан еле как обернулся и уже хотел направиться к заветной дверце, без конца благодаря судьбу за такой бесценный подарок и уже потихоньку обдумывая, как добраться незамеченным до своего дома и родного чердака, как вдруг он вперся лбом во что-то высокое. Еле удержав равновесие, парень раздосадовано вскинул голову вверх и обомлел. Перед бледнеющим на глазах Джакомо стоял трёхметровый человек, напоминавший своим сложением огромный, тысячелетний дуб, облачённый в толстый слой «коры» из мехов, кожи, рубахи из жестких тканей и всё это накрыто длинным плащом, который мог бы служить еще и точнейшей картой звездного неба. Почти белые зрачки мерцавших в тени сурового мужского лица был направлен прямо на желавшего сейчас вжаться в пол беднягу Джакомо, а продолговатый шрам, тянувшийся через всю физиономию рыжеволосого человека придавал этому взгляду еще большую внушительность. На плече гиганта гордо восседал тот самый сапсан, который по сравнению со своим хозяином, а это было определено так, выглядел как домашний попугайчик.

— Ну что? — Речь мужчины была холодной и решительной. — Всё осмотрел? Много набрал?

Жалобно вскрикнув (а на деле простонав) и чуть не проглотив при этом несколько монет, находившихся в притык набитом блестяшками рте, мальчик чисто на инстинктах во всю прыть понесся на еле стоящих от всей этой ноши на земле ножках, заносивших своего хозяина при беге то влево, то вправо, куда-то вглубь зала, при этом роняя на пол, словно воду из качающихся на коромысле ведер, все свои богатства. Как и следовало ожидать, это мало помогло. Да что там... Не преодолел Джакомо и нескольких метров, как его ноги буквально прилипли к полу, а еще через секунду парень явственно ощутил, что медленно поднимается в воздух и переворачивается вверх тормашками. Вот бедняга Джакомо всего на двадцать градусов наклонился в бок — и тут же по мраморному полу зазвенели сотни и сотни маленьких красных, серебряных, желтых, зеленых, и синих капелек. Великан от созерцания всего этого золотого дождя аж присвистнул. Оно и понятно — столько умудриться барахла утащить на себе надо уметь... Как только всё содержимое карманов и других щелей несостоявшегося вора иссякло, неведомая сила еще раз встряхнула мальчика в воздухе, — видимо, чтобы убедиться в последнем окончательно, — и только потом отпустила свою жертву и она с грохотом рухнула вниз. Стоило только Джакомо принять сидячее положение, как перед ним вновь возник тот человек.

— Давай. Что смотришь? Жду объяснений.

Выпучив глаза и беззвучно открывая рот мальчик начал беспорядочно жестикулировать руками, пытаясь таким образом мысленно ухватиться хоть за что-то, как вдруг всё прервал пронзительный возглас.

— Папа! — Не успел Джакомо опомниться, как между ним и допрашивавшим его хозяином всей этой сокровищницы встал тот самый темноволосый мальчик, который, по

факту, и привел парня сюда.

— Папа, не трогай его! Это мой братик, ты не понял? Ты же мне говорил, что у меня он сможет когда-нибудь появиться! Ну вот, я его сам нашел! Вы только с Гором не волнуйтесь, я к этому подошел ответственно! Я долго за ним следил!

— Ч-ш-ш-што?.. — Еле процедил мужчина, глаза которого расширялись с каждым словом его, как можно было понять, отпрыска всё больше и больше.

— Он хороший, очень хороший! Мы его оставим, да ведь? У него родители плохие! Они о нем не заботятся! Ну пожа-а-алуйся, пап!

Вот тут в осадок выпали уже все. Даже сапсан немного клюв приоткрыл.

Выждав секунду, мальчик вновь задал свой вопрос:

— Так сможем?

— Э-э-х... Нет. — Наконец придя в себя твердо и непоколебимо ответил мужчина.

— П-Поч... Почему?

— Потому! Лейв, ты..?

— Н-Но... Но ты же обещал!

— У тебя голова вообще где находилась, а? — Мужчина нагнулся максимально низко, чтобы быть к своему подопечному лицом-к-лицу. — Я тебе говорил... Да Господи, Лейв? Ты выходил за пределы «Ковчега»? Ну! Отвечай!

— Д-Да, но я ненадолго, и я осторожно...

— О, боже мой... — Огромный человек с силой ударил себя ладонью по лбу. — Всё! Марш к себе и чтобы я тебя сегодня вообще не видел!

— Папа, я...

— Ты слышишь плохо? Я выразился невнятно?! — Мужчина схватил мальчика за локоть и с силой толкнул последнего в направлении дверного проёма. — К себе! — После этого великан вновь перевел взгляд на Джакомо. — И насчет его родителей... Думаю, перевоспитать мы их сможем, поскольку, я уверен, им будет очень интересно узнать, чем занимается их сын.

«Лучше сразу добейте...» — в ужасе подумал Джакомо, вжимаясь в плечи.

Как оказалось, своеобразных порталов «из Ковчега» (Джакомо так и не разобрался, что это) в том доме было несколько. Через один из них (продвижение через который было менее энергозатратным, чем через его собрата) великан и вывел мальчика в его родные, суровые и серые земли. Задача была ясна — показать, где их с родителями дом, и мальчик даже подумать не мог о том, чтобы послушаться или как-то схитрить. Слишком велик был риск.

Парень шел как на казнь. Впрочем, это не слишком отличалось от действительности. Шел, и попутно замечал, что тяжелое чувство волнения, которое возникло еще в том злополучном зале, так до сих пор и пляшет в животе у мальчика. Да не просто пляшет, а уже потихоньку сменяется сильным покалыванием, растекается по венам в ногах, из-за чего их пронзила неопишуемая слабость и дрожь, встало поперек горла комом тошноты. Джакомо весь вспотел. Ему надо было срочно отдохнуть. Но как об этом сказать? Вдруг не поверит? Треснет? Наорет?. Организм всё решил за мальчика.

В один момент Джакомо просто скрутило. Желудок, словно половая тряпка, свернулся в тонкую трубочку и готов был вывернуться наизнанку. Бедный мальчик согнулся пополам. Резкие рвотные позывы нагибали его вперед всё сильнее и сильнее, уши заложило. Пот с лица лился рекой.

— Ты чего? — Услышал откуда-то издалека мальчик за мгновение до того, как белые

вспышки, мерцавшие перед глазами, загородили всю видимость и бедняга рухнул на землю без чувств.

— Ну тебя и скрутило... — Резкий, удушающий запах впился в ноздри Джакомо и он с трудом разлепил распухшие веки. Тут же на лбу появилось что-то холодное. Видимо, компресс.

Мальчик начал водить глазами вокруг себя. Они, вместе с тем самым рыжеволосым человеком, сидели около реки и последний с озабоченным видом закручивал какой-то пузырек, содержимому которого видимо и принадлежал тот жуткий запах, вернувший парня в чувства. После этого мужчина достал небольшой пирожок с маком и протянул его бледному ребенку.

— На, пожуй. — Только увидев перед собой что-то съедобное и, главное, совсем свежее, Джакомо словно дикий зверек накинулся на угощение и с жадностью начал его уплетать.

— Да не спеши ты так, плохо же опять станет. — За секунду до этих слов мальчик успел через нахлынувший позыв голода почувствовать какую-то неловкость за свои действия. После слов своего спасителя вместо этого Джакомо вдруг ощутил, что о нем... заботятся?

— Ты хоть что-то сегодня ел? — Мальчику опять стало немного неловко, но он решил отвечать честно, и поэтому отрицательно помотал головой.

— А вчера? — Парень задумался и вновь покачал головой.

— Ты хоть чем-то в последнее время серьёзным питался? — Джакомо в очередной раз задумался, вздохнул и ответил:

— На прошлой неделе себе рыбу по дешевке купил, но она там уже... — Мальчик прервался, проглотил содержимое рта и продолжил: — Но она там уже чуть ли не с червяком была. — Мужчина вздохнул и похлопал парня по плечу, видимо, каким-то внутренним чувством ощущал, что его собеседник не лжет.

— Ладно. — Великан поднялся на ноги. — Надо всё-таки отвести тебя домой. Встать можешь?

Чем ближе они подходили к замызганной избушке на краю желто-зеленого поля травы, тем громче до ушей доносились неразборчивые возгласы, песни, грохот и звон разбивающейся посуды. Реакции из-за двери, представлявшей из себя уже даже не дверь, а кусок гнилой коры, пришлось ожидать достаточно долго, пока из-за нее не выглянула разбухшая от выпитого перекошенная физиономия какого-то большого, худого, полулысого и горбатого крота, так как человеком это назвать можно было с большим трудом.

— Ба-а-а, приперся гад-деньш-ш-ш! — Проблеял отец, изрыгая из беззубой пасти перегар. — Чего молчишь? Че, опять бегал куда? Жрать тебе нечего, нехристь? Мать с отцом позо..! — Бледные глазенки с желто-зелеными белками мгновенно выглянули из-под нависших на них багровых век, как только алкоголик увидал человека-гору, стоявшего рядом с его чадом.

— Ох, с-сер, з-с-здравств-вуйте! — Пролепетали еледвигающиеся губы. — Ч-ш-шго, гад мой что-то натворил? — Последние слова выходец самых низших из низов произнес с особой, демонстративной суровостью.

Великан секунду помолчал, переводя взгляд то на мальчика, то на его, так скажем, родителя, и наконец ответил:

— Да нет. — Внутри приготовившегося к падению всего земного шара на свою спину

Джакомо резко разжалась какая-то жесткая внутренняя пружина. — Не сделал. Да вот зато я от отдельных лиц наслышан, что ваше чадо бродит по улицам абсолютным беспризорником, а родителям, как я наблюдаю, нет до этого никакого дела.

— Да что вы, что вы! — Заголосил костлявый мужичок, подхватывая сына под руки, целуя и трепля его по жирным волосам. — В зызни палицем его с благоверною моею не трогали! Холили! Лелеяли! Это-ж... — Пьяница звучно икнул. — Это-ж очей моих старых свет! Будущее наше! Золото! Солыныще!

— Всё, понял, понял я! Перестаньте! — Великан резким движением руки вырвал ребенка из явно ему неприятных объятий. — Ну... Видимо, волноваться и впрямь не о чем, только учтите, я буду следить за состоянием мальчика. — На середине этой фразы мужчина многозначительно переглянулся со своим новым юным знакомым.

— Да конечно, конечно, сер! — Запинаясь начал тараторить мужичек, запихивая своего отпрыска внутрь дома. — Не волнуйтесь! Не волнуйтесь! — Дверь захлопнулась.

В тот день Джакомо никакой оплеухи так и не досталось, что просто не могло не радовать. Но мысли его вечером того же дня были совсем не об этом. А поднявшись на чердак, мальчик вдруг почувствовал под рубашкой что-то увесистое. Это оказался целый мешочек с бронзовыми монетами и булочками, а вместе с этим подарочком шла также записка:

«Оставил тебе карту до ближайшей двери к нам (надеюсь, ты умеешь читать карты). Если случится что-то плохое — приходи.»

Раскинув роскошные крылья, хищная птица плавно спикировала на огромные олени рога (которые при менее детальном осмотре можно было вообще принять за большущие древесные ветви) напрямик к своему неустанно что-то записывающему зеленоглазому другу. Наконец отложив перо, мужчина устало откинулся на спинку громоздкого стула и потер пальцами глаза. Сапсан издал короткий клич.

— Да не испортится. За столько лет же с ним ничего не произошло... — Сапсан вновь вскрикнул.

— И нечего Лейва жалеть, он наказан и вполне справедливо. Кем бы этот мальчик не был и в каких бы условиях не жил — Лейв не имел права приводить кого-либо из королевства. — птица вновь что-то сказала на своём родном языке.

— Боже ты мой... Пойми, никому сейчас не живется хорошо. Люди голодают там. Умирают. Дети в том числе. Таких семей, как у того паренька, сотни, если не тысячи. Я же не могу их всех у себя уместить. — Мужчина вздохнул. — И дело даже не только в договоре. — Сапсан в ответ наклонил голову в бок, что-то промурчал и закивал в сторону овального окна в куполообразном потолке.

— Ладно. Лети к нашему благодетелю, извинись там заранее за меня. Скажи что сейчас сам к нему зайду. — Умная птица понятливо кивнула, вновь расправила крылья, вылетела наружу и исчезла в ночном небе.

В тот день они помирились и всё в семье наладилось, чего нельзя сказать о Джакомо. Постепенно произведенное впечатление, произведенное появлением постороннего человека, да еще и такого угрожающего вида, на пороге дома на родителей мальчика начало постепенно выветриваться, пока в один день не произошло страшное.

Вечером родители как всегда изрядно набрались и отец в пьяном угаре как всегда начал обвинять свою лежавшую без чувств супругу во всех своих вселенских бедах, а та в своё

время ничем, кроме неразборчивого мычания, не отвечала. И сам дьявол вынудил Джакомо вернуться домой именно в этот момент. Тут же к нему вылетел разъярённый отец. Но на этот раз всё было страшнее раз в десять. В ревущего, словно взбешенный зверь, мужчину будто вселился демон. В выпученных глазищах плескались литры алкоголя и первобытного бешенства, немногочисленные гнилые зубы ёрзали из стороны в сторону, готовясь в любой момент вылететь изо рта своего потерявшего разум хозяина и как из фонтана забрызгать лишнего дара речи Джакомо кипящей кислотой, пульсирующей в хлипком тельце пьяницы. Эта ночь парню еще долго будет являться в самых кошмарных снах. Но надо ли вообще говорить, что узревший зареванного, окровавленного, в изодранной рубаше и со следами раскаленной кочерги по всему телу Джакомо Лейв испугался даже сильнее, чем его давнейший знакомый всего-то два часа назад, большую часть из которых он потратил на дорогу к двери, ведущей сюда, в дом. Который он некогда попытался обворовать. Последнее, что слышал мальчик через угасающее сознание, был удаляющийся куда-то писк:

— Папа! Папа! Сюда! Имир вернулся! Имиру плохо! Папа!!!

Ощущая себя на мягкой постели, под теплым одеялом и в облегчающих боль от впившихся недавно в тело осколков бутылки, синяков, царапин и ожогов мазях, поверх которых были наложены бинты в несколько слоёв, Джакомо опять испытал то самое чувство умиротворения и покоя, что и когда-то при первом его посещении этого места.

— Очнулся? Ну вот, хорошо... — Эти слова прозвучали совсем рядом и скорее в пустоту, чем были обращены непосредственно к Джакомо, и он это понимал. Чья-то большая рука легла на его ладонь и сжала её. Мальчик приоткрыл глаза и, как только всё окружение в радиусе его видимости перестало напоминать однородную кашу, Джакомо увидел перед собой все того же рыжеволосого человека и сапсана на его плече.

— Здорово ты нас вчера всех напугал. Хорошо что хоть живой остался, а то... — Мужчина не договорил. Парень пулей бросился к своему спасителю, вжался в него всеми своими силами и зарыдал, как маленький ребенок. Несколько мгновений мужчина сидел, уставившись в пустоту, но потом тоже прижал мальчика к себе. И тут боковым зрением великан заметил сбоку от себя тень. Это Лейв подрос, и теперь заботливо гладил спасенного гостя по спине, бросая на своего опекуна секундный взгляд, в котором без труда можно было уловить наивную, детскую мольбу: «Ну папа, ну посмотри — они же убьют его! Не надо его отводить обратно, пожалуйста!»

— Ну успокойся, успокойся... — Приговаривал мужчина, глядя все еще воющего как раненый зверь мальчика по спине. — Не вернёшься ты к ним больше.

— К-Как? — Джакомо резко отпрянул и аж рот открыл от удивления. Сказать честно, хозяину сего семейства не хотелось сейчас рассказывать, насколько быстро он договорился с горе-родителями и за какую сумму они согласились отдать своего сына в чужие руки и никогда больше о нем не вспоминать, посчитав, что это будет лишним.

— Ну так. Всё. Будешь жить с нами. — Всё еще не веря во всё услышанное, Джакомо безмолвно переводил обалдевший взгляд по очереди на всех присутствующих. Своевременно ясноглазый мальчик, стоявший всё это время у подножия кровати, мгновенно просветлел, но не торопился впадать в радостную истерику.

— И да, кстати, я Зигмунд. Это — Лейв. А это — Гор. — Великан пальцем указал на всех, кого он только что назвал. — А как твоё имя?

Джакомо уж было уже открыл рот, но тут ему пришла идея получше.

— Слушай, когда ты бежал к З-Зигмунду, как ты меня назвал? — Обратился парень к

своему новоиспеченному братику, который в ответ лишь непонятливо захлопал ясными глазками. — Ну тогда, когда я из шкафа вывалился, вчера.

— А-а-а, Имир! Я просто пока за тобой следил так и не узнал твоего имени, поэтому и стал называть тебя — И-мир. — Перебинтованный парнишка кивнул и вновь посмотрел на Зигмунда.

— Знаете, мне не хочется того, чтобы моё имя напоминало мне о чем-то плохом. Так что давайте я буду с этого дня Имиром. — Мальчик отвел взгляд в сторону и впервые за всю его жизнь его лица коснулось умиротворение и по-настоящему счастливая улыбка. — Мне это имя нравится.

***

Устало выдохнув и стерев пленку пота со лба, Имир наконец плюхнулся на близлежащий булыжник, достал флягу и жадно отхлебнул воды. Тут же свысока послышался звонкий клик и рядом с мальчиком примостился Гор.

— Всё хорошо, не волнуйся. — Вздохнул Имир, делая очередной глоток. Немного понаблюдав за своим спутником, Гор вдруг начал отчаянно рокотать, кивать куда-то вдаль и очерчивать клювом какие-то фигуры.

— Что? — Прищурился парень, после чего посмотрел в то же направление, куда так старательно указывал его друг. — Там... Там что-то есть? — Мальчик указал пальцем вдаль, вновь посмотрев на птицу. В этот же момент сапсан опять обернулся на Имира и закивал уже ему, подтверждая ранее сказанные слова. Не теряя ни секунды, парень достал из походной сумки продолговатую бутылку и посмотрел через нее вперед, на дальние холмы (привычка старого, мрачного прошлого). Там, вдалеке, темнело какое-то пятнышко. Дом. Нет, скорее даже особняк. Определенно заброшенный.

— Вот это фартануло! — Радостно развел руками парень, после чего он поспешно собрался и с новым приливом сил и под неизменным предводительством своего пернатого товарища направился к цели.

Глава 8. Вихрь мыслей и эмоций

Агний проснулся не рано, но и не слишком поздно. Часов в девять утра. Чуть приглушенный серыми облаками свет освещал небольшую комнату с деревянным полом и обветшалыми стенами, которая от стоявшего тут и там хлама казалась даже меньше, чем она была. Легкий дух затхлости вперемешку с прохладным воздухом, что шел с улицы, и теплое одеяло, обволакивающее всё тело, придавали неописуемое чувство уюта и даже покоя. Хотелось лежать здесь столько, сколько душа потребует. Просто лежать, и смотреть, как мерцает летающая в воздухе пыль от еле пробивающегося сквозь тяжелые облака света, на фоне тусклого, потрескавшегося потолка.

Всю эту благодать прерывал лишь отдаленный стук топора за окном и еле слышное посапывание Лейва, который спал на соседней кровати, уткнувшись розоватым носом в текучую подушку. Еще некоторое время просмотрев в полудреме в одну точку, Агний, наконец, приподнялся на одной руке и, щуря еще не до конца окрепшие глаза, посмотрел в находившееся над его кроватью окно, занавешенное пыльными кружевными занавесками. Даже особо вглядываться в размытый силуэт за желтоватым окном не надо было, чтобы понять, что это колющий дрова Имир.

Как вдруг неожиданно раздавшийся за спиной приглушенный писк, чем-то похожий на свист, заставил на секунду лишившегося дыхания Агния подлететь на кровати и обернуться. В темноте дверного проёма смутно просматривалось серо-белое оперение и желтый клюв сидевшей на краю открытой деревянной двери птицы. Видимо, Гор тут сидит уже не первый час, следит за сном своих подопечных.

Не найдя что сказать, Агний лишь состроил некое подобие улыбки и нервно кивнул, ощущая себя при этом максимально неловко. Издав еще один негромкий клич, сапсан вспорхнул и, шелестя раскидистыми крыльями, улетел. Еще с минуту просто посидев на кровати, осязая разумом бесконечность и тишину, Агний наконец-то поднялся на ноги, словномышь (что мальчик, безусловно, мастерски умел) вышел из комнаты. Уж было даже хотел заслонить за собой дверь, но эта идея тут же исчезла, будто и не было, стоило только раздастся этому кошмарному скрипу в кое том веке приведенных в движение петель. После этого Агний, словно застигнутый врасплох лисой заяц, сиганул в коридор и забился за угол. Придя в себя, мальчик несколько секунд побыл в тишине, а после этого, не осмеливаясь двинуться, решил осмотреться.

Дом, однако, оказался очень даже приличным, причем во всех смыслах этого слова. Хоть при первом взгляде на одно из его помещений (судя по всему, комната, где спали Лейв и Агний, была некой кладовой или чем-то в этом роде) впечатление об этом строении сложилось не самое феерическое, но при разглядывании высоченных потолков в широких коридорах, резной деревянной лестницы и украшенных тончайшей и искуснейшей росписью всё это как рукой сняло. Судя по всему, люди тут жили далеко не последние. Жили. И ушли. И причем достаточно давно. Роскошные и дорогие обои обесцветились и печально свисали со стен, словно куски рваной тряпки. Некогда блестящий лакированный паркет был покрыт толстым слоем пыли и весь был в дырах и черной плесени. Немногочисленную мебель облюбовала всякая мелкая живность, а высокий потолок весь был в грязно-желтых разводах и его куски валялись на полу тут и там, что отбивало всякое желание оставаться тут надолго. Но и выйти Агний боялся. Нет, даже не так, он просто стеснялся. Стеснялся, потому что всё

еще чувствовал себя незваным гостем в чужой хате, которого хозяева до сих пор не выставили за дверь лишь из вежливости.

Так прошел очередной неопределенной промежуток времени, в течении которого Агний успел самым детальнейшим образом изучить расплывчатое пятно на обоях, которое было похоже на недоделанную лошадь, убегаящую от стаи злобных рыб, пока, наконец, мальчик наконец-то не решился двинуться с места и направиться ко входной двери.

Свет безжалостно брызнул свой яд в глаза и Агний несколько секунд просто стоял на шатающихся ногах и тер невидимое остальным лицо руками. Мальчику даже страшно было представить, что было бы с его глазами, не будь между ними и тусклым солнечным светом этой спасительной перегородки из его же, Агния, темной, лохматой гривы.

Укутанный в плотную куртку с шерстяным воротником Имир стоял в некотором отдалении от дома, около невысокого трухлявого пенька, в который был вогнан ржавый топор, и с недовольным выражением лица рылся в куче поленьев, взятых, очевидно, из оставшихся запасов прошлых хозяев.

— Ну ё-мое, опять сырая! Да что же это..! — И в этот самый момент взгляд молодого человека упал на безмолвно стоявшего на крыльце дома Агния.

— А-а-а, проснулся! — На лице парня появилась слабая полуулыбка. — Ну, давай, не стесняйся! Хоть поговорим немного, а не с пернатым, не так скучно будет... Хоть человеческую речь за эти два дня наконец услышу, а то я скоро под стать Гору кудахтать начну... — Сидевший всё это время у Имира на плече Гор возмущенно клюнул парня в затылок.

Агний с секунду еще постоял на одном месте, но в конце-концов решился и подошел ближе. Хорошее расположение духа Имира, учитывая его достаточно грубый характер, не могло не радовать.

После того, как Агний сделал последний шаг и остановился на месте, зависла минутная пауза, которую мальчик решился прервать первым (что в обычной ситуации, однако, для него было почти невыносимо).

— А-а где мы?

— Мы? — Переспросил Имир, устанавливая одно из поленьев на пенек. — Мы за пределами «Ковчега».

— За пределами «Ковчега»?

— Ага. — Имир занес топор и звучно разрубил полено на две части. — Ток' где конкретно, в какой части Королевства — не знаю... Знаю только то, что нам на север надо.

— А за-зачем?

— Там «Наследие» где-то должно приземлиться, если его, конечно, эти гады не прикрыли. У нас просто на случай вторжения заранее план был, вот и пригодился, чтоб его...

— Понятно... — Практически шепотом промямлил Агний и, через несколько секунд, вновь задал вопрос:

— А про Зигмунда ничего не слышно?

Толи от усталости, толи от упоминания имени своего наставника, Имир отвлекся от своего занятия, вновь вонзил топор в пень, отчего последний чуть сам не разлетелся на части, впер руки в боки, потянулся, раздувая щеки выдохнул и утер вспотевший лоб рукавом.

— Не знаю... Он за нами не последовал, должно быть... В общем, я готовлюсь к худшему.

— С-Сочувствую. — Агний опустил голову, ожидая реакции собеседника. Тот лишь в некой задумчивости растянул рот в одну линию, после чего вновь взялся за топор.

— Ничего. Он бы не хотел, чтобы мы оплакивали его до того момента, когда окажемся в безопасности. В такой ситуации ценнее всего сохранить самообладание. Меня этому выдрессировали еще в детстве.

Агний вопросительно наклонил голову в сторону.

— После пришествия к власти Бальтазара. — Начал свой рассказ Имир. — Хозяйство у родителей накрылось медным тазом. Стали по-черному прикладываться к бутылке. Я был сам по себе.

— А как было тогда?

— Чего? — Имир скосил взгляд.

— Как было тогда, ну, до Бальтазара?

Русоволосый парень на секунду призадумался, будто пытаюсь вспомнить хоть что-то, но ничего не вышло.

— Не знаю. Как-то стерлось это из памяти. Возможно, всё было намного легче до него, только это уже не важно.

— А Лейв... Он... Он тоже рожден в Королевстве?

— Ну да, а как же? Его Зиг вообще дитём малым подобрал. Родители в речке утопить пытались. Было это в последние дни пребывания Зигмунда в Королевстве. До заключения договора с Бальтазаром.

— Слушай, прости, уже, наверное, надоел я тебе со своими вопросами, но... Что это вообще за договор такой?

— Договор о непересекаемости границы между территорией Королевства и «Ковчега». Договор мог быть нарушен только в том случае, ес...

— Если один из заключавших этот договор будет уличен в сокрытии врага другого. — Все трое, включая Гора, обернулись. На крыльце стоял, вытянув руки вдоль торса и чуть потупив взгляд, Лейв. И хоть в этих словах не было никакого двойного смысла и Лейв ни в коем разе не желал задеть их с Имиром гостя, Раймонд почувствовал себя весьма неуютно.

— Имир!

Лейв спустился и подошел к брату.

— Имир, где Зиг? — Имир в очередной раз прервал рубку дров, переглянулся с Гором, на секунду замялся (видимо понимая, как мальчик отреагирует), но всё-таки ответил:

— Лейв, ты... Ты, короче, н-не волнуйся только, но... В общем... В общем — Зига, судя по всему, схватили, но мы...

— Н-Но они же не имеют права ему что-то сделать, так ведь? — Лейв, у которого уже начал дрожать голос, не отрывал синих глаз от Имира. — Они ведь... — Мальчик резко опустил голову, сглатывая уже начавшие щипать глаза слезы. Гор издал короткий клич, слетел с плеча Имира и начал тереться клювом об лицо мальчика, как бы пытаюсь утешить, а Имир, в свою очередь, нервно потирал руки и оглядывался по сторонам, думая, что ему ответить.

— Слушай, — Молодой человек взялся своими затвердевшими от мозолей руками за предплечья Лейва и резко развернул его к себе. — Разбираться будем после. Сейчас не время. Постарайся быть сильным. А сейчас... Сей-йчас давай ты возьмешь Агния, я через несколько минут подгоню вам дров и вы приготовите завтрак? Лично я голодный! Идет? — Агний в те секунды просто вжал лохматую голову в плечи, уже явственно ощущая себя не в

своей тарелке. Лейв вытер рукой под носом и натужно улыбнулся. После этого мальчик развернулся, побежал в сторону Агния и, хлопнув последнего по плечу с призывом «Идем!», направился к дому. Безликий мальчик поспешно последовал за ним.

После еды Агний отправился исследовать дом дальше. При детальном осмотре, он, как ни странно, уже не казался таким уж громоздким. Коридор на первом этаже (а всего их было три) заканчивался двумя дверьми, располагавшимися на противоположных друг от друга стенах. На центральной же красовалось темное квадратное пятно, свидетельствовавшее о том, что здесь некогда располагалась внушительных размеров картина.

Первая дверь оказалась закрытой. А вот у второй самым варварским образом был выломан замок, и потому Агний без особого труда вошел в небольшую, как понял сам мальчик, комнату для отдыха.

Скучный интерьер помещения вмещал в себя несколько пыльных и полуразвалившихся шкафов, разбитый сервант на деревянной подставке, а также превратившийся в кусочек поля из пыли и плесени ковер, на котором располагался стеклянный столик и продавленный диван, через который уже проступали пружины.

И на этом самом столике полукругом, «лицом» к дивану, были выставлены картины, одна из которых, должно быть висела на той стене в коридоре. Агний подошёл полуживому диванчику, слегка стряхнул рукой пыль и обрывки паутины с его бархатной поверхности, что, однако, мало помогло, и как можно аккуратнее, будто эта повидавшая виды мебель вот-вот переломится пополам под весом мальчика, примостился перед столиком и посмотрел вперед.

Запечатленные мазками потрескавшегося масла люди на картинах смотрели на сидевшего пред ним мальчика будто с возвышения; гордо подняв голову и закрыв на половину темные очи. На мгновение Агний почувствовал себя на том самом Страшном суде, где он, маленький, съездившийся, безродный беспризорник будет просто испепелен этим холодным, каменным взором этого мужчины в роскошном красном кафтане, этого молодого человека с томным взглядом бесцветных глаз, и даже этой девушки в прекрасном, белом платье, предававшем её и без того божественной красоте греческой богини еще большей аристократичности. Кроме этих троих были еще несколько, штук пять, безмолвных свидетелей, взиравших исподлобья на вжавшегося в спинку кресла Агния. Ко всему этому не хватало только одинокого тиканья часов, которые, к слову, стояли двухметровым, полуразвалившимся лакированным столбом в углу комнаты. Они уже никогда не затикают. Никогда не издадут того громового боя, подобный которому заставлял когда-то пятилетнего Агния вжаться в тот кусок рваной тряпки, что служил ему одеялом, от какого-то необъяснимого страха. Никогда, потому что все их внутренности безжалостно выдраны здешними мародерами. Они мертвы. Они сейчас находятся в том же необъяснимом состоянии, что и изображенные на портретах люди. Агний и до этого видел несметное множество картин. И он был достаточно догадлив, чтобы понимать, что на них изображены живые, или, по крайней мере, жившие когда-то люди. Это осознаешь, но этого не понимаешь в полной мере. Но здесь и сейчас это осознавалось как никогда. Будто некая часть души и самого бытия этих людей застряли в этих немых изображениях и теперь безвольно наблюдают за всем, что происходит снаружи, пусть и нарисованными, но невероятно реалистичными глазами.

В этом Агний мог бы еще сильнее убедиться, если бы прочитал стоявшую перед этим «мертвым» кольцом табличку. На ней отрывистым, грубым почерком (даже от одного

взгляда на эту надпись несложно было понять, что это писалось в припадке внутренней ярости) было нацарапано горькое и переполненное злобы скандирование:

«СОБАКАМ СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ!!!»

Но, увы, читать Агний не умел. Само это слово, «читать», для него ассоциировалось с чем-то далеким и недостижимым. С чем-то, что доступно лишь тем, кто находится на несколько уровней выше. Не только по социальному статусу, но и по своему духовному и умственному развитию.

Агний как-то, сам не зная для чего, начал предпринимать попытки научиться самостоятельно разбирать хоть что-то из того, что вырисовано этими странными закорючками, зовущимися буквами. Но нет, через месяц стараний мальчик попросту плюнул на это дело и дальше немо довольствовался своими мало-мальскими способностями к счету, которыми его одарили и то лишь для того, чтобы мелкий раб мог считать деньги, захаживая на рынок. Большого ему не надо. Он раб. Он был рабом и он им будет весь свой неопределенный отрезок жизни.

Тяжело вздохнув и вновь встав ногами на скрипучий пол, Агний подошел к низкому деревянному серванту с перебитыми стеклянными дверцами и взял оттуда одну из пожелтевших от сырости книг в хрустящей обложке.

Открыл. Пролистал. Ничего.

Агний начал невольно погружаться в воспоминания.

Он помнил, как жена его третьего хозяина каждый вечер читала детям сказки, пока он, будучи еще подневольным, за дверью мыл пол. И делала она это с таким энтузиазмом и с такой любовью, что даже уходить оттуда не хотелось, пока она не дочитает. Через какое-то время и её дети (мальчик и девочка, ровесники Агния) начали читать ту же книгу под чутким присмотром своей родительницы. Читали они ломано и отрывисто, из-за чего слушать их было неприятно. Но, слушая их, невероятно радовалась их мать. Они развиваются. Они чего-то достигают. А Агнию достигать нечего. Его функция — помогать достигать чего-то другим. Он ступенька на чужом пути. Он не главный герой даже своей собственной жизни, а всего лишь сборная солянка из путей других людей. И однажды Агний даже лицезрел, можно сказать, наглядное тому подтверждение.

Живя у своего предпоследнего хозяина, Агний как-то начал наблюдать у порога вышеупомянутого господина какой-то однородный кусок непонятно чего. Выглядел он будто расплющенная мешанина из чего-то склизкого и мерзкого, в которую еще и были буквально запиханы куски грязной ткани. И представьте потрясение Агния, когда он осознал, что он больше месяца переступал, и даже один раз наступил случайно, через размазанные по дороге, полуразложившиеся останки маленькой девочки... Девочки-раба...

Мальчик и сам не понимал почему, но тогда это произвело на него очень сильное впечатление. Он еще не раз возвращал в памяти ту картину и думал... А ведь когда-то она бегала... Ходила своими ногами по той же земле, что и Агний. Жила совсем рядом с ним. Чувствовала. Дышала. Видела. Что-то испытывала. У неё были родители, и родители родителей, у которых тоже была какая-никакая жизнь. И вот... Это бывшее вместилище маленькой души со всей её генетической историей просто смешаны с уличной грязью и мусором и никому не нужно, кроме сжиравших его день за днем крыс.

А если так подумать: а ведь и Агния ждала такая судьба... Чем он лучше сотен миллионов таких же маленьких и никому не нужных беспризорников? Его бы продали... Он бы дальше работал... А потом... Исход предсказуем.

И только сейчас Агний вдруг начал осознавать всю невероятность произошедшего с ним за последние дни. За что? Почему он? Что это, случайная удача? Судьба? Да черт его знает... Но одно ясно точно — Агний до сих пор читать так и не научился.

— Читаешь? — Агний аж вздрогнул, и, будто пойманный с поличным вор, резко захлопнул книгу на нервной почве. На пороге комнаты стоял Лейв.

— Да ты не бойся, я же не кусаюсь! — Голубоглазый мальчик подошел к своему другу. Тот уже успел вновь открыть секунду назад захлопнувшуюся рукопись и теперь глядел на Лейва невидимым взглядом озадаченного ребенка. Последний прищурился, будто чего-то не понимая, а потом звучно хмыкнул и проговорил:

— Да как же ты её читаешь, если ты её вверх ногами держишь? — Агний непроизвольно кивнул без всяких на то причин, в то время как Лейв схватился за края книги и, перевернув её, вновь сунул в не менявшие положения руки Агния.

После нескольких секунд безмолвных гляделок, Лейв направился ко второй деревянной двери, находившейся в комнате, которая вела на некое подобие балкона, где, по-видимому, некогда содержались цветы. Сейчас же, вместо пышных красавцев в расписных горшках там наблюдались лишь груды пронизанных, и оттого несусветно вонявших, коробок, рассыпанная по вздувшемуся линолеуму сухая земля, желтые пятна на грязном потолке, треснувшие, а кое-где и вовсе разбитые, окна и, опять же, небольшой стеллаж с книгами, которые имели еще более плачевный вид, чем те, что находились в комнате. Видать, прошлые хозяева были людьми крайней образованности.

— О! Давай посмотрим! — Глаза Лейва в очередной раз вспыхнули небывалой воодушевленностью. Недолго думая, Мальчик вцепился в первую попавшуюся книгу, рывком выдернул её с её законного места и раскрыл, но тут же почему-то вдруг отказался от чтения и вновь посмотрел на стеллаж с тем же самым непонимающим прищуром. А причиной тому была некая жестяная коробочка, буквально со спичечный коробок размером, которая тут же, стоило только загораживавшей её книге исчезнуть со своего места, взлетела в воздух на маленьком пропеллере. Расщелины между железными «дольками», из которых состояла коробочка, засветились красным. Мгновение спустя начался настоящий кошмар.

Со всех сторон к этому непонятному прибору, словно их затягивало в мощный вихрь, стали слетаться коробки, книги, паутина, осколки разбитого стекла и весь прочий хлам, находившийся поблизости. На секунду лишь застывший на месте Лейв еле успел рвануться в сторону и вновь оказаться в комнате. Тут же к нему рефлексивно подлетел Агний, затем в дверном проёме возник Имир, и вот, они уже втроём наблюдают, как нечто огромное и воистину ужасное, состоящее из крутящейся волчком горы мусора, проламывает хлипкое стекло, разделявшее балкончик с комнатой и уже через милою секунды бросилось на своих жертв. Имир буквально в охапку схватил двоих мальчиков, ноги в руки и пулей из комнаты. Монстрище, гудя, как тот самый страшный паровоз, вылетело вслед за ними.

— В стороны! Быстро! — Оттолкнув от себя Лейва и Агния в противоположные крылья коридора, Имир понесся дальше налегке, надеясь отвлечь это существо на себя. Но не тут-то было! Тут же от той самой коробочки откололось несколько долек, и вот этих тварей уже три. Буквально на несколько секунд замешкавшийся Агний чуть не поплатился самой жизнью из-за этого умения этой странной машины, когда одна из новоиспеченных хламовых туч врезалась в стену и на еле успевшего увернуться мальчика чуть не рухнул обвалившийся дверной косяк. Не успел Агний и опомниться, как вихрь из забытой домашней утвари, точно кошка на мышь, сиганула прямо на него и чуть не заглотила в себя. Агний рванулся вперед,

чуть ли не на четвереньках подлетел к кровати, прыжком перемахнул с неё на тумбочку и, почти не думая, выскочил в находившееся напротив окно, удирая от монстра. Рухнув в кусты, Агний тут ж перевернулся, приземлился на ноги, пару шагов пропрыгал в полуприседе, после чего быстро развил скорость и поскакал на почти неощутимых ногах куда глаза глядят. А тем временем Имир с Лейвом тоже вынеслись из дома и поодиночке тоже исчезли в дебрях осеннего леса. Но сейчас не об этом.

Агний буквально парил над землей, так быстро он бежал. Секунды выливались в минуты. Слюна закипала во рту. Шелест «наматывающихся» на всё еще преследовавший парня волчок заставлял воздух исчезать из легких, а обмякшие ноги работать с удвоенной силой. Пару раз, словно хищный зверь, вихрь перегонял Агния и становился прямо перед ним, демонстрируя свою бездонную «пасть», отчего резко тормозящий и поворачивавшийся на месте мальчик чуть ли не падал на землю. То же самое происходило с Лейвом и Имиром. Их будто бы загоняли в конкретное место. Да что там «будто-бы»? Так оно и было!

Не прошло и минуты, как потные и почти не дышавшие братья врезались друг в друга, после чего выпучивший глаза Имир на одном дыхании схватил Лейва за шкуру и побежал дальше. Побег от уже успевших слиться двух вихрей продолжился. Как вдруг через темные и ровные стволы безмолвно взиравших на всё это деревьев показалось озеро. За секунду потускневший разум Имира озарила идея.

Собрав остатки сил, мальчик прибавил скорости, и, практически не слыша окликов брыкающегося, словно выброшенная на берег рыбка, Лейва, находясь практически в двух шагах от воды Имир рывком рванулся в сторону и бросился на землю.

Есть! Монстр со смачным «Плюх!» исчез под сверкавшей на солнце гладью. И даже не заметили, что с противоположной стороны озера в воде пропал еще один, третий вихрь, да еще и не один он...

Весь потный и колотимый мелкой дрожью Имир еще несколько секунд не мог сдвинуться с места, смотря немигающим взглядом распахнутых до предела глаз на ровную поверхность воды, по которой всё еще гуляла мелкая рябь. Только после того, как доза адреналина в мозгах хоть немного схлынула, парень, нервно улыбаясь, рухнул на спину и закрыл мокрое лицо холодными руками. Красный, как рак, Лейв, съезжившись, присел на землю и пытался унять колющее чувство во рту. Сверху послышался клич Гора.

Не прошло, однако, и двадцати секунд, как в чуть прояснившейся голове Имира вдруг всплыла мысль: «Стоп! А где Агний?» — и только он уж было открыл рот, как вода на, казалось бы, утихомирившемся озере вновь пошла кругами, затем начала «закручиваться» по часовой стрелке, отчего образовался с каждым ударом вновь учащенно забившихся сердец мальчиков становившийся всё больше и больше водоворот, который через непродолжительный промежуток времени начал крутящимся столбом подниматься вверх.

Не дожидавшийся полного возникновения этого монстра Имир вновь схватил брата и вновь кинулся в чашу, еле волоча ноги, превратившиеся буквально в неподъемные мешки с костями. И, в общем-то, в решении своём не прогадал. Уже совсем скоро они убегали от похожего на мифического летающего змея водяного вихря, закручивавшего свой длинный хвост на лету и «проглатывавшего» теперь уже абсолютно всё; и камни, и листья, и деревья — ВСЁ!

И в какой-то момент, среди воя этой смертоносной водяной турбины, сметаемых со своих мест ворохов листьев, Стволов деревьев и прочего шума Имир вдруг различил нечто похожее на крик. Крик, который то возникал, то опять исчезал. Только при пятом повороте

головой назад парень смог разглядеть лишь на секунду выглянувшую из воронки черную голову. Агний был в ловушке.

Действовать надо было немедленно. Возбудив все извилины в своём мозгу, Имир начал быстро-быстро набрасывать план. Как не странно, и тут Всевышний решил одарить парня светлой идеей.

— Лейв! — Гаркнул мальчик на весь лес. — Расходимся и бежим «восьмеркой»!!!

— Чего?!

— «Восьмеркой» говорю!!! — Повторил, нервно жестикулируя руками, и кое-как вытирая слетавшие с мокрого лица капли пота, Имир. — Расходимся и бежим! Давай!!! Три! Два! ОДИН!

С этими словами парень резко ломанулся в сторону. Имир среагировал пусть и не сразу, но потом тоже последовал примеру брата. Как и ожидалось, вихрь вновь разделился. Вот только всё ещё наматывавший круги по волнам одного из вихрей Агний оказался внутри преследователя Лейва, а не Имира. Но ничего. Для этого и нужна была «восьмерка».

Пересеклись. Опять промах! Опять пересеклись. Снова не достал! В третий раз пересеклись и чуть не врезались в друг друга. Опять!.. Машина будто поняла их план и будто даже злорадно начала крутить в своих внутренностях всё ещё находившегося в ней мальчика ещё быстрее. А тем временем впереди выросло очередное препятствие, и на этот раз пострашнее всякого там озера. Обрыв.

Всё произошло меньше чем за минуту.

При очередном скрещивании Имир резко притянул Лейва к себе (чуть, кажется не оторвав последнему руку). Две гигантские воронки, соответственно, вновь слились в единичный экземпляр и полетели за удиравшими от них из последних сил мальчиками к самому краю пропасти. Не слыша ни шелест улетающего в пасть воронки лесного окружения, ни криков Лейва, ни собственного топота по земле, Имир стрелой подбежал к обрыву и проделал уже знакомый трюк. Вот только на этот раз в сторону, точно пробка от шампанского, полетел Лейв, а сам Имир бросился на спину, запустил руки в чрево чудища, и, о чудо, уцепился в как раз пролетающего в этот момент мимо него Агния и вытащил мокрого насквозь беднягу на поверхность. Измученный бегом парень даже не заметил того, что монстра в этот момент будто бы слегка заклинило. До ушей издирающего сухожилия мышц рук Имира доносился лишь шелест льющейся прямо ему на лицо воды, а также нечленораздельные крики Агния, из которых с трудом можно было разобрать лишь: «Поймал! Держу! Тащи!». И только Имир смог разобрать хоть какую-то часть из них, как в «брюхе» монстра промелькнула некая крылатая стрелка, после чего чудовище громогласно взорвалось, словно ударившийся об асфальт.

Во все стороны полетело всё то, что это существо успело заглотить, в том числе и многострадальный Агний, который сейчас, кувыряясь в воздухе, летел с огромной высоты навстречу своей гибели.

Опомнившийся Имир замахал руками и чуть было не сиганул за мальчиком, Гор издал протяжный клич и кинулся на помощь, а Лейв вцепился в свой вывалившийся из сумки чудоальбом, взялся за карандаш, нервными пальцами раскрыл чистую страницу и сделал резкий штрих. В то же мгновение часть вылетевших из взорвавшегося монстра вместе с Агнием листьев преградили на лету ему дорогу, тем самым снизив скорость мальчика. Еще штрих. Агний опять с громким «Ой!» врезался в стену листьев. Еще один. И еще. И еще! И так продолжалось до тех пор, пока лохматый мальчик относительно мягко не шмякнулся на

землю у подножия скалистого выступа, с которого от и упал. Наблюдавший за всем этим, выпучив глаза и тяжело дыша, Имир медленно повернул голову в сторону брата. А тот уже с чувством выполненного долга наматывал на бумаге изогнутую спираль. Тем временем маленький смерч легонько подхватил Агния, взмыл с ним в воздух и через несколько секунд мальчик плюхнулся лицом в землю перед Имиром и Лейвом, а всё это время контролировавший непродолжительный полет их маленького страдальца Гор присел к нему на спину и начал ободрительно тереться желтым клювом об мокрую рубаху. Покачиваясь, Агний со стоном поднял лохматую голову, утыканную пышной короной опавших листьев, и направил нечеткий взгляд на стоявших перед ним товарищей. Те переглянулись.

— Хех, ну что, пацан, с боевым крещением тебя! Как тебе встрясочка? Мож' еще таз так прокатишься, а?

— Нет!!!

В разгромленную хижину возвращаться не стали. Это было бы слишком опасно. Привал устроили прямо в лесу, под вековым дубом с широкой кроной. Агния рвало весь вечер. Очевидно, эта «встрясочка» ему явно не понравилась. Но ничего. Настояем напоили, в одеяло закутали, и сейчас он тихо лежал и наблюдал за уходящим в звездное небо столбом дыма, исходящим от костра.

— Ну что, лучше? — К мальчику приблизился Лейв. Агний смог лишь кивнуть. Он был невероятно слаб.

— Ну вот и хорошо! — С этими словами ясноглазый парнишка присел рядом с другом и тут же раздался приглушенный треск. Лейв как ошпаренный тут же встрепенулся и оглянулся. У бедного мальчика перехватило дыхание.

Поняв, что случилось что-то неладное, Агний приподнялся на холодных руках, подавил головокружение, и после этого несколько секунд молча, будто не до конца понимая происходящего, наблюдал за тем, что происходило перед ним. Заикающийся и чуть ли не плачущий Лейв сгребал в ладонь осколки амулета, который лишь день назад ему отдал Зигмунд, и который только что раскололся под весом мальчика. И тут внимание Агния привлекло другое; то был свернутый листок бумаги, находившийся еще совсем недавно внутри подвешенного на веревочке бутылка. Он буквально раздувался, словно намоченная губка, пока не стал стандартного размера. Как только процесс роста полностью прекратился, темноволосый мальчик взял лист и развернул его. Заметив это, Лейв подсел к другу и тоже посмотрел на листок.

Как оказалось, никаких таинственных заклинаний на том куске обработанного дерева не оказалось. Это был относительно обычный, тонкий, чуть пожелтевший бумажный лист... с детским рисунком на нем.

На рисунке были изображены, по всем канонам, в первую очередь каравая линия, заменявшая, по всей видимости, пол, и три фигуры. Первой, самой низкой, судя по всему, был улыбающийся черноволосый ребенок с темными точками-глазками. Второй (даже по меркам рисунка ребенка неестественно огромной) фигурой был светловолосый мужчина, тело которого заменял широкий прямоугольник, разрисованный под утепленную рубаху, а на плече и мужчина сидел какой-то непонятный двуногий и беззубый крокодил с крыльями и серым оперением. Несомненно, двух персонажей мальчики сразу узнали. Но кто же этот ребенок?

Агний косо — это было заметно даже несмотря на закрывавшую лицо паренька копну волос — посмотрел на Лейва. Заметив это, мальчик замотал головой.

— Э-Это не я! Я такого не рисовал! Точно помню!

И в этот момент, под светом плясавших языков костра, сквозь тонкую бумагу стали проступать некие символы, написанные на оборотной стороне листа. Мальчики перевернули его и всмотрелись.

Там было лишь одно маленькое предложение, буквы в котором плясали, соревновались друг с другом по толщине и высоте. Агнию даже и не требовался навык чтения или же даже сощуренные глаза Лейва, начавшего читать это короткое послание вслух, чтобы определить, что написаны эти слова были с жуткими ошибками.

— Па-п-а... — Запинаясь прочитал Лейв. — Йа тибя лю... Люблю? Тфу-ты! Люблю!

А снизу подпись:

«Бальтазар»

Глава 9. Диалог

— А вот это уже номер... — С полуприкрытыми губами, качая головой, пробормотал Имир после того, как рисунок с надписью оказался в его руках. После еще одного детального осмотра, парень просто хмыкнул, вновь вручил кусок бумаги в руки Лейва и вновь направился поддерживать костер, путем тыканья в бревна палкой и раздувания пламени. Агний с Лейвом переглянулись. Уж чего-чего, а такой спокойной реакции они уж точно не ожидали.

— Ты... Ты что, об этом знал? — Наконец, с нажимом на каждое слово, пролепетал голубоглазый парнишка.

— Ну, не знал. Догадывался. — Коротко отчеканил Имир. — А если серьезно — тут даже удивляться нечему. Жил-да-был одинокий волшебник, у него появился маленький ученик, которого обижали нехорошие родственники, тот взбесился, угробил их всех, учитель мягкотелый своего любимчика, ясен пень, угробить не смог, и вместо этого умотал с доброй половиной королевства высоко в горы, коротать свои вечные деньки с таким же, как он, бессмертным дроздом. — За последние слова Имир получил знатный клевок по макушке от слетевшего с близлежащей ветки Гора, который, после своего молниеносного нападения, вновь принял своё первоначальное положение.

— Да, но... Почему он в таком случае не попытался договориться с Бальгазаром? Ну, в том смысле... Если у него и Зига были и впрямь тесные отношения, почему учитель не мог... Допустим... Просто выяснить заранее, в чем проблема, и всё уладить? — Вновь обратился к своему смотрящему злобным взглядом в сторону сапсана и нервно потирающему голову брату Лейв.

— Ты это сейчас серьезно? — Имир, демонстративно запрокинув голову назад, надрывно усмехнулся. — Лейв, Бальгазар — псих. А с психами беседовать бес-по-лез-но. Они сами иной раз не знают, что с ними такое, чего они хотят, да и вообще... Мне-то откуда знать? Это надо у самого Зигмунда спросить... И-и да, кстати... — Имир вдруг резко помрачнел и призадумался. — А ты как узнал, что эти закорючки в твоём альбоме как-то воздействуют на листву?

— Что?

— Ну, когда мы Агния ловили. — Парень кивнул в сторону всё это время стоявшего поодаль и не смевшего вмешиваться в разговор мальчика.

— А-а, ну, я чисто по рефлексу. Ты же понимаешь, всегда, когда у нас что-то в доме падало, я это «что-то» ловил. Помнишь? Вот и привык.

— Хорошо, хорошо, понял. Но... Действия альбома же распространяются лишь на предметы, на которые воздействовал Зигм-у-унд... — Последние слова по громкости шли на спад, словно по ступенькам. Очевидно было, что Имир сейчас очень сильно пожалел, что вообще начал разговор об этом. На мгновение воцарилась гробовая тишина.

— Т-Ты этим что хотел сказать? — Наконец несмело прервал всеобщее молчание Лейв, не сводя широко распахнутых глаз с брата. — Из него что, эту силу выкачали? Его там что, пытаются?

— А-а-ах, Лейв, Агний, слушайте... Мы за сегодня достаточно сильно устали, так ведь? — Попытался, как смог, разрядить обстановку, и, приобняв обоих мальчиков за предплечья, продолжил:

— Ведь устали, так ведь? Во-о-от, в таком случае — спать. Здоровый сон — счастливое утро! Всё! Баю — бай!

Хоть это и было лишь спонтанным предлогом для того, чтобы отвлечь мальчиков, не прошло и десяти минут, как с самодельных лежанок послышалось сладкое посапывание, которое буквально гипнотизировало и без этого валившегося с ног Имира.

Агний заснул быстро. И снилась ему Искури. И Орландо. И Имир с Лейвом. И люди в ковчеге. Они смеялись, разговаривали о чём-то и были счастливы. Как большая, дружная... семья? Но всё-таки больше всего мальчику запомнилась именно Искури. Она часто обнимала его, с увлечением о чём-то с ним беседовала, с увлечением говорила о том, какие их всех ждут великие дела и что при поддержке Агния и всех остальных рабов они точно победят, и при этом через каждые десять минут интересуясь, не хочет ли мальчик есть. У Агния было не слишком много примеров, чтобы сравнить, но он был уверен, что именно так и ведёт себя настоящая мама. И образ этой «мамы» ещё долго будет следовать за маленьким рабом в его последующих злоключениях.

Имир тем временем думал.

А если так подумать, то Лейв прав. Пусть и не договорился, но... Почему Зигмунд ничего не предпринял? Что было в этом ироде такого особенного, что величественный мудрец, живущий на земле не один век и до капилляров пальцев закаленный жестким воспитанием носившего военный чин родителя смог вот так просто оставить эту мерзость в живых? Да, сейчас Бальтазар определенно сильнее, это и объяснимо, он наверняка не один год готовился к этому вторжению, но тогда? Тогда-то что воспрепятствовало самому жесткому суду над самопровозглашенным королём? Учитель же всегда так нетерпимо относился к своим ошибкам, так чего же ему стоило просто устранить одну из них одним взмахом руки?

— Зиг, ну почему же?

Внезапно раздавшийся со стороны приглушенный клич заставил парня на мгновение потерять способность дышать. Гор сидел всё на той же ветке и внимательно глядел на своего подопечного, чуть наклонив при этом пернатую головку в сторону.

— Тфу-ты, блин... — Прошипел про себя Имир, после чего вновь бросил взгляд в сторону сапсана. — Ну? Чего молчишь? Наверняка Бальтазара еще пацаном застал, так ведь? — В ответ послышался еле слышный присвист.

— Ну, и чё? Сразу расписывал, как предков своих потрошить будет, или как? — Имир нервно усмехнулся, а потом присел на специально поставленное около костра толстое палено, перевел взгляд на танцующие в ночной мгле языки пламени и тяжело вздохнул. Тем временем Гор подлетел ближе.

— Я всё равно в жизни не поверю, что этот больной урод стоил хотя-бы сороковой доли тех жизней, которых он угробил.

После этого на несколько мгновений вновь воцарилась гробовая тишина, пока Имир, всплеснув руками, наконец, резко не поднялся с места и с короткой фразой: «Ладно, всё, на боковую» не направился к своему спальному месту.

Гор терпеливо проследил, как ворчливый юноша тушит костёр, стягивает с себя тяжелые сапоги, как укутывается в тонкий плед, некогда называемый им же «салфеткой», и медленно погружается в мир снов. Постепенно, ночная тишь обволокла поляну своими невесомыми руками. Только ему, Гору, нельзя утихомириться.

Пусть он и не простая птица, которая мало того, что прекрасно понимает человеческую

речь, так еще и живет бок-о-бок со своим хозяином добрую половину его насыщенной жизни, но всё-таки, как говорил Зиг, и далеко не раз, «Гор — птиц умная, но заносчивая». И это проявлялось в том, что Гор, хоть и был обогащен опытом, но всё-таки еще решался, как неосторожный юнец в молодые свои годы, на отчаянные поступки.

Едва всё на поляне затихло, сапсан еще раз внимательно огляделся и посмотрел на звездное небо, которое выглядело сейчас словно нереальная картинка, приклеенная к простирающемуся до самого горизонта куполу. Ночь еще совсем не глубокая. Заря нагрывает не скоро. Лес дремучий, никто сюда не сунется. А мальчики, в силу событий сегодняшнего дня, проснутся в достаточно поздний час.

Авось, успеет?

Наконец, собрав все свои птичьи силы в желтую лавку и всполошив перья на крыльях и холке, Гор спикировал с ветки вниз и стрелой вознёсся в небо. Он исчез, и даже не заметил перед своим отлетом, что Имир-то вовсе и не спит.

Не подавая ни одного признака бодрствования, молодой человек в упор глядел в спину лежавшего примерно в метре от него и видящего уже девятый сон Агния.

«...Имеет право, при сокрытии врага другого...» — Имир зажмурился, подобрал под себя ноги и вперся лицом в колени. — «Нет, так нельзя! Это бред какой-то... Хотя...» — Парень опять посмотрел на худую, с проглядывавшим сквозь тонкую кожу спину бывшего раба и вновь в его голове начались титанические вычисления, схожие лишь с точным до микрометров вычислением расстояния от Солнца до Земли.

«Извини, Агний. Но так будет лучше всем. Или, по крайней мере, большинству»

***

— Ну-с, вы готовы?

— Момент! — Подняв указательный палец свободной руки, Бальтазар протянул это с наигранным акцентом, который, при нынешнем состоянии царя, показался еще более нелепым и глупым. После этого был до самого дна опустошён пятый бокал второй бутылки за день. После выпитого Бальтазар сильно морщил лицо, раздувал обросшие, словно дремучим лесом неухоженное поле, густой, хоть и короткой, бородой щеки, отчего создавалось такое впечатление, что его сейчас стошнит. А это, вообще-то, было очень даже вероятно. К запланированному на сегодня допросу король подошел максимально ответственно, и начал морально подготавливаться еще с самого утра.

— Вы настолько сильно боитесь встречи с ним? — Чуть приподняв бровь спросил Внутренний Советник. Бальтазар в ответ лишь отвернул скривившееся лицо в сторону и замахал ладонью в сторону собеседника, словно маленький ребенок, отбивающийся от невкусной еды, которую в него пытаются насильно запихнуть. После этого мужчина сразу потянулся к стоявшей у подножия трона бутылке, потряс ею сначала над бокалом, потом над своей зловонной пастью, и, убедившись, что в сосуде не осталось и капли сладкого яда, зашвырнул его во тьму тронного зала и тот, разумеется, разлетелся на кусочки.

— Ладно, всё, пошли. — Еле шевеля губами, пробубнил Бальтазар и начал поднимать свою тушу со столь когда-то им желанного трона, будто она весит целую тонну. Но стоило ему сделать лишь несколько шагов на слабых ногах, как одна из них, как и следовало ожидать, подогнулась и незадачливый правитель плюхнулся на ступени мраморного пьедестала, на котором стояло место его, Бальтазара, каждодневного сидения, и издал протяжный стон, похожий больше на скрип не смазанной двери.

Тяжко вздохнув, Советник просеменил к своему подопечному, который уже успел кое-как примоститься на ступеньки, и, бурча себе под нос что-то про свою «несчастную, большую голову», в сотый раз за день уставился стеклянными глазищами в пустоту.

— Устал я чет' сегодня... — Вновь еле слышно пробубнил Бальтазар, жалостливо шмыгнув носом. — Может, думаю, ну его?.. Ну, его... Ты понял...

— Ваше величество, вы же..!

— Да ла-а-адно, ладно тебе, шучу я. — Данное безмолвное созерцание пыльных стен в тронном зале продолжалось еще с минуту, после чего Бальтазар отважно, насколько это было возможно в его-то состоянии, скандировал: «Ладно, всё, пошли!» и резко оторвался от ступеньки. Насколько резко, что чуть снова не упал, но всё-таки сумел удержаться.

— Вам не помочь? — С некоторой долей безнадеги в голосе вздохнул Внутренний Советник. Бальтазар направил на него взгляд нездорово блестящих глаз, выглядывавших из-под спутанных и засаленных волос. Выглядело это так, будто король в принципе не понял вопроса. Но спустя секунду Бальтазар махнул рукой и продолжил ранее начатый спуск с пьедестала.

— Не надо. Я не настолько пьян.

А если говорить откровенно, то Внутренний Советник прекрасно понимал, чем обусловлено данное обострение у предводителя королевства. Идело даже не в желании отпраздновать захват столь ценного заложника, как это своему единственному собеседнику пытался объяснить сам Бальтазар, рассчитывая на то, что это гордое существо, рядом с которым он не может даже называться «эмбрионом», купится на такую глупую отговорку. Не-е-ет, всё дело было, как уже говорилось выше, в банальном волнении, которое знакомо почти каждому представителю рода человеческого. Ведь почти каждому из людей знакомо то непонятное переживание, которое преследует его при встрече с другим человеком, с которым они не виделись долгое время. Настолько долгое, что может даже показаться, что они общались последний раз в другой жизни. С одной стороны, знакомы они уже давно, знают друг друга, а с другой — кажется отчасти, что перед тобой совершенно другой человек. И у Бальтазара был повод волноваться. Они не видели друг друга десять с лишним лет...

Спускаясь в подземелье дворца, можно было без особого труда определить, что тот, кто его отстраивал, подошел к этому делу с особым шармом. Узкая лестница, закручивающаяся в «растянутую» спираль, высокие, чуть продавленные, ступени уводили далеко-далеко вниз, чуть ли не к недрам земли. Дальше желающего посетить это не самое приятное место ждал крохотный дверной проём, загороженный толстой металлической решеткой, которая отчасти чем-то на психологическом уровне напоминала злого, зубастого пса, который, совершенно невзирая на свой почтенный возраст, еще готов оттяпать желающему сбежать из лап закона пол руки. Обстановка в самой темнице тоже не одаривала никакими положительными эмоциями. Казалось, именно сюда Данте попал перед тем, как написать свою знаменитую «Божественную комедию», так как при оглядывании узкого, закругленного каменного коридора, полумрак которого рассеивал лишь доносившийся из самого его конца слабый свет, пропитанные сыростью, плесенью, человеческим отчаянием и нечистотами камни, составлявшие стены и пол этого жуткого помещения ничего кроме: «Оставь надежду, всяк сюда входящий» в разуме не всплывало. Отчасти даже могло показаться, что в ушах может на долю секунды прозвенеть доносящийся из другого измерения истошный крик. И не один, а сотни десятков. Это место, учитывая еще и его

достаточно насыщенную жизнь за последнее десятилетие, стало вечным пристанищем последнего эха, предсмертных мук и страданий сотен несчастных, обреченных умереть от железной хватки адской перчатки нового правителя.

В темнице никого не было. Бальтазар заранее потребовал её освободить. Никакого подвоха он не ждал, ведь прекрасно понимал, что всех куриц в этом замке он зафаршировал уже отменно. Для них он сам Дьявол во плоти, которому не страшны ни огонь, ни вода, ни уж тем более тридцать шесть метров земли над головой.

Так что король совершенно не опасался остаться здесь один. Ну, как один? Он, Внутренний Советник, и их гость. А, да, кстати, вот и он! На полу огромного помещения, которое следовало сразу после коридора, с воткнутыми в его истерзанную девятихвосткой десятками жестяных проводов которые вели к подвешенному к потолку огромному генератору. Да, перетащить эту махину сюда было не просто, но и оставить гостя без дела тоже нельзя было, ведь так? А у Бальтазара давно чесались руки испробовать, какова в действии энергия, выкаченная из тела кровных магов. И чтобы у их друга также не возникло желания использовать свои специфические способности для того, чтобы сбежать, Бальтазар подсуетился и состряпал не менее специфические кандалы. Большие, тяжелые, но зато очень эффективные.

— Ну что-ж, надо это отметить! — Хоть король очень долго мечтал, как скажет эти слова вслух, доставая из-под длиннющей мантии заранее запасённую бутылку красного вина, сейчас изрядно протрезвившее его волнение позволило ему это пролепетать одними губами. После того, как сладкое варево вновь заструилось по горлу, вновь посмелевший Бальтазар вяло зашагал к пленнику. Тот, свесив израненную голову, молча висел на букете стальных цепей, к которым были прикреплены чудо-кандалы. Видно, сил у старика ну совсем уж не осталось. Что ж, прости, Зиг, но придется тебя потревожить.

Оказавшись прямо перед поверженным чародеем, Бальтазар скривил уже успевшее покраснеть от всего влитого лицо в дибильноватой улыбке, после чего без всякого зазрения совести вылил половину бутылки прямо Зигмунду на голову. Последний сначала вздрогнул, видимо не поняв, что происходит, а потом вдруг резко закашлялся. Судя по всему, волшебное варево немного попало в рот.

— И всё-таки это-ж такая прюэльсть! — Бальтазар звучно и торжествующе расправил руки в стороны, отчего чуть не потерял равновесие. — Когда о тебе вспоминают... Правда-с, пришлось тебе поставить для этого малюсенького пинка! — Говоря это, Бальтазар всё ближе и ближе подносил к всё еще опущенному лицу Зигмунда приближенные друг к другу указательный и большой пальцы, меж жестяными когтями которых плясал маленький, искрящийся разряд, и на последнем слове этот самый разряд впился своими маленькими клыками прямо в щеку великана. Зигмунд дернулся всем телом и с рыком рванулся назад.

— А-а-а, всё-таки слышишь меня. — Заключил Бальтазар. Зигмунд, ничего не ответив, вновь начал медленно принимать своё первоначальное положение.

— Эй, эй, эй! Ну ты что, в самом деле?! — Правитель подхватил Зигмунда за предплечья, насколько позволило его пропитанное спиртом не слишком сильное тело приподнял двухметрового детину над полом, и, смачно встряхивая, заголосил:

— Ну, просни-и-ися же! Проснись! Медовые наши поля-А-а, блестят под солнцем луга-А-а! Ну, Зигмунд! Ну, родной! Ну посмотри, ну посмотри, посмотри — посмотри — посмотри — посмотри ты сюда-а-а! — Голос Бальтазара стал опускаться с бодрого клича на тараторчивый шепот. Железные когти вновь впелись в лицо истерзанного пленника и

заставили-таки его посмотреть невольно в это страшное, и в то же время просто нелепое всеми своими чертами лицо.

— Что? Что, Зиг? Не узнал меня?! А я тебя прекра-а-асно узнал! Прекра-а-асно! Не веришь? А ты верь, верь! На вере весь мир держится! И «Ковчег» ваш на «честном слове» держался! Так что, ладно, можешь не верить...

После этого король взалпом выпил половину того, что оставалось в тот момент во всё еще находившейся у него в свободной руке бутылке, а потом, с бодрым «Но выпить ты со мной обязан, уж не обессудь!» и сжав лицо бедняги Зигмунда в тиски, сунул горлышко бутылки последнему в рот, чуть не выбив ему зубы.

Едкое пойло обожгло горло, Зигмунд вновь закашлялся и всё-таки поднял изнуренный взгляд на своего мучителя.

— Ё-ё-ошкарный бабай, ну тебя и изрисовали! — Прокряхтел Бальтазар, стирая грязным пальцем потек крови на лице собеседника. Пленник на это в очередной раз никак не среагировал и вообще пытался сделать искренний вид, что настолько слаб, что даже говорить не в состоянии.

— И всё-таки это очень мило, — Бальтазар сделал финальный глоток из многострадальной бутылки и наконец отправил её на вечный покой одним ударом об пол — что сам великий Зигмунд... Эх-х... Б-а-а-Лин, ты прости, совсем твою фамилию забыл столько времени прошло...

Половина разбитой бутылки приблизилась к шее Зигмунда остриём осколков, что заставило мужчину запрокинуть голову назад.

— И всё-таки мне просто в лом, когда я стою уже десять минут, распинаюсь, как кретин, а эта скотина всё молчит и молчит. — Лицо Бальтазара приближалось к лицу пленника с каждым словом всё ближе и ближе, из ускоряющего своё движение при каждом выдаваемом звуке рта забрызгала слюна, глаза короля стали наливаться кровью и на последнем слове острие одного из осколков резко и быстро полоснуло древнейшего по шее, оставив ровную, продолговатую царапину.

— Ну?! — Загудел, точно поезд перед отправкой, пока Зигмунд шипел от боли.

— Я...

— Что?! Ну! Говори же! Говори!

— Я не собираюсь с тобой разговаривать.

Бальтазара в тот момент ввергла в немое негодование не столько сама фраза, сколько сам тон, с которым она была сказана. Словно учитель нашкодившему школьнику... Ладно, старик, видать, всё еще не понял, что их статусы немного изменились.

Рука в железной перчатке хлестнула пленного по щеке, отчего на ней остались несколько глубоких царапин из-за когтей.

— Я вижу, наш гость еще немного не осознал, что его сюда привели живым и относительно целым не для этого.

— «Живым и относительно целым»? Ты мне одолжение этим сделал? — Бальтазар схватился за охапку цепей, удерживавших собеседника, и пустил ток.

— Ты хоть знаешь... — Оправившись от разряда выдохнул Зиг. — Ты хоть знаешь, насколько ты сейчас мерзко выглядишь?

— Хах, нет Зиг! Вообще не в курсе! — После этого последовал еще один разряд. — Какие же мы всё-таки дерзкие по отношению к верхушке стали! — И еще один. — А раньше моему папаше даже слова поперек не мог ляпнуть! — И еще. — Да и раз уж есть у тебя хоть

какой-то характер, то чего раньше его не проявил, а? Зиг! — И еще. — Зиг, ты слышишь?! У тебя был шанс всё уладить сразу! Там! В тот день! — И еще... — Не помнишь?! Так я тебе напо-о-омню! Вот! Теперь вспомнил? Вспомнил, я тебя спрашиваю?! Тогда, почему?! Рот открой просто, и скажи! Зиг, ну же!

К моменту, когда всё это адское зрелище прекратилось, от Зигмунда уже шел дым. Окончательно размазанный чародей чуть ли не лежал от усталости, но лишь все еще висевшая на цепях и бьющаяся в жутких конвульсиях одна из рук (у второй руки лопнули цепи) всё еще держала его на вису.

Бальтазар, пребывая на пике нервов, сделал несколько шагов назад.

— Я... — Наконец послышался слабый голос.

— Чего? — Бальтазар наклонил голову к плечу и прищурился.

— Я просто хотел тебе помочь, понимаешь? У тебя был огромный потенциал. Да, твои родители этого не видели, их можно понять, Бальтазар, но зато видел я. И я захотел помочь тебе раскрыться. И это почти получилось.

Вновь зависло короткое молчание.

— «Почти»? — Нервно усмехнулся Бальтазар. — В смысле, «почти»? Зиг! Зигмунд, я с тобой говорю!

— Ты серьезно не видишь?! — За много лет их знакомства, это был один из немногих случаев на памяти короля, когда его давний друг по-настоящему вспылит. — Всё что ты устроил здесь, всё, что ты устроил там — как это вообще можно назвать?

— Как назвать? Каждому по делам своим, Зиг, каждому по делам!..

— По де..? — Через силу подавив приступ ярости, Зигмунд размеренно выдохнул и только после этого вновь начал говорить:

— Ты же столько прекрасных вещей хотел изобрести. Столько прекрасных вещей изобрёл. Поезд, трамвай, часы механические, всё остальное — я ничего из этого не выбросил. Даже твои самые-самые ранние рисунки. — Пытаясь уловить взгляд насупившегося правителя и преодолевая боль в каждой клетке, Зигмунд усмехнулся. — Я, думаешь, не помню эту серьёзную мордашку, с которой ты выводил свои супер-чертежи в шесть лет, а, Бальтазар? Помнишь, как мы это всё еще подолгу обсуждали? Как ты бесился, если я заходил в помещение во время «рабочего процесса»? У тебя весь стол всегда был в куче уже невесть зачем нужных инструментов, записей, карандашей, кистей, и, что обязательно, у тебя там было по пять — по шесть кружек за раз. Да, да, и ты еще постоянно ворчал, когда что-то там случайно сдвинет Гор или я попрошу тебя убраться. Ты еще умудрялся засыпать за столом. Когда был маленьким — я относил тебя на руках, когда стал старше — обходился, уж извини, просто пледом. — В этот момент губ короля коснулась хоть и мимолетная, но такая искренняя улыбка... — Вот! Понимаешь? И это всё было прекрасно, и те двадцать с небольшим лет бесценны для меня, поверь. Те вещи, что ты изобрел — большая часть воспроизведена в реальности. И люди от них просто в неопишемом восторге, слышишь? И да, насчет чертежей — знаешь, почему я их храню? Потому что они дают мне надежду на то, что Реальный Бальтазар, тот, которого я вырастил, и который расцвел на моих глазах, сейчас меня слышит.

За этим вновь наступила тишина, в течении которой сказанные Зигмундом слова будто бы эхом доходили до мозга короля и тот их неспешно переваривал.

— «Реальный Бальтазар», значит? — В сердце мага что-то ёкнуло в тот момент. Зигмунду показалось, что с ним заговорил сейчас совершенно другой человек. Не было более

того развязного тона, иллюзии доминирования, была лишь долгожданная честность. И это мужчина понял тогда, когда собеседник присел перед ним на колени и посмотрел на него в упор. Глаза. Эти глаза. На учителя смотрели те самые карие, чистые глаза из его далеких воспоминаний, которые сейчас будто всплыли из густого, грязного омута и смотрели на него.

— Что ты боишься принять, Зигмунд. — Какая-то детская надежда в душе великана тотчас же притихла, а Бальтазар всё продолжал размеренным и невозмутимым тоном, будто он объясняющий без тени лишних эмоций и пафоса что-то особенно важное своему ребенку родитель:

— Что? Что я больше не молчу в тряпочку, да? То, что с меня тогда было достаточно, что меня это всё уже в край доконало? Люди не оценили моих работ тогда, когда я был тихой грушей для битья для моих братьев — я пошел другим путем. Но никто даже этого не понял. Я уже давно осознал, насколько всё это было бессмысленно, Зиг, можешь даже не сомневаться, но то, что было — того не воротишь. Прошое — это то, что надо лишь молча отпустить. И люди отпускают. И ты отпустил, Зигмунд. Я — часть твоего прошлого. Ну, что? Что ты на меня так смотришь? Ты что, думаешь, я себе совсем все мозги пропил, Зиг? Ты же тупо давишь на жалость, я этого не понимаю, по-твоему? Пытаешься мне втереть, что я тебе еще хоть немного важен. Ну, давай. Давай, пустим скупую мужскую слезу, я тебя освобожу, обнимемся на прощание, ты уйдешь к ним, вы всей ватагой сюда вломитесь, на кол меня посадите, и заживете долго и счастливо. Но знаешь, в чем вся суть, Зиг? — Зависло секундное молчание. — В моменты этого «Долго и счастливо» тебя будет волновать в последнюю очередь то, что будет со мной. Потому что я, повторюсь, часть твоего прошлого. А твоё настоящее — это та куча отморозков, с которыми вы скрылись в вашем «Ковчеге» — На последних словах голос Бальтазара, несмотря на колоссальные усилия последнего, задрожал. Глаза, которые тут же были зажаты, заблестели. Из уст донесся нервный смешок. — И за них же ты сейчас борешься, Зигмунд. И только они заставляют тебя сейчас говорить всё это, не желание вернуть меня. — Успокоившись, король продолжил:

— Вы скрылись от меня, Зиг. Ты скрылся от меня. Что такое? Давай! Давай, ну же, возрази мне! Выдави из себя еще пару слащавых аргументов. Я-то зна-а-аю... — Маниакальная улыбка вернулась на лицо мужчины, и вместе с ней он извлек из-под рубахи одну из многочисленных подвесок Зигмунда, и двух её половинах красовались этикие «метки», в виде узелков, бусин и прочего. Одна сторона была ружей, другая — синей.

— Как их зовут? Имир и Лейв, верно? Что ты, удивлен? Я мно-о-огое знаю, Зиг. — Бальтазар обернулся себе за спину и, схватив собеседника за нижнюю челюсть, вынудил его посмотреть туда же. Туда, где всё еще стоял Внутренний Советник.

— А уж тем более с такими информаторами — море по колени!

Зигмунд успел обменяться с давним знакомым лишь одним секундным взглядом, отсылая духу камня немой вопрос, но ответа на него получить не успел.

Бальтазар придвинул лицо бывшего наставника вплотную к себе и начал буквально выжигать его душу взглядом выпученных глазниц, в которых, казалось, кипело адское пламя с тонущими в нём обезумевшими от бесконечности всего этого ужаса несчастными.

— Знаешь, почему ты здесь, Зигмунд? Правильно — правильно, знаешь. Потому что кто-то нарушил наш договорчик. А раз эти двое приходятся тебе непосредственно подопечными — то, соответственно, они, как соучастники, понесут наказание вместе с тобой.

— Ба... Бальтазар, погоди, ты же...

— Тот оборванец сдохнет в любом случае. — Бальтазар поднялся с каменного пола и неспешным шагом, будто смакуя каждую последнюю секунду их с пленником диалога, направился к выходу. — А вот твои малые — это на десерт.

— Послушай меня, они ни в чем не виноваты! Ты не можешь!

— Еще как могу, сердешный мой, еще как могу! И ты уж не волнуйся — умрут, как и полагается элите, от рук самого короля! Об этом многим приходилось только мечтать! — Этими словами король небрежно швырнул подвеску на пол, смачно и с блаженством раздавил её и одним шарком сапога откинул её к коленям Зигмунда.

— Желаю хорошо отдохнуть. Был рад повидаться.

Несколько секунд в нервном беспамятстве Зигмунд взирал на куски подвески у его ног, вслушиваясь в удаляющиеся шаги.

— Б-Бальтазар!.. — Тишина. — Бальтазар, подожди!

Из-за спины послышался удар железной решетки.

Осталось лишь глухое эхо, которое и то было уже через несколько мгновений заглочено угнетающей тишиной этого мрачного места, и один единственный вопрос без ответа: почему? Что Зигмунд когда-то сделал не так? Как такое вообще могло произойти? Как он мог упустить из виду, насколько всё серьёзно было тогда? Почему тогда отпустил Бальтазара? Как не смог предвидеть, к чему всё идет и чем это кончится? Но одно он знал одно — Бальтазар прав. Он ничего не предпринял. Хотя и мог. Он мог тогда, при их последней встрече, остаться. Но он не смог. Он был опустошён, и предпочел удалиться восвояси, дабылизывать собственные раны. Возможно, если бы он тогда остался, всё было бы сейчас совсем по-другому. Но разве он, Зигмунд, виновен в этом? Он ведь любил этого мальчика, если бы всё было не так — не было бы так больно. Ему просто не хватило тогда силы воли, чтобы взять себя в руки и нормально поговорить. Ему было невыносимо осознавать, что эта гадкая, наглая и бессовестная тварь на троне — это ребенок, которого он сам же и взрастил. В которого вложил всю свою душу. И он предпочел закрыться и думать, что его больше нет. Что он ушел, умер, повесился тогда, но это не его Бальтазар. Это не его мальчик. Его милый маленький мальчик.

А тем временем, бросив при выходе из подземелья охране что-то про лопнувшие оковы, царь быстрым шагом, не видя никого на пути, прошел в свои покои и там заперся.

Теперь можно было побыть наедине с собой. Пусть всё немного пошло не по плану, но поговорить с кем-то, кроме тысячелетнего бульжника по душам было всё равно полезно. А сейчас можно и отдохнуть.

Завалившись на кровать, Бальтазар уставился в потолок и погрузился в вечное, в размышлениях о которых забывалось время, проходили целые жизни и приходили какие-то совершенно фантастические мысли. Пробыв в неподвижном положении неопределенный промежуток времени, Бальтазар наконец-то принял сидячее положение, и так же молча начал осматриваться. И тут его взгляд выхватил похороненный под грудой пустых, просроченных и местами всё-таки новых лекарств и снадобий его старый, потрескавшийся альбом с красивым рельефом на кожаной обложке. Примерно год его уже не открывал... Всё на отдельных листах зарисовки делал... А там ведь осталось еще приличное количество листов.

Взял. Открыл. Пролистал, внюхиваясь в затхлый запах старых страниц. Остановился на последней, еще не тронутой. Достал уже давно заготовленный карандаш, облизнул его и уже

приготовился что-нибудь из себя выжить, но в последнюю секунду остановился. Неуверенно взявшись за обложку, Бальтазар перелистнул на самую первую страницу, где красовалась нетронутая, но слегка уже расплывчатая надпись, которая выделялась из всех записей владельца альбома своей аккуратностью и четкостью:

«Моему дражайшему ученику Бальтазару на его восьмой День рождения.
Совершенствуйся!»

От одного только взгляда на нее уже стало тошно. Король вдруг резко вспомнил, как старался быстро перелистнуть страницы, чтобы случайно взгляд не упал на эту надпись и глаза рефлекторно не пробежались по ней.

Грудь вдруг снова будто впала, будто в ней нет ничего. Ни органов, ни растаявшего, словно свечка, сердца, огромные куски талого воска от которого смачно плюхались вниз.

— Вам грустно от того, что вас заменили? — Бальтазар подлетел на месте и резко обернулся. С секунду они с Внутренним Советником сверлили друг друга взглядом, но потом Бальтазар махнул рукой и безразлично швырнул альбом обратно на прикроватную тумбочку, отчего груда лекарств разлетелась в разные стороны, точно капли воды от брошенного в озеро камня.

— Да ну, дело прошлое. — Пробубнил царь, и неохотно начал прибираться.

— Вы ведь не видели, как он страдал. — После недолгой паузы вновь продолжил разговор дух. Бальтазар уж было на секунду замер, но потом лишь легкомысленно усмехнулся.

— Ну да, такое вакантное место прохлопал! Я б тоже всплакнул! — На мгновение вновь зависла тишина. Вновь посерьёзнев, король тяжело вздохнул. — И всё-таки я тогда поспешил. Был в этом всё какой-то смысл. По крайней мере, я окончательно убедился, что в какой-то мере всегда был один. Нет, я понимаю, незаменимых людей нет, да и с его — Мужчина кивнул в сторону двери — стороны было бы глупо страдать по мне вечность. Но... Да, хреново это всё...

Взгромоздив груду всех достижений медицины на своё место, царь неспешно поковылял к двери.

— Скоро обед. Изголодался.

Дух несколько мгновений молча и невозмутимо провожал глазами уходящего от него собеседника.

— Незаменимых людей нет? — Бальтазар не среагировал. — А как насчет Жолдыз?

Глава 10. Звёздочка

Бальтазар резко развернулся одним лишь торсом.

— Чего? — Его лицо скривилось так, будто он даже того языка, на котором разговаривал Внутренний Советник, не понял.

— Жолдыз. Помните её? «Звёздочка»? Как насчёт неё?

Бальтазар сразу понурил голову, печально вздохнул, и поплелся вперед, еле передвигая ногами. Но не на кухню, а так, в стену, в общем — куда-нибудь.

— А что Жолдыз? Нету Жолдыз!

— Она же вас не предала! Сами посудите: когда настали смутные времена — все опустились. Все выживали, как могли. И все опускались просто до невообразимых низов. Девушки, еще совсем молоденькие, жертвовали даже самым сокровенным. Но она не позволила себе такого. Не по своему воспитанию, сир, она это сделала, поскольку уже отдалась. Знаете кому?

— Так, всё, всё, хватит! Можно было и без подробностей! — Бальтазар зажмурил глаза и замахал рукой в сторону Советника, призывая последнего замолчать. После этого король досадно вздохнул, вновь повернулся к кровати спиной и зависла тишина. Долгая. Тяжелая.

Правитель стоял задубевшим столбом и медленно покачивался из стороны в сторону, будто маятник часов, что-то неосознанно бормоча себе под нос одними губами.

Жолдыз... Жолдызка... Звездочка моя... Когда же это было?

Примерно к подростковому возрасту Бальтазар заимел привычку навещать дворцовый двор, садиться на обрамленный аккуратными, круглыми камнями бережок шустрой реки, журчание которой напоминало щебетание легкомысленной флейты, и там писать. Садиться под нагнувшуюся, словно купол, к поверхности земли своими ветками иву, доставать свой дорожный блокнотик и писать. Сочинять, записывать, рисовать — всё что угодно. Здесь пространство вольное, просторное, думается хорошо, да и сразу видно, если кто-то захочет к тебе подойти. А это чаще всего не влекло для Бальтазара ничего хорошего. По составленной им самим статистике, с огромным отрывом всех остальных по количеству брошенных темноволосому принцу фраз в неделю непобедимо лидировали два брата-акробата Худэпин и Говард. Кстати, вон они — бесятся чуть поодаль со своей бандой из золотых сынков. Даже досюда долетает их нескончаемый трёп, кишаций, словно свалывшийся мех дворовой кошки блохами, словами-паразитами, бранью и всякими пошлыми шуточками. Вот серьёзно, иной раз просто хочется взять мыло и впихнуть им его прямо в глотку...

А вообще, они не были какими-то классическими задирами. Точнее, они были ими, но до определённого момента. Это было еще в далеком детстве. Прессовали они не только Бальтазара, но и даже некоторым представителям своего окружения в случае чего могли устроить коллективную травлю. Это было вызвано юным возрастом и совсем еще не собравшимися в кучу мозгами. Ощупывали дно, так сказать.

Когда подросли — интересов, и чаще всего сомнительного характера, стало больше. Бальтазар отошел на второй план. Но они никогда не упускали шанса чисто от нечего делать подколоть его едкой фразой, чтобы развеселить их пышную компанию, или же, если настроение не очень, использовать его как грушу для словестных ударов. Бальтазар чаще

всего в такие моменты просто утыкался взглядом во что-нибудь и делал искренний вид, будто их вообще нет. Как же всё-таки было бы хорошо, если бы это в один миг стало правдой... Но мы отвлеклись.

Через какое-то время шум воды прервал еще один голос. Это была Солин, а с нею вечно молчаливая Алиса, которая как всегда хвостиком плелась за сестрой, широко раскрыв темные глаза и чуть приоткрыв пухлые губки. Солин тем временем с полным снисхождением к этому низшему существу быстрым шагом ходила по саду, срывая разнообразные растения и утомленным голосом рассказывая своей аж разрывающейся от внимания спутнице какую-то их явно выдуманную характеристику.

И всё-таки надо рассказать об этих девочках немного больше. Наиболее яркой личностью являлась Солин. Однако выделялась она не своими талантами или умом, просто на фоне, как уже говорилось, серой мышки Алисы эта «маленькая принцесска» выделялась намного ярче. Она — самая первая дочка в семье. С самого её рождения с ней чуть ли не пылинки сдували. Едва ли она знает, что такое ссадины и порезы. Парочку из них она чуть не получила на одной из семейных выездов в лес. Это был последний раз, когда Бальтазара посадили на лошадь. А ведь он был даже не виноват! Была весна. У Бальтазара был конь. У Говарда, ехавшего в тот момент рядом, была лошадь. Естественно, почуяв дамский дух в молодом конском теле вмиг забурлила кровь и тот резко рванулся в сторону. Бальтазар тогда сам чуть от неожиданности не шваркнулся с седла. Но худшее заключалось в том, что незадачливый рысак подрезал тем самым белого коня, на котором ехала мама со своей старшей дочкой. Перепугавшееся животное встало на дыбы и заржало на всю округу. Благо, всё обошлось.

Бальтазару еще долго было стыдно за тот случай. Но еще дольше он потом вспоминал, как с непостижимо возмущенным видом маленькая принцесса вновь оказалась на земле и еще некоторое время ходила туда-сюда с широко раскрытыми глазами, мотая головой и наигранно вздыхая, мол, «Да как так можно?». После этой театральной паузы её высочество медленно подошло к провинившемуся, вытянуло вперед руку и, отвернувшись, снисходительно пробормотало:

«На этот раз — я тебя прощаю, но вот в другой — не жди»

Нет, Бальтазар, конечно, мог в тот момент взбеситься и дать этой мелкой сопле по шее, чтоб место своё знала. Но вот с другой стороны... Он что, дурак, чтобы с семилетним ребенком в перепалку вступать? Да и в любом случае — зачем нервы тратить? У всех этих знатных девиц всё равно одна дорога — выскочить замуж лет этак в шестнадцать за какого-нибудь престарелого герцога и до конца дней своих рожать ему наследников.

К чему всё это? А к тому, что в тот же день ближе к трем часам царское семейство вновь выдвинулось на лесную прогулку. Мать с тремя младшими детьми практически сразу по приезде в имение отправилась с ними гулять по лесным опушкам, а Бальтазар с братьями, как всегда, должен был выдвинуться на охоту. Должен был. Этого так и не случилось. Прямо на выходе отец остановил сына в дверном проёме и чисто «кстати» упомянул, что ему лучше не ехать. Дескать, это охота на кабана, и ему, Бальтазару, даже в качестве оруженосца там делать нечего. После этого дверь захлопнулась прямо перед носом только и успевшего открыть рот парня, который остался один, наедине с тишиной и пустотой и несколькими уставившимися на принца стражниками, которые вскоре разошлись на свои посты. Хоть принц и находился под «прицелом» чужих глаз несколько несчастных мгновений, длились они как несколько минут. Это было так неловко и унижительно...

После этого он благополучно просидел совсем один в абсолютном безмолвии до самого вечера, пока не вернулась мама с младшими. Дети счастливы — бегают, смеются, улюлюкают и бегают по прихожей с корзинками полными ягод и цветов.

— А, уже вернулись! — Улыбнулась мама, бросив мимолетный взгляд на сидящего, голову повесив, в углу комнаты Бальтазара.

— Да н-не, я тут... Просто... — Как всегда запинаясь, взволнованно промямлил юноша. — Ну, тут просто... Они-то ушли, а я...

— Остался? Ну-с, ладно... Дети! Сначала руки моем! — Тут же переключилась на уже успевших взлететь по лестнице на второй этаж младших детей королева-мать.

— Да нет, нет, оставили меня, в смысле...

— Ах, ну ничего! Не расстраивайся! К зеркалу подойди, улыбнись широко-широко и скажи: «Я самый хороший, я самый любимый!». Всё! Мне пора!

— Ма... — Бальтазар только и успел неловко раскрыть рот, когда так и не взглянувшая на него мать исчезла вверху, направляясь к младшей части их бесспорно обширной семьи. — ...ма...

Тут же в голове парня всплыло изображение собственного нелепого, будто немного обвисшего лица с одной нависшей от природы бровью, чуть выпученными глазами и приоткрытым ртом. Как умственно отсталый какой-то, который не может пока что управляться даже с мышцами на собственном лице. Бальтазар ненавидел самого себя в такие моменты. Ненавидел свой страх, который он ощущал каждый раз, когда пытался поговорить с родителями. В такие моменты он ощущал себя маленьким, горбатым карикатурным старичком, испепеляющимся высокомерным взглядом выпрямившего спину и принявшего сразу деловой вид родителя, который он принял сразу после того, как его незадачливый сын дрожащим голосом обратился к нему. Глупо и нелепо? Возможно... Эти ситуации в принципе сложно описать словами. Почему он их так боится? Потому что он не чувствует связи с этими людьми, которые каким-то неведанным образом замешаны в его появлении на свет.

Они — это пастухи, в обязанность которых входит периодически пасти отведенную каждому из них группку овец. Матери — младшую, отцу — старшую. Возможно, это одна из причин, почему мама особо не вмешивается в жизнь своих детей, которым перемахнуло уже за пятнадцать. А хотя... Бальтазара было сложно отнести к «старшим», он был как бы «серединным». Еще слишком мал для «охоты на кабана», но уже и не слишком-то подходит для того, чтобы бегать по лугу и рассматривать улиток. В любом случае, жизнь старших детей для мамы была закрытым миром. Ею, по крайней мере, по задумке, должен был распоряжаться король-отец. Но, как можно было догадаться, всё сводилось лишь к катаниям на лошадях по выходным и таким вот редким охотам. В остальное же время более рослая половина царской детворы была предоставлена сама себе. И они особо-то времени не теряли, вволю наслаждаясь всеми сомнительными радостями жизни, зная, что заботливые мамочка с папой их вытащат даже из самой поганой передрыги и даже слова не скажут, максимум просто пожурят.

Бальтазара это раздражало. Почему тогда он после каждой отсчитки за проступок чувствует себя как в грязь опущенный? Почему родители относятся к проступкам остальных братьев и сестёр с каким-то юмором и добротой, относясь к ним как к хорошим друзьям, с которыми можно вволю поговорить, а ему будто одолжение делают? Они разве этого не видят? Неужели они не видят, что он не глупый, а просто не уверен в себе? Неужели они не

понимают, что он не хуже остальных? Неужели они не видят, что каждый раз в их присутствии он сидит будто на иглах? Что они просто разговаривают немного на разных языках? Что он безмерно уважает их и хочет быть любимым? Что он достоин этого? Что он хочет стать чем-то особенным для них?

Что ж... На последнем можно и остановиться, так как в тот день Бальтазар в своём раздавленном состоянии всё-таки решился осуществить это намерение: запомниться своим родным надолго. И помогло ему в этом одно его пусть и не особо значительное, но всё-таки интересное изобретение. Представляло оно из себя прибор, способный стрелять маленькими железными пулями по велению одного лишь нажатия на механический крючок. Правда запах потом стоял от одного лишь выстрела не слишком приятный, да и звук был громогласный, но это уже мелочи.

К вечеру Бальтазар вернулся с семьёй домой, наведаясь в свою мастерскую, забрал этот чудо-прибор, вышел с ним во двор (приборчик компактно помещался в ладони, и, если прижать руки к бедрам, его было почти не видно), зашел в старый сарай, где слуги обычно хранили всякую садовую утварь, и выстрелил. В себя. В живот. Два раза. Причём очень даже звучно. Перепуганные вороны, которые от этого несчастья чуть не словили инфаркт, это с легкостью могут подтвердить.

Бог один лишь ведает, чем это всё закончилось бы, если бы в тот день к царской чете не наведывался под конец дня Зигмунд со своим верным спутником — сапсаном Гором. Последний, к слову, и принёс своему хозяину срочный отчет о том, что это был за странный звук снаружи замка, да и очень даже вовремя, так как уже успевшие к моменту прихода чародея на место происшествия поднакопиться слуги вряд ли в ближайшее время смогли бы выйти из ступора и что-то предпринять. Надо отметить, что у Зигмунда с самого детства было феноменальное самообладание, — военные корни поспособствовали, не иначе, — но когда великан увидел скрючившегося на полу в луже собственной крови Бальтазара — у Зига перехватило дыхание. Тут же твердый голос выдал приказ дюжине ошалевших людей готовить кровать, нести воду и звать врача. Пока вокруг, словно стая перепуганных мух, носились люди, выполняя данные им указания, Зигмунд отчаянно держал в сознании истекающего кровью юношу, и попутно пытался у него выяснить, сколько раз он в себя выстрелил.

Пули были извлечены еще до прихода медицинской помощи (не без помощи легкой магической руки, конечно же), рана была обработана и всё утихомирилось.

Спустя час после начала всей этой суматохи, проводив добрым словом медика, Зигмунд, на пару со своим пернатым спутником, прильнули к дверному косяку спальни чуть не убившего себя недавно принца.

В комнате горела одна лишь лампадка, в теплом свете маленького огонька виднелась расправленная кровать, на которой лежал собственно сам пострадавший с перебинтованным торсом, а возле кровати сидела королева и, сложив руки на коленях, размеренным тоном говорила:

— И что это тебе принесло? Что ты этим добился? Хотел привлечь к себе внимание? Так поступают лишь эгоисты, Бальтазар. Ты у нас эгоист? — Бальтазар тем временем, чуть приоткрыв рот, что делало его похожим на трехлетнего ребенка, безмолвно кивал в такт словам матери. — И еще эти твои замашки... Вот и лезет к тебе в голову всякая дурь, потому что занимаешься всякой ерундой. Это только сейчас это всё чем-то важным кажется, пойми наконец! Ну вот зачем, зачем тебе всё это? Лучше бы чем-то по-настоящему полезным

заялся... Да хоть, вон, твоё рисование! Вот только не эти все темны-претёмные, а что-нибудь светленькое, веселое, пейзажи какие-нибудь... Вот мне всегда нравились пейзажи, без человечков. Ну?

— Ну, я просто... — Бальтазар опять начал запинаться. — Я не то что это... Я просто хотел... Я даже не знаю, как объяснить... Мне было плохо, понимаешь?

— Тебе? Плохо? Милый мой! Кое-где люди не доедают, а ему плохо! Надо учиться терпеть, понимаешь? Вокруг тебя тоже люди, надо к ним относиться с пониманием.

— Я понимаю это, просто... Понимаешь, всё как-то навалилось... Я сам не знаю, что на меня нашло... Как-то секундно всё осуществилось, не смог сдержаться...

— Ну, тогда учись сдерживаться! Чай не три годика тебе. На следующей неделе сколько? Семнадцать? Семнадцать лет уже! — Говоря это, мама театрально пожимала плечами и покачивала с бока на бок головой, а на её наголо выбритом лице с голым лбом красовались два широко выпученных глаза и маленькая улыбочка. Создавалось такое впечатление, будто она разговаривает с каким-то дурачком.

— В общем — всё. — Начала подводить итог мама. — Раз ты у нас такой вселенский страдалец — найдём тебе какое-нибудь занятие, чтобы меньше страдать времени было.

С этими словами она встала с придвинутой к кровати табуретки, выпрямилась и как ни в чём не бывало направилась к двери.

— Мам!.. — Всё-таки вымолвил в последний момент будто нарочно слипшимися губами. Мать среагировала и обернулась. В очередной раз Бальтазар попытался сосредоточиться и наконец-то связать всё то, что не одну сотню раз проговаривал про себя, и вывалить всё это наружу, но не смог. Опять. Да и мама была явно не настроена сейчас на такие сентиментальные беседы.

После очередного неловкого молчания, королева с гордо поднятой головой вышла из комнаты и оказалась в коридоре, где уже несколько минут Зигмунд с сидевшим у него на плече сапаном смиренно ждали возможности зайти к неудавшемуся самоубийце.

— Господин Зигмунд. — Это прозвучало именно в тот момент, когда великан уже собирался, нагнувшись, войти в дверной проём. Зиг остановился, обернулся и, уловив гордый и деловой взгляд сложившей ладони друг на друга королевы, тоже выпрямился и посмотрел на неё.

— Это была последняя капля, господин Зигмунд. — Начала всё тем же тоном правительница. — Нам, знаете ли, такие потрясения совершенно ни к чему.

— При всём к вам уважении, Ваше превосходительство, но я здесь при чём? — Размеренно задал вопрос Зигмунд.

— А вы будто бы не поняли. — Пролепетала королева, театрально выпучив глаза и покачивая наклонённой на бок головой. — Зигмунд, нам не нравится, как вы влияете на нашего сына.

— Прошу заметить, я не подстрекал его к этому, и я в шоке не меньше вашего.

— Сейчас не об этом. — Зависла секундная пауза. — Его сомнительные увлечения, которые вы так страстно поощряете, совершенно не соответствуют желаемому.

— Простите, «желаемому»?

— Мальчик будущий полководец, если вы еще не забыли. Они карты чертят, а не эти странные каляки-моляки. Вы, как сын генерала, должны это понимать.

— Я и не пытаюсь настроить его против этого, Ваше величество. Просто это увлечение помогает мальчику расслабиться, он очень к нему привязан, поймите...

— Нет, Зигмунд, я не понимаю и очередную вашу лекцию я слушать не намерена.

Что оставалось Зигмунду? Лишь вздохнуть.

— К чему я веду... — Вновь набрала в лёгкие воздух королева. — Если ваш отец в конце концов смирился с иными предпочтениями своего сына, то здесь — не дворец свободных художников. В королевской династии существуют хорошо отточенные правила, соблюдение которых — залог выживания всего королевства. И да, чисто к слову — нас в семье было двенадцать человек, Зигмунд. Двенадцать! Не семь даже, а двенадцать детей! Моя мать умерла при родах моей младшей сестры, и мы все оказались на плечах у отца, который весь день пропадал на работе, а приходил домой только поздней ночью. И ничего — выросли мы пусть и без особых пристрастий и талантов, зато стабильными и сытыми людьми.

— Тут немного другая ситуация, Ваше величество. Вы же...

— Зигмунд, всё! Я вам свою позицию обозначила и искренне надеюсь, что вы с Бальтазаром и этой, простите, почтенной птицей сделаете выводы. А сейчас — прошу меня извинить. — С этими словами она молча удалилась в полумрак коридора. Чародей проводил её взглядом.

Гор издал короткий, еле слышный клич.

— Эх, что уж тут поделаешь? В чём-то она действительно права. — С этими словами Зигмунд наконец-то вошел в комнату и присел около ложа своего незадачливого друга.

На стоявшую около кровати табуретку Зигмунд садиться не стал — для такого, как он, это и не нужно. Достаточно было просто сесть на корточки. Бальтазар на наставника не смотрел. Видно было, что стыдно. Но в любом случае — о чём он думал? Они же это обсуждали!

Только Зигмунд собрался открыть рот, как со стороны коридора послышался гадкий смех.

— Ну, чего, братишка, поймал своего кабана? — Загоготал Говард, выглядывая из-за дверного косяка. Тем временем за дверью старенькая служанка принесла довольно длинную для её небольшого роста швабру с ведром воды и начала мыть пол.

— Поймать-то поймал, да вот тока не добил! — Вторил брату-близнецу Худэпин.

Недовольно покачав головой, Зигмунд заметил в тот же момент за хохочущими юношами деревянное ведро. Спустя мгновение ведерко поднялось в воздух и с размахом окатило двух шутников со спины холодной водой. Выпучив опалевшие глаза мальчики начали судорожно озираться по сторонам. Мывшая пол служанка в тот момент находилась на другом конце коридора. Поблизости больше никого не было. Парни медленно перевели взгляд на Зигмунда. По нему так и читалось: «Это было предупреждение. Если сейчас же отсюда не уберётесь — за себя не ручаюсь». Близнецы в тот раз, на удивление, быстро всё поняли и поспешили удалиться. Вода тем временем мирно стекла с одежд принцев и змейкой втекла обратно в ведро. Верная представительница дворцовой прислуги была, конечно, благодарна за такую заботу, но тоже решила там особо не задерживаться.

Ученик, учитель и пернатый помощник последнего остались одни.

— Зиг... — Движение груди тут же отозвалось в раненом теле принца, но он быстро оправился. — Зиг, я не хотел.

— Бальтазар, еще хоть одно слово — и я тресну тебя по губам. — Четко и громко отчеканил Зигмунд, смотря куда-то в сторону.

— Да послушай ты..!

— Да так... — Великан резко придвинулся к юноше. — Что говорить неделю не

сможешь. — После этого Зигмунд отстранился, и наступила гробовая тишина, которую нарушали лишь глубокие вздохи присутствовавших.

— Ну ладно, ладно, я переборщил. — Зигмунд повернулся к ученику и взял последнего за руку. — Просто... Бальтазар, ну как так? Я же переживаю, ты знаешь. Если бы ты пострадал еще сильнее — я бы себе этого никогда не простил, Понимаешь? Я такими темпами тебя вообще буду бояться одного оставлять.

— Так не оставляй.

— П-Прости, что?

— Может, заберешь меня из этой дыры наконец? — На последних нотах Бальтазар начал снижать интонацию. Одновременно не хотелось, чтобы их услышали, да и вообще вдруг резко стало стыдно.

— Это еще как понимать?

— Н-Ничего, Зиг, прости, не бери в голову.

— Нет уж, молодой человек, если уж сказали — так отвечайте!

— Зиг, я не знаю, меня просто сегодня накрыло, понимаешь меня?

— Так...

— И не перебивай, хорошо?

Зигмунд понимающе кивнул и приготовился слушать.

— Я не знаю, что на меня нашло. Всё просто навалилось друг на друга. Поутру лежал в кровати — и, как на зло, вспоминались все обиды. Ходил по саду — бесила каждая мелочь, да еще и эта охота... — Бальтазар хотел уж было прибавить «Будь она проклята!», но в последний момент понял, что это будет лишним. — Ну, и вот... Я просто не выдержал. Понимаешь, в такие моменты просто хочется выплеснуться, и нередко это проявляется в чём-то подобном... Я сам не знаю, как это объяснить, Зиг. Надеюсь, ты меня понял.

И Зигмунд, разумеется, понял. В отличие от многих, он умел не только говорить. Он умел еще и слушать, и понимать. Приобняв юношу за предплечье, мужчина склонил его на бок и Бальтазар медленно облокотился на грудь учителя и прикрыл глаза. Непонятно почему, но в такие моменты становилось сразу как-то легко и нежно на душе. Сразу пропадало желание куда-то идти и торопиться, хотелось лишь подольше побыть в этих тёплых объятиях. Наверное, именно такая химия и должна быть между родителем и ребёнком...

— Нет, и всё-таки маме не угодишь... — Вдруг нарушил тишину Бальтазар.

— Ты это к чему?

— Показывал им раньше свои картины — они говорили «надо усовершенствовать, не объёмные они», начал добавлять свето-тень — так они, картины, почему-то чёрными стали... Не поймёшь, что надо! — Зигмунд только посмеялся, умиляясь поведению своего собеседника, а Гор тем временем слетел с плеча своего хозяина, подобрался к Бальтазару и начал настойчиво тереться об лицо принца, что последнему, мягко говоря, не слишком нравилось.

— Ну, вот видишь! Даже Гор тебя утешает!

— Да, да, всё, понял, спасибо! — Бальтазар наконец-то смог отмахнуться от чересчур уж ласкового хищника и возобновил разговор.

— Ты как думаешь, мне сегодня в театр ехать, или нет? — Зигмунд как-то непонимающе уставился на своего друга. — Нет, ты не подумай, просто столько этой премьеры ждали, и просто обидно будет, если пропушу.

— Бальтазар, если так сильно в театр хочется — то надо было полтора часа назад головой думать. — Зависла секундная пауза. — Ладно, прости. Знаю, уже перегибаю, но, в любом случае, Бальтазар, на мой взгляд — театр будет лишним. Всё-таки у тебя и без этого день был более чем насыщенным. Ты... Ты так сильно в него хочешь?

— Ну... Не сказать, чтобы слишком, но, тем не менее, я тут подумал, что спать буду после этого лучше. Ты же знаешь, он же наверняка еще и бал после этого закатят, а там уже...

— Я просто немного не уверен насчёт твоего ранения. Оно хоть и не слишком глубокое, но еще совсем свежее. Хотя... Могу что-то сделать.

— Можешь? — Зиг не ответил, но глубоко задумался.

— Точно хочешь? Сильно?

— Да, сильно. — Бальтазар и сам не знал, что его так сильно несло тогда в тот злополучный театр. Казалось бы — обычная постановка, каких до этого было миллион, но что-то внутри безудержно трепетало, и оно бы ни в коем случае не простило бы, если бы Бальтазар из-за своей собственной оплошности пропустил это представление.

— Ну ладно, ладно. — Наконец согласился Зигмунд. — Схожу буквально на десять минут к себе. Напоим тебя обезболивающим и, вроде-как, беспокоить тебя ближайшее время рана не должна. Только ты всё равно за этим следи, резких движений не делай, а то мало ли.

— Спасибо. — Принц искренне улыбнулся.

— И, да, Бальтазар. — Юноша вновь заострил своё внимание. — Возвращаясь к тому, с чего мы начали: в мире полно людей, мнение которых расходится с твоим. Их не надо за это винить и пытаться как-то исправить. Всё, что требуется от тебя — это быть хотя бы немного смелее. Только так окружающие поймут, что ты из себя представляешь. Знаю, что говорил это тебе не раз, но по-другому нельзя. Я же тебе буду помогать. Понимаешь меня?

— Понимаю... Папа.

Лицо Зигмунда непроизвольно растянулось в улыбке. Да, он был безумно тронут тем, что для какого-то существа на этой земле он смог стать чем-то настолько родным. Но, несмотря на это, он прекрасно понимал, что у мальчика есть своя собственная семья, причём очень даже благополучная и вообще в целом хорошая, и он должен быть с ней. Проблема лежит исключительно во взаимопонимании. Родители не понимают интересов своего сына. Они не то что не понимают, они просто не знают, как на такое надо реагировать. И в этом плане они приняли не самую лучшую позицию: игнорирование. По их мнению, лучше уж смиренно ждать и ничего не говорить, а там уж чадо как-нибудь само сообразит. Разумеется, Зигмунд не один десяток раз пытался поговорить с ними на эту тему и объяснить им, что такая тактика лишь усугубляет всю ситуацию, но королевская чета лишь отмахивалась, либо же давала ответ, в котором косвенно слышалось стереотипное: «Мы родители, мы знаем лучше».

Пусть практически превращенный в камень из-за сотни перемазанных чем-то пахучим слоев бинта торс и доставлял некоторые неудобства, но Бальтазару это не помешало всё-таки осуществить своё намерение и приехать со своими родными на сегодняшнюю премьеру.

Помпезный зал, как и ожидалось, был похож на кипевший адским варевом, плещущимся во все стороны, муравейник. Так было испокон веков: в театр приходили в большей части для общения, а пьеса служила скорее просто фоновым сопровождением. Ведь только здесь удобнее всего обсудить со своим товарищем, на какой час лучше назначить приём и какое вино каждый из них предпочитает, только здесь миловидной барышне с верхних ярусов

удобнее положением веера и лисьим взглядом блестящих глазок послать своему ухажеру знак, когда мужа нет дома, только здесь можно вдоволь наболтаться молодым студентам, не стесняясь заваливающим ноги на передние, пока что не занятые, сидения. Всё, почему-то, удобнее делать лишь в самых неподходящих для этого «всего» местах... Уж такова природа человека.

Поднявшись в ложу, располагавшуюся прямо по боку от сцены, и предназначавшуюся специально для королевских сыновей, Бальтазар наконец-то смог плюхнуться на бархатное сидение и расслабить уже начинавший подвывать шрам. Тут же на своё место примостился самый старший брат, Принцен. Сел он ровно, не сгибал спины, будто к ней доска привязана. Сел, и так и просидел, смотря куда-то в пустоту отсутствующим взглядом томных глаз, не обращая внимания ни на что на свете. Тут же, не прекращая оживленного разговора, к креслам подлетели Говард с Худэпином. А разговор у них шел, как понял Бальтазар по обрывочным фразам из их диалога, которые они даже будто бы и не пытались скрыть от посторонних ушей, о самом сладком и сакральном, что во многом относилось к сегодняшнему женскому театральному составу. Темноволосый принц ещё в самые юные годы уяснил: никаких принцесс принцы не любят. Они любят разукрашенных, точно обезьяны, девчулек с красной улицы, а также молоденьких служанок в коротеньких юбочках. А те только рады во всём потакать двум симпатичным молодым особам, которые еще и имеют столь значительные корни. Видимо, делают они это, преследуя цель повторить сказочную судьбу нынешней королевы.

Когда Бальтазар, облокотив несчастную свою голову на кулак, в сотый раз скучающим взглядом рассматривал оркестровую яму, в зале наконец-то погас свет, что повлекло за собой воцарившуюся на секунду тишину, которую уже через мгновение завершили бурные аплодисменты. Кулисы раздвинулись, дирижёр взмахнул палочкой, волшебство началось.

На красочные декорации упал свет, и вот, меж ними начали ходить, бегать и временами плясать (по ходу сюжета) люди, повествуя об уже давно известной молодым принцам истории. Пусть было и так, но вот лично Бальтазару всегда хотелось увидеть не просто черно-белые строчки, а живое исполнение. Наверное, даже несмотря на его, бесспорно, богатое воображение, именно поэтому он до сих пор любил книги с картинками. И пусть его старшие братья-близнецы всё не унимались, пусть, хоть и притихший, но всё же гомон в зале мешал слушать выступление, пусть пара актёров в замызганных и нестиранных костюмах, видимо, чисто для храбрости, перед своим выходом хлебнули лишнего и путались в словах — это всё ничего. Бальтазар никогда не пожалеет, что всё-таки решился приехать туда в тот самый вечер. Потому что именно в тот самый вечер, на двадцатой минуте представления, в полутени, словно робко восходящая молодая звезда, главных героев, на сцену выпорхнул... ангел.

Это была роль не то что не первого, но даже и не второго плана, но один лишь случайный взгляд на это вместилище человеческой души заставило Бальтазара напрочь забыть о том, зачем он сюда пришел и что он тут делает. Её нельзя было назвать красавицей... Она не была похожа на тех излюбленных золотоволосых и голубоглазых красавиц, которые невинными ночными бабочками порхают над сценой и вызывают тем самым неприкрытое умиление и даже сочувствие окружающих, как к осиротелому ребёнку. Мало кого вообще может украсить вышеописанная внешность... Светло-голубые глаза так вообще чаще всего напоминают пустой бассейн, освещенный со всех сторон, что только еще жирнее подчёркивает всю его неглубокость, что приводит лишь к разочарованию. У этого

невиданного существа напротив — глаза были тёмные. Темнее самого тёмного шоколада. И прищуренные. Причём это явно не была не причудливая особенность внешности, а родовое, то есть девушка пришла издалека.

Как уже говорилось, не была она красавицей: лицо было круглое, и походило на смуглую луну, в плечах она была широка, и оттого немного грубовата, из-под белой косынки выглядывала длинная черная коса, которая была похожа скорее на тугую веревку. Она была тёмным фоном, но лишь на таком фоне могут засиять звёзды первого плана. Так оно и было...

Бальтазар совсем не заметил, как поднялся с кресла и облокотился на перила ложи. Еще секунда ему понадобилась для того, чтобы осознать, что он практически не дышит. Через неопознанный звон в ушах со стороны слышались какие-то отрывочные возгласы. Перешептываются... Ну и пусть. Бальтазар бы себе просто не простил бы, если бы не взглянул бы на это явление ближе хоть на метр с небольшим. И она это явно чувствовала. Чувствовала пристальный взгляд сбоку. Но она не смела даже мельком взглянуть в ту сторону. Она не имеет права. За такое наказывают. И она терпела. Лишь бы не переволновалась... Лишь бы не запнулась, обрывая звон чугунного колокола её голоса, резко и четко распевавшего каждое слово... И она не запнулась.

Под завершающий аккорд, бойкая служанка звучно откусила кусок от сочного яблока, прямо перед носом распутного графа, и удалилась за сцену, и вместе с бурными овациями наконец-то отпущенный из лап этого дьявольского наваждения принц рухнул на кресло, точно сраженный еще одной пулей прямо в грудь.

Решение идти на сегодняшний бал, на котором, как уже и до этого знал Бальтазар, будут присутствовать ещё и актёры того самого театра, было предсказуемым. Хоть принц по началу не представлял, как он подойдёт к этой девушке и что будет ей говорить, но всем известное волшебное снадобье под названием «Валерьянка» тут же придало ему уверенности. Лишь бы она пришла...

И она пришла. Сначала Бальтазару подумалось даже, что ему показалось, но в конце концов ему всё-таки удалось меж летающих пышных платьев, больше похожих на слоёные торты, и среди силуэтов снующих там и тут благородных господ, особо не отличавшихся тонкостью своего тела, принц разглядел в уголке знакомое лицо.

На однотонном фоне особенно сильно выделялся её не слишком богатый наряд, наверняка взятый из реквизита театра. Но оно и хорошо. Это позволяло не потерять её в толпе. А хотя... Она и сама не особо куда-то торопилась уходить. Сидя среди подруг, она, как по ней было видно, сама не осознавала, что она тут делает.

После минутных колебаний, Бальтазар на ватных ногах двинулся к цели и по дороге то и дело озирался по сторонам, чтобы убедиться, что на него обращают не слишком много внимания. Пару раз заинтересовавшая его личность вроде-как даже взглянула на него, но не заметила.

Наконец, настал момент истины. Выпрямившись и сделав важное лицо, принц широким шагом, будто бывалый военный подошёл к злополучной скамейке и учтиво извинился. Тут же похожие на начищенные дворцовые люстры актрисы, что-то samozабвенно обсуждавшие в своём тесном кружке, переключили внимание на гостя, в котором не сложно было узнать особу королевских кровей, и тут же в адрес Бальтазара полетели кокетливые словечки подхихикивавших и закрывавших напудренные лица девушек. Дождавшись нужного момента, не убирая широченное улыбки с лица, спокойный как удав принц прервал своих

собеседниц фразой: «При всём к вам уважении, леди, но я обращался немного к другому лицу».

Все тут же устали сидевшую и смотревшую куда-то в пустоту всё это время темноволосую девицу. Та, видимо, в первые мгновения даже не поняла, что происходит, но когда до неё дошло — можно было даже воочию увидеть, как на лбу бедной девушки выступила спарена, а её узкие глаза разверзлись на пол лица. Спутницы счастливицы, на удивление, не стали бросать на неё каких-то завистливых взглядов, а совсем наоборот, начали с утроенной силой перешептываться, подхихивать и подмигивать своей подруге, мол, да чего же ты ждёшь? Та, в своё время, лишь вцепилась побелевшими руками в скамью и не могла даже двинуться. Бальтазар в ответ начал настаивать. Девушка в ответ лишь натужно мотала головой, в какой-то момент даже пробормотала, что танцевать не умеет, но в конечном итоге сдалась.

Как раз в этот момент начался новый танец.

Бальтазар хоть и не был силён в хореографическом плане, но, как знатную личность, его на самый базовый уровень как-то натаскали.

В первое время диалог не особо задался. В большей степени это было потому, что юный принц большую часть своего внимания по вышеуказанной причине уделял тому, чтобы ни в кого не врезаться и не отдавить ноги своей пассии, которая была внутренне напряжена до предела. Взволнованы были оба, но в какой-то момент Бальтазар всё же решился первым начать разговор.

Первое, что принц решился отметить, это то, что он при всём бы желании, несмотря на сказанные ранее его спутницей слова, не поверил бы, что актриса не умеет танцевать. Собеседница лишь качнула головой, не отрывая взгляда от пола. После посыпались банальные подмечания того, что людей на такие мероприятия стоило бы приглашать поменьше, что стол сервировали на сегодня очень «жирно», и опять всё придётся доедать целую неделю, что Бальтазару очень нравится сдержанность наряда его партнёрши и прочее, и прочее, и прочее. Последняя на всё это отвечала лишь сдержанным «угу» или «у-у» (в зависимости от вопроса или обсуждаемой темы). Так в сплошном монологе пролетело целых два танца. Подруга уже начавшего чувствовать себя достаточно неловко принца ничего не говорила, не пыталась убежать, она будто бы покорно ждала, когда его высочество само соизволит её отпустить. Осознавая это, Бальтазар предпринял последние попытки.

— Вам нравится со мной танцевать? — Наконец-то задал самый актуальный вопрос юноша.

— Угу. — Всё так же коротко ответила девушка.

— Вы не стесняйтесь, если вас что-то не устраивает — я вас не держу, только скажите! Вы устали? Вам что-то не по нраву?

— У-у...

— Что «у-у»? — Бальтазар даже сам для себя подметил, что это прозвучало несколько грубовато, но другого способа разболтать свою собеседницу он не видел.

— Нет. — Наконец-то донеслось из тонких уст внятное слово. Внутри принца что-то затрепетало.

— У вас... Не считите за грубость, у вас достаточно экзотическая внешность для здешних краёв, вы прибыли издалека?

— Да, можно так сказать.

— А как же вы сюда, позвольте просто поинтересоваться, попали?

— Тётя в этом театре работала. — Говоря это, девушка не отрывала взгляда от ног. — Я к ней через какое-то время перебралась.

— Понятно... — Казалось бы, разговор вновь зашел в тупик, но Бальтазар быстро нашёл выход.

— Милая моя. — Принц нервно улыбнулся. — По мне, возможно, не видно, но я вас боюсь ни на грамм не меньше, чем вы меня. И я себя считаю таким же идиотом, каким меня считаете вы.

— Да нет же, нет же, никем я вас не считаю. — Впервые за всё время их разговора девушка подняла на своего партнёра глаза и улынулась.

Зависла секундная пауза, после чего принц продолжил:

— Я знаю, о чём вы думаете, госпожа. Вы думаете о том, что я хочу вами воспользоваться. Но, как бы сильны не были ваши догадки, я вам говорю напрямую: у меня нет намерения вас чем-то подкупить или склонить вас к чему-то. Всё основывается лишь на вашей доброй воле. У меня же лишь одно желание — чуть-чуть с вами пообщаться, я был очень впечатлён вашим выступлением.

В этот момент взор Бальтазара на секунду выхватил силуэты его братьев, столпившихся в одну кучку и с саркастичными ухмылками махающих ему руками. Ну всё... Неделя издевательств по этому поводу среднему принцу обеспечена.

— Роль третьего плана... — Напомнила тем временем девушка, видимо посчитав, что его величество её, возможно, с кем-то спутало.

— Я знаю, но это ничего не меняет. Вы, наверное, больше меня должны знать то, что важна не столько сама роль, сколько то, как её отыграли. А вы её отыграли, не считите за лесть, очень колоритно. По крайней мере, вы были очень запоминающимися. Продолжайте в том же духе!

— Спасибо. — На лице девушки отразилась улыбка, которую она, тем не менее, изо всех сил пыталась сжать.

— Так... Мы увидимся снова? — Действие волшебного снадобья начало уже потихоньку кончаться и Бальтазар начинал уже ощущать легкое покалывание в животе из-за волнения. — Я буду очень признателен за такое. Если хотите — я приду на ваше следующее выступление. Хотя, нет... Я вас, наверное, буду смущать там.

— Да что вы, что вы. Приходите. Оно будет через полтора месяца. А насчет личной встречи... Это вы правы. Давайте встретимся... В общем, я думаю, еще придумаем где. — Всё еще насторожена. Оно и понятно, мало чего можно ожидать от едва знакомого мужчины.

— К слову, я так и не узнал вашего имени. — Девушка наконец-то полноценно подняла глаза на своего спутника.

— Жолдыз. — Бальтазар немного замялся.

— Жул... Простите, еще раз, как? — Принц неловко засмеялся.

— Звёздочка. Оно так переводится — Звёздочка. Знаю, моё имя достаточно необычно, поэтому все предпочитают называть меня Звёздочкой.

— Хорошо. — Каким-то внутренним чутьём Бальтазар почувствовал, что всё именно так. — В таком случае, уважаемая Звёздочка, принц Бальтазар искренне надеется, что наше с вами знакомство скажется на нас самым благоприятным образом, и выльется в хорошую дружбу.

Так всё и началось. Начался длинный и тернистый путь лю... Хотя, подождите, почему

именно любви? Разве между двумя лицами разного пола не может возникнуть чего-то иного? Разве при первом взгляде на свою новую знакомую у Бальтазара не могло проявиться подсознательное влечение, связанное больше с впитанными с молоком матери образами из сказок и прочих историй, которые уже потом крепкими корнями вросли в мозг принца, что и заставило его обратить внимание на столь знакомый и незнакомый лик? Разве это не могла быть душевная симпатия к человеку, в котором юноша уже по одному взгляду нашел что-то родное и понятное? Но это всё лишнее. Не будем погружаться в дебри человеческой химии, назовём это конкретно сейчас коротко и ясно — дружба.

Да, это было начало долгой, и невообразимо крепкой дружбы, тепло которой эти двое пронесли в своих сердцах через последующие семь долгих лет, а то и больше, кто знает?

***

Кружась по спальне в обнимку с поеденным молью платьем, нещадно выдернутым из дремучей чаши давно уже не мытого и не смотренного платяного шкафа, Бальтазар, задрав голову с глупой улыбкой на губах, самозабвенно мычал себе под нос какую-то мелодию. Внутренний Советник не спешил вырывать своего хозяина из этого транса. Пусть себе крутится... В этом состоянии он, по крайней мере, менее ворчливый.

В конечном итоге король, с довольным, как у наевшегося конфет ребенка, лицом плюхнулся спиной на кровать и стиснул несчастное платье в объятиях.

— В тот раз она была не отрази-има... — Проговорил Бальтазар. — Неотрази-има... Такая ти-и-ихая, скро-омная...

После истечения минутного экстаза, король вдруг оторвался от платья, еще раз его осмотрел, прижался к нему, но нет — в этом куске ткани вдруг резко стало что-то не так.

Выкинув испутивший уже лет десять назад свой бальный дух туалет в сторону, правитель решительным шагом направился к разворошенному шкафу и начал там рыться.

— Что-то не так, ваше превосходительство? — Советник выгнулся вперед и холодными глазами векового камня уставился на роющегося в уже никуда не годном тряпье, словно сурок в корнях дерева, короля.

— Нету его тут понимаешь? — Затараторил Бальтазар, будто ему воздуха не хватало. Мысли нещадным потоком лились через его губы, давя и выпинавая друг друга, стремясь блеснуть на языке как можно ярче и выплеснуть всё своё содержимое наружу. — Нету! Нету! Всё ведь помню! И материал другой, и, блин, как его там? Не важно! Всё! Всё другое! Не видишь? Всё помню — нету! Тут только этой заразы лежит! Её! Дура! Придурки! Все! Все слышишь ты меня, чтоб тебя?! ВСЕ вы!!! — Бальтазар одним рывком оказался на лежащем на полу платье и, брызжа слюной во все стороны, начал рывками вырывать из него куски. — Жирная, напыщенная свинья! Рожаеть и рожаеть, да у тебя крольчатник вместо мозгов, слышишь, клуша? Крольчатник! Что, не нравится тебе? Нравится? Давай! Давай, вытаращи свои тупорылые моргала, давай! Ты дура, слышишь меня?! Я выдру из тебя всё! Я скормлю всё твоё нутро тебе же и заставлю прожевать! Кто ты, мать?! Мать ты?! Дура! Слышишь ты меня?! Слышишь, а?! Слышишь?!!

Вся эта мешанина постепенно перетекла в неразборчивый, дикий рёв, оглушавший полумёртвый замок до тех пор, пока вся ярость не выкипела из этого брэнного тела. Тяжело дыша, Бальтазар, нависая над изуродованной одежкой, которая теперь даже в половую тряпку не годилась, нервно подбирал искусанным в кровь языком разбрызганную по лицу розоватую слюну. После минутной отдышки король резко поднял голову, будто только что

проснулся от громкого шума, и начал широко выпученными глазами оглядывать всё вокруг, поминутно разевая, словно рыба, рот. Было непонятно: то ли он так дышит, то ли пытается что-то сказать, но некая истраченная им в минуты гнева сила ему этого не позволяет. А может, он вообще забыл, как разъясняться словами?

«Иногда эмоции, копившиеся годами, — Прозвучало где-то глубоко внутри минерального нутра Внутреннего Советника. — могут при выплеске достигать таких космических масштабов, что для них будет мало человеческого тела...».

Глава 11. Вещь

Поводья звонко щёлкнули и остановившаяся для починки колеса дряхлая повозка вновь отправилась в путь. Угрюмо повесив лохматую голову, Агний бесчувственно глядел на пыльную дорогу. Его мысли в тот момент были заняты лишь одним: как камни, выглядывающие из-под голой земли на дороге, попадают туда? Их засыпает грязью во время дождя, или это какие-то ископаемые? Его практически не заботило то, как он здесь оказался, кто эти люди и куда его везут. Возможно, его это еще как-то коробило в первые секунды после его пробуждения, но только не сейчас. Трудно объяснить, почему было именно так. Может, он ещё просто не осознал всего ужаса ситуации. Может, он просто каким-то внутренним чутьём ощущал, что всё именно так и закончится. Может, он, опять же, какой-то частью своего нутра предвещал, что это ещё не конец его странствий.

В таких бессмысленных рассуждениях об абсолютно, казалось бы, бессмысленных вещах прошёл весь путь. Наконец, повозка со скрипом остановилась. Агний внутренне напрягся, ожидая услышать грохот отпирающегося замка, но вставать с места не спешил. Снаружи слышались какие-то разговоры. Мальчик по началу не придавал им значения, ожидая, что они скоро замолкнут и его выпустят, но по прошествии трёх минут ожидания маленький раб начал невольно вслушиваться.

— ... Да — да, любезный господин, всё с ним нормально. Ехали через лес — видим вдруг кострище, а около него, думали, мож, шапка какая-то черная лежит, а это пацан весь в листьях опавших там лежал.

— Это не может быть чей-то ребёнок?

— Не знаю, не знаю... Может и ребёнок... Хотя... Дети-то от хорошей родни не бегают. Подерганный он какой-то, если даже и чей-то, то родня наверняка искать не бросится. Нужный выводок всегда на коротком поводке держат, это только у алкашей так спонтанно бегают. Так что, берёте?

— Выведи-ка его сюда. Посмотрим.

После этого наконец-то слышался долгожданный скрежет поворачивающегося в ржавом замке ключа, и вот, на Агния из маленького, будто у собачьей конуры, дверного проёма бледными от пьянства глазами уставился иссохшийся мужичок с чуть приоткрытым беззубым ртом.

— Ты, енто, выходи отседа. К батьке твоему новому тебя привезли.

Мальчик, уже зная все законы этого обязательного ритуала, поспешил выбраться из тесной, пропахшей насквозь сырой древесиной, потом и ещё чем похуже клетки, занимавшей всё заднее пространство повозки, и предстать перед потенциальным хозяином. Яркое солнце практически не резануло глаза находившемуся всё это время в полумраке Агнию, копна густых волос на лице спасала, но она же и послужила причиной тому, что мальчик не смог в нужный и единственный для этого момент рассмотреть нового обладателя его детской жизнью. Тем не менее, беспризорник успел заметить, что это очень высокий и статный мужчина в строгом костюме. Видать, опять к богачу попал... Это хорошо. Они хотя бы не пьют так часто, да и не орут без причины. Они вообще редко сами заправляют своей прислугой. Это делает специальный управляющий, с которым как раз-таки и может случиться засада. Тем не менее, учитывая то, что господин вышел сам, скорее всего, что управляющего в этом доме не наблюдается.

После того, как Агний предстал пред хозяином, зависла минута напряженного молчания. Высокий мужчина начал медленно, словно коварный хищник, обходить мальчика по кругу, не спуская с последнего глаз. Агний прямо чувствовал обнаженным затылком этот испепеляющий взгляд, но никаких признаков страха не подавал. Он знал: на тебя в таком положении еще не имеют права наорать или ударить. Ты ещё не продан. Но лучше избежать провокаций.

В конечном итоге, мужчина, осмотрев «товар» со всех сторон, резко подтянул отставшую от сестры ногу к последней и секундно принял своё изначальное положение, точно солдат.

— Уже осматривали его? Болеет чем-то?

— Никак нет, милостивый господин. Ну, точнее, не выглядит так, чтобы было что...

— А с лицом что у него? — Большущая мужская рука в мягких перчатках попыталась приподнять густую челку мальчика, но тот резко зажмурился и пригнул лицо ещё ниже.

— Да-и черт его знает... Нормальное, вроде как, смотрел.

— Смотрел... — Задумчиво вздохнул статный мужчина, вновь выпрямившись. После того, как все «за» и «против» были, по видимому, взвешены, мужчина решил завершить разговор:

— Сколько берешь?

— Д-Двадцать золотом, господин. — Взволнованно затрепетал мужичонка, сложив ладони около груди.

— Я дам четырнадцать.

— Идет! Идет, милостивый господин! Да хранит вас всевышний наш Бог!

После того, как всё было порешено, повозка вновь заскрипела колёсами и неторопливо стала удаляться вдаль. Агний несколько секунд молча глядел ей в след, как вдруг на его худое плечо легла уже знакомая рука.

— Эльза! — Со стороны слышались торопливые шаги. Жесткие пальцы мертвой хваткой впились в кисельную плоть и резко развернули мальчика лицом к смугловатой женщине средних лет в потёртом платье и пыльного цвета чепце.

— Значит так: мелкого приведите в божеский вид и объясните, что к чему. — Мужчина выдержал секундную паузу. — Обед уже готов?

— Разумеется, господин.

— Вот и отлично. — С этими словами новый хозяин лохматого беспризорника легко оттолкнул последнего от себя вперед и прогулочным шагом направился к дому. К огромному, белокаменному дому, с тысячей позолоченных окон с красивейшими, но давно уже запущенными, резными рамами и двойной округлой лестнице, ведущей к большой двустворчатой парадной двери, выдолбленной из темного дерева. Несмотря на всё своё великолепие, дом скорее отдавал некой забитостью и заброшенностью. Создавалось такое впечатление, что люди, пусть и не слишком давно, но всё-таки уже покинули это запущенное место, которое ещё кое-как, будто на дряхлых балках, держалось на стараниях прислуги.

Разумеется, через роскошные двери Агния не повели. Полотёры всегда должны знать своё место, и располагается оно здесь... Правильно! За поросшей мхом и сухой травой деревянной дверцей, ведущей в подвал. Здравствуй, дорогой запах пыли, плесени, пота и затхлости, как же нос скучал по этому столь родному коктейлю!

Как и было велено, Агния отмыли, причесали и сменили уже изрядно потрёпанную

приключениями одежду на новую, более-менее опрятную. Объяснять мальчику особо-то ничего и не пришлось, всё-таки он уже прислуга со стажем.

И вот, Агний вновь стал привыкать к жизни, от которой уже начинал потихоньку отходить.

Не смотря на свой холостяцкий образ, хозяин оказался семьянином. Стоя рядом с господином во время обеда и дожидаясь каких-либо приказаний, у мальчика было полно времени для того, чтобы во всех подробностях рассмотреть свою хозяйку, сидевшую на противоположном конце стола. Это была средних лет женщина среднего роста, не слишком толстая, но и не слишком худая, с лёгкой проседью, тощими руками — на которых явственно выделялись длинные, словно когти, ногти — и чуть морщинистым лицом. Непонятно почему, но Агний чувствовал, что ей намного меньше лет, чем кажется на первый взгляд. И да, её взгляд. Абсолютно пустой и мёртвый. Создавалось такое ощущение, что душа, со всеми эмоциями, желаниями и мыслями, уже давно покинула этот мир, оставив лишь тело, смиренно доживающее свой короткий век.

Хозяин любил выпить. И делал это любимое занятие он в своём самом любимом месте — кабинете, где также можно было вдоволь обругать весь белый свет за все его, несчастного человека, земные муки и неудачи, слишком высокие налоги и тому подобное. В моменты его душевных терзаний прилетало всем, в особенности прислуге, которую хозяин звал к себе, по видимому, лишь для того, чтобы можно было выплеснуть ярость на конкретное физическое лицо. И да, чего уж греха таить, особой популярностью в этих делах у хозяина пользовались женщины... Молоденькие служанки.

Один раз, поздно вечером, на второй день своего пребывания в новом доме Агний мыл пол около полураскрытой двери кабинета хозяина. В пустом, темном коридоре с высоченным потолком и широкими стенами была просто отличная слышимость, из-за чего мальчик, даже не смотря, мог понять, что творится за высокой и статной дверью.

В тот вечер хозяин опять набрался. После нескольких минут молчаливого созерцания пустоты, мужчина позвал к себе горничную; юную девушку лет-этак семнадцати-восемнадцати. Та, на своих тонких ножках-спичках, тут же нырнула в кабинет и встала в по стойке смирно.

Хозяин каких-либо указаний давать не спешил. Преодолев минутное молчание, хозяин взял со стола пустую бутылку и со всей силы шарахнул её об пол, после чего громко рявкнул: «Убирай!». Причём выкрикнул он это так, как обычно скотине кричат «Ешь!».

Бедное невинное создание будто мороз пробрал до костей. Пошатываясь, она опустила голову.

— Ну! — Вновь прогремело на весь коридор. Девушка не шевелилась. Ждёт спасения. Медленно, словно её и впрямь проморозило до костей, служанка оглянулась на стоявшего за порогом кабинета и также смотревшего на неё Агния. Лицо девушки исказил немой ужас, в глазах блестели слёзы. Она не искала спасения, она понимала, что маленький мальчик ей здесь ничем не поможет. В её взгляде читалось одно: «Нет! Нет! Этого не может быть! Этого же не произойдёт, да? Нет же! Прошу!»

— Поднимай! — На мгновение взгляд девушки остекленел. Она повернулась к куче стекла на полу, подошла к ней и нагнулась.

Всё произошло за секунду. Кошмар всё-же оказался реальностью.

Грубые, холодные, пропахшие спиртным руки схватили несчастную жертву под её пронзительные крики, развратные губы уже начали своё дело, и под всю эту какофонию

дверь громогласно захлопнулась. Пасть адского монстра проглотила свою добычу.

Тут же на плечо остолбенелого мальчика легла чья-то костлявая рука. Это была хозяйка. Она не стала ничего говорить, но её взгляд явственно дал понять, что мальчику следует просто забыть об этом и не вмешиваться в то, чего он не в силах изменить. Да Агний и без неё это знал... Всё-таки не раз он сталкивался с подобным на своей практике... Но каждый раз в нем просыпалось ощущение чего-то неправильного и... мерзкого.

И да, ещё у хозяев была дочка. Темноволосая, похожая на фарфоровую куколку в нарядном платье с плюшевым зайчиком в руках девочка передвигалась исключительно с помощью стула с привинченными к нему колёсиками, который госпоже смастерил какой-то умелый прислужник. Каждое утро, после одевания, девочку усаживали на этот широкий, с удобными подлокотниками, стул, привязывали к спинке тугим кожаным ремнём — чтобы госпожа не соскользнула — и до вечера катали её, куда она потребует своим визгливым голосом, который гудел, как свист сломанной дудки, при любом поводе. Каталась госпожа в этом кресте не потому, что её драгоценные ножки не должны соприкасаться со столь грешной землёй, а потому, что она вообще ими двигать не может. И вот, она, беспомощной и забытой игрушкой, предпочитает, подобно своему родителю, отыгрываться на всех остальных.

Но это всё банальности. На четвертый день пребывания Агния в новом доме ему показами, на взгляд мальчика, истинное сокровище этого дома. Это был полярный лев... При виде этого фантастического зверя у Агния тут же в голове мелькнула объёмная иллюстрация из детской книжки, которую он мельком видел у детей одного из своих прошлых хозяев. И пусть цвета ночного неба шерсть гигантского животного свалаялась, словно старая швабра, яркие звезды на ней блестели перезрелыми ягодами, на изъеденном язвами и клещами животе проступали ребра, ярко-голубые глаза практически не открывались из-за гноя на них — всё равно вид его завораживал, и, естественно, наводил тоску. Ощущение грусти от созерцания этого бедного льва подкрепляло ещё и то, что у него не было обоих задних лап. И это было не от рождения. Они были отрублены. Самым причём жестоким и варварским способом. Передвигался лев с помощью двух палок, которые приматывали к обрубкам его ног заплесневелой верёвкой, и то только тогда, когда полумёртвого кота подсоединяли к барабану специальной печи. Зверь ходил по кругу, а жар по трубам равномерно и регулируемо разносился по всему дому. По легенде, что чертежи этого чудо-агрегата хозяину пожаловал сам король за то, что первый не стал оказывать новому правителю сопротивление при его восхождении на трон. Но сейчас не об этом.

Естественно, все рабочие часы льва, проводимые им под тяжестью креплений барабана в невыносимо душном помещении, сопровождались криками, бранью и постоянными побоями, которые иной раз наносились так, страху ради. А зверь молчал. Молчал тогда, когда его били. Молчал тогда, когда на него кричали. Молчал тогда, когда насекомые в очередной раз выедали его изнутри. Молчал тогда, когда вездесущая хозяйская дочка, дергая кота за его немногочисленные опаленные усы, в очередной раз резала всем в округе уши своим пронзительным визгом. Молчал тогда, когда маленький уголёк падал прямо под лапы, обжигая их до пузырей. Молчал даже тогда, когда подвыпивший зритель случайно не так нацепил на него крепления и в итоге льву пришлось целых пять часов наворачивать круги лишь с одной функциональной ногой. Круг за кругом... Круг за кругом... Круг за кругом... День за днём... Год за годом... Словно заводная игрушка... Не живая. Ничего не чувствующая. Безмозглая дребедень...

Однажды выдался особенно напряженный денёк. За день до этого Агний почувствовал легкое недомогание, которое могло бы быть первым признаком простуды. Мальчик долго не мог заснуть. На утро уже чувствовавшего морозец под кожей толком-то не поспавшего и не поевшего мальчика тут же выпнули в кочегарню таскать уголь. Крики, суета, слабость в ногах, удушающий запах пота в несусветно жарком помещении с неистовой силой давил на черепную коробку, грозясь размножить её вовсе. Лёгкие горели огнём. Весь мокрый, точно после добротного душа, Агний задыхался под тяжестью нескольких мешков, царапавших охолоделую от голода спину. Лязг железа жадно пережёвывал уши. В очередной раз кто-то пробежал мимо и толкнул мальчика в сторону. Тот потерял равновесие и обессиленно грохнулся на пол, прямо около застывшего на месте тоже от истощения льва. Один из мешков, что Агний нёс на своей спине, порвался, весь уголь высыпался и разбежался по полу. Раздосадованный Агний, скрипя зубами, глянул на столь не кстати подвернувшуюся животину и, вместив в эту короткую фразу всё своё негодование, прорычал:

— Чего встал, скотина тупая? А ну пошел!

Раскаяние пришло буквально через минуту. С одной стороны — мальчик сам устал не меньше льва, и имел право на выражение своего негодования. Но с другой... Разве этот зверь заслужил такое? Что он ему сделал? Да, конечно, Агний это сказал случайно. Что в этом такого? Все кричали — и он закричал. Верно ведь? Но... Оправдание не лечило. Оно лишь заставляло всё глубже и глубже врываться в себя. Нет, нету ему оправдания. Есть лишь правда — он мог сдержаться, и не сдержался.

К вечеру у мальчика выпало несколько свободных минут. Провёл он их, естественно, на свежем воздухе. Благо, ему выпала такая редкая возможность. После той адской бани, в которой он пробыл почти четырнадцать с лишним часов, сухой садик под знойными лучами заходящего солнца показался ему раем небесным.

К слову, в садике располагался пруд. Небольшой такой, метров двадцать в диаметре, не больше. Через неопределённое время, которое весь вонявший из-за покрывавшего всё его худое тело липкого высохшего пота Агний провёл в смиренном сидении на гнилой доске, мальчик начал неосознанно бросать камни в этот пруд. Стоит отметить, что сварившаяся всмятку голова Агния к тому моменту настолько устала, что уже просто отказывалась давать себе отсчёт в своих действиях. Его в это время совершенно не волновало то, что его могут найти и отругать. В то время его разум, напоминавший застрявшую в болотной трясине телегу, больше был занят тем, как бы заставить гальку подпрыгивать на воде. Время шло, у мальчика получалось всё лучше и лучше. Разумеется, такой талант не смог остаться без зрителей. Им стала хозяйская дочка, которая непринуждённо следила за маленьким рабом из-за потрескавшейся гипсовой вазы. Иногда парализованная ниже таза хозяйка позволяла себе путешествовать на своём незамысловатом транспорте без помощи прислуги. Передвижение осуществлялось с помощью старой отцовской трости, и передвигалась девочка в одиночестве более чем уверенно, видимо понимая, что в любом случае отдуваться из-за неё придётся служебной черни.

Наконец, под писклявый скрип колёс ездового стула, девочка, с задранными кверху длинными носиком, подъехала к Агнию.

— Кхэм — кхэм.

Раб будто проснулся от неожиданности. Он тут же выпрямился и встал в по стойку смирно. Камень, который, как и прочие, готовился отправиться на дно прудика, остался в руке мальчика.

— Дай. — Чётко и твёрдо выдала госпожа, глядя на Агния из-под насупленных бровок. Агний не сразу понял, что от него требуют, но уже в следующее мгновение хозяйка без всяких церемоний поддалась вперёд, вытащила из рук опешившего слуги камень и, со словами «Ты не правильно!», бросила камешек в воду. Разумеется, особо далеко он не пролетел.

— Дай ещё. — В том же приказном тоне сказала хозяйка.

— Г-Госпожа, но вы же... — Попытался возразить Агний, и сам же поразился своей дерзости.

— Дай ещё! — С нажимом на каждый слог выдавила девочка, будто она строгая учительница, пытавшаяся в сотый раз вдолбить что-то нерадивому ученику.

Хоть Агний и понимал, что это добром не кончится, он всё-же дал ей ещё один камешек.

После очередной неудачной попытки раздосадованная хозяйка нагнулась вниз и попыталась взять «метательный снаряд» уже сама.

— Г-Госпожа!!! — Испуганно выкрикнул Агний.

— Да отстань ты..!

В следующую секунду случилось то, чего Агний так сильно боялся. Девочку перевесило вперед, и та, вместе со стулом, шлёпнулась на землю. Боже правый, какой поднялся вой... Агнию так страшно не было даже тогда, когда на него с рёвом нёсся тот страшный агрегат, под названием «поезд». Дрожащими руками, уже какой-то частью своего сознания находившийся на том свете Агний поднял стул в исходное положение. Хозяйка, хвала небесам, не получила никаких травм, лишь небольшая царапинка красовалась на её раскрасневшемся личике, но она всё продолжала орать и орать, будто её заживо четвертуют.

То, что было дальше, не отложилось в памяти Агния. Всё прошло как в тумане. Мальчик помнил лишь, что кто-то громко разговаривал, его хватали за руки, но не более. В конечном итоге, как не странно, мальчика не наказали.

Наступил вечер. Агний не спал. Причиной тому служило не то, что ему не спалось, а то, что его поставили на стрём близ склада с едой. Видать, ссылаясь на то, что он парень ответственный. Это означало лишь одно — бессонная ночь и отсутствие каких-либо сил к завтрашнему утру. Но в этом были и свои плюсы — у Агния теперь есть намного больше времени для мыслей. А мыслить он любил, хотя это занятие и не слишком-то востребовано среди его сослуживцев по причине своей ненужности. Тем не менее, попробовав это один раз, мальчик всю ошутил, насколько это интересное занятие. Иной раз это было похоже на путешествие в другие миры. Оно помогало многое понять, осмыслить и сделать какие-то выводы. Чаще всего Агний рассуждал о том, что было бы, если бы какие-то, по его начальному мнению, неудачные события, сложились по-другому. После перебирания всех возможных исходов, подводных камней и прочего, мальчик каждый раз приходил к одному и тому же выводу: «Хорошо, что всё сложилось так, как сложилось». В это трудно было поверить, но это было именно так.

Он мыслил долго. мыслил обо всём. О хозяине, об его жене и дочери, о работе, об Орландо с Искури. Как они там сейчас? Живы ли, здоровы? Как всё-таки тошно, что они сидит здесь, абсолютно безоружный и беспомощный, а не помогает им. А Имир с Лейвом..? Да чёрт с ними! Все остальные же были к нему так добры, и эти добрые люди сейчас непонятно где, и он ничем не может подсобить им ни в их настоящем положении, и в их общем деле в отношении королевства. А может, он всё-таки в состоянии?..

Воображаемый выстрел, вынырнувший из закровов памяти заставил мальчика содрогнуться. Грохот, кровь, прозрачные глаза... Боже, стоит ли оно этого? Да даже если он и поднимет это восстание — где гарант, что оно не утонет в крови, как и сотни до него? Влияют ли они хоть на что-то?

Море вопросов, мало ответов и огромное чувство отчаяния из-за собственного бессилия.

Находясь объятиях транса, Агний вдруг словил одну мысль: всем ночным дозорным наутро дают вместо пайки хлеба кусочек мяса, чтобы хоть какая-то энергия в организме была. Значит, и ему впоследствии должны дать тоже. А Агний, как известно, сейчас кое перед кем в долгу...

Желание искупить свою вину заставило мальчика тут же вынырнуть «на поверхность» и устремить свой взгляд на дверь. За то, что своевольно забрал свой кусочек, вроде как, не ругают, если ты только не превысил дозволенной тебе порции. Да и тем более их зрителя, заболевшего тифом, сейчас подменяет в общем-то очень даже приятная и чуткая женщина. Просто скажем ей поутру, что не удержались и отрезал себе положенный кусочек — и всё.

Замок не был для уже обогащенного опытом Агния преградой к цели. Маленькая манипуляция с осколком каменной стены (благо, замок был достаточно большим) и готово. Запах всевозможных пряностей, кулинарных масел, мяса, трав и остальных вкусов, обвалившийся на жалкого, маленького раба всеокрушающей волной, заставило по спине пробежаться роте мурашек, а пустой желудок под тонкой кожей свернуться в трубочку. Конечно, мальчик мог бы воспользоваться моментом и присвоить себе ещё что-то кроме малю-усенького кусочка мяса, но та самая способность мыслить с пеной у рта отговаривала своего хозяина от этого, потому что он не бессмертный. Эта способность вообще отговаривала его от всей этой дурацкой затеи, но первый шаг был уже сделан. Деваться некуда.

Поминутно глядя в прикрытый дверной проём, маленький раб нащупал в темноте жирный окорок, который и являлся главным кормильцем всех униженных и оскорблённых, отрезал от него маленький кусочек и с кусочком холодного мяса вышел обратно в коридор. И сделал он это как раз вовремя, так как в это же самое время у двери появилась смотрительница. Сразу посыпались вопросы. К счастью, всё вышло именно так, как и планировал Агний. Смотрительница оказалась в нормальном настроении, приняла оправдания подчинённого, и — убедившись перед этим, что больше нормы не отрезано — отпустила парня, отбывшего свою шестичасовую детскую смену, спать. Но последовала справедливая угроза: если ещё хоть раз нечто подобное произойдёт — выпорют беднягу Агния на чём свет стоит.

Покорно выслушав нотации, мальчик понёсся по коридору, но не в общую подсобку. Летя на невесомых ногах, Агний незаметно юркнул в «зверинец». Его не запирали. Не только потому, что замок на двери был уже в край раздолбан и практически вывалился из гнилой древесины, но и потому, что в этом и не было особой необходимости. Покорная, безногая и истощенная животиная находила редкие минуты покоя своим истощенным костям в тесной железной клетке.

Вонь в тёмном помещении стояла просто невыносимая. Запах гноя, испражнений и влажной шерсти неистово атаковали нос Агния, но парню, прослужившему целых три года при охотничьем дворе и буквально засыпавшему в то время грязным среди борзых псов, было, опять же, не привыкать.

Измождённое животное не сразу среагировало на голос постороннего человека. Лишь когда мальчик — не без страха — ткнул самыми кончиками пальцев в рёбра спящему зверю тот протяжно застонал и дёрнулся.

— Ну иди же, иди! Я тебе покушать принёс! — Не дождавшись дальнейшей реакции, мальчик опять принялся легонько тыкать зверя в бок, но уже той рукой, в которой находился кусочек мяса.

Только через несколько минут настойчивых попыток лев перевернулся на другой бок. В полумраке блеснули большие, небесно голубые глаза. Только в тот момент мальчик смог в полной мере осознать, насколько же они красивые. Блестящие и живые, они были как последние искры тёплого огня в крошечной тьме затухающего под гнётом людской жестокости духа могучего животного. Лев обошелся без лишних препираний и спокойно слизал мясо с мозолистых рученок.

— Во-о-от... — Протянул Агний с улыбкой. — Ну-с, теперь-то мы с тобой в расчёте.

После этого пошли разговоры. Агний не торопился уходить, всё равно время до подъёма ещё есть, и он успеет вернуться к остальным. Агний говорил обо всём на свете, а его немой собеседник всё слушал и слушал, глядя на маленького раба своими огромными глазами.

А вообще интересно: чем Агния так сильно затронула эта ситуация? Почему он пошёл на такие риски из-за какого-то там животного, каких в их захудалом краю сотни, если не тысячи? Почему мальчика так не гложил вид тех же самых собак, которые отродясь не видали от родного хозяина ничего, кроме порки и заплесневелого куска булки? Чёрт его знает...

Возможно, именно так разум мальчика и переживал то, что его вот так просто взяли и бросили пять дней тому назад. Согласитесь — все мы страдаем по-своему. Вот и сознание маленького беспризорника, видать, ухватилось за первый попавшийся «сучок», что отдался хоть каким-то эхом в душе мальчика, и теперь выливает на эту сторону мельницы всё, что должно было выплеснуться ранее. Оно не могло не выплеснуться. Оно обязано было. Просто, видать, такой поступок спутников Агния не был для него особым поводом для душевных терзаний... Ещё бы, для НЕГО-то, которого вырастивший его человек выменял на ящик спиртного первому попавшемуся проходимцу, когда деньги кончились. Вот так, просто, без всякой доли сожаления или предварительного раздумья тот дряхлый, одинокий старичок продал за бутылку жившего с ним с самых пелёнок мальчика, как какую-то вещь. В прочем, чего уж тут говорить? Агний и был вещью, всегда и везде. К ней привязываешься, с ней переживаешь многие горести, разговариваешь, даже иной раз с человеком ассоциируешь, но она так и остаётся вещью. Куском неживого.

Вот так.

Глава 12. Лорд

Прошла неделя с мелким вершком со дня заезда Агния в новый дом. На десятый день случилось страшное.

Узнал об этом мальчик, можно сказать, случайно. Ещё заходя в полудрёме в котельную Агний почувствовал, что что-то не так. Все суетились. Вздувшиеся, неумелые языки рабов что-то невнятно бормотали. Раздавались возгласы. Все толпились около одного места. Слегка приведя свои мысли в порядок после первого потрясения, маленький раб бросился в самую гущу людей, чтобы разузнать всё-таки, что же их так всполошило. Узнал... На полу, в луже собственной крови, лежал лев... Пьяная рука зрителя опять соскользнула в самый неудачный момент и жестяная застёжка на обруче, крепившемся у зверя на животе, проткнула ему кожу до самого желудка, который слегка проглядывал розовым пульсирующим мешком через рану.

У Агния подкосились ноги. Дыхание застряло жестким комом и больно сдавило трахею. Мальчик почувствовал, как от его лица и худых пальцев оттекает кровь.

— Чего делать-то с ним?

— Бить его! Бить!

«Не надо бить!» — заорал что-то близкое к этому не своим голосом Агний, и тут же в истерике начал выпрашивать воду, тряпку, иглу, угольки, и всё это маленький раб кричал, хватаясь за порванные штанины своих товарищей по несчастью. Кто-то из них всё-таки додумался мало-мальски успокоить парня и заставить его повторить всё, что он только что перечислил. После этого несколько человек тут же бросились искать всё, что требовалось. А тем временем Агний снова припал к ране льва и изо всех сил пытался остановить кровотечение. Мальчик всё помнил. Он знал. Он знал то, что опыт по лечению раненой охотничьей собаки ему когда-нибудь пригодится. И он пригодился... Но, чёрт возьми, как же страшно...

А тем временем крики и суета возобновились с новой силой. Наконец, кто-то резко одёрнул мальчика. Всё готово.

— Или он не сдохнет, или за ним к боженьке полетишь, сопля курносая! — Послышалось через гомон толпы. Неуверенность и неопределённость придавили всё нутро Агния к скелету, слёзы подступили к глазам. Дрожащими руками мальчик взял иголку, другой рукой начал неумело смещать концы раны друг к другу, попробовал прицелиться. Потом ещё и вспомнил, что забыл прижечь плоть, прежде чем шить... Агний вцепился в волосы. Нет, так продолжаться не может. Ему надо успокоиться. Точно. Прийти в себя и успокоиться. Он делал это не в первый раз, и всё закончилось в прошлый более чем хорошо. Он ведь ничего сверхъестественного не делает, верно? Всё будет хорошо. Всё всегда и везде заканчивается хорошо. Надо просто уверовать в это.

Наступило минутное облегчение, такое, которое обычно приходит после головной боли. С тела снялась усталость. Галдящая толпа за спиной будто бы пропала. Агний глубоко вздохнул и начал процедуру.

Промыл рану, затем иголку, прижёт, зашил, прижёт, зашил... Аккуратно. Бережно... Чтобы не поранить внутренности... А лев всё знай себе лежит, будто всё понимает. Лишь пару раз вздрогнул. Агний даже пару раз взглянул на его морду — не умер ли? Но нет, лев просто спокойно лежал и периодически тоже смотрел на мальчика своими большими

глазами.

Прижѐг... Зашил... Прижѐг... Зашил... Было немного неприятно от осознания того, что он шьѐт по живому... Но, что тогда, что сейчас спасало богатое воображение. Достаточно было просто представить, что он шьѐт по толстой ткани — и всё немного унималось.

Прижѐг... Зашил... Прижѐг... Зашил... Всё! Сделав прочный узелок в несколько слоѐв, Агний оглядел свою работу. Добротный получился шов. Толстый, в меру частый, такой не разойдѐтся. Все остальные молчали.

Весь следующий день Агний практически не отходил от своего «пациента», даже во время работы. Пару раз это мальчику чуть не стоило пары зубов, но надзиратели и остальные рабочие, видимо, ссылаясь на сегодняшний подвиг юнца, ограничивались лишь громким и надрывным криком. Льва в тот день, к слову, постарались особо не напрягать, а то мало ли ещё...

К счастью, всё обошлось. Швы и впрямь оказались крепкими, и не разошлись, чему Агний был негласно рад. После изнурительного рабочего дня, Агний без рук и ног свалился в общий стог сена, чуть прикрытый гнилой подстилкой, и тут же провалился в сон, втягивая знакомый ему с детства запах гнили, сырости и пота.

Когда мальчик через сон почувствовал, как что-то легло ему на ногу, то так подлетел на месте, что чуть не упал. Свора недовольных спящих что-то хором промычала во сне, но и не думала просыпаться. Добротный сон подневольного не разбудит даже играющий над ухом оркестр. Однако этот случай у Агния, видимо, был исключением. И нет, это был не оркестр. Замыленный сном взгляд через несколько минут всё-таки смог выхватить из-под толщи нестриженных волос белый силуэт хозяйской дочери, который словно фонарь в кромешной мгле светился в этом мрачном царстве обездоленных. Девочка, выпучив свои будто бы искусственные глазки, сделанные рукой умелого мастера, прижимала палец в пухлым губам и тихо-тихо что-то говорила, указывая на дверь. Агний прищурил невидные никому глаза и чуть поддался вперед. Наконец, ухо уловило нервное и прерывистое: «Пошли!.. Лев!.. Скорее, пошли!..»

При упоминании льва ноги Агния будто бы сами соскочили с теплой лежанки и понеслись невесомыми шагами к выходу. В последнюю секунду, однако, мальчик вспомнил, что его спутнице тяжеловато будет столь же быстро последовать за ним, и маленький раб, не теряя ни секунды, вцепился в спинку стула обоими руками, развернул его и вот они вдвоѐм мчатся по холодным коридорам поместья к цели.

Дверь в «зверинец» была открыта, как и клетка со львом... Агний присмотрелся ко зверю: всё ведь нормально! Почему его позвали? Но тут ему на плечо легла шѐлковая рука хозяйки.

— Я папин разговор подслушала. Маме сказал, что если денег на игры его не хватит — так он льва заложит. Так что, в общем... — Девочка вздохнула. — Бежать вам надо, бежать! Я с него слово взяла, что он тебе, куда надо, путь укажет. — При слове «него» девочка кивнула в сторону льва, который всё это время терпеливо глядел на детей, лишь слегка повиливая хвостом, будто чего-то ожидая.

— П-Подожди, «взяла слово»? Он что, говор..? — Ещё до того момента, как Агний договорил, его собеседница закивала головой, подтверждая слова мальчика, а лев издал тихое гудение.

Мальчик неуверенно посмотрел на зверя, приблизился к нему и, глядя льву прямо в глаза, спросил:

— Если ты и впрямь говорящий, то как тебя зовут?

— Лорд. — С секундной паузой последовал ответ.

— Л-Лорд? — Лев утвердительно кивнул.

Отойдя от короткого ступора, Агний вновь посмотрел на хозяйку.

— Только у нас есть проблема — на чём он пойдёт? Он же... Ну... Просто...

— У нас доски его есть, только... — Девочка отвела взгляд в сторону, судорожно соображая. — Ну да, ты прав. Не уйдёт далеко...

— Дети. — Послышался вновь глубокий голос. Оба замерли. Лорд мордой указывал в сторону выхода, на охваченную лунным светом площадку.

— Помогите мне подняться, и выйти туда, к свету. И да, — лев кивнул в дальний угол маленькой комнаты. — Видите хлам? Несите его к моим ногам, когда я буду перед небом.

Агний с хозяйкой переглянулись, после чего принялись за выполнение столь странного приказа.

Хоть маленький раб и пытался отговорить хозяйку от этого, она всё равно поддерживала льва изо всех сил обоими руками, умудряясь в короткие промежутки отталкиваться тростью от пола и катиться вперёд. Практически не дыша от напряжения дети дотащили зверя до лунного света на полу. Лев уже самостоятельно дополз до самой середины того неровного бледного треугольника, пока Агний с хозяйкой таскали всякий хлам в коридор. Работали они, опять же, в паре: Агний брал в руки столько, сколько мог, потом нагружал определённое количество досок, железок и прочего барахла хозяйке на колени, и после этого они, вжавшись друг в друга, дабы не создавать лишнего шума, катились обратно наружу. Но на третий заход Агний, вывозя стул своей соработницы в коридор, вдруг оступись и одна из досок громко ударилась об пол ребром. Хозяйка, находившаяся всё это время в крайнем напряжении, непроизвольно взвизгнула. Агний тут же рывком закрыл ей рот. Наступила гробовая тишина, только звон в ушах не давал ей стать абсолютной. Казалось, даже кровь в жилах притаилась от такого. Медленно все трое, будто просыпаясь от векового сна, начали отмирать и нервно осматриваться по сторонам, не разжимаясь и не двигая ни одной мышцей своего лица.

— Хватит. — Шёпот Лорда был настолько неожиданным, что Агний с хозяйкой подлетели на месте от испуга. Лев в ответ лишь шикнул на них и указал мордой на хлам.

— Несите его на свет.

Агний сначала рефлекторно хотел пододвинуть всю эту кучку ногой, но быстро сообразив, что шуму от этого будет ещё больше, чем было, торопливо нагнулся и перетащил всю ту бесформенную кучу поближе ко льву, на лунный свет, после чего так же быстро отошел в сторону и стал смотреть.

Осознав, что всё готово, Лорд сделал протяжный и хриплый вдох, отчего все его слипшиеся в один комок внутренности, как могло показаться, захрустели и зачавкали в один голос. После того, как сварившиеся после столь долгого времени в котельной лёгкие были наполнены до предела, Лорд так же плавно и неспешно окончательно, обнажив тощий скелет под тонким своей кожи, чем очень сильно напугал своих маленьких помощников. Выдохнул. Выдохнул он на хлам.

Кучу мусора тут же начала обволакивать некая призрачная пелена, похожая на утренний туман над озером. Медленно-медленно молочное марево начало расползаться по всему бледному блику ночного светила, накрывая облачным ковром и льва так, как птица-мать укрывает своим невесомым крылом израненного кошкой птенчика.

Через несколько секунд и хлам, и лев полностью исчезли за огромным столбом непроглядного тумана, который растекся поперёк коридора и теперь больше напоминал зловещие ворота в другой, неизвестный мир. Дети стояли, затаив дыхание.

Туман начал темнеть. Всё чернее и чернее становились его густые облака, завивающиеся в отдельные смерчи, будто это первородный бульон мироздания готовится воплотить из себя первые планеты.

Вдруг, по темным «волнам», словно акварель по размоченному листу бумаги, поплыла нежная синева, которая начала всё в большем и в большем количестве смешиваться с однородной массой, образуя всё новые и новые оттенки себя. Вот уже на лазурно-голубых смерчах начал проглядывать белый. Всё более и более на расцветавших белых цветах начали образовываться и жёлтые, и зелёные, и алые, и бирюзовые лепестки. Небесный цветник разрастался всё с большей и большей скоростью, пока наконец не стал собираться в один роскошный букет, связывая свои составляющие нитями созвездий, добавляя маленькие детали, вроде запечатленных в полёте комет и ярких колец вокруг больших и малых «цветов». Ещё несколько секунд кропотливой работы — и вот, неземное творение светящимся клубком застыло посреди остаточной туманности и медленно растворявшихся в них, будто густая краска в воде, цветных огней. Через секунду в букете начали проглядываться уши, мохнатый нос, мужественная грудь, длинный и изящный хвост, мощные передние лапы и, наконец, большие и глубокие, как вся необъятная вселенная, глаза. Лорд предстал во всём своём немом великолепии.

Дети стояли на месте, не в состоянии вымолвить ни слова.

Слегка отойдя от увиденного, Агний присмотрелся к задним лапам возродившегося зверя — вместо них стояли механические протезы, которые, несмотря на то, что они были в прямом смысле этого слова слеплены из всего того хлама, что дети вытащили из той душной коморки, были при менее детальном взгляде практически неотличимы от настоящих.

— Пора. — Из голоса Лорда пропала хриплость и всякое измождение. Теперь он напоминал полностью обработанный алмаз, сверкающий своей красотой под лучами света.

— И-идём на улицу!.. — Только и смог вымолвить Агний, уже поворачиваясь назад. Лорд по-доброму усмехнулся.

— Так мы уже здесь, мальчик. — Лев сказал это как раз за секунду до того, как Агний это осознал. Туман вокруг них окончательно рассеялся, и маленький раб со своей хозяйкой поняли, что они и впрямь находятся уже не в коридоре, а у подножия мраморной лестницы. Над головой ночное небо, немного заслонённое редкими сонными облаками, в лицо дула нежная прохлада.

Но тут же Агнию в мозг ударила следующая проблема.

— Н-но как же она... Ну, то есть, х-хозяй... Г-Госпожа вернётся назад? Я её отвезу быстро наверх?

— Не стоит. — Тут же покачала кудрявой головой девочка. — Я так уже не раз поднималась, ты что, забыл? — С этими словами девочка для демонстрации потрясла в воздухе тростью, с которой она не расставалась ни на секунду.

— Так... — Агний неуверенно посмотрел на собеседницу. — Значит... Прощаемся?

— Прощаемся. — Качнула головой девочка, опустив при этом глаза.

Всё так же неуверенно, оглядываясь по сторонам и будто бы чего-то ожидая Агний подошёл ко льву, и, не без помощи последнего, вскарабкался ему на спину.

— Послушай, я только... Просто, подумал, зачем ты помогаешь нам? — Девочка

непонятливо наклонила голову в сторону. — Ну, ты же просто, я так думал, не из тех людей, что помогают. Ты только не обижайся, просто... — Агний на секунду прервался, взял себя в руки, и продолжил: — Откуда мне знать, что это не подстава?

Девочка молча, и как-то особенно уныло, подкатилась к высоким ногам льва и жестом призвала собеседника нагнуться к ней, что тот спустя мгновение и сделал.

— Я ваш разговор вот с ним, — Девочка кивнула в сторону морды Лорда. — Тогда подслушала. Знаешь, а ведь я это и вправду не совсем искренне делаю. погоди, выслушай меня! — Агний хоть и насторожился, но продолжил слушать. — Ты если взаправду знаком с людьми из этого самого «Ковчега» — то, пожалуйста, если только доберешься до них, попроси их от меня, чтобы они помогли моему папе. Он хороший, правда хороший, просто весь выгорел, когда деньги заканчиваться начали. Я прошу тебя — пусть они нам помогут. Ты сделаешь это?

Чуть погодя, Агний, с неимоверно серьёзным и почтительным видом кивнул головой и ответил на просьбу твёрдым «Да», не приправленным лишними эмоциями.

Уже приняв вновь исходное положение, Агний напоследок спросил:

— Ты прости, только имени твоего так и не запомнил. Как тебя зовут?

— Эннель. — Кукольного личика девочки коснулась хоть и лёгкая, но такая живая и добрая улыбка. — Эннель Дагсхарт. А тебя как?

— Агний. — Зависла секундная пауза. — Ну что-ж... Пока!

— Пока. — Сердечно, еле сдерживая эмоции, прошептала Эннель.

Лорд добро встряхнул изголодавшуюся по вольному ветру гриву, после чего рванулся с места и полетел через ночную мглу серебряной стрелой.

— Тоже помню твои слова. — Заговорил Лорд через какое-то время. — На юг, говоришь, твои двигались? Там мой дом! Нагрнем-ка туда, проблем там наверняка скопилось. Разрешим там всё, выясним, куда твои друзья пришли, снарядим тебя как надо и пустим в путь, идёт?

— Идёт. — Сдавленно проговорил Агний, лёгкие которого сжались от ощущения той первобытной, невообразимой воли, маленькие отголоски которой мальчик чувствовал последний раз при поездке в поезде. Что его тогда сковывало? Может, предчувствие своего неокончательного освобождения? Кто знает... Но вот сейчас, ободрённый дружеским словом своего спутника Агний, впусив в свою не выдавшую такой красоты душу все эти спящие просторы просто давал сердцу вольным зверем радоваться на них в долгожданном предвкушении завтрашнего дня.

— Удачи тебе, Агний.

***

Как только «Наследие» вынырнуло из нутра густого облака, на лице и без того обеспокоенных столь непредвиденным снижением матросов высветился настоящий ужас. Внизу были горы. Нет, даже не горы, а бескрайнее поле ледяных пиков, напоминавшее сейчас омертвевшим от страха людям земную поверхность Ада.

— Орландо! — Первой отмерла Искури.

— Парус! Быстро натяните парус!!! — Мужчина вцепился обоими руками в штурвал и выглядел так, будто готовится в одиночку вытянуть весь этот корабль из болота. — На топливе не протянем!

Тут же находившийся рядом Имир стрелой вылетел наверх, на палубу, и как пожарная

сирена во всеуслышание передал приказ капитана матросам. Все вновь засуетились. На одном дыхании несколько матросов, почти что уже не ощущая никакой опоры под ногами, начали на дрожащих от давления руках карабкаться качающиеся мачты. Начали закидывать тросы от парусов вверх. Первый кинули — поймал. Второй кинули — мимо. Кинули третий, и...

— Держись!! — Голос капитана, находящегося на платформе управления кораблём под палубой, был слышен в это мгновение как никогда ясно.

«Наследие» громогласно врезалось в один из ледяных шпилей. Во все стороны полетели щепки, в том числе и обрывки одного из крыльев корабля. Ловивший трос человек не удержался и сорвался вниз. У стоявшего всё это время на палубе Имира перехватило дыхание, но тут что-то молниеносно пронеслось под матросом и словило его на лету.

— Как удачно-то! — Чуть пришедший в себя мужчина встретился взглядом с улыбавшейся ему девушкой в сером котелке. Матрос с опаской осмотрелся. Метла. Они сидели на метла, которая, при всём при этом, летела задом на перед.

— Да не волнуйтесь вы так! — Всё тем же неунывающим тоном прокричала Гальдора. — Матильда у меня очень сообразительная! Сама всегда справляется!

Сделав эффектный круг, метла вновь пронеслась над палубой и сбросила окоченелого не то от холода, не то от такой неожиданной поездки матроса обратно на своё законное место. Тот поднялся на ноги, постоял с секунду на месте, а потом вновь рухнул без чувств.

— Беги к ним! — Искури испуганно посмотрела на напряжённого Орландо. — Как только паруса будут готовы — пусть спускаются вниз.

Девушка замешкалась буквально на секунду, но потом бросилась к лестнице.

Гальдора тем временем подлетела к выбежавшему наверх Лейву.

— Где Имир?! — Мальчик вместо ответа начал судорожно водить глазами по палубе, с бегающими по ней, точно стая муравьёв, людьми, а потом вдруг устремил взгляд наверх и глаза его округлились.

— Там!!! — Мальчик чисто на рефлексах вытянул руку, указывая куда-то. Гальдора посмотрела вверх и застыла так же, как и её собеседник. Тут же на палубу выскочила Искури, и, ещё не зная всей ситуации, хотела уж было отдать приказ, чтобы все спускались, но, посмотрев наверх, тоже застыла.

А наверху, пользуясь одним лишь карманным ножом, Имир вскарабкался на мачту, прицепился к ней поясом и крикнул вниз: «Давай!». Стоявший внизу матрос тут же уцепился за трос паруса и из последних сил бросил его вверх. Сделав мощный рывок вперёд, парень словил тяжеленный трос на лету и чуть не перевесился из-за него вниз, благо, ремень сделал своё дело. Уже после этого Искури наконец-то приказала всем покинуть палубу. Не теряя ни секунды, парень стал судорожно наматывать трос на мачту, и когда оставался буквально последний штрих рука предательски дрогнула из-за крика со стороны.

— Стыкуемся!

Ещё даже не осознав, что происходит, Имир крутанул голову в бок и тут же весь корабль громогласно содрогнулся.

Посудина помчалась по склону горы. Имир съехал на животе вниз, ремень не выдержал и лопнул, парень отправился в свободный полёт с тросом в руке, который тут же натянул парус до самого предела, что только придало скорости кораблю.

Имир уже мысленно приготовился к удару, как его буквально за пару метров до палубы успел приземлиться на деревянную «спину» Матильды.

— Мог бы и мне сказать, помогла бы... — Облегчённо выдохнула Гальдора, стукнув парня по спине при приземлении.

— Из-за этого и не сказал. — Гальдора непонятливо сморщила нос, смотря на своего собеседника. — Хочу чтобы хвалу возносили лишь мне!

Чистосердечное признание прервал резкий поворот, от которого Имир с Гальдорой на пару чуть не вылетели за борт. Схватив всех в одну охапку, Искури со скоростью пикирующего на добычу орла бросилась к двери во внутрь корабля.

Абсолютно всё живое на корабле срослось в одну цельную, дышавшую одновременно всеми двадцатью пятью ртами, кучу. Рывок за рывком, поворот за поворотом, даже если корабль наклонялся почти что на все девяносто градусов — вросшие в соседа пальцы отказывались отпускать твёрдую опору. Окаменевшая всеми мышцами команда на подсознательном уровне отказывалась верить в то, что они находятся не на пуленепробиваемом броневике, а на корабле. На обычном деревянном корабле, который сейчас, подобно санкам, мчится по совершенно непредсказуемому ледяному склону вниз, в бездну, в неизвестность, и управляет этой заблудшей шхуной не всемогущий Господь, а человек. Самый обычный, из плоти и крови, человек. Но матросы не паникуют. Они верят. Они знают. Он справится. Он сможет. Он всегда справлялся и сейчас справится.

Всё быстрее и быстрее мчалось «Наследие», всё резче и резче становились повороты. В один момент откуда-то спереди послышался грохот и всю команду затрясло, но грозный корабль продолжил свой ход. И тут... «Наследие» будто бы въехало на крутой склон и остановилось. Потом его поворотило назад. Потом опять вперёд. Так продолжалось ещё раз пять. В конце-концов, корабль замер окончательно. Практически даже не переглянувшись, матросы в полной тишине поспешили на палубу. Корабль стоял между двух склонов, взаимно не дававшим ему двинуться с места. Оба крыла «Наследия» были безнадежно сломаны, но это было не смертельно. Всё закончилось. Всё хорошо.

— Bravo, капитан! — Этот полный детского счастья возглас сработал словно выключатель. Тут же вся команда, не помня себя, начала носиться, орать, обниматься и чуть ли не плясать, празднуя эту знаменательную победу. Как только на палубу вывалился на прогибающихся под его собственным весом дрожащих ногах Орландо — толпа мужчин, готовых разорвать в припадке всеобщего обожания своего предводителя, тут же без всяких усилий подхватили капитана на руки и начали подбрасывать в воздух с дружным возгласом «Ура!!!».

Тут же подлетела радостная, как никогда, Искури и, уже не стесняясь никого, одарила своего обожаемого Орландо смачным и жарким поцелуем прямо в охолоделые губы. Естественно, и про Имира не забыли. Как и хотел парень, все благодарности сыпались лишь ему. Вот только когда из толпы послышалось несколько грустное «Жалко, что тот лохматый не дотянул...» парень вдруг резко приуныл, и, опустив глаза, принимал поздравления без былого энтузиазма. Наверное, всё ещё жалеет того маленького раба... Как его там... Агний ведь, верно? Такой маленький был, только-только на свободу вырвался, и тут такое несчастье... Но что уж тут поделаешь? Туберкулёз есть туберкулёз. Всего за ночь пацан выгорел. Бывает же...

Глава 13. Какая красота

Словно безвольная марионетка на спутавшихся нитях Зигмунд висел на бесчисленном скоплении цепей. Бальтазар долго готовился к «визиту» старого друга. Вся конструкция напоминала огромную паутину внутри каменного колодца. Паутину, из которой невозможно выпутаться самостоятельно. Да что там, в ней даже двинуться лишней раз нельзя. А хотя... У Зигмунда на это всё равно не осталось даже самых малых сил. Спина болела жутко... Кожа была разодрана до самого мяса, чуть ли не до костей. Мало этого, так ещё и охранники его напоследок солью обсыпали. Небось, его величество решило напоследок подбодрить своего гостя, чтобы сильно уж не расслаблялся.

Вот так великий чародей и сидел, избитый и униженный, не видя и не слыша уже абсолютно ничего. Именно поэтому было не особо удивительно то, что лёгкий стук по железной решетке, укрывавшей колодец от свинцового неба, мужчина услышал не сразу. Из транса его смог полностью вывести лишь донёсшийся до ушей как будто из другого измерения до боли знакомый клич...

В миг оживившись, Зигмунд, преодолевая невыносимое жжение на спине, выгнулся, как только смог, и посмотрел вверх краем зрения. Так и есть. На светлом фоне, через преграду из железных прутьев, выделялся размытый образ крупной птицы.

— Гор! — Стараясь не впасть раньше времени в ребяческий восторг при виде своего товарища как можно громче прошелестел Зигмунд. — Гор, скорее сюда!

Практически не коснувшись серыми перьями до стиснутых в узкую решётку прутьев, сапсан плавно спикировал вниз и так же невесомо опустился на кандалы, надёжно фиксировавшие испещрённую рваными ранами руку хозяина.

— Мальчики в безопасности? — С нескрываемой надеждой прохрипел Зигмунд, как можно сильнее выгнув в сторону обвязанную в сорок колец цепями шею. Птица наклонила голову в бок, потом к груди и что-то тихо пискнула. Мужчина мгновенно изменился в лице.

— Как «не знаешь»? Что с ними такое? — В ответ Гор начал коротко, по своему, объяснять всё своему товарищу, активно жестикулируя крыльями. Во время всего этого информативного монолога Зигмунд всё сильнее и сильнее морщил лицо и щурил глаза. Как только пернатый собеседник, встряхнув головой, наконец-то закончил, мужчина, сомкнув губы в тонкую линию, нервно выдохнул, и, «переварив» услышанное, ответил:

— Ладно уж, дай Бог чтобы у Имира получилось их вывести. А сейчас... — Зигмунд как только смог, выгнул голову назад и буквально одними глазами указал на проём в каменной стене, откуда и торчали целыми букетами цепи.

Сразу смекнув, что надо делать, сапсан взлетел вверх и через несколько мгновений исчез в тёмной щели. Уже совсем скоро раздался приглушённый щелчок, за которым последовал протяжный жестяной скрежет. Резкий рывок, отдавшийся острой болью во всём теле, и жестяные путы безвольно повисли на теле Зигмунда.

— Не поможешь ещё? — Спросил мужчина, как только Гор вылетел обратно в колодец и присел на один из тяжёлых шарообразных кандалов, закрывавших всю кисть чародея. С деловым видом, сапсан приблизился к железным кольцам на запястьях друга, что служили замками. Понадобилось лишь несколько мастерских движений клювом и острыми когтями, для того, чтобы высвободить руки Зигмунда.

— Он хорошо постарался, надо отдать ему должное. — С долей облегчения выдохнул

Зигмунд, сбрасывая с себя тяжёлый ворох цепей. — Готовился, определённо, не один год...

Поглядев озадаченно на змееподобную кучу железных пут, валяющихся на полу, и на свои обожженные до кровавых пузырей ладони, Зигмунд вновь обратился к Гору:

— Сам выбраться отсюда вряд ли смогу. Только лишнее внимание привлечём. Придётся по старинке. Поможешь?

Не теряя ни секунды, сапсан вновь взмыл в воздух, за пол минуты справился с замком и они с напарником оказались в зловонном коридоре позабытой темницы.

Гор метнулся к выходу и через мгновение растворился в темноте лестничного поворота.

— Там, наверху, несколько стражников! — В последний момент успел выкрикнуть Зиг. — Я их слышал!

И всё-таки хорошо быть одновременно и не слишком-то большим, и при этом иметь хорошие мозги и природную изворотливость в довесок. Естественно, напрямую к двери дворцового подземелья Гор не полетел, нащупал в темноте слабый камень, кое-как сдвинул его с места и впорхнул в полое пространство между полом и стеной замка.

Состояние у дворцовой стражи, взявшей в плотное кольцо злополучную дверь, было сегодня как никогда вялое. Точнее, даже не так: оно было каким-то аномально расслабленным. Аномально потому, что с таким-то королём хоть немного отдохнуть было практически невозможно. Всегда на нервах. Всегда чувствуется холодное дыхание смерти за спиной. Оно и понятно, ведь на троне у них сидит сам Дьявол! Но всё-таки именно из-за этого искалеченная нервная система и начинает непроизвольно отключаться в, сравнительно, тихие моменты. Но счастье этих бедных людей длилось не долго, так как его нарушил грохот рухнувшего на каменный полкирпича.

Все двадцать солдат, как один, шарахнулись в сторону и обнажили оружие. Никого. Лишь разломавшийся кирпич смиренно лежит внизу.

Лишь глазами переглянувшись друг с другом, стражники, всё ещё находясь в нервном напряжении, заняли вновь свои посты, но не успели они вновь погрузиться в привычную пучину мыслей, как одному из них прямо на голову мастерски пущенной стрелой кинулся Гор. Сапсан распушился, раскинул крылья с растрепавшимися перьями, и, выпучив жёлтые глазищи, завизжал. Да-да, именно завизжал, практически как человек или вовсе какое-то неведанное доселе существо.

Надо также сказать, что абсолютно все, кому доводилось видеть Гора с Зигмундом рядом, подмечали их необычное сходство. И лицо, и телосложение, даже некоторая часть самых крайних перьев у птицы были точно под рыжие волосы хозяина. Думается, не надо говорить, к какому выводу в следующую секунду пришли охранники...

Тут же началась немыслимая возня. По коридорам волнами заплясали крики, несколько мечей полетели в Гора, но тот без особого труда уклонился от них и, взлетев под самый потолок, метнулся в высокую арку коридора. Вся толпа, естественно, ломанулась за ним. Они даже и подумать не могли, что настоящий заключённый, как только шум окончательно удалился от злополучной двери, жижистым облаком полупрозрачного тумана выплыл из маленькой щели меж дверью и полом и, быстро завернув за угол, принял свой изначальный облик. Полностью пропасть Зигмунд не мог. Боль тут же растекалась от запястий по всему телу, будто его вновь и вновь бьют током.

Прислонившись изрезанной спиной к холодной стене, Зигмунд, чуть запрокинув голову, вновь нервно выдохнул и прикрыл глаза. Медленно, словно небрежные мазки по чёрному

полотну, перед глазами стал вырисовываться совсем другой пейзаж. Он Высоко в воздухе. Под ним собралась уже чуть ли не свя королевская гвардия, и, словно стоя мальчишек в надоедливо воробья, с размаху бросали в проклятого беглеца всё, что только попадало под руку. В птицу летели мечи, стрелы, топоры, стулья, щиты, шлемы от доспехов, сапоги, вазы и ещё много-много-много-много чего. А объект столь лютой ненависти даже и не напрягался. Виляя под самым потолком, он то и дело рвался из стороны в сторону, издавая насмешливый клич, отчего охранники лишь сильнее стервенели.

«Куда идём?» — Мысленно произнёс Зигмунд. Зависла короткая пауза, после которой в его мозгу отчётливо запульсировало: «На север! К северу! Северный! Северный!»

В северной части дворца и впрямь был тайный выход. Об этом Гор с Зигмундом знали не понаслышке. Особенно чародей, так как он был неразрывно связан с его многочисленными приключениями в детстве и юности, как сына одного из самых уважаемых людей, которых помнят эти стены. Но это всё в прошлом. Сейчас же надо сосредоточиться.

Зигмунд стал неспешно перебегать от угла к углу. От колонны к колонне. Хромая на одну ногу, мужчина, стиснув зубы, еле касался краем ступни до пола, но всё равно постоянное шлёпанье босых ног казалось ему громче обычного, из-за чего он и был вынужден раз за разом задерживаться в новом укрытии на более долгий срок. Вместе с этим возрастал и страх того, что они с его спутником могут не пересечься в срок.

Вот уже в предел видимости стали попадать первые стражники. Они специально выбегали вперёд. Караулили беглеца. Зигмунд стал ещё более настороженным.

Издали послышался знакомый клич, который тут же потонул в туче возгласов: «Держи его!», «Не пущай!», «Да подстрелите вы эту проклятую птицу!». Слушая весь этот непрекращающийся поток яда, волшебнику стало даже на секунду смешно.

Выделявая очередную молниеносную петлю, уже абсолютно расслабившийся Гор, «пританцовывая» на своих крыльях, беспечно мчался к выходу, смакуя своё превосходство, как вдруг прозвучавший прямо под ним приказ одного из полководцев заставил его резко вынырнуть из мира грёз.

— Расформироваться по западному и восточному крылу! Север закрыт!

В этот самый момент Зигмунд, перебегая в новое укрытие, случайно оступился и резко дёрнулся в сторону, из-за чего одна из ран на боку вскрылась. Тело пронзила острая боль. С шипением, почти не дыша, мужчина вжался в стену и начал медленно сползать по ней, как вдруг в разуме будто зазвонил тревожный колокол. Перед глазами начали мелькать беспорядочные очертания, превращавшие всё зримое в непроглядную кашу. Через общий поток мыслей, словно утопающий через толщу речной воды, пыталась прорваться одна единая фраза, звеневшая в ушах невнятными отрывками.

«От севера вон! Не надо! Не надо! Не надо!»

И во всей этой суматохе никто, даже Гор, не заметил, как в небольшом окошке, вырезанном в особенно крупной колонне, больше походящей на небольшую башню, поддерживающую крепления близ «развилки» нескольких широченных коридоров, мелькнула тень. Затем блеснул испещрённый красными жилками глаз, пристально наблюдавший за судорожно придумывавшим в своей маленькой птичьей головке новый план побега Гором, который приближался всё ближе и ближе.

Из окошка высунулось железное дуло холодного оружия. Цель была совсем близко.

— Спокойных снов, птичка. Был очень рад познакомиться.

Выстрел.

Тёмный коридор, словно второе солнце или падающая комета озарила яркая вспышка. На стену попало несколько капель крови. Секунда — и на пол тяжело шмякнулось что-то маленькое, беспомощное и охладелое. В воздухе безвольно закружились несколько серых пушинок.

И тут же коридоры содрогнулись от ужасающего вопля, от которого заложило в ушах и доспехи на голове прилипли к вискам. Казалось, что этот вой звучит лишь в голове. Что это голос самых потаённых кошмаров. Не может живая, реально существующая тварь так орать!

Зигмунд упал на колени, вцепившись в лицо. Буквально мгновение назад глазные яблоки будто пронзило раскалёнными добела спицами. Мужчина почти не дышал от нестерпимой боли.

Издалека, будто из другого мира, послышался топот многочисленных ног. Зигмунд наконец-то смог ненадолго успокоиться. В сомкнутых веках чувствовалась тяжесть. В слепую было очень тяжело, но сейчас надо было сосредоточиться.

Зигмунд раздвинул руки в стороны и начал, казалось бы, лёгкий процесс, который сейчас давался с невероятным трудом. И вот, руки вновь закололо. Боль вьелась в запястья. Прожигала вены, превращая кровь в кипячёную смолу. Дробила кости. Вгрызалась в плоть, вырывая её кусками. Истерзанные и без этого глаза обожгли слёзы. Но он должен был выстоять. Он обязан был это сделать, потому что ему было, ради кого это сделать.

Солдаты взяли беглеца в кольцо и только они уже были готовы приступить к захвату, как раздался мощный хлопок и будто сделанный из песка в виде сотен тысяч зелёных искр-песчинок силуэт секунду назад находившегося здесь чародея теперь рассыпался по полу. Зигмунд исчез.

***

— ... а вот я тебе когда-нибудь рассказывал про моего отца?

Пасмурное настроение Бальтазара как рукой сняло и он уставился на учителя уже до боли знакомым последнему взглядом, излучавшим неподдельное любопытство.

Зигмунд и впрямь до этого почти ни разу не упоминал о своих корнях. Единственный случай был тогда, когда чародей объяснял своему излюбленному ученику то, почему он так не любит, когда к нему обращаются по его полному имени: «Когда мой отец на меня злился, он называл меня по имени и фамилии, и обращался лишь на «вы». И, как оказалось после, Бальтазар не раз видел отца Зига. На портрете. А портрет этот (почти два метра в высоту) висел близ парадного входа дворца. Изображён на нём был огромный человек, который весь, как казалось состоял из железа. На деле же это были огромные толщи доспехов, которые увенчивались казавшейся на их фоне малю-юсенькой лысой головой, с развивавшимся на ветру длинным рыжим хвостом на макушке. В остальном же вся эта изрезанная шрамами голова состояла из сплошных мышц, что делало её немного похожей на обтянутую тугими нитками сардельку. И юный принц даже подумать не мог, что это глядящий на него испепеляющим взглядом живой танк является близким родственником его доброго и радушного наставника.

— Нет, не рассказывал. — Без колебаний ответил юноша.

Уже сразу поняв, что собеседник всецело ждёт рассказа, пусть даже об этом и не сказав, Зигмунд начал своё повествование:

«Отец мой был человеком старой закалки, да ещё и потомственным военным поколении

этак в пятнадцатом — точно. И даже если он получил травму и не мог больше исполнять свои обязанности главнокомандующего — не беда! Ведь у него есть сын, в котором течёт кровь храбрых воинов и который — что было абсолютно решено ещё с самого начала — должен был продолжить великое дело своих предков. И да: «Что значит, ты не хочешь? Закрыв рот и продолжил упражняться, я из тебя всю эту дурь выбью!». И он выбивал. Дерзко и жёстко, без всяких поблажек. Подъём в пять утра. Ледяной душ. Дальше следовала отработка всех базовых команд при построении... Ну, ты знаешь, там, «Кругом!», «Марш!», «Равняйся!» и тому подобное. Это, наверное, было одной из самых ненавистных мной занятий. Одна совсем маленькая ошибка — к примеру, ногу слишком высоко поднял при марше, развернулся неправильно, стоишь криво — и всё, абсолютно всё с начала. Вот-вот, а ты ещё удивлялся, почему когда мы смотрели тренировку солдат перед парадом я вздрагивал при каждом «Отставить!». Будешь знать... Ну, ладно, ладно уж, будешь дальше слушать? Продолжим.

И вот так и жил. От рассвета до заката. Ещё иногда, чаще всего по пятницам, папа устраивал мне пробежки на время. Чертил на земле линию, грузил меня несколькими стогами сена, засекал время и от той самой линии пускал меня в тур вокруг деревни, который я должен был преодолеть ровно за двенадцать минут. И не дай Бог я опоздаю хотя бы на секунду, Бальтазар, не дай Бог...

Я рос. Требования ко мне росли, но хоть я и заработал от этого всего хорошую физическую форму и богатырское здоровье — солдатом от меня и не пахло. Папа злился. Очень сильно злился. Он повышал планку, заставлял меня сидеть на разных диетах, стоять под дождём, если у меня что-то не получалось — нагрузка только росла, меня могли вместо сна целую неделю заставлять стоять на деревянном столбе посреди поля. Причём самое обидное было то, когда надо мной, не способным уже ни шевелиться, ни говорить, ни даже слюну проглотить, начинало звучать обиденное: «Да ты полный бездарь! Лодырь паршивый! Да я тебя то и сё, Вон, на тех глянь, а ты что?». В общем, Бальтазар, можешь просто представить, как я не выносил всего этого. Я ненавидел эти тренировки, я ненавидел все эти толки про моё призвание и долг. Но больше всего, должен признать, я ненавидел отца, и по мере того, как я это осознавал, ненависть моя всё больше и больше росла. Во мне просто трястись что-то от гнева начинало, стоило мне только взглянуть на него или заслышать его голос. Единственное, наверное, что мне нравилось в моих тренировках — это воскресное чтение. Ну, а что такое? Война, дорогой мой, это не просто куча солдат, размахивающих оружием. Это самая настоящая битва умов. Отец давал мне книги определённой направленности. Я их читал. Потом отец давал мне какую-то ситуацию и я должен был спланировать наилучшие её решения. И знаешь, это была, наверное, единственная часть моих тренировок, которая мне удавалась лучше всего.

Так вот... Однажды отец пришёл ко мне. Мне тогда было... Ну, я примерно твоим ровесником тогда был, лет пятнадцать-шестнадцать. Так вот: он зашёл ко мне в комнату. Я сидел за столом и читал. Он ко мне обратился. Я, конечно, сразу, даже не глядя на него, отчитался: мол, там, посуду вымыл, полы тоже, всё в доме протёр, в общем — всё сделал. И тут он мне и говорит: «Сын, а вот что бы ты хотел сегодня сделать?» Нет, сказать, что у меня просто дар речи пропал — значит ничего не сказать. Сразу полезли мысли, что он под хмелем, что его чем-то опоили, что он головой ударился, но нет, он был вполне серьёзен. Сначала я, естественно, относился к этому с настороженностью, думал, что это какое-то очередное родительское испытание, но потом всё сильнее начал расслабляться. Мы стали

больше разговаривать и что-то обсуждать. У нас оказалось очень даже много общего. Наверное, в те дни я впервые увидел, как он искренне улыбается мне... И так прошла неделя. Он... Я стал замечать, что он как-то сильно похудел, с каждым днём всё меньше и меньше двигался, пару раз он даже на моих глазах сознание терял. В конце концов, когда он стал совсем плох, мне рассказали, что его старая рана дала о себе знать и какое-то осложнение на органы пошло, я уже точно не помню. Но, в общем и чистом — оставалось ему не долго. И узнал он об этом задолго до меня. Поэтому-то он так себя и вёл. Но дело было не в этом. Понимаешь, он решил провести эти дни со мной! Свои последние дни. Чтобы мы пообщались и я просто понял, как он ко мне относится. Что он любит меня, понимаешь? Я помню наш последний разговор... Он тогда уже с трудом соображал, но что-то отвечать мне мог. Особо нам говорить было, признаться честно, было не о чем, но, даже пребывая большую часть времени в молчании, мы умудрились просидеть так почти два часа, пока меня не вывели. Но, знаешь, что самое главное он мне сказал? Он сказал мне: «Я за тебя не волнуюсь. Просто будь счастлив».

Зависла тяжёлая тишина.

— И-И что дальше? — Наконец-то неуверенно вымолвил Бальтазар.

— А что дальше? Он умер. На следующий день, в пять утра. Я не плакал тогда. Я откровенно говоря, чувствовал себя как-то... странно. Будто случилось то, к чему я был уже внутренне готов. Будто отец отдал мне всё, что должен был, и ушёл, понимаешь?

Бальтазар, опустив глаза, тихо улыбнулся и кивнул.

— Ты отец совершенно не хуже него, должен тебе сказать.

— Ну, я... — Зигмунд смущённо усмехнулся. Спасибо тебе, конечно, но, Бальтазар, я немного не об этом.

Принц вновь наострил уши.

— Я про то, что люди, которые нам кажутся одними, на деле могут оказаться совсем другими. Намного лучше, чем мы думаем.

Бальтазар состроил очень говорящую мину.

— И да, я сейчас про твоего отца.

Бальтазар будто бы захотел что-то сказать в ответ, но в последний момент одумался.

— Чего ты?

— Н-Ничего, я пойду...

— Ну, скажи!

— Я ничего не хотел сказать.

— Бальтазар, клянусь тебе, не буду сердиться.

Юноша ещё секунду колебался, а потом ответил:

— Зиг, я не злюсь на отца, вот вообще. Я к нему, сказать честно... Я даже не знаю... Вообще никак не отношусь. Вроде он у меня есть, а вроде и нет... Он как, если понимаешь, декоративная посуда: она есть, но по назначению вряд ли когда-нибудь будет использована...

Бальтазар неловко замолчал и не сказал на этот счёт более ни слова.

"Я, сказать честно, думаю, что тоже не буду плакать после его смерти, только по другой причине"

***

Бальтазар лёгким толчком отворил дверь, откуда слышался душевный разговор его

наставника с Жолдыз. Как и любой родитель, Зигмунд был склонен рассказывать предполагаемой пассии своего чада почти все ловкие и неловкие моменты из жизни последнего. А если учесть то, что к тому моменту Бальтазар с Зигмундом были знакомы уже почти пятнадцать лет — таких моментов скопилось не мало. Как только дверь полностью отварила, сидевший на плече принца Гор издал короткий клич, чем привлёк внимание всё это время мирно сидевших за столом и беседовавших чародея и девушки.

— Ах, а вот и он! — Всплеснул руками Зигмунд, на лице которого так и читалось: «Лёгкок на помине!»

Бальтазар, глядя в сторону, невольно поджал губы и слегка покраснел.

— Всё взял, пошли. — Торопливо прошептал юноша, подойдя к Звёздочке и несколько раз дёрнув её за плечо.

— Слушай, а ты и впрямь..? — С улыбкой начала девушка.

— Идём, идём, всё... — Всё так же тихо выдохнул Бальтазар, ведя за собой свою подругу и всё больше и больше вжимая голову в плечи. Юношу до жути смущали подобные моменты, и именно поэтому он старался как можно меньше оставлять Звёздочку с Зигмундом наедине. Бальтазар, конечно, понимал, что наставник это делает далеко не со зла, да и сама его знакомая была не особо против узнать о своём друге что-то новое, но разглашение столь личной информации пусть и далеко не постороннему человеку заставляло Бальтазара при каждом подобном случае краснеть всё больше и больше.

Ну, да ладно. Сейчас они в мастерской, где нет назойливого языка Зигмунда. Надо работать. Особенная страсть к работе у молодого человека проснулась сразу после побега из пехоты, куда заботливые родители его отправили, чтобы суровые военные реалии окончательно вытрясли из головы их чада все эти нелепые мысли о его бесполезных машинах. Скрываясь в чаще леса, Бальтазар думал лишь о том, как вновь усядется за свой горячо любимый стол в доме Зигмунда и займётся любимым делом. В самых же заоблачных мечтах — займётся им под восхищённым взглядом Звёздочки, прямо как сейчас. Она вообще была очень ценным другом, поскольку могла не только смотреть, но и кое-где заставить. В частности она наконец-то заставила юного принца предъявить на суд общественности хотя бы часть своих изобретений, которые могли бы пригодиться кому-нибудь в хозяйстве. Сколько домов, деревень, магазинов и всеразличных забегаловок они за прошлую неделю — даже не сосчитать. И хоть почти всегда действие заканчивалось тем, что ещё пять минут назад нывший о ленивых и непродуктивных работниках хозяин начинал судорожно креститься и требовать немедленно унести эту «чертовщину», а ещё недавно говоривший в беседе со своим товарищем о том, какой у них тяжкий и неблагодарный труд, который не помешало бы хоть чем-то облегчить, подчинённый начинал орать о том, что у него отнимают работу — они особо не отчаивались. Всё когда-нибудь придёт. По крайней мере, на это хочется надеяться.

Принц, с крайне деловым видом, свалил на и без того захламлённый стол кучу чертежей, принесённых им с верхних этажей, и продолжил возиться с неким «резервом», предназначение которого сам же Бальтазар предпочитал не объяснять, так как это бы вылилось в один длинный и муторный рассказ. Да и сама Жолдыз старалась не вдаваться в подробности, ведь, как сказал ей сам Бальтазар, это всё будет сюрприз, и лишние расспросы его только испортят.

Хоть они и знали друг друга к тому моменту уже три года, но, вопреки мыслям многих, их отношения и не думали перерастать во что-то большее. Это были друзья. Но друзья

настоящие. Истинные. Которые стали таковыми практически без какой-либо причины. Произошло это немо и даже как-то незаметно, будто они случайно встретились на улице, после чего стали видеться невольно каждый день, и вот уже через месяц один мог без всякого приглашения заявиться другому в гости, и последний был бы безмерно рад. История и атмосфера их первой встречи казалась им теперь чем-то далёким и чужим, будто теперь они видят друг перед другом совершенно другого человека. Возможно, так бывает всегда, при более длительном общении с людьми.

За время их знакомства Бальтазар, учитывая достаточно экзотическую внешность его подруги, не раз интересовался у Звёздочки об истории её происхождения. Та, на удивление, рассказывала о ней достаточно легко, пусть история эта и не могла похвастаться своей радужностью.

Родилась она в закрытой общине, где, как водится, все друг друга знают ещё с седьмого колена, и век живут мыслями и действиями пра-прадедов. Мать Жолдыз умерла в родах, рожая на свет единственную дочь, и, по совместительству, единственного ребёнка в семье. Отец после этого хоть и женился ещё несколько раз, но никаких плодов это так и не принесло. Лишь один раз у Звёздочки намечались два младших братика, но оба они в итоге оказались мертворождёнными. Только после этого отец полностью оставил попытки заиметь хотя бы одного сына и полностью сосредоточился на поиске достойной партии для дочери. И нашёл. Хиловатого мужчину, бывшего почти в три раза старше его потенциальной невесты. Нет, ну, а что тут такого? Зато он за трудолюбивую красавицу Жолдыз отдал целых пятнадцать коров и шестерых козлят, а это считалось целым состоянием. Пятнадцатилетняя девушка на это никак не среагировала в то время. Это казалось чем-то, конечно, не слишком приятным, но от этого не менее неизбежным.

В сей драме наступил перелом с приходом тётки — сестры отца, которую он за глаза жутко недолюбливал. Оно и понятно — не замужем, в семнадцать лет смоталась в большой город, где теперь работает какой-то актрисой. А если учесть то, что представителей этой профессии у них на родине приравнивалась чуть ли не к блудницам, то было совсем не удивительно то, что отец относился к своей ближайшей родственнице как к бородавке, ни с того, ни с сего вскочившей на лице и всецело приковывавшей к себе всеобщее внимание.

Постоянно весёлая и не скованная тётка сразу привлекла внимание молодой девушки. Тем более женщина совершенно не гнушалась за семейным ужином сделать племяннице пару лестных комплиментов по типу: «Ах, какая талия у нашей соловушки! Какое личико! Не девочка, а куколка!». Главу семейства это, разумеется, совершенно не устраивало, и подобные выходки тётки всё чаще и чаще заканчивались тем, что отец чуть ли не с криком выгонял её из комнаты. А меж тем женщина всё продолжала соблазнять думы племянницы красочными рассказами о жизни в городе, и уговаривать вместе с этим родителем девочки отпустить его чадо хоть на пару дней. Дескать: «Всё равно на всю жизнь единственного ребёнка в четыре стены упрячете! Дай хоть мир посмотрит одним глазком!». Долго отец не сгибался под гнётом неумолкаемого рта сестры, но всё-таки согласился.

Вот и привезли Жолдыз сюда, в самое сердце обширного королевства. В коллективе девушку приняли очень радушно, но Звёздочке это мало чем помогало. Одна, в незнакомой обстановке, окружённая совершенно незнакомыми людьми — она чувствовала себя загнанным в угол зверьком, отдавшим бы всё на свете, чтобы просто исчезнуть. Но время шло. Всё чаще и чаще наблюдая за тёткой и её друзьями на репетициях, маленькая звёздочка начинала потихоньку подниматься и расцветать. И в один день она решила: я хочу также.

После того, как подружка рассказала ему всё это, Бальтазар стал ощущать в себе некое странное чувство избранности. Просто ему льстил тот факт, что человек, принадлежавший к совершенно другой культуре, считает его достойным внимания и дружбы. А если учесть ещё и то, что тётя Жолдыз, единственная опора и стена девушки, скончалась от холеры за месяц до знакомства молодых людей, то к Бальтазару и вовсе иной раз приходило ощущение того, что его назначило на пост защитника этой девушки нечто свыше.

— Как семья поживает? — Попыталась начать разговор Звёздочка.

— А как поживает? — Со вздохом ответил Бальтазар. — Всё по-старому. Недавно, сама знаешь, день рождения у одного из мелких справляли. Ещё раньше, я тебе не говорил, у нас там ходили слухи, что Сплинтер одной из свих временных пассий... — Бальтазар, видимо стесняясь прямого ответа, начал очерчивать рукой полукруг около живота. — В общем, кое-кого в живот подселил.

— И чем всё кончилось? — С некой даже долей ужаса вымолвила Жолдыз.

— Да ничем в общем-то. Не знаю точно, но это всё, вроде как, просто слухи оказались. Да ты не волнуйся так сильно, подобное уже раз десять на моей памяти бывало — всегда либо сочиняет девчонка, либо сроки не сходились, то есть не от наших твердолобов ребёнок был.

Девушка нервно выдохнула.

— И ваши родители ничего, выговор им не делают?

— Делают, делают, но чего толку-то? По двадцать два года упырям, воспитывать уже поздно..!

Бальтазар прервался на полуслове. На рабочем столе резко блеснула белым светом яркая искра, и парень, шипя от боли, вцепился в пальцы на правой руке.

— Да ты что?! — Перепугавшаяся Звёздочка слетела с места и подбежала к своему другу. Сложившись пополам и кусая губу, юноша сжимал обожженное место на пальцах, которые уже успели покрыться тёмными венами из-за столь часто прокатывающегося по ним разряда тока.

— Что делать? Зигмунда звать?!

Бальтазар, дыша через зубы, покачал головой и кивнул куда-то под стол.

— Там...

— Что?

— Т-Там! — Пересилив себя, юноша резким движением пострадавшей руки ткнул пальцем в темноту, после чего вновь вцепился в ладонь и издал приглушенный стон.

Под столом находилась полка, на которой лежала небольшая «аптечка». Она тут же была вскрыта, и через секунду Бальтазару уже обмазывали пальцы какой-то зловонной мазью, после чего был наложен в пять слоёв бинт.

— Да что ж ты так торопишься? Без пальцев же останешься.

— Не могу не торопиться.

— Почему? У меня терпение хорошее.

— Увидишь. Ты много того, что вышло из-под моей руки уже повидал, но это... Это, дорогая моя, впечатлил тебя больше всего!

С этими словами Бальтазар вновь плюхнулся на стул и продолжил работу. Чуть-чуть постояв по правое плечо от юноши, Звёздочка, шмыгнув носом, вновь уж было направилась к своей табуретке, но в последний момент её окликнули.

— Всё! — Бальтазар одним движением сорвал с руки перчатку (вторая куда-то

завалилась недели две назад) и победоносно швырнул её на пол. — Я доделал!

Звёздочка резко развернулась.

— Уверен? Может, проверишь?

Но Бальтазар её уже не слушал. Схватив со стола свежевыполненную работу, принц пылающими глазами подхватил девушку под руку и потащил к дальней двери, ведущей в кладовую, попутно что-то самозабвенно щебеча на каком-то ему одному понятном языке.

— Закрой глаза! — Пусть и не сразу, но недоумевающая Жолдыз выполнила то, о чём её просили.

Послышался стук плеча об ни в какую не хотевшую открываться дверь, недовольное бормотание, и, наконец, звонкий «щёлк» пластмассового выключателя, от движения которого в маленькой комнатке тут же зажёгся свет, сумевший прорезаться даже через закрытые веки.

— Открывай! — Чуть ли не пища от предвкушения проговорил Бальтазар. Звёздочка открыла глаза. Последние сначала прищурились, потом расширились настолько, насколько это было вообще возможно и брови над ними слегка сдвинулись к середине лба, образовав на нём складки.

— Это ещё что такое? — Одними губами прошелестела девушка.

В небольшом помещении, заваленном коробками, к невысокому потолку за несколько крепких тросов был подвешен какой-то непонятный агрегат, оснащенный двумя массивными колесами, и чем-то отдаленно напоминающий велосипед, на котором Бальтазар пробовал научить Жолдыз кататься.

— Я ещё сам не знаю. — Брякнул из-под этого чуда современной техники Бальтазар, прилаживая недостающую деталь. — Ну, точнее, знаю, конечно, но я его ещё никак не назвал.

Окончательно dokonчив дело, Бальтазар облегчённо выдохнул, снял с лица специальные очки, оставившие у него на лице уже в который раз красную борозду, и посмотрел на искушенного зрителя.

— Есть варианты?

Жолдыз с секунду стояла в ступоре, будто не понимая, что от неё хотят.

— А-А он-но вообще что делает?

— Оно? Едет. Едет причём без педалей и лошадей, на чистом электричестве. В общем, сама всё увидишь.

Жолдыз призадумалась.

— Может... Может, самокат? Или... Нет, не так, самоезд?

— Ты ещё самогон скажи. — Усмехнулся Бальтазар, спуская машину на землю. Зигмунда можешь, пожалуйста, позвать? Скажи, на улицу надо вот это вот выкатить.

Через полчаса гордый наездник железного зверя принц Бальтазар восседал в новеньком «седле» со Звёздочкой за спиной. Мотор заведён. Грозная машина издала угрожающий рокот, будто собираясь вступить со своим наездником в негласный бой, и через секунду сорвалась с места. Да так резко, что Жолдыз чуть не рухнула назад, но всё-таки девушка смогла удержаться. Испугавшийся этого Зигмунд на рефлексах рванулся вперёд, желая будто бы при случае поймать незадачливую всадницу, но увидев, что всё обошлось, облегчённо вздохнул и, встав на прежнее место, молча провожал молодых людей в их поездку. Те, в свою очередь, сделали перед мужчиной эффектный разворот, подняв в воздух облако пыли, и устремились в даль, сопровождаемые кличем летевшего над ними Гора. Он проследует с

ними не слишком долго, всего пару километров, после чего, вновь отдав вниз звонкий клич, развернётся и полетит назад. А Бальтазар с Жолдыз поедут вперёд.

Прохладный ветер дул в лицо, окатывая кожу роем мурашек, вокруг проносились неведомые пейзажи, которые будто бы сейчас приобрели совершенно иной вид. Где-то за спиной виднелись прощальные лучи заходящего солнца, отдающего свой пост ночи, которая уже выстраивала на тёмной половине неба своих звёздных часовых.

— Нравится? — Крикнул Бальтазар, силясь переглушить рев мотора и свист ветра.

— Ага! — Тут же ответила Звёздочка, не переставая с широкой улыбкой рассматривать всё вокруг. — Будто сейчас полетим!

Бальтазар тихо усмехнулся.

— А мы не абы куда едем! Сюрприз для тебя приготовил?

— Да? И какой же?

— Доедем — сразу поймешь.

И они поехали дальше. Вот уже неопределённого цвета светлое марево почти скрылось за темными лесами, колеса стали подпрыгивать на скалистой земле. Они поднимались в горы.

Всё меньше и меньше становилось вокруг растительности, лишь мелкая, полуживая трава кое-где пробивалась из-под камней. Склон становился всё круче и круче. В какой-то момент Жолдыз и вовсе стало становиться страшно, но признаться в этом было стыдно. А ведь машина и не думала сбавлять ход.

Под тёплую шерстяную накидку, которую спутник девушки посоветовал ей надеть перед выездом, начал пробиваться холод. И он был совершенно не такой, какой бывает в ночных горах.

Всё выше, выше, и выше — и вот, преодолев ещё пару неудобных поворотов, они оказались на самом верху.

— Смотр-ри! — Гордо воскликнул принц, приглушив мотор.

Жолдыз вытянулась вперёд, пригляделась, и ахнула. Через темные облака пробивалось засыпанное снегом горное плато, изгибавшееся меж двух пик. Бесконечное темное небо, засыпанное блестящими во мраке звёздами всех цветов и форм, огибало устремляющиеся в бесконечность горные шпильки. Нетронутая, фантастическая красота, а вокруг всего этого тишина.

Но умиротворение было не долгим — совершенно случайно Бальтазара перевесило в бок, агрегат сорвался с места и под крики его наездников покатился вниз. Бальтазар, вытянув ноги вперёд, со вставшим в горло комом судорожно метался меж шнуром, заводящим мотор, и мелкими щелями в веере вылетающего из-под колёс снега, через которые виднелись нередкие препятствия, едва ли не приводившие чудо-машину к падению с крутого ледника. Жолдыз, мёртвой хваткой вцепившись в Бальтазара, потеряла дар речи от страха и начинала лишь неразборчиво пищать что-то при виде каждого камня или ледяного выступа, столкновение с которым тут же прерывалось резким разворотом руля. Наконец, заглохшая машина вновь издала грозный рык и, уже подвластная своему всаднику, скатилась вниз и рывком остановилась у подножия утёса, скинув и Бальтазара, и Жолдыз в снег. С секунду девушка лежала в холодной гуще замерзшей воды, после чего, опираясь на дрожащие руки, начала приподниматься и тут же получила снежком прямо по лицу. Опомнившись, девушка вскочила на ноги, и горящими адским пламенем глазами в два прыжка оказалась прямо перед нервно смеющимся Бальтазаром.

— Да ты! Он ещё и смеётся! Да я тебя на куски порву! — Эхом разносился в горной тишине крик Звёздочки, повалившей в эту же секунду принца в сугроб. — Да я тебя закопаю! Слышишь?! Прямо здесь! Ни стыда, ни совести, чёрт бы тебя съел!

Началась возня. После того, как юноша с девушкой вдоволь насмеялись, нападались и с головой засыпали друг друга снегом, они, уставшие, раскрасневшиеся, но до одури счастливые, повалились на спину. Вновь воцарилась первозданная тишина.

Бальтазар, пребывая в трансе, молча смотрел, как лёгкая струйка пара, выходящая изо рта, плавно растворяется на фоне гущи звёзд в чёрном небе. Сотни, тысячи, миллиарды — они, будто первозданные творцы, немо смотрели на них, маленьких букашек, пребывающих в этом храме вечности, до которого ещё не коснулась земная суета, предрассудки и прочее временное и навязанное. Здесь витал дух истины. Того, что не сможет описать ни один язык. Это надо почувствовать. И Бальтазар чувствовал. Это было то самое ощущение, которое души людей приносят с собой после рождения, выходя в материальный мир из вечности, и которое потом, словно эхо, изредка навещает человечество во снах. Его пытались описать тысячи поэтов, философов, деятелей науки, и мало у кого это выходило.

— А знаешь что?

Бальтазар на секунду отвлёкся и вопросительно хмыкнул.

— У нас в народе считается, что... Видишь во-о-он ту цепочку звёзд?

Принц ответил не сразу.

— Видишь? — Жолдыз пододвинулась ближе и указала на небо.

— Да вижу, вижу, и что там?

— Наш народ кочевой, поэтому мы строили дома, которые легко собираются и разбираются. Каркас нашего дома состоит из жестких деревянных прутьев, которые скрепляются под потолком. Такое крепление называется "шарш", понимаешь?

— Шар-рш. — Задумчиво протянул Бальтазар, будто пробуя это слово на вкус. — Понятно.

— Так вот, говорят, что таких звёздных цепочек на нашем небе и во вселенной великое множество, и вместе они тоже образуют свой "шарш", благодаря которому всё и держится. — Жолдыз задрала голову, поглядев на темную макушку своего слушателя. — Понимаешь? Мы все — одна конструкция, закреплённая в одном месте.

Бальтазар слушал, осознавал, и всё не переставал смотреть вверх. Смотря на бескрайнюю красоту неба, играющую во мраке ночи свою слышимую лишь чистым сердцем музыку. Невольно становилось страшно. Страшно из-за того, что это маленькое плато сейчас возьмёт, перевернётся и ты улетишь прямо в эту вечность. И будешь там падать, падать, падать и падать. И конца не будет твоему падению в первородную черноту.

— Моторолл.

У Жолдыз что-то сжалось на секунду внутри от неожиданности. Девушка приподнялась на локте. Голова слегка закружилась от долгого лежания на спине.

— Что, прости?

— Вот это вот, — Бальтазар, не отрываясь от созерцания звёзд, указал большим пальцем на стоявший позади них агрегат. — Назову Мотороллом.

Глава 14. Семья

Длинный и худой лев Люис уныло глядел близорукими глазами на размытую картину ледяной тундры, столь родной и привычной. Он всегда был таким: немым, немного тугоумным, но на это были свои причины. Люис по своей натуре был очень мечтательной и даже философской личностью. Быть может, родился он человеком, он бы стал очень известен благодаря своим глубокомысленным письменным работам, побуждавшим остальных вдумываться и наслаждаться самими, казалось бы, незначительными вещами.

Вдруг что-то легко ткнуло льва в бок. Это была слепая Сильва, которая, наклонив морду с двумя похожими на стеклянные шарики глазами в сторону, смотрела на возлюбленного с её всегдашней нежной и немного грустной улыбкой. Хотя она и была лишена возможности наслаждаться красотами этого мира, но решила для себя раз и навсегда, что если этот мир и впрямь настолько великолепен, то она лучше будет улыбаться ему, чем будет вечно сетовать на свою несчастную судьбу. Она надеялась, что таким образом мир станет ещё красивее, и все вокруг, заметив это, наконец-то начнут наслаждаться тем неосязаемым для них богатством, что у них есть.

— Брату стало хуже? — Поднял уши лев. Сильва покачала серебристой головой.

— Напротив. Жар спал, скоро и на ноги подняться сможет.

— Это хорошо. — Облегчённо выдохнул Люис, а про себя ещё добавил: — А то когда он болен — настроение у него ещё хуже.

Медленным шагом львица приблизилась к Люису и плавно опустилась на каменный пол, покрытый тонким слоем льда, после чего устремила взор стеклянных глаз в пустоту. Очнувшись от уж было начавшего вновь его опутывать транса Люис мимолётно взглянул на собеседницу и тут же, спохватившись, посмотрел вперёд и начал перечислять всё видимое им:

— Снег. Много снега. Всё белым-бело. Пространство уходит далеко-далеко в даль, соприкасается с чёрным небом. На нём цветные огни. Они медленно танцуют, меняя свой цвет.

А Сильва всё слушала и слушала, не меняя выражения морды. И видно было, что в ней происходит какая-то метаморфоза, будто из ничего, из полной пустоты в её голове прямо сейчас и рождается всё это в ведомой лишь одной ей форме, и она безмолвно наслаждается этим божественным видом.

Сказать честно, Сильва уже давно не просит более своего друга это делать. Лишь несколько раз она попросила Люиса: «Расскажи мне о том, что ты видишь, а я попытаюсь представить», но он с тех пор начал делать это постоянно, стоило только серебристой львице оказаться рядом с ним близ этого большого пролома в стене высокой башни, принадлежавшей старинному, покинутому замку, в котором ныне проживает весь их прайд. Это была их традиция.

— Г... Горы. — Всё продолжал перечислять Люис, уже поддавшись вперёд и прищурив глаза. После травмы головы исполнять свои негласные обязанности перед Сильвой стало определённо сложнее. — 3-Звёзды ещё, кажется... И...

— Лорд!!!

— Ло... Что?! — Люис аж подскочил на месте и начал судорожно озираться по сторонам. Наконец, утихомирившись, лев посмотрел в одно место и разглядел

приближающуюся к дворцу тёмную точку, очертания которой вырисовывались всё отчётливее и отчётливее с каждым метром, что преодолевал одним рывком этот неизвестный.

— Лорд! Лорд вернулся! Жив! Здоров! Да как возмужал! — Послышалось отовсюду радостное рычание, под которое многие львы сбегались на «главную площадь», что представляла из себя большую прямоугольную каменную плиту перед дворцом, чтобы поглядеть своими глазами на возвратившегося короля.

Осознав, что это совершенно не сон, не шутка, и не галлюцинация, Люис с криком «Бежим, скорее!» рванулся назад, к лестнице. Дезориентированная Сильва металась на месте, словно потерявшийся ребёнок, из-за чего Люису всё-таки пришлось повернуться и ускоренным шагом сопроводить свою спутницу к ступеням.

— Где?! Где он?! — Всё отчётливее слышался снизу грозный рёв разъярённого старшего брата. У Люиса внутри всё сжалось. Мысленно он умолял всё всевышнее, чтобы не случилось то, что столько времени приходило ему лишь в кошмарных снах, но Сатурн был настроен решительно. Больной, и из-за того ещё более, чем раньше, озлобленный косматый лев, скаля зубы, плёлся по коридору, сопровождаемый сотнями взглядов его соотечественников. Рядом с ним, точно муха вокруг недостижимой ложки с вареньем, вертелась его супруга Симма, умоляющая своего благоверного тоненьким и слащавым голоском просто пойти вновь в свои покои, отлежаться, и потом, в спокойной обстановке, без всяких эмоций, всё обсудить. Уже когда они выбрались наружу, поджимая уши, Симма предприняла последнюю отчаянную попытку и встала прямо перед Сатурном молящим голосом щебеча что-то уже совсем неразборчивое, на что грозный зверь лишь ещё пуще рассвирепел и уж было занёс лапу для удара, но его отвлек грозный рык со стороны. Лорд вернулся домой.

— Ну, что? Что, припёрся наконец-то? — Каким-то нетрезвым голосом выкрикнул Сатурн. — Наотдыхался у людишек?

— Более чем. — Снисходительно процедил почти про себя Лорд, глядя с высоко поднятой головой на это хворое, хромающее создание. — Слышал, ты тоже не терял времени, находясь в статусе моего регента?

— Короля, мой друг, короля! — Вновь гортанно взревел Сатурн, после чего издал натушный, булькающий смех. — Ты же умер, верно? Все так думали, все! — Он опять рассмеялся. — И я им лишь помогал в это уверовать!

— «Помог им уверовать», значит? — С легкой усмешкой в голосе проговорил Лорд, после чего выпрямился в полный рост и выкрикнул: — вы узрели истинный облик своего правителя! Доверитесь ли вы ему теперь?

— Молчи! — Больной лев вновь повернулся в сторону соперника. — Вы только на него посмотрите! Почти двенадцать лет в рабстве просидел, и нет — совсем свежим да пригожим вернулся! Да он там, видать, в доброй дружбе всё это время с теми двуногими обезьянами в сытости и тепле провалялся, а как только наскучило — домой вернулся. Вон, даже одну из них с собой притащил! Видать, слуг с пол сотни человеческих иметь понравилось, вот и решил с собой одного захватить!

Все львы, как один, устремили взгляды на Агния. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с непониманием, кто-то с отвращением, а бедный мальчик под всеобщий шепот лишь сильнее и сильнее вжимался в короля, силясь исчезнуть в его гриве.

— Если бы, Сатурн, если бы. — Отвечал Лорд. — Я был безвольным рабом.

заставлявшим с утра до ночи двигаться жестяную машину, изрыгающую пламя — одного из чудищ нынешнего человеческого правителя, что казнил всех наших друзей — карахтов.

В толпе послышался ропот взволнованной толпы.

— Их казнили? — Сатурн постарался сказать это столь же невозмутимо, как и раньше, будто и не было у него того секундного ступора, что в одночасье накрыл весь окружавший их прайд.

— Да, на моих глазах. — Лорд скорбно опустил голову. — Всех до единого, на моих глазах. Бальтазар саморучно перерезал горло их предводителю. Меня же в тот же день продали в зажиточный дом, где я недавно и повстречался с моим юным спутником. — Лев заглянул себе за спину. — Он-то и помог мне бежать.

— И легко ли тебе было бежать на жестяных ногах?

Лорд нахмурился из-за всё не умолкавшей дерзости своего бывшего товарища.

— Наше звёздное небо помогло мне, когда я явился под его взор. Люди лишили меня прежних ног, чтобы я не смог этого сделать, и если бы мне не помогли — я бы сейчас перед вами не стоял.

— Како-о-ое огорчение...

— А что насчёт тебя, Сатурн?

— Что ты..?

— Ты сказал, что вы изнываете от голода, но я ведь успел дать тебе часть моей гривы, чтобы вы знали, куда ушла добыча! — Львы стали переглядываться меж собой и, в конце-концов, все устремили неодобрительные взоры на Сатурна. — Или ты использовал её для другой цели?

— Я её потерял! — В голосе Сатурна начало проглядывать волнение.

— Не вздумай мне лгать!

— Где я лгу?!

— Все знают, насколько ты самолюбив, и как хочешь потомства! Я даже и не удивлюсь, узнав, что небесное благословение ты потратил на безуспешные попытки занять наследника, а пропитание для остальных ты намеревался отыскать своими силами.

— А может быть, Лорд! Не век же на сидеть под твоей защитой! Что мы, и сами без тебя обойтись не можем?

— Ты видишь!

— А сможешь ли ты доказать, что сам сможешь обойтись без кого-либо, и без обоих ног? Я и мой брат против тебя! Здесь и сейчас!

— Помилуй, господин! — Перепуганная Симма встряла перед уже готовым одним рывком наброситься на соперника мужем и заголосила: — Не трать силы зря! Что это за бой, вот так, сразу? Надо подготовиться, чтобы по совести, при соблюдении всех обычаев! Что мы, дикари подобным способом столь важные вопросы решать?

Хоть Сатурн по своей природе и был невероятно вспыльчив, но иной раз влияние супруги оказывало на него воистину гипнотический характер. С минуту лев всё обдумывал. За это время он успел остыть, вернуть здравый рассудок, и в конечном итоге прозвучал такой вердикт:

— Ладно уж, ладно! — Вздохнул Сатурн. — Участникам даётся часовая отсрочка. И, если другая сторона поддерживает выдвинутые мною условия боя... — Больной лев взглянул мельком на Лорда. Тот уверенно кивнул, давая понять, что он со всем согласен. — Отлично! Тогда — сойдёмся же в назначенное время и решим, кто из нас прав.

— Один лишь вопрос, друг мой! — Сатурн, сморщив свою и без этого скисшую под натиском болезни морду, обернулся на Лорда. — Где Калеоппа? Где наши дети? Как всё прошло?

Сатурн на секунду замялся, и, что-то невнятно пробормотав себе под нос, стремительно удалился в глубь замка. Лорд несколько раз окрикнул его и уж было был готов бежать за предателем, но двое львов его остановили. По ним было видно, что делают они это совершенно не со зла, просто так пока что надо... И Лорд это понимал, потому не стал противиться и, скорбно понутив голову, зашагал с Агнием на спине к отдалённым руинам заваленной на бок башни.

— У тебя есть семья? — Наконец-то спросил после минутного молчания Агний.

— Да. — Печально вздохнул Лорд, пребывая в мрачных думах. — Красавица-жена, Калеоппа, и наши дети. Я их не застал. Она была беременна, когда сюда пришла гвардия нового короля, Бальгазара. Они пришли к нам ранним утром и открыли огонь по крепости. Причём стреляли не стрелами, а огнём. Снаряды были очень маленькими, но жалили похуже меча. Много из наших тогда погибло, но я вовремя среагировал и бросился задержать солдат, пока оставшиеся члены прайда укрылись внизу склона, близ моря. Там оно, чуть дальше, за каменным шпилем, около которого наша крепость.

Лорд печально замычал и, прикрыв глаза, уложил голову, украшенную пышной гривой, на лапы. Агний бережно погладил друга по шее, силясь утешить.

— Мы обязательно их найдём, обещаю. Да даже если... — Агний просто не знал, что сказать. — Да даже если он их увёл на край света, Сатурн ответит за это!

Лорд просто добродушно улыбнулся, глядя в пустоту. Он прекрасно понимал всю суть слов мальчика, и был ему, конечно, благодарен за столь любезные порывы, но приободряло его это мало.

— Спасибо тебе, мальчик, но беспокоит меня другое. Понимаешь ли, в моём роду передаётся особый дар, связывающий нашу семью со звёздным небом. Оно дарует нам силу, помогает найти кров и еду, направляет нас в трудную минуту. И моим детям, в чём я не сомневаюсь, это тоже передалось. И я опасаясь, что Сатурн, исчерпав силу моей гривы, переключился на моё потомство, и, или для того, чтобы вновь трагично тратить силу звёзд на себя, либо для того, чтобы исправить то, что он натворил, он начал преждевременно пытаться пробудить в них их связь. А это же вещь очень тонкая, её нельзя торопить. У кого-то это приходит рано, у кого-то поздно. А Сатурн... Ему ничто не преграда! И мне даже страшно представить, чему он мог их подвергнуть...

Агний молчал. Опустив голову, мальчик тихо вздохнул и погрузился в пучину немой задумчивости. Он понял, что никакие слова сейчас не смогут исправить положения. Да и нужно ли это?.. У Лорда впереди бой, там-то всё и решится. Не надо его сейчас отвлекать. Он должен побыть наедине с собой и настроиться, и сейчас самая лучшая помощь — простое, проникновенное молчание.

Тем временем Люис смог улизнуть от брата и спуститься к нижним берегам моря. Сатурн, конечно, дал строгий наказ, чтобы брат сильно не задерживался со своими размышлениями и эмоциональным настроением, и Люис честно пообещал, что будет на месте боя уже через двадцать минут, чтобы обсудить тактику, но полуслепой лев и без этого уже знал, что всё будет по-старому. А хотя... Кто знает? Это же Лорд! Потомок великих вождей их древнего семейства. Но, с другой стороны, если посмотреть на ситуацию под другим углом, это не особо-то меняет дело. Лорд без ног и в замешательстве, а если Сатурн ещё и в

нужный момент вякнет, что он передумал всех львят и супругу короля — то дело на девяносто девять процентов в шляпе. Но если же Калеоппа с юным Альфюмой и отрядом вернутся раньше — тогда им несдобровать. Крупно несдобровать. Может, ему устранить эту неполадку? Куда они пошли он знает, да и сил у него более чем хватит, чтобы взаправду лишить столь внезапно прибывшего короля единственного наследника и супруги уже взаправду. Да и скалистый перевал — лучшее место для подстройки несчастного случая. И... Господи, о чём он думает? Нет, эта жизнь головореза с голодом на пару скоро сведут его с ума...

Люис в подробностях помнил тот день. Шёл второй месяц с того дня, как люди увели Лорда. Сатурн был регентом. Люис, формально, тоже, но в большей степени он выполнял скорее обязанности мальчика на побегушках, чем временного правителя. В тот день был пик волнений в их прайде. Еда ушла, морозы наступали — все требовали ответа у правящей верхушки. За один лишь тот день Люис раз двадцать слышал фразу: «Чему вы верите? Это не поможет!». Речь шла о том злосчастном локоме из гривы Лорда, о котором они с Сатурном разговаривали некоторое время назад. Львы требовали, чтобы Сатурн выпросил у неба знак, чтобы они могли найти оленей и наконец-то насытить их голодные желудки. Сатурн же, как заведённый, отвечал: просил, но не работает. Тогда один из львов, Ореон, вышел вперёд и открыто обвинил временного правителя в предательстве. В тот момент Люис совершенно не понял, что на него нашло... Он стал остервенело кричать на старого друга, с которым они ещё в далёком детстве неразлучно ходили по этим горам с Сатурном и Лордом, и, не найдя в конце-концов больше аргументов, просто бросился с возвышения на Ореона, растопырив когти. В Люиса в те секунды будто бы демон вселился... Он так устал от всей этой моральной давки, так устал, что на него смотрят свысока, так ему хотелось хоть один раз почувствовать себя не блеклой тенью, а грозным, твёрдо стоящим на лапах повелителем. И вот, все эти тёмные желания, разраставшиеся, словно огромный снежный ком, в самых тёмных, даже своему хозяину не известных, уголках сознания Люиса в один момент вырвались наружу. Да так резко, что даже сам ныне полуслепой лев не смог сразу определить, что с ним тогда произошло. И это жуткое наваждение продолжалось до тех пор, пока уши не пронзил глухой хруст. Люиса будто бы палкой по спине огрели. Лев взглянул на секунду назад поваленного им на спину соперника. Его голова, с ничего уже не выражавшими глазами, была повернута вбок и приподнята мордой вверх. Ещё секунда, длившаяся как минута, потребовалась Люису, чтобы он смог осознать, что перед ним лежит труп. Лев фыркнул и как ошпаренный рванулся назад, яростно хлыща себя по бокам хвостом. Секундный шок утих. Люис стоял на месте. И ничего. Он ничего не ощущал. До не могло это дойти: как? Это и есть смерть? Нет! Вон, вон же, смотрит, лежит, вроде как нормально! Ну, не может это выглядеть именно так...

Всю неделю после этого Люис ходил в безмолвном трансе, чего не скажешь о Сатурне, который и нанёс тот самый решающий удар, оборвавший жизнь бедняги Ореона. Условный вожак вел себя, как ни в чём не бывало. Естественно, у него была цель. Он показал, что будет с неверными. Он знал, на что идёт, он сам тому вина, это всё произошло умышленно и он сам же чувствовал, как жизнь его некогда собрата вытекает из-под его зубов, сомкнувшихся на шее Ореона и переломивших её. А Люис... В голове был сплошной белый шум, больше ничего.

Если быть честным, то Сатурн воспользовался отданным ему локоном. И да, в своих целях. Он всё сделал, как надо: дожидаясь чистого неба, клал локон под лунный свет и

начинал просить, но не пропитания для своего народа, а то, что упоминал недавно Лорд — наследника. Молил он долго. Молил упорно и чуть ли не со слезами, но всё было без толку. Именно поэтому, когда оставленная беременной Калеоппа разродилась дюжиной здоровых львят, приходившимися детьми вечного негласного соперника Сатурна, он просто набросился на весь слепой выводок и начал с диким неистовством рвать их всех на части. Люис тогда просто впал в ступор, настолько резко это произошло. Он помнил разве что вой пребывающей в первобытном ужасе Калеоппы, изо всех сил пытающейся спасти хотя бы нескольких своих малышей от лап и зубов обезумевшего льва, и холод в лапах. Это был просто какой-то кошмарный сон...

Как только первые крупницы рассудка смогли сцепиться друг с другом, Люис, не помня себя, рванулся вперёд, вцепился в затылок брата, прокусил толстую шкуру до крови и с силой рванул Сатурна в сторону, что тот аж повалился на пол. Лев с окровавленной мордой яростно взревел, размахнулся и огрел Люиса лапой по черепу. В голове в тот момент будто лопнул толстый канат. В глазах побелело, уши заложило, Люис в полном беспомоществе встал на месте. Как он узнал после, несколько львов подоспели в тот момент и смогли с силой отогнать Сатурна от Калеоппы, чтобы та смогла скрыться. В тот день из двенадцати львят выжил только один. Мальчик, который после будет наречён Альфюмой.

Когда Сатурн окончательно пришёл в себя он, разумеется, смог догадаться, что этого мальчика ему убивать не выгодно по крайней мере по той причине, что его, Сатурна, заветное желание так и не сбылось, а сила локона из гривы отца маленького льва уже почти исчерпана. Да и поклонение львов нельзя было долго удерживать лишь на их ужасе от тех хладнокровных расправ, что без лишнего шума и упорств чинили они с Люисом. Надо было всегда иметь при себе того, за чей счёт Сатурн мог бы всеми помыкать. Так что и в этом Лорд был прав: брат Люиса и впрямь неоднократно пытался преждевременно пробудить дар Альфюмы. Выставлял его ещё совсем маленьким на мороз и заставлял часами смотреть на звёзды, сажал под лунный свет, пытался запугивать — ничего. В частности Сатурн во многом винил Калеоппу, которой регулярно удавалось вырваться из-под стражи и прервать мучения сына. В конце-концов они с ней, однако, смогли договориться о том, что все эти «попытки» будут продолжаться, но исключительно в её присутствии и под её надзором. Она, к слову, сумела ещё и как-то убедить Сатурна в том, что существуют некие места, в которых особенно сильно сконцентрирована особая энергия, помогающая пробудить небесный дар молодым львам, хотя и он, и жена брата, Симма, совершенно невзирая на то, что королеву с принцем в таких походах сопровождают трое верных Сатурну львов, более чем уверены, что все это полная брехня, направленная исключительно на разведку путей побега.

Конкретно сейчас они, как раз, на очередном променаде. Там, в каменном ущелье, на другой стороне уже высохшего давным-давно моря. Когда-то это, наверное, был большой, радующий глаз водоём, в котором по ночам отражалось небо и сама бесконечность, но сейчас конкретно здесь нету ровным счётом ничего, кроме грязи, талого снега, и каменных фундаментов, ещё проглядывающихся на тёмном фоне. Да, моря тут не было уже давно, но местность эта не пустовала. Здесь было поселение людей, звавшихся карахтами. Жили они мирно, часто праздники со множеством кушаний устраивали, с ними, с соседями, вкусами неоднократно делились... Люис хорошо знал одну из них. В его самых далёких, самых первых воспоминаниях хорошо сохранился образ темноволосой девочки с длинной-предлинной косой. Она часто выбегала поиграть со сверстниками на заснеженную равнину, к ним в эти моменты часто присоединялись и маленькие львята. Люис был в своей юности

очень застенчивым, не любил больших столпотворений и командных игр, как, судя по всему, и она. Так они и сдружились, и пусть дружба эта продлилась не долго, Люису безгранично дороги эти воспоминания. Насколько он знал, когда она выросла — отец подыскал ей достойного жениха, вот только прямо накануне свадьбы тётя девушки выкрала её из дома и увезла далеко-далеко. Где там она сейчас... Жива ли? Здорова? Странно ощущать, что когда-то столь дорогое для тебя существо, с которым вы, казалось бы, чувствуете связь практически на расстоянии, просто растворяется в тёмной пучине мироздания.

— Ну, чего стоишь? — Прямо в затылок Люису прилетел смачный толчок, отчего лев вздрогнул и резко обернулся. Сатурн закашлялся и, бросив на брата презрительный взгляд, прошипел сквозь зубы: — Зовёшь-зовёшь этого цветочка юродивого — а он в облаках опять летает.

— Т-Так что там? — Придя в себя пролепетал Люис.

— Что-что... Как всегда будем подходить? Или мне тебя заменить на этот раз в качестве нападающего? Хотя, нет... Прوماхнёшься ведь, с твоими-то моргалами! — Морда Сатурна растянулась в кривой улыбке, обнажившей редкие жёлтые зубы. Люис нахмурился, опустив голову.

— А кто мне эти «моргала» подарил, ты не помнишь?

— Чего? — Бледные глаза Сатурна расширились, и он, с видом, будто его только что огрели чем-то по голове, стал старательно заглядывать брату в глаза, которые тот старательно пытался отвести от больного льва. — Что ты там сказал? Дерзить научился, да? Сидишь там со своей белокурой ласточкой, что она там тебе накурлыкала?

— Не трогай Сильву!

— Да ладно тебе, да у неё же мозгов столько же, сколько зрения в её глазах!

— Замолчи!

— Что ты..?

— Я сказал то, что ты услышал, понятно тебе? Что такое, братец? Что такое? В первый раз отпор дали? Ты на себя посмотри! Ты на облезлую псину похож, королём он решил стать! Без слёз не взглянешь! Да если бы я был твоим ребёнком — я бы ещё в утробе самого себя бы извёл, лишь бы морды твоей не видеть!

В этот момент, казалось, вся вселенская ярость за мгновение сосредоточилась в одном сосуде в виде льва Сатурна. Лев взревел совершенно диким голосом и бросился на брата, оскалив тонкие и острые, словно иглы, зубы.

Страшный звук разлетелся по всей округе. Услышали его и Лорд с Агнием.

— Это Сатурн... — Прошептал практически одними губами король, после чего он сорвался с места и, бросив короткое: «Жди здесь. Это опасно» — на всех парах понёсся к месту потасовки. Но стоило ему сделать лишь несколько рывков вперёд, как что-то увесистое кинулось ему под лапы. Лев свалился на лёд и тут же почувствовал, что одного из протезов нет. Он был в зубах Симмы, которая, поднявшись на лапы, тут же отшвырнула его в сторону и, оскалившись, сделала крайне решительный вид.

— Зачем тебе это?!

— Я знаю этого льва лучше, чем ты! — Прорычала Симма, начав медленно-медленно приближаться к Лорду. Король попытался тоже подняться, но не смог — второй протез тоже почти что отвалился и держался лишь на правых креплениях. — И я не позволю тебе хоть что-то с ним сделать!

С этими словами львица сделала мощный рывок вперёд, но прямо в полёте она вдруг

замерла и неуклюже шлёпнулась на землю. То же произошло и с Агнием, который в последний момент успел уцепиться за хвост нападавшей и предотвратить самое страшное.

Симма вновь грозно зарычала и уже приготовилась растерзать несчастного мальчишку в клочья, но только она успела занести лапу для удара — как её тут же перехватило сразу несколько львов, поваливших одичалую сородича на землю.

А тем временем на самом дне высохшего моря, перемазанные грязью, кровью и талым снегом, Люис с Сатурном яростно рвали друг на друге шкуры. Во все стороны летели клочья шерсти, каждый из братьев то и дело падал в густую кучу темной земли, перемазываясь в ней до черноты. В полумгле раз за разом сверкали перепачканные красным острые ряды зубов и когтей.

Забывшие обо всём братья не смели даже на мгновение оторвать озверелого взгляда друг от друга, и не удивительно, что они не заметили, как из большого скалистого каньона вышла группа львов. Это вернулась королева с принцем.

— Это ещё что? — Молодой лев Альфюма прищурился и взгляделся в даль. Двумя терзающими себя точками на горизонте виднелись Сатурн и Люис.

Калеоппа тоже обратила на них внимание.

— Это же...

Но тут принц сорвался с места и помчался вперёд.

— Альфюма, стой! — В ужасе закричала королева.

— Это мой шанс! — Решительно ответил принц, и, прибавив скорости, понёсся на врага, мысль о кончине которого так долго лелеял.

Львы, сопровождавшие царское семейство, тут же распределились: одни остались сопровождать Калеоппу, чтобы та даже не подумала последовать за сыном, а остальные понеслись на последним в погоню.

После изнурительного боя Сатурн всё-таки смог поймать момент и повалил брата на спину. Зрение, казалось, уже полностью покинуло его.

Тем временем Лорд, находившийся наверху, вновь предпринял попытку встать, и вдруг почувствовал, что его кто-то приподнял.

— Я помогу! — Тут же послышался сзади голос отважного Агния.

Лорд оглянулся. Как оказалось, это слепая Сильва держала его на вису, а мальчик тем временем, подхватив на бегу отвалившийся протез, подбежал к королю и начал дрожащими пальцами пытаться приладить железную лапу обратно.

— Крепи тот, что на правой! — С этими словами чувствующий всем своим существом, как драгоценное время утекает, Лорд тряхнул правой лапой, с еле-как державшейся на ней куче металлолома. Агний тут же спохватился и метнулся к правой, и, после нескольких быстрых движений, соединил воедино несколько креплений. Не успел мальчик даже об этом сообщить, как Лорд сделал прыжок вперёд (настолько сильный и неожиданный, что Сильва с Агнием прижались к земле с перепугу) и стремглав на трёх ногах помчался к высушенному морю.

— Был тряпкой, так тряпкой и сдохни! — Прохрипел сорванным горлом Сатурн, возвысившись на дрожащих ногах над поверженным братом. Люис безмолвно смотрел на расплывчатую, будто он смотрит на всё, что его окружает, через толстый аквариум, силуэт брата.

— Прав был отец — сразу надо быто тебя задушить! В нашем роду безмозглых нету! — С этими словами он победоносно занёс лапу с выпущенными когтями, но тут в ослабленную

конечность вцепились острые зубы. Люис взревел через боль в сорванном до крови больном горле о откатился в сторону. Люис тем временем перевернулся на живот, быстро откашлялся и, приподнявшись, посмотрел в сторону и сразу узнал бледно-лиловый комок, что лежал близ его брата неподалёку.

Альфюма первым вскочил в боевую стойку и, скрипя зубами, уже приготовился добить лжеправителя.

— Что, и ты туда же, щенок? — Проговорил Сатурн, хотя его голос уже больше напоминал какое-то неразборчивое бульканье. — Не гоже на старших так бросаться. Мама тебя не учила?

Принц начал с яростью хлестать себя по бокам хвостом, и, когда оба противника уже были готовы одновременно, не сговариваясь, броситься друг на друга, со стороны послышался яростный рык и уже через секунду меж ними встал Лорд.

— А тебе не стыдно драться с детьми, друг мой?

— Я тебе не друг. — С трудом просипел Сатурн, пытаясь обогнуть соперника, но Лорд раз за разом вновь и вновь вставал на его пути.

Наконец, Сатурн остановился, и, тяжело дыша, устало усмехнулся.

— Так что тебе мешает? — Лорд в ответ прищурился. — Давай! Один на один! Как и договаривались! На равных, понимаешь? — Сатурн коротко кивнул в сторону не до конца закреплённого, и оттого сильно болтавшегося на ноге, протеза Лорда.

Не сказав ни слова, король вцепился зубами в железную ногу и рывком отбросил её в сторону. Все подоспевшие львы ахнули, в том числе и стоявшая неподалёку с сыном Калеоппа, у которой в тот момент все внутри сжалось с такой силой, что она практически не могла дышать.

Все львы, и стоявший в их плотных рядах казавшийся совсем крошечным человеческий мальчик, образовали широкое кольцо. Вот и всё. Момент настал.

Сатурн с практически сидящим на земле Лордом встали друг напротив друга. Как только гул толпы полностью стих, и тишина вокруг установилась такая, что было слышно звон в ушах, Сатурн, будто собрав все свои оставшиеся силы в одну кучу, кинулся вперёд на ненавистного противника, предвкушая долгожданное избавление от него. Лорд не двигался до последней секунды, а потом вдруг резко облокотился на передние лапы и одним молниеносным движением перекинул всё своё тело в бок. Сатурн чисто по инерции пробежал ещё несколько метров и смачно вцепился в каменный выступ, да с такой силой, что с последнего посыпались мелкие камни. Все львы с ужасом посмотрели на больного льва, наблюдая за тем, что же он будет делать дальше. Тот в свою очередь, встряхнув ушибленной головой с ещё большим остервенением без всяких раздумий кинулся на Лорда, но он вновь применил свою незамысловатую тактику и вновь Сатурн оказался сам собою бит. Взбешенный лев с налитыми кровью глазами на каком-то чудом ещё не разожжённым черепе опять бросился в сторону короля и опять пролетел мимо. И так — раз за разом, пока, наконец, обессиленный и чуть ли не по земле волочащийся Сатурн, слизывая с морды на бегу гремячую смесь из крови и пота, не сделал последний, финальный свой рывок на уже, казалось, окончательно сведшего его с ума противника. И именно тогда, находясь в метре от последнего, Сатурн наконец-то получил единственный, точный и самый сильный удар от Лорда.

Измощённый и усталый, Сатурн повалился тяжелым мешком в грязь, и уже не смог подняться.

Пока Лорд выносил приговор изменникам, у Агния было время походить по окрестностям дворца и подумать о своём. Учувствовать в длинном и муторном судебном процессе у него не было никакого желания, мальчик твёрдо решил, что его самое любимое хобби — нахождение в полном одиночестве и тиши — будет самым лучшим способом скоротать время. Так, осмотрев все доступные для его любопытного носа закоулки львиного дворца, Агний вышел к главной придворцовой площади, нарезал по ней несколько кругов, и, в конце-концов, вновь вышел к берегу высушенного моря. Он вдруг вспомнил про то, что привлекло его внимание при первом взгляде на сей унылый пейзаж, но в тот момент было не до того, чтобы рассуждать об этой странной «экспозиции». Как не сложно догадаться, это были погорелые руины какой-то неизвестной деревеньки неподалёку. Хотя им, судя по всему, был уже далеко не один год, от них веяло тем, что в избытке витает обычно над молодыми захоронениями. Это был дух смерти. Десятки или даже сотни голосов изредка слышались в приносимом с той стороны ветре. Агний силился разобрать хоть что-то из этого, но у него не удавалось.

— Ты здесь один? — Со спины подошёл Альфюма. Принц, поглядев с секунду на мальчика, прилёг на край крутого берега.

— И да. — Принц вновь привлёк внимание Агния. — Спасибо тебе, что спас отца. Честное слово, я даже не представляю, сколько бы длилось всё это безумие, устроенное Сатурном, если бы не ты...

Мальчик тихо хмыкнул и пожал плечами.

— Только... Только это не совсем я.

— То есть? — Альфюма пригнул одно ухо.

— Мне помогали. Мне помогла дочь человека, которому когда-то продали твоего отца.

— Продали... — Печально вздохнул принц, на мгновение погрузившись в печальную задумчивость. Агний уж было испугался, что он слишком сильно надавил на крайне болезненное место, но Альфюма тут же продолжил диалог:

— С ним тогда увели всех карахтов. Это была народность людей, с которыми, как я слышал, мы водили дружбу. Меня тогда, просто, ещё не было, так что знаю только по рассказам мамы. Они во-о-он в той деревне жили. Вон там, видишь, развалины стоят?

— Д-Да, вижу. — Подтвердил Мальчик.

— Ну, вот... — Вновь зависла недолгая тишина.

— Ты ведь раб, да?

— Да. — Кивнул головой Агний.

— А у тебя есть родители? Родственники там какие-нибудь? Братья, сёстры?

— Нет, господин.

— Может, тогда с нами останешься? Как тебе? К тебе будут очень уважительно относиться, у тебя будет еда и вода, причём в таком количестве, сколько необходимо тебе. Больше не надо будет работать.

Агний замолчал. Сжав кулаки, мальчик то и дело смотрел невидимым взглядом то на Альфюму, то себе под ноги. Агний погрузился в настолько напряжённые думы, что аж вспотел.

— П-Понимаешь...

— Что?

— Я бы с радостью остался, я бы очень хотел обрести дом, но... Пойми, я не могу. Помнишь, я упоминал девочку, которая помогла мне освободить твоего отца? Я дал ей

обещание при нашем расставании. Я сказал им, что попрошу других людей помочь ей и её семье. Она очень хорошая, я не могу не выполнить её просьбу! Пойми, ты бы поступил также, без неё бы Лорда сейчас здесь не было!

Альфюма слушал это с серьёзным видом и сосредоточенно кивал. Наконец, как только Агний закончил, принц ответил:

— Ну что-ж... Дело благородное. Даже приятнее иметь дело с таким человеком, как ты. — Альфюма задумался. — Знаешь, я совсем недавно краем уха подслушал, что недалеко отсюда в каньонах приземлилась какая-то огромная лодка. Сначала вовсе подумали, что это большая летающая рыба, но потом присмотрелись, и поняли, что всё-таки лодка. Были у неё эти самые, как их, паруса!

— «Наследие»?! Она называлась «Наследие»?! — Не веря столь невероятному совпадению, задыхаясь от восторга пропищал Агний.

— Не знаю, я-то её в лицо не видел. Насколько ещё знаю, форма у её матросов на форму членов королевской гвардии не похожа, сразу бы узнали, ну, и, судя по твоей реакции, это именно те люди, к которым тебе и надо.

— Я пойду к ним! Т-Только можно, пожалуйста, если только не сложно, мне показать дорогу? А то, боюсь, заблужусь я тут...

— Да не торопись же так! Тебя же ещё надо снарядить как следует! Отдохнём немного, отца дождёмся, чтобы он с тобой распрощался, и обязательно тебе мы дорогу покажем, даже не волнуйся!

Так оно и случилось.

Мальчика одели в старую, потрёпанную шубку, принадлежавшую когда-то одному из карахтов. Вещь-то ещё сносная, чего без дела ей лежать!

К путникам на короткое мгновение вышел и сам Лорд с супругой Калеоппой, заметно за эти несколько часов воспрявшей и телом, и душой.

«Ну, мальчик, — говорил король, — прощай. Даст Всевышний — свидимся мы ещё с тобой, в лучшие времена».

Шли они одним небольшим отрядом не очень долго, часа два-три, что, в сравнении со всеми прошлыми походами Агния, казалось просто детским временем. За всё это время, на удивление самого мальчика, то ли от холода, то ли от пережитого недавно прилива адреналина, он не почувствовал и тени волнения перед встречей со старыми знакомыми, лишь лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Лишь в некоторые моменты Агний задумывался о возможных вариантах их диалога, но очень быстро с мыслями: «Да ладно, там разберёмся, да этого ещё далеко» уходил думами в сторону.

Наконец, они остановились, Агний слез со спины своего нового товарища и их взоры устремились вперёд.

— Во-он там, верно ведь? — Альфюма на секунду обернулся на одного из львов, что и рассказал им о пути к тому месту. — Да. Вон там, видишь, расщелина? Вот там и находится твой корабль.

Место назначения находилось не так уж и далеко: метрах в пятидесяти ходьбы. Меж огромными и крутобокими ледяными пиками, похожими на застывшие цунами, и впрямь располагалась большая расщелина, из которой, если прислушаться, доносились какие-то звуки.

— Тебя сопроводить? После секундного молчания спросил Альфюма. Агний призадумался на минутку, но после уверенно помотал головой и ответил:

— Да нет, я сам сумею. Уже пора самому решать такие вопросы.

— Ну-с, как знаешь. — Усмехнулся принц, но после его морда вновь приняла серьёзный вид. — И всё-таки я одного понять не могу: ты — раб. Сколько раз об тебя вытирали ноги, сколько раз не внимали твоим просьбам, сколько раз с тобой обращались, как с вещью — и после всего этого ты готов идти на такие риски ради обещания, которое ты дал человеку, которого ты едва знаешь?

— Ну... Д-Да... — Агний опустил голову.

— Почему же?

Мальчик вновь задумался.

— Я с-сам не знаю толком... Наверное, из-за того, что если бы хоть кто-то хотя бы раз так же поступил со мной — я был бы более счастливым человеком. — Потрескавшиеся губы мальчика расплылись в неловкой улыбке.

Альфюма замолчал, с минуту смотрел на это маленькое существо, словно на хлипкую, сухую соломинку, всё ещё пытающуюся по каким-то лишь богу известным причинам держаться ровно, а после выдохнул и промолвил.

— Что-ж, Агний. Удачи тебе. Если что — дуй в рог, мы всегда придём.

Агний пощупал находившийся у него в широком кармане резной инструмент, кивнул, ещё раз отблагодарил принца за всё, что для него сделали, И, вновь свободный и почти ничем не обременённый, мальчик широким шагом направился навстречу грядущему.

А тем временем сидевший в личной каюте Орландо уныло жал одну и ту же ноту, лёжа головой на клавишах пианино, и безуспешно пытался выдавить из себя хоть что-то. Зря он когда-то, ещё будучи ребёнком, ляпнул дяде — очень в своё время известному писателю — что придумать интересный сюжет легко. Дядя-путешественник в тот день маленькому племяннику ничего не ответил, так как знал: если малец, который, на тот момент, ещё только грезил игрой на пианино, и впрямь хочет стать известным композитором, то он ещё хлебнёт жизни. Как показал опыт всё того же дяди, самые лучшие сюжеты выходят тогда, когда ты пытаешься описать пережитые лично тобой события. А у дяди с недостатком этих самых событий проблем не было: когда он был совсем юным его семью привезли в ныне оккупированное тираном королевство, в качестве трофея из далёких-предалеких земель. Записки человека из совершенно другой культуры, самого настоящего инопланетянина так сказать — что может быть интереснее? Да. Очень интересно. Без всяких шуток.

Нет, Орландо тоже мог похвастаться множеством историй, свидетелем и участником которых он был — он пережил государственный переворот Бальгазара, после того, как дядю казнили, он, вместе с сиротой Искури, которую они незадолго до того приютили в своём доме, бежали вместе с небольшой группой людей из города и долго скитались по лесам, пока до них не дошла весть о некоем «Ковчеге», где им могут дать приют вдали от тирании обезумевшего короля. Он был одним из первых поселенцев в том маленьком кусочке рая, под его руками он расцветал. После именно он, рассматривая чертежи, предоставленные ему и ещё нескольким мастерам Зигмундом, первым подал идею о реализации проекта по созданию огромного летающего корабля. Именно он руководил сборками. Именно он стал впоследствии капитаном. А уж об их многочисленных приключениях на «Наследии» и говорить нечего. Только вот в том-то была и проблема, что историй было валом, а на бумагу ничего не лезло.

— Осталось совсем немного, братишка. С двигателем неполадки уладим — и полетим дальше. Уже к вечеру будем есть свежие пирожки тёти Майи! Представляешь? —

Раскрасневшийся от четырехчасового труда Имир облокотился на край борта и, залпом отпив воды из железной фляги, посмотрел в сторону младшего брата. Тот, наморщив сплюснутый нос, прятал нахмуренное лицо в воротник.

— Ну что? Что ты дуешься-то.

Орландо начал нажимать на клавишу быстрее.

— А ты угадай с одного раза! — Язвительно бросил мальчик, вновь врывшись в воротник пуховика.

— Ну, бли-и-ин, только не говори мне, что ты до сих пор из-за этого!

Когда интервал между нажатиями стал максимально коротким, Орландо единичными движениями пальцев начал переключаться и на другие клавиши.

— Да как ты мог его оставить?

— Лейв, тише! — Имир резко поддался вперед, и, схватив всплывшего мальчика за предплечья, посмотрел на него умоляющими глазами.

— Как?

— Лейв, так надо было! — Шёпотом протараторил Имир.

Случайные ноты стали выстраиваться в одну быструю мелодию.

— Как надо было, Имир? Как?! Ты бросил живого человека одного! В лесу, Имир! Что он тебе такого сделал?

— Лейв, прекрати!

— Учитель всегда нам говорил, что жизнь каждого человека важна, Имир! А ты что сделал? Вот теперь пусть все слышат! Люди! — Лейв резко развернулся в сторону матросов. — Не умирал Агний не из-за какого туберкулёза! Его бросили мы, слышите?! Его оставили в лесу, пока он спа..! — В этот момент Имир рывком захлопнул мозолистой ладонью рот брату и притянул к себе так, что чуть не раздавил мальчику голову.

— Да тише ты!

— Имир?

Острая, высокая нота на мгновение прервала всё набирающую обороты мелодию, которая уже через несколько секунд медленно стала возрождаться.

На палубе тем временем воцарилась гробовая тишина. Девушка медленно подошла к братьям.

— То, что он сказал — это правда?

Имир замешкался, но уже через несколько мгновений отступившая решимость вновь к нему вернулась.

— Да. — Твёрдо ответил юноша.

— Ты оставил Агния в лесу?

— Да.

— Как ты мог?!

— Ой, ой, ой, посмотрите на неё, как она разволновалась! Дело ей появилось до какого-то вшивого раба!

— Имир!

Вот уже пальцы пианиста стали сходить с начертанного маршрута, превращая быструю песенку без слов, в которой так и чувствовалась какая-то дьявольская усмешка, в беспорядочную какофонию.

— Что, «Имир»?

— Мы спасли его! Это был наш долг — помогать людям!

— Эти вот все сказки ты им будешь рассказывать. — Озлобленный Имир кивнул в сторону безмолвно наблюдавших за ними людей. — Вселенская благочестивица мне тут, блин, ещё нашлась! Будто я не знаю, для чего вы реально его оставили! Да я пацану великое одолжение сделал..!

— А ну замолчи!

— Так хоть помрёт, не понявши ничего, без мыслей о том, что его в пуш..!

— Э-ге-ге-е-ей!

Три пальца резко зажали три клавиши и грозный, наводящий необъяснимые чувства звук, которого невесть от чего внутренне избегает каждый человек, разнёсся по маленькой каюте и в ушах каждого матроса, который в ту секунду находились на верхней палубе.

Все, как один, задрали головы вверх и просто обомлели. Такое воздействие на них вряд ли бы произвело даже появление настоящего приведения или же самого короля Бальтазара.

— Капитан! — Орландо резко встрепенулся и взглянул в сторону настезь распахнувшейся двери. В каюту ввалился еле стоящий на ногах матрос, вытирающий пот со лба.

— Что там? — Выпучив глаза спросил капитан.

— Т-Там... Ну... — С трудом переводя дыхание выдыхал толстоватого телосложения мужчина. — Этот... Этот, ну, помните, мальчишка тот, раб, от тубур... Тфу-ты! Туберкулёза который якобы кони двинул!..

— Ну, и? — Орландо непонимающе насупил брови.

— Так ведь, это... Живой оказался! 'он там стоит... — Матрос указал куда-то вверх трясущейся рукой.

С минуту почти Орландо сидел в ступоре, осознавая услышанное. Быстро придя в себя, со словами: «Да не может этого..!», мужчина накинул плотный сюртук и, громко топая, спешно направился вверх. В этот самый момент Гальдора, которая более-менее собралась с мыслями быстрее, нежели остальные, помогла с помощью Матильды Агнию спуститься вниз и вступить на деревянную палубу.

Капитан замер в дверном проёме. Вновь воцарилась гробовая тишина.

— Ты посмотри... И впрямь живой.

***

— Это в смысле «уехать»?

— В прямом. Зиг, не волнуйся, мы уже всё...

— Бальтазар, у тебя голова на месте, извини меня?

— Зигмунд, я же тебе говорю — я уже давным-давно всё продумал. Куда мы поедем, где мы будем жить — всё! С тобой буду переписываться нашим шифром, чтобы ты не волновался. Всё будет хорошо!

— А Звёздочка хоть в курсе твоих масштабных планов?

— Естественно.

— И как? Она согласна?

— Пока что колебается, но вроде как согласна.

— О, Боже мой...

— Да что «Боже мой», Зигмунд?

— Ты хоть задумался о своих родителях или...

— Ой, да не смейся меня! У них вон, детей ещё шесть штук, да ещё один на подходе.

— Твоя мать что, опять бе..?

— Да, опять она беременна, Зигмунд. Так что особо не беспокойся, долго плакаться не будут.

— Ты практически то же самое говорил, когда сбежал из пехоты. Только вот почти сразу тебя объявили в розыск. При этом я молчу о родственниках Жолдыз, которые, я уверен, её всё ещё ищут.

— Отобьёмся, я и это всё продумал.

— Лишь проблем наживёте.

— Зигмунд, я хочу лучшего для себя и своей любви, а в этом гадюшнике для нас не светит никакого счастья.

— Бальтазар, любовь — это когда работает не только душа окрылённая, но и мозги!

— Господи, да ТЫ будто в этом много понимаешь! Всю жизнь с соколом — Гор, не тебе в обиду — как вековая старуха с десятком кошек здесь сидишь и прямо эксперт в этом вопросе!

Лицо Зигмунда вытянулось. Бальтазар думал, что наставник вот-вот что-то ответить, но нет. Очень медленно чародей нахмурился, сжал кулаки и через несколько секунд молча вышел из помещения, хлопнув дверью.

Бальтазар остался в полной тишине.

Ну вот, опять... Опять они поругались. Возможно, он и сам в чём-то виноват, но и наставника он до конца понять не мог. Что ему, Бальтазару, остаётся делать, как не бежать отсюда? Остаться? Потерять в конечном итоге всякую возможность хотя бы видеться с Зигмундом, с Гором и со Звездочкой. Вновь молча наблюдать, как мама растит ещё одного разбалованного птенчика? Стать всё-таки этим пресловутым главнокомандующим и провести остаток дней, играя где-нибудь на отшибе с такими же безмозглыми, каким в итоге станет и он, вояками в домино, болтая о всякой ерунде? Нет. Это не жизнь, это смерть.

Невесомая усталость шёлковой шалью начала медленно опускаться на взъерошенную голову принца. Зевая, он ещё пытался что-то зарисовывать в своём альбоме, но дремота всё-таки победила. Окончательно сдавшийся изобретатель направился к креслу, свернулся в нём калачиком и начал плавно проваливаться слухом и мыслями в беззвучную симфонию сна. В последнюю секунду перед полным погружением в голову всё-таки промелькнула одна единственная отчётливая мысль: «Лучше бы они все исчезли».

И приснился ему сон...

Мама родила. И родила она, как говорилось в сказке, «не то сына, не то дочь» — трёхголовое нечто, которое тут же встало на свои маленькие, пухлые, словно крокодилы, ножки и начало повсюду бегать и орать в три глотки: «Хочу то! Хочу сё! Хочу вот это! Нет, вон то!». Тут же вокруг этого нечто начали, словно папуасы в некоем ритуальном танце, скакать в несколько кругов улюлюкающие подхалимы в лице оравы слуг, то и дело подносявшие маленькому наследнику то огромный пирог, то игрушку, то погремушку из чистого золота. Но отличилась из всех них, конечно же, мама, которая на своих руках принесла своему ненаглядному малышу гигантский месяц, снятый ею же с неба. Королева бодрым шагом подобралась к толпе и с размаху швырнула свою огромную ношу прямо в самую гущу народа, отчего их всех разбросало во все стороны, словно тряпичных кукол. Уже через секунду женщина подлетела к своему чаду, и с буквально лезущими из глазниц глазами на перекошенном до тошноты слащавым умилением лице начала трепать малыша за щеку одной из его голов и приговаривать: «Уй, ти моя зайныка! Уй, ти...!». В этот момент

ребёнок, вякнув какое-то не самое приличное слово, с размаху шлёпнул мать по лицу, отчего её голова с как ни в чём не бывало улыбающимся лицом развернулась на все сто восемьдесят градусов.

Тут же у младенца резко взбухли руки, потом ноги, потом головы и, под конец, туловище. Превратившись в двухметрового гиганта, ребёнок тут же издал чудовищный вой, больше похожий на свист нагретого чайника, и принялся скакать по крышам городских домов, снося всё на своём пути.

— Он мне задолжал! — Тут же выскочил откуда-то заядлый игрок в карты, явно просидевший в самых захолустных барах не одни свои штаны.

— Он разрушил мой дом! — Тут же последовал за ним фермер с тройкой поросят и куриц, сыпавшихся у него прямо из рук.

— Он не ходит ни на одно из занятий! — Чуть ли не плача выбежал на середину дворцовый учитель.

— Он изнасиловал мою дочь! — Подросла коренастая и чуть горбатая крестьянка, чуть поодаль от которой выкатилась кровать, на которой лежала стонущая в преддровых схватках и вся красная девица, из-под простыни меж ног которой, словно слепые кролики из норы, выкатывались десятками мелкие, трёхголовые, пронзительно пищание розовые комочки, которых тут же шваброй давила озлобленная королева.

— Ничего он вам не должен! — Поставив руки в боки, с деловым видом бросила мать. — Он так хочет — значит так надо! Это его внутренний мир! Он развивается! Не мешайте ему! Вы только посмотрите, какой он лапочка!

Обросший за это время бородой «лапочка», которому уже явно наскучила порча чужого имущества, свалился, зевая, своим огромным седалищем, прикрытым пелёнкой, на черепичную крышу одного из домов, которая тут же жалобно затрещала под невыносимой тяжестью, разбрасывая во все стороны черепичные осколки, которые молниеносно сшибали с ног бегающих и кричащих повсюду в панике людей.

С ленивым видом переросток поднял с земли одного из таких «счастливчиков» и без задней мысли бросил его в пасть центральной головы. Тут же оживившись, бородатый младенец начал с жадностью хватать всё, что движется, и без разбору забрасывать это в три ненасытных рта. По пухлым лицам тут же начали размазываться брызги крови и слюны, которые чудяще тут же слизывало длинным языком, не закрывая усыпанного остриящими, будто небрежно вырезанными из картона, зубищами.

Бальтазара начало пробивать на смех.

— Мы требуем наказания!

— Послушайте же!

— Это не принц, а кара господняя!

— Детей воспитывать надо! — В один голос выкрикивала толпа из-за высоких и прогибавшихся — но не ломавшихся — под всеобщим натиском ворот из членов королевской гвардии, больше похожих сейчас на маленьких, сцепленных друг с другом, игрушечных солдатиков. За этой оригинальной оградой сидел с лицом ничего не понимающего ребёнка король, немо оглядывавший каждое озлобленное лицо за воротами.

Бальтазар уже практически не разжимал глаз от истерических слёз, когда из-за спины мужа вдруг появилась раскрасневшаяся от гнева королева, которая уже в следующую секунду, угрожающе топая, словно физическое воплощение Армагеддона, направилась в сторону этих несчастных смертных. Вместе с этим при каждом её шаге, меж которыми

делалась угнетающая пауза, женщина становилась всё больше, больше и больше, пока наконец, уже сотрясающая землю великанша не шлёпнула ногой прямо перед толпой, отчего они, словно листы бумаги от сильного ветра, не разнесло в разные стороны.

— Не вам меня учить, и не вам указывать! — Взревела нечеловеческим голосом королева-мать. — Не ваше это, скоты, собачье дело! Я — мать! Я лучше знаю, что нужно моему ребёнку! Захочу — рожу ещё одного! А может и двух! И трёх! Да хоть целую тысячу!!! И их вместо вас, крыс, поселим!

Лицо королевы перекошилось. Из распахнутого в гневном крике рта стали прорезаться огромные кабаньи клыки. Нос вытянулся и стал больше напоминать длинный пяточок. Из-под трещащего по швам платья в добавлении к одной паре грудей стали пробиваться ещё три. За несколько мгновений прекрасная королева стала больше напоминать бешеного зверя.

— Так что заткнулись. К чёрту. ВСЕ!!! — Из бездонной черноты распахнувшегося в пронзительном визге рта женщины вдруг проявился новорожденный бородатый принц и крик матери плавно перетёк в не менее громогласный вопль трёх голов её чада.

К тому моменту Бальтазар уже больше напоминал бесформенный ком из торчащих во все стороны, словно воткнутые в стог сена палки, конечностей, глаз, носа, тёмной шевелюры и уже чуть ли не рвущегося в щеках от безудержного смеха рта.

Стал чувствоваться жар, отовсюду вылетали одуревшие от страха люди, звери, пылающие обломки домов, и через всю эту вакханалию пробивался один единственный крик, безостановочно звучащих из трёх распахнутых до предела зубастых ртах ненасытного бородатого чудища.

И тут нечто вдруг резко распрямило Бальтазара и твёрдо поставило на ноги. Уже в следующее мгновение принц занёс руку, меньше чем за секунду она превратилась в огромную, твёрдую, будто вылепленную из кровавой корки «перчатку» с остроконечными пальцами, которая всеми пятью пальцами вцепилась в мягкий, точно сливочное масло, череп центральной головы ребёнка-переростка и со всего маху швырнула ненавистное существо в стену, отчего на последней остался смачный кровавый потёк, словно от убитого комара.

Бальтазара резко встряхнуло и он проснулся. «Встряхнуло» его собственное тело. Такое обычно бывает, когда человеку снится, что он, например, падает или что-то вроде этого. Но это было не особо важно.

Потерев лоб уже начавшей обрастать тёмным волосом рукой, Бальтазар вновь начал лениво погружаться в пучину собственных дум, не раскрывая глаз при этом и внюхиваясь в запах собственного тела, к которому, заметил принц, прибавился не слишком сильный, но явственный запах гари, который он чувствовал даже через сон. Принц не предал этому особого значения (мало ли, всё-таки он с электричеством работает, а запах от него ого-го), но очень даже зря. Только когда юноша всё-таки разлепил глаза он заметил вдруг, что в комнате как-то необычно светло. Обернувшись, Бальтазар остолбенел, смотря на падавший со стороны дверного проёма на стену свет от сотен языков пламени.

— Пож... Пыж... Пожар... Горим!!! Учитель, горим!!!

Молниеносно среагировавший на крик Бальтазара Зигмунд за несколько секунд спустился на нижний этаж и, распахнув дверь, узрел носящегося вокруг уже прилично разбушевавшегося столба пламени ученика, обмахивавшего собственной рубашкой так и кидавшиеся прямо на него языки пламени, которые уже начали потихоньку лезть на потолок.

Сильной рукой мужчина тут же отдернул юношу в к двери. Как только все трое, в том числе и взъерошенный, расправивший крылья Гор, сидевший почти на спине своего товарища, оказались в коридоре, Зигмунд сделал мощный пас руками и тут же большую часть помещения «обхватил» полупрозрачный, точно тончайший слой воды, купол. Через секунду не менявшийся в лице, как и его спутники, Зигмунд начал медленно идти в сторону огня, отчего купол начал сужаться к пламени, всё больше и больше при этом наполняясь дымом, пока, наконец, не превратился в большой, темно-серый шар. В конце-концов Зигмунд, вместе со следовавшим за ним Бальтазаром, намертво вцепившимся в бардовый плащ наставника, остановились, и так, в гнетущей тишине, прождали буквально минуту. По прошествии этого времени чародей вновь сделал пас руками и бесцветной преграды тут же не стало, отчего дым густыми клубами устремился во все стороны, рассеиваясь по всему помещению. Чтобы не надыхаться зловонной отравой, Зигмунд одним щелчком пальцев раскрыл все близлежащие окна, и уже через несколько мгновений серой тучи в комнате как не бывало. Посреди большого пятна из копоти и сажи близ наполненного бумагами шкафа одиноко и даже как-то виновато лежал обугленный подсвечник.

— Наверное, со стола соскользнул и к шкафу упал... — Нахмурившись вздохнул мужчина и, переваливаясь с ноги на ногу, словно пингвин, (это была его обычная походка) направился вновь к себе. Бальтазар, с секунду постояв на месте, наращивая темп и ширину шага направился за наставником, и, оказавшись в его кабинете, тут же схватил табурет и уселся близ Зигмунда, уставившись на последнего искренними глазами. Чародей, в свою очередь, продолжал что-то самозабвенно записывать, не обращая на ученика практически никакого внимания.

— Зиг... — Начал наконец Бальтазар. — Ну... Зиг, я тут... Я мириться пришёл. Поверь я прекрасно осознаю, что в твоих словах есть смысл, просто, ты же сам знаешь, я просто хочу, чтобы у нас со Звёздочкой всё было хорошо. Понимаешь?

Зигмунд, тяжело выдохнув, не глядя на ученика облокотил голову на руку и потрепал юношу по лохматой голове.

— Да понимаю, конечно, понимаю. Завтра всё нормально и спокойно обсудим, хорошо? Вот. А пока... — Зигмунд отвлёкся от своего занятия. — Давай посмотрим твои свежие наброски. Ты ведь что-то хотел мне показать, верно?

Мгновение спустя Бальтазар вдруг оживился, достал маленький блокнот, который он всегда носил с собой на поясе, и тут же начал его быстро листать, попутно что-то сбившего рассказывая, как вдруг Зигмунд, прищурившись, остановил принца на одной из страниц.

— Погоди-ка... А вот это что? — Мужчина безмянным пальцем указал на свежий эскиз. Он изображал руку человека до локтя, на которой располагалась некая конструкция из железа и множества проводов.

— Это... — Бальтазар заметно занервничал, уже предчувствуя неодобрение со стороны наставника. — Это... Он пока что не доработан, это пока что лишь только для того, чтобы зафиксировать идею.

— Нет, а для чего это?

— Это специальная перчатка, Зиг. — Начал рассказ Бальтазар. — Я просто подумал, зачем мне постоянно подключать кучу проводов к генератору, чтобы через каждые пять минут проверять тот же самый двигатель, работает он или нет, если можно этот генератор присоединить прямо к руке и одним прикосновениям пускать ток?

— То есть ты хочешь прицепить к руке источник электричества?

— Ну, да.

— Бальтазар, а ты уверен?

— Зиг, я обещаю, ничего не произойдёт, я всё на этот раз рассчитаю!

— Обычно именно с этих слов и начинается самая чертовщина.

— Зиг!

— Солнце моё, а не ты забыл случайно, что ты мне говорил, прежде чем испытать свой самый первый генератор? Я тебя потом целую неделю откачивал, у тебя чуть обе руки не отнялись!

— Зигмунд, тогда я ещё не понимал, с чем имею дело, но теперь-то я уже настоящий ас!

— Ну, не знаю...

— Ты что, во мне сомневаешься?

— Нет, Бальтазар, я просто имею ввиду... Это не отменяет того факта, что то, с чем ты работаешь, всё ещё является природным, и во многом непредсказуемым явлением.

— Непредсказуемым? Зиг, я тебя умоляю, оно, возможно, непредсказуемо для лошадей, что стоят у нас в конюшнях, но не для человека. Огонь тоже ведь когда-то был непредсказуемым явлением, но мы же его подчинили!

— И буквально десять минут назад «подчинённый» огонь чуть не спалил наш дом...

— Зиг. — Бальтазар вновь глубоко вздохнул и бережно сжал руку учителя, которая была раза в два больше его ладони. — Всё на моей совести. Я уже взрослый человек и способен за себя отвечать, хорошо?

Лицо принца озарила детская, полная надежды улыбка. Чародей перевёл взгляд на руки юноши. Они обе, неестественно худые, были покрыты белыми линиями ожогов, похожих на иней. Болезненное напоминание о неудавшихся экспериментах. Но было та и другое, что волновало Зигмунда ничуть не меньше. Это был браслет, с недавнего времени украшавший запястье Бальтазара. Браслет этот был не простой. Зигмунд был уже давно знаком с культурой народов, к которым причислялась Жолдыз, и был в курсе, что это обручальный браслет. В своё время на запястье девушки теперь красуется похожее украшение, только из золота и с медной подвеской в виде сердца. Ну, что уж тут можно сказать? Это было лишь вопросом времени... Конечно, Зигмунд понимал, что Бальтазар и его подруга очень умные и ответственные даже для своего возраста люди, и для них это было далеко не спонтанное решение, но это не меняло мнения мужчины. Что-то глубоко-глубоко в нём всё-же говорило, что есть в этом нечто неправильное, и что исход у всего этого дела будет не самый счастливый...

Сжав ладонь Бальтазара, Зигмунд вновь посмотрел ему в глаза, и, чуть погодя, ответил:

— Хорошо.

Глава 15. Фрустрация

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.
(с) Николай Гумилев «Память»

Столь резкое и неожиданное возвращение Агния произвело не малый эффект на всех матросов «Наследия», но и отнюдь не меньше эмоций вызвало известие, подоспевшее следом.

Неожиданно Гальдора услышала лёгкую трель, донёсшуюся откуда-то сверху. Резко задрал голову и наострив уши, девушка начала внимательно всматриваться в высокое свинцовое небо, и когда она уже подумала, что ей показалось, трель раздалась вновь, и вот она, то приближаясь, то отдаляясь, пока прямо у носа Гальдоры не оказался бумажный журавлик, быстро-быстро махавший крыльями, словно птичка колибри. Письмо из дома прислали...

Опомнившись, чародейка словила свою «почту» обоими руками, развернула, и, быстро пробежавшись по содержимому желтоватого листа глазами, она вдруг оживилась и стремглав понеслась к остальным, размахивая сжатым в руке письмом.

— Имир! Имир!!! — Надрывалась Гальдора, в то время как взволнованная метла Матильда семенила на своём «хвосте» за хозяйкой. — Зигмунда нашли, Имир!!!

Все находившиеся в тот момент на палубе обернулись на девушку.

— Как «нашли»? — Имир бросился к ней, и, вырвав у подруги из рук письмо, начал судорожно бегать по чернильным строчкам глазами.

— Нашли его неподалёку от деревни. Вся спина в кровь, все руки в ожогах, глаза — не видел ничего! В полном беспомоществе был!

— А-а Гор где?

Гальдора рывком забрала письмо назад и вновь внимательно его перечитала.

— Не зна-а-аю... — Девушка почесала затылок, сдвинув серый котелок себе на лоб.

— Да что гадать-то? Полетели, и увидим! — Заголосил возбуждённый столь радостным известием Лейв. — Матильда же нас выдержит?

Гальдора многозначительно переглянулась со своей подругой. Последняя, видимо, немного поразмыслив, кивнула концом тисовой палки.

— Ну, вот и славно! — Хлопнул в ладоши Имир. — Летим!

— И Агния с собой захватите! — Тут же быстро подала голос Искури. Имир, прищурив глаза, посмотрел сначала на неё, а потом на смиренно стоявшего в стороне Агния, будто юноша вообще успел за краткий срок забыть о присутствии маленького раба на корабле.

— А-а, д-да, хорошо. — С этими словами Имир, как изначально и хотел, двинулся в сторону уже поджидавшей всех своих пассажиров Матильды, а Агний скромно засеменял за ним следом.

Гальдора заняла место у самого носа, за ней рядом сели Агний с Лейвом, а Имир плюхнулся в конец, причём лицом к пучку веток на конце метлы, аргументируя это желанием, чтобы в лицо попадало как можно меньше ветра.

— Ну что, родная, летим! — После этих слов, Матильда медленно поднялась в воздух, готовясь сорваться с места.

— Хорошего вам полёта и благополучно добраться! — Крикнула с палубы Искури, махая улетающим рукой.

— Передайте, что скоро будем! — Подбавил Орландо.

— Да без проблем! — Крикнула им в ответ Гальдора, надевая на лицо пришитые к котелку лётные очки. — Давай, душа моя, летим!

Но тут, будто по чьей-то злой шутке, именно в тот момент все пассажиры чудолетательного аппарата, вспомнили одну вещь, от которой внутри что-то съёжилось: Матильда летает задом на перёд. Причём летает достаточно... бесконтрольно.

Тем не менее, голос подавать по этому поводу было уже поздно, так как метёлка в эту же секунду припустилась, словно ракета, в голубое небо. Естественно, хвостом вперёд.

Под истошные крики вжавшихся в узкую палку мальчиков и со взъерошенным Имиром спереди, чей бледный, выставивший для баланса обе прямые ноги вперёд силуэт с двумя круглыми, точно две фары, глазами был самой запоминающейся, и, чаще всего, самой первой фигурой, узреваемой свидетелями всего этого действия, Матильда показывала в воздухе небывалые акробатические трюки. Метла со свистом взмывала в воздух и так же камнем падала вниз, выделывала одну мёртвую петлю за другой, маневрировала среди деревьев, могла даже нырнуть в облако или в находящийся под низом водоём к небывалому ужасу небесных и водных обитателей. Во время всего этого фантастического представления самым невозмутимым его участником оставалась Гальдора, которая до последнего момента непринуждённо сидела на своём месте и ожидала окончания полёта, который, к слову, наступил через не такой уж и большой промежуток времени. Однако же для большинства участников полёта он, как не банально, показался вечностью.

В один момент Матильда вдруг резко затормозила и выгнулась по инерции вперёд, отчего все её пассажиры вмиг слетели с её тонкой, но достаточно выносливой спины. Гальдора, как и полагается истинному профессионалу, плавно приземлилась на обе ноги, и лишь края её серого пальто слегка приподнялись в воздух, а вот остальные плюхнулись кто как. Главное, без травм. А приземлились они, к слову, на ровную поверхность одного из многочисленных широких деревянных мостиков, создававших систему переходов в каком-то огромном городе, дома которого находились в дуплах гигантских деревьев. Стоило только громкому звуку пронестись по тихим и спящим (в том месте почему-то была ночь, хотя, по логике вещей, сейчас нет и полудня) улочкам, как тут же в близлежащих окнах зажегся свет и наружу повывались заспанные физиономии всех видов и мастей, лоб которых обязательно, как и всю голову, прикрывал ночной колпак.

— Мама! Мамочка, смотри! Да это же Гальдора! — Раздался вдруг откуда-то звонкий детский голос. Тут же отовсюду послышался взволнованный ропот: «Как Гальдора? Да неужели? Гальдора! Действительно Гальдора!» — и не прошло и полуминуты, как целая ватага народу высыпались из домов, и, гремя многочисленными ногами по деревянным мостам, окружили девушку в котелке со всех сторон, наперебой с ней здороваясь, обнимаясь и целуясь.

— Тётя Тая! Дедушка Флипп! Дядя Харрис! Дядя Томас! Тётя Фло! Кристия! Люмпина Юкрос! — Только и успевала перечислять по имени всех приветствовавших её людей Гальдора.

Наконец, вырвавшись из объятий сотен рук, Гальдора семенящей походкой

приблизилась к своим спутникам.

— Дорогая семья, прошу любить и жаловать — мои друзья! Лейв, Агний и Имир!

— Имир? А-а, тот самый? — Из толпы вдруг выехала деревянная коляска с сидевшей в ней скрючившейся, седой, горбатой и бледной старушонкой, на длинном и крючковатом носе которой висела масляная лампа.

— Ну, наконец-то жениха своего, чертовка, приволокла! — Старушка достала большие, круглые очки, которые тут же сделали маленькие, почти не видные из-за огромных складок морщин, глазки престарелой женщины раз в двадцать больше. — Хоть посмотреть успею, на кого мои пра-пра-правнуки будут походить!

При упоминании о «пра-пра-правнуках» лицо Имира, на которого в тот момент и был направлен взгляд увеличенных глаз, мгновенно вытянулось и запунцевело.

— Бабуль, ну не сейчас! — Смущенно пролепетала Гальдора, водя носком туфли по деревянной мостовой.

— А-а-а, м-мадам... Й-Я не знаю точно, в курсе ли вы... — Имир начал постепенно приходить в себя и оглядываться по сторонам. — Сюда недавно должны были принести раненого Зигмунда Вальгарда! Т-Так говорилось в письме! Мы его ученики, нам надо с ним увидеться!

— Молодые люди! — Вперёд выступила средних лет женщина. — Идите за мной, он как раз недавно очнулся, будет рад вас видеть.

Услышав это, глаза Имира и Лейва засияли необычайно живым блеском и они не долго думая устремились да своим сопровождаем. Агний, с секунду постояв растерянно на месте, последовал бегом за ними, так как никто дожидаться его не собирался.

***

Нагруженный сумками Бальтазар ощущал себя пьяным слоном, плетущимся по ставшему невероятно узким коридору. Его постоянно заносило, доски под ногами душераздирающе скрипели, идти достаточно быстро не получалось. В те секунды он был невероятно благодарен человеку, некогда спроектировавшему этот замок и предусмотревшему эти давно забытые тайные ходы, которые чудом не замуровали по прошествии стольких веков. По задумке они, скорее всего, должны были служить спасением для королевской семьи спасением в случае осады замка. Бальтазар не знал наверняка, всё-таки времени более тщательно обследовать все закоулки этой сложной системы коридоров у него не было, да и не будет, скорее всего. Всё. Осталось только проверить один тайник (принц всё-таки всегда был готов к тому, что все его труды по велению родителей могут полететь в топку, потому всё самое ценное хранилось там, куда незнающий человек добраться не сможет) и можно отчаливать. Уже навсегда.

Единственное, о чём Бальтазар твёрдо знал — коридоры связаны почти со всеми помещениями замка, и иногда можно было из-за прохудившихся стен услышать разговоры или же вовсе найти маленькую щель.

Так произошло и в этот раз, и юноша бы даже не обратил внимания на маленькую щёлку у самого пола, откуда струился слабый лучик света. Но тогда, в тот самый день и тот самый момент кто-то решил, что Бальтазар просто обязан был уловить еле слышные слова, доносившиеся из комнаты внизу. Это было начало конца.

— И что, этот он до сих пор не объявился?

Бальтазар застыл на месте. Сначала он подумал, что ему показалось. Голос был до боли

знакомый, но звучал он как-то по-другому.

— Да не, в том-то и дело! — Сопровождаемый противным смехом прозвучал из той же щели мгновенно узнанный голос Адруны. — Я у друзей расспрашивала — тоже ничего не знают. Не видели его уже давно.

Бальтазар сбросил с себя ношу и припал глазом к щёлке. Видно было плохо, но этого было достаточно, чтобы разглядеть маленькую коморку, тёмную макушку Адруны и... королеву.

Мама.

— Хорошо. — Вздохнула женщина, поглаживая уже сильно выпирающий живот. — Условия всё те же — если увидишь его лично или хотя бы услышишь какие-то слухи о том, что он где-то за пределами владений Зигмунда — тут же докладываешь. И да, вот.

Королева аккуратно достала из рукава что-то мелкое и протянула предмет Адруне.

— Клинок. Отравленный. Обращайся осторожно.

— Но..?

— На удачный случай, так сказать.

Повисла напряжённая тишина.

— То есть..? П-Подождите, в-вы действительно хотите, чтобы я..?

— Да. — Твёрдо ответила королева. Хочу всем сердцем. Не переживай, не будет никаких проблем. Парень он нелюдимый, так что обставить всё так, что его сочтут извращенцем, напавшим на беззащитную жертву в твоём лице, особого труда не составит. Ступай.

— А-А вы?

— Я побуду здесь. — Королева опустилась на близлежащий, укрытый пыльным покрывалом стул. — Хочу насладиться тишиной.

Девушка уже собралась уходить, но у самой двери остановилась и с несвойственной ей обычно неуверенностью вновь обернулась.

— И да, ваше величество. — Королева внимательно посмотрела на неё. — Не считите... Не считите за бестактность, но... Я хотела бы спросить — м-мноё вознаграждение всё ещё в силе?

Женщина прищурилась.

— Ты о..? Ах! Да разумеется, милая. О чём речь? Выберешь себе любого из близнецов. Свадьба у вас будет, как в сказке. Больше никакого пьющего отца, никакой круглосуточной работы и маленького домика с кучей родственников. Только тишь и благодать. Но с одним условием. — От ещё секунду назад добродушного лица королевы стало отдавать чем-то зловещим, а её силуэт в полумраке стал напоминать силуэт змеи. — Делаешь то, что я тебе говорю и рот на замке. В противном случае — пеняй на себя. Тебе понятно?

Друна сглотнула.

— П-Понятно, ваше величество. Разумеется.

Она вышла за дверь.

Неспешно девушка направилась по длинным тёмным коридорам к выходу, но тут из-за поворота вынырнула долговязая фигура.

Адруна вскрикнула, но увидев, кто перед ней, тут же поменялась в лице.

— А-а! Ну чего, Бальтазар, нагулялся? Бродя-яжничает, да? — Хоть она и улыбалась своей фирменной мерзкой улыбочкой, но было видно, как она нервничает, судорожно пытаясь достать отравленный нож из кармана фартука. — Ну ты... Это... Того... Совсем

уже... А там..!

— Руки!!!

Зарычал не своим голосом юноша, с силой выдернув уже почти ухватившуюся за рукоятку оружия руку служанки и пригвоздил последнюю к стене. Нож вылетел из кармана вместе с рукой, упал на пол и откатился к противоположной стене.

— Ты чо, больной? Я щас кричать бу..! — Рука Бальтазара с силой сдавила горло девушке, отчего она на мгновение потеряла способность дышать.

Она уставилась прямо в глаза юноши. Былая уверенность взрослого, насмехающегося над глупым и наивным ребёнком, исчезла в ней без следа. Бальтазар видел — к человеку, на которого она сейчас смотрит, она бы не осмелилась даже подойти, не то что как-то подшутить над ним. Этот факт бы всенепременно заставил бы Бальтазара ослабить хватку и позволил бы неуверенности проскочить в его глазах, чем всенепременно воспользовалась бы Друна, но этого, на удивление самого принца. Не произошло.

Это был не он. Это была какая-то невероятно далёкая и в то же время всегда бывшая рядом часть сознания, которая наконец-то заполучила контроль над материальным телом, превратив самого Бальтазара в безвольного зрителя.

— Ты сейчас откроешь рот только для того, — говорили сами по себе губы, — чтобы объяснить мне, что здесь творится. Тебе всё понятно?

***

— Долго же ты притворялась милой дурочкой... — Бальтазар грузно уселся на табуретку напротив матери... Или всё-таки кого-то другого?

Бесвкусное платье, те же заплетённые в изящную ракушку волосы и густой макияж всё ещё выдавали ту безликую, вечно улыбающуюся той дебильной улыбкой особу, что была связана с принцем фактом его рождения. Однако теперь, в мягком полумраке освещенного лишь одной лампадой помещения казалось, что на него пристальным, пронизывающим взглядом глядит совершенно другой человек с ровными, строгими чертами лица. Да что там, она даже руки держала не так, как обычно. Что-то подсказывало Бальтазару, что именно здесь и сейчас он видит истинный облик той, что когда-то даровала ему жизнь.

— Об этом потом. — Прозвучал в ответ незнакомый женский голос. — Я так предполагаю, тебе необходимо объяснение всего этого, не так ли? Рассказать в двух словах будет не просто. Вытерпешь?

Бальтазар на мгновение замялся, сощутив глаза, но всё-таки кивнул.

— У нас с тобой больше общего, чем ты думаешь, родной. Я была такой же. Не от мира сего, так сказать. Мне было абсолютно не интересно садоводческое или фермерское дело. Мой ум не ограничивался огородом и сараем. Я жаждала познаний. К счастью, мне повезло родиться не одним из старших детей в семье, и на меня был не такой сильный упор. Правда, когда скончалась мама, твоя бабушка, стало немного тяжелее, но я всё равно находила время понаблюдать за тем, чтобы просто сесть и понаблюдать за окружающим миром. Прочувствовать его, познать... Лет в десять ко мне в голову уже начали потихоньку просачиваться идеи о том, как заставить телегу ездить без лошадей, как сделать так, чтобы вода была всегда под боком и не приходилось по десять раз за день ходить к колодцу, или как сделать так, чтобы еду можно было готовить без применения огня. Раздумья над этим заглушали многое. Крики отца, которого какая-то очередная старая горничная ткнула носом в то, что я вместо того, чтобы заняться чем-то полезным сижу и на траву час-два смотрю, и

что хозяйка из меня выйдет никакая. Да и вместе с ними время на ветке дерева, где я пряталась от кидавших в меня камни с криками "ВЕДЬМА!" детей, пролетало не так медленно. Что ж... Хозяйкой я, может быть, была и никакущей, но вот принцу я приглянулась. Уж в одном ему надо отдать должное — ухаживал красиво и настойчиво. Я сначала думала — ну зачем же? Зачем же мне эта морока? А потом подумала ещё немного... Они ж, вроде, все образованные, дворяне эти. Глядишь, и союзника себе в лице муженька найду — да ещё какого! Целого короля! Но... Тут уж, как говорится, разочарование — часть взросления. Наученный-то мой суженный и был, но вот туп он и по сей день, как пробка. Да ещё и эта галка с её прадсказанием паршивым...

— А что там за предсказание было? — Перебил Бальтазар. — Вы о нём никогда не говорили при нас.

— Терпение, друг мой. Терпение. Так... О чём это я? Нет, страной он управлять мирночнно до самого гроба вполне себе мог, но не более. Естественно, никаких моих планов и разработок я ему выдать не могла, да и кто бы меня слушать стал? От меня требовалось в основном только две вещи — быть красивой и детей рожать. Любые мои начинания, даже самые безобидные, на корню пересекались тучей облепивших с головы до ног моего благоверного придворными. Как бы меня это не злило, я не рисковала и не стремилась так сразу делать резких заявлений. Я понимала: их много, я одна. Тут надо подойти к проблеме тонко. Выждать момент, так сказать. И в один из дней, как мне казалось, я сделала огромный шаг навстречу своей цели.

У мужа был младший брат. Губернатор одной дальней провинции. Уже даже не помню, по какой причине он приехал во дворец, но эту встречу я запомню навсегда. Его глаза... В них горело живое, импульсивное пламя пытливого ума. Я этого раньше не замечала — у всех людей, окружавших меня до того, глаза были мутные, заплывшие, мёртвые, а тут я будто увидела существо из другого мира.

Кто знает, может быть, он увидел нечто подобное и во мне, но наше общение заладилась с самого начала. Пока супруг был с головой погружен в политические вопросы, у нас было время побыть вместе. Пусть и не так часто и не так долго, как хотелось бы, но они были. И мы разговаривали. Разговаривали, разговаривали, сочиняли, придумывали, зарисовывали... не только изобретения, целые миры.

Он был реформатором. Он много раз с рассказа о какой-то своей выдумке мог перескочить на то, как это могло бы помочь простым людям. "Я часто переодеваюсь в простолюдина и брожу по улицам. Смотрю на людей, на их жизнь, разговариваю с ними. Мне их жалко, очень жалко! Работают дни на пролёт, стирая руки в кровь, вынуждены тратить дни и недели, чтобы просто переехать из одного города в другой, тратят время и силы на какие-то мелкие задачи типа стирки вместо того, чтобы потратить его на что-то более стоящее". До сих пор помню эти его слова. Он хотел помочь им и помогал, чем мог. Но вот только... — Мама запнулась, будто кто-то не сильно сжал её горло. Бальтазар каким-то глубинным чутьём уже почувствовал, чем это всё закончится.

— Что случилось?

— ... Только пока всё не дошло до плана по внедрению всех его изобретений в жизнь простых людей. Его предали. Все. Вообще все. И простой люд, и придворные. Огромная суеверная толпа просто вывела его на площадь и сожгла. Да. Бедный... — Королева задумчиво уставилась в сторону. — Но, как потом выяснилось, покойный оставил мне маленький прощальный подарок.

Её нахмурившееся и лицо накрыла плотная тень, а впившийся, словно игла, в Бальтазара взгляд и сомкнувшиеся когтистыми лапами на подлокотниках ладони сделали маму похожей на голодную и полного ярости хищную птицу. От пришедшей в голову догадки в голове что-то оборвалось и тяжёлым грузом прокатилось вниз по всему телу.

— Это был...

— Да, мой сыночек, именно! Ты у меня просто умница! И твоя голова даже представить себе не может, сколько дряни я на себе испытала, чтобы только прервать эту проклятую беременность, и сколько денег мне пришлось вложить в руки повитух и всякого прочего сброда, чтобы те прикусили язык и молчали. О-ох, мой друг, я не останавливалась, даже когда срок уже подходил к концу! Но не-ет, тебе так сильно хотелось выжить! И ты выжил. Сутки самых тяжёлых в моей жизни схваток — и вот и ты! Жалкий, худющий, больной выродок. Я молилась всем богам, чтобы ты не прожил и трёх дней, но и тут чёртовы небеса ко мне оказались не благосклонны. Приехал Зигмунд со своей проклятой птицей, которые начали с тобой носиться, словно с писаной торбой, не давая тебе испустить дух самостоятельно, либо же мне покрасться к тебе с ядом или, на крайний случай, с плотной подушкой. Да и что уж там? Голова у него посообразительнее, чем у остальных. Я и до этого для себя подметила, что он, судя по всему, подозревает, что твоё болезненное состояние моих рук дело, так от каких-либо других действий он и вовсе мог раскусить мои намерения. — Королева тяжело вздохнула и ненадолго замолчала, уставившись в пустоту. — В общем, Бальтазар, ты выжил. И мне пришлось смириться. Как и с тем, что...

Она опять замолкла.

— Что? — Ненавязчиво подтолкнул мать принц.

— Бальтазар, это никому не нужно. Ни королям, ни дворянам, ни крестьянам. Хоть об стену головой бейся — они никогда не станут слушать твои рассказы о том, что все эти изобретения и разработки могут им помочь, потому что им это всё к чертям не нужно. Они сидят в своих грязных лужах уже которое столетие, и им нормально! Ты этого ещё не понял? Даже если ты очень сильно попытаешься — они просто сожрут тебя с потрохами, как животные. Назовут еретиком, колдуном, дьяволом в конце-концов и втопчут тебя в землю. Именно поэтому я решила всё бросить, Бальтазар. И именно поэтому я надеялась, что и ты всё бросишь. — Она что-то медленно вытянула из складок платья. — Но, видимо, не судьба.

Пистолет.

— Как ты..?

— Всё нормально, мой мальчик, я ничего у тебя не воровала. Это моя конструкция. Чертежи? В голове, Бальтазар. Сначала бумага, потом бумагу в огонь, а всё, что было на ней, здесь. В мозгах. Она взвела курок. Бальтазар молнией сорвался с места и побежал к двери.

Прогремел взрыв. Боль. Острая боль обожгла икру.

Бальтазар упал. В глазах замельтешили белые мухи. Жжение начало растекаться по ноге.

— Ах, да, что там за предсказание было? Что нас с мужем свергнет один из наших детей. — Принц обернулся, чтобы увидеть, как туфля женщины падает и с силой вдавливается в кровоточащую рану, заставляя его сдавленно вскрикнуть от нового приступа боли. — А я хорошая мать. Я хорошая жена. Я не позволю тебе разрушить мир, стены которого я так долго возводила.

Мать смотрела на него сверху вниз. Мать на него навела дуло. Он смотрит ей прямо в глаза. Взгляд свинцовых, не дающих бликов глаз холодный, мёртвый.

Тишина.

— Ты не знаешь, каково это. — Этот голос словно принадлежал тысячелетней старухе. — Понимать, что то, что ты сам же в здравом уме породил, медленно убивает тебя, и при этом бездействовать. Понимать, что тебе всё равно, что будет потом, потому что жизнь закончилась для тебя по твоей же вине уже давным-давно, оставив после себя лишь безэмоциональное послесловие. — Её губы задрожали. По худому лицу потекла одинокая слеза. Она взвела курок.

— И ты уже никогда не поймёшь этого.

— Эй, что там за шум?! — Несколько громогласных ударов грохнули в деревянную дверь. Худая рука дрогнула и после взрыва пуля лишь оцарапала предплечье успевшего увернуться парня.

В то же мгновение он со всей силой рванулся вперёд и, сбив мать с ног, вырвал у неё из рук пистолет.

— Помогите! — Взвизжала королева.

Крак! — с грохотом слетела дверь с петель. Огромный стражник стеной стал в дверном проёме, глядя на застывшего с оружием в руках принца.

— Бросай! — Рывкнул он, выхватывая меч.

"Небо..." — только и успело промелькнуть в голове Бальтазара, прежде чем переставшие слушаться мозг руки направили на противника пистолет и нажали на курок.

Бах!

Звон в ушах.

На щёку летит что-то влажное.

Вонючее облако дыма.

Будто по сне мутный образ стражника по инерции тянется к кровотокающей дыре около заплывшего в багровой пелене глаза и спустя мгновение падает на пол.

Со стороны раздаётся невнятный крик. Кто-то с худыми руками бросается на Бальтазара из-за спины и изо всех сил старается прорваться к оружию. Принц выходит из ступора, почти не чувствуя натуги или тяжести рукой он резко хватает напавшего на него человека за волосы и со всей силы толкает в сторону кровати.

Человек — женщина, — ударяется об угол кровати круглым животом. Звучит обрывистый вскрик. Человек беспомощно съёживается на полу, силясь унять боль.

Бальтазар даже подумать ни о чём не успел, как со стороны двери, послышались пока что еле слышимый топот приближающейся стражи.

На мгновение замешкавшись, юноша буквально в один прыжок перемахнул через бездыханное тело члена охраны и оказался в коридоре.

Боль сотнями игл вновь впиалась в раненую ногу, но Бальтазар всё-таки сумел найти в себе силы доковылять до поворота и скрыться за углом прохода, противоположного тому, из которого вот-вот должно было вынестись подкрепление, спешащее на помощь своей королеве.

С трудом сглотнув, весь мокрый Бальтазар, прислонившись к стене, посмотрел в сторону двери. Кровавый след от подстреленной ноги тонкой дорожкой тянулся из покоев прямо сюда, напрямиком к нему.

Чёрт. Чёрт. Чёрт!!!

Ладно, всё, хрен с ними, с чертежами. Всё равно в проходе не пропадут. А даже если пропадут... Всё, надо уходить.

Невероятно медленно негнувшиеся пальцы выуживали спасительный бутылёк из дорожной сумки.

Топот.

Так, надо сосредоточиться! Дом Зигмунда... Его дом! Тепло. Покой.

Бутылёк летит на пол. словно тёплое одеяло дымка обволакивает тело принца, на мгновение делает его невесомым, а потом снова резко возвращает сознание в израненную плоть, заставляя юношу упасть на пол.

Откуда-то донёсся до боли знакомый голос.

— Бальтазар! — Две огромные ладони подхватили парня за ставшие внезапно такими тонкими и слабыми предплечья. — Бальтазар, что стряслось?! Откуда на тебе кровь?! Что это?!

Бальтазар что-то невнятно промычал через отказывающиеся размыкаться губы.

— Стрел-ль-ляли... — Только и смог вымолвить он.

— Что? — Зигмунд посмотрел на рану в ноге подопечного более внимательно.

— Так, поднимайся! — Великан вскочил на ноги и почти на руках поволок юношу в коридор. — Давай, надо вытащить пулю, слышишь меня? Не закрывай глаза, слышишь?

— Нет! — Принц резко взбрыкнулся, рухнул на пол и с невообразимой для человека с пулей в икре прытью оказался в своей мастерской.

— Бальтазар, да что с тобой такое?! — Почти сразу за учеником в помещение влетели Зигмунд с Гором.

— Уезжаем!!! — Бальтазар носился от стола к столу, судорожно хватаясь за всё, что видит. — Собираемся и уезжаем, сегодня же!

— Ч-ш-што? Куда? Ты..?!

— Подальше отсюда! Подальше от столицы! Подальше от этого королевства! ВОН!!!

Принц споткнулся и растянулся на полу, тяжело дыша и потихоньку теряя сознание.

Учитель оказался тут как тут. Зажав кровоточащую рану, он быстро вынес юношу из мастерской.

— Где... Где Жолдыз? — Бальтазар был бледен, его била мелкая дрожь, а глаза закатились за смыкающиеся всё сильнее веки. — Где? Скажи, где..?

Зигмунд зажмурился. Нет, сейчас надо думать о том, как спасти мальчика. А после его ученику надо прийти в себя. Глядишь, Жолдыз всё-таки благополучно вернётся и все опасения, связанные с её задержкой в театре, окажутся лишь глупостью...

***

Да, Зигмунд к тому моменту очнулся, и находился в месте, которое выделили жители города специально для пострадавших при бедствии обитателей «Ковчега». Он очнулся, но самочувствие его оставляло желать лучшего. Прозрение наступало лишь на несколько минут, всё остальное время разум мужчины дрейфовал где-то в океанах бреда, без конца изрыгаемого его потрескавшимися губами. Иногда он мог вдруг вскинуть обе руки вверх и завопить что-то неразборчивое или начать царапать себе лицо в районе глаз. Но это было редко. А конкретно в тот момент, когда Имир с Лейвом, не дожидаясь указаний от проводившей их до этого дома женщины, пустились искать наставника по этажам, он и вовсе спал.

Заслышав знакомый голос даже через пелену дрёмы, Зигмунд собрал остатки сил и приподнялся на одной руке. Тут же в коридоре замаячил неразборчивый, но всё равно узнаваемый силуэт семнадцатилетнего юноши.

— Имир!.. — Сразу последовала слабая попытка позвать ученика, которая увенчалась разве что тем, что мужчина, слегка поддавшись вперёд, тут же потерял равновесие и вновь оказался на кровати...

— Имир! — ...Но стараний своих он не бросил. — Имир! Имир!

Молодой человек дёрнулся и, резко остановившись, мотнул головой в сторону одного из дверных проёмов.

— Зигмунд! — Глаза Имира радостно заблестели. Не прошло и секунды, как он кинулся прямо на кровать к раненому и сжал последнего в беспощадных объятиях, не устая при этом восклицать: «Я знал! Мы все знали, что вы вернётесь! Что вы выстоите!». Остановили его разве что сломанные рёбра наставника, которые не надо было тревожить.

— Лейв с тобой?

— Все с нами! Все живы и целы, и совсем скоро будут здесь!

— Я в тебе и не сомневался. — С этими словами мужчина потрепал гордого Имира за плечо, после чего ученик обратил внимание на истерзанные руки Зигмунда, на запястьях которых даже через бинты виднелись большие, почти чёрные, синяки с отходящими от них корнями тёмных вен.

— Что... Он с вами делал?

Из-за тут же нахлынувших воспоминаний о событиях в замке Зигмунд мгновенно посерел.

— Выкачивал из меня энергию. — Он потёр тёмные пятна на руках. — Подавал что-то в вены через провода и получал таким образом электричество.

— А Гор же не..?

— Гора больше нет, Имир. — Резко оборвал юношу Зигмунд, видимо, даже не желая слышать столь болезненное ушам имя почившего друга. — Он прилетел меня спасать. Бальтазар его застрелил.

Имир впал в ступор, который, однако же, так же быстро закончился. Молодой человек сжал кулаки, в глазах засверкал праведный гнев.

— Ну ничего, ничего. Не долго этой свинье осталось...

— Имир.

— У нас есть план, Зиг. Я, правда, сам ещё до конца не знаю какой, но есть! Эта гнида скоро поджарится от своих же орудий, подавится своей короной!

— Имир, пожалуйста!

— Зиг, хватит его выгораживать! Знаем мы про ваши взаимоотношения, знаем! Зигмунд, Бальтазар — это больной урод, псих, он не пожалел даже Гора! Птицу, которая его ещё ребёнком застала! Это не показатель что-ли?

— Да ты..!

— Хватит его жалеть, уже бы у любого нормального человека нервы сдали! Не сможет такой измениться, Зиг! На его совести сотни жизней! Таких бить, таких сжигать, таких в самое жерло ада спускать надо!

— Вот он меня тоже не хотел слушать, Имир! — Побагровевший Зигмунд вдруг резко выпрямился. Имир даже отпрянул, таким злым он видел наставника впервые. — Ни Бальтазар, ни его родители — никто! И чем вы их лучше, молодой человек?

— Я их лучше по крайней мере тем, что знаю вес своим словам и поступкам, и не гублю тысячи и миллионы от не хрен делать! — Секундное оцепенение быстро схлынуло. — Да и вообще: что? Что вы предполагаете с ним сделать, Зиг? Что, если не смерть?

Зигмунд мешкался буквально секунду и уж было приготовился ответить, как вдруг со стороны дверного проёма послышался радостный крик и спустя мгновение Лейв уже был уже в объятиях единственного и всем сердцем любимого учителя, который, по совместительству, являлся для мальчика самым близким человеком на земле. В тот момент не имело значения ничего: ни рёбра, ни грязные ботинки мальчика, с которыми он залез на чистую постель — ничего, и Имир это понимал, потому не стал рушить это долгожданное мгновение. Бальтазар — чёрт с ним, самое главное сейчас это то, что наставник жив и цел, а остальное всё приладится.

Разговор сразу перетёк в мирное русло, весело зазвенели ручки болтовни о чём-то совсем, казалось бы, не важном, но одновременно с этим приятном и только лишь им понятном. Именно во время этой идиллической беседы наконец-то подоспел Агний. Подоспел, и... Остался на месте. В дверном проёме. Хотел сначала, правда, зайти в комнату, что-то сказать, но когда понял, что сказать ему нечего, да и момент, откровенно говоря, абсолютно не подходящий, остался стоять в коридоре. Он мог прислониться к стенке, о чём-то размышляя, мог на секунду заглянуть вновь в комнату, чтобы убедиться в том, что подходящий для него ещё не наступил, но в основном он старался держаться дальше от поля зрения беспечно разговаривавших учителя и учеников. Ему было неловко. Он стал это явственно ощущать ещё с того момента, когда Искури попросила взять его, Агния, в это место. Это было странное ощущение того, что ты тут явно лишний, и что лучше бы тебе сейчас растаять и куда-нибудь деться.

К счастью, продолжалось это не долго: Лейв в один момент заметил всё-таки уже минут пять топтавшегося на пороге товарища и Агний наконец-то получил моральное право зайти в комнату и тихо присесть на близлежащий табурет. И только все приготовились после минутной паузы вновь заговорить о своём, как Агний вновь обратил на себя внимание, дождавшись всё-таки нужного момента.

— Господин Зигмунд. — Все затихли, мальчик выволок из кармана штанов измятый листок бумаги с уже поплывшим на нём детским рисунком. — Я... Я бы хотел просто узнать... — Агний нервно сглотнул, подбирая слова. — Просто узнать насчёт этого...

— Агний, давай не сейчас, — Нахмурился Имир, — ну ты что в самом деле!

— Имир, выйдете, пожалуйста, и помогите с другими ранеными.

— Что? Но..!

— Имир. — Мужчина обрезал ученика на полуслове и посмотрел последнему прямо в глаза. Имир мгновенно сник, молча взял за руку младшего брата и вышел с недоумённо оглядывавшемся на всех присутствовавших в помещении Лейвом за дверь.

Тишина, в течении которой Зигмунд сверлил мальчика хмурым взглядом, продлилась не долго.

— Агний, отдай это. — Мужчина поддался вперёд и вытянул руку к рисунку.

— Нет. — Агний отодвинулся назад.

— Агний, немедленно верни это.

— Не сейчас.

— Это ещё в смысле, юноша? Я сказал — быстро!

— Если расскажите, что случилось с Бальтазаром — отдам.

— Что случилось с Бальтазаром?

— В смысле — что с ним стало? Почему он такой? Зигмунд, я простой раб, я очень мало об этом знаю!

— И зачем тебе это знать?!

— Я должен знать, с кем я борюсь, разве не так? — Зигмунд вновь перебить мальчика, но Агния было уже не остановить. — Разве я теперь не часть «команды», или я простой хвостик, который обязан помалкивать в сторонке? Зигмунд, я не хочу быть в ваших глазах наглецом, но я всё равно хочу знать о том, что вас связывало с ним, и я уверен, что и вам хочется наконец-то это из себя выплеснуть. Отпустить, скажем так. Да, я смешен в ваших глазах, но у меня есть то, чего не хватает многим. Я просто слушаю. Вы не знаете, сколько чистосердечных исповедей я выслушал за свою жизнь. Многие люди, бывшие выше меня, говорили при мне о том, в чём бы никогда не осмелились бы признаться даже своим самым близким людям. Всё это по той причине, что я просто слушаю, я не перебиваю, я не осуждаю, я не советую, а слушаю. Пусть прожил я на этой земле не так уж и долго, но у меня уже есть кое-какой опыт, и он мне говорит, что вам хочется просто кому-нибудь сейчас выговориться. Кому-то постороннему... Ну, и...

Зигмунд изменился в лице и долго молчал, потупив взгляд. Потом он всё-же собрался с мыслями, выпросил у Агния рисунок, и, к огромному счастью маленького раба, не порвал его и не скомкал, а лишь тоскливо поглядел на творение детских рук, вздохнул и начал свой рассказ.

«Я даже не знаю толком, с чего всё началось. С Бальтазаром мы познакомились когда ему было... Ну, года четыре, наверное... Маленький, худой, ноги — как спички, тёмные волосы — мочалкой... Точнее, мы с ним были знакомы ещё задолго до этого — я выхаживал его, когда он только родился. Он появился на свет раньше срока, да ещё и с целым букетом заболеваний, но его смогли вытащить.

Так вот, уже тогда было видно, что мальчик немного не от мира сего, если ты понимаешь, о чём я. Мне об этом много раз писали его родители, я же до того, как увидел ребёнка своими глазами, списывал всё это на естественные, так скажем, «проблемы с головой». Не помню уже, по какому поводу я к ним тогда приехал, по хорошо запомнил нашу первую с ним встречу: близ дворца была роща, что-то вроде большого парка, я стоял близ крепостной стены, где-то дети бегали, играли, и тут замечаю, что маленький мальчик бродит среди деревьев совсем один. Ну, думал сначала, отбился, может быть, на минутку, сейчас к своим побежит — но нет. Минут тридцать я там стоял и то и дело мне этот мальчик на глаза попадался, то кругами ходит, то кору на стволе пальцем поковыряет, то палку возьмёт и начнёт ею либо по веткам ударять, либо в листьях опавших копать. И всё это время взгляд этого мальчика куда-то под ноги направлен и что-то он постоянно говорит сам себе.

Долго думал, подходить к нему или нет, но всё-таки решился. Подошёл, он меня не испугался, начал я ему задавать вопросы, мол, что он тут делает, почему с остальными не играет, хочет ли к родителям. Отвечал он пусть и коротко, но чётко. В общем-то, из нашего немногословного диалога я и выяснил, что зовут его Бальтазаром, что играть его не зовут, да и он сам особо желанием не горит, что пойти домой он хочет, но сам идти не рискует. Как я узнал потом — тогда состоялась очередная попытка королевы хоть как-то приспособить её младшего сына к социуму. Бальтазар был мальчиком очень хорошим, интересным и очень даже развитым для своих лет — он очень легко находил общий язык со старшими, но вот с ровесниками ему не особо везло в плане единомышленников. Из-за этого он больше предпочитал одиночество, но его мать не хотела этого признавать и раз за разом пыталась вынудить Бальтазара общаться с другими. Нет, её, конечно, можно понять — она из простой,

работящей днём и ночью семьи, и свободное время с другими ребятами в детстве для таких казалось некой заоблачной мечтой, посему подобное добровольное стремление к затворничеству было королеве непонятно.

В общем, мальчик меня очень даже заинтересовал, да и я его, чего уж таить, тоже. Через какое-то время, когда выяснилось, что у мальчика проблемы с придворными педагогами — я взялся за его обучение. Мы сильно сблизились. Очень сильно. Пусть и косо на него смотрели многие, но, как уже говорил, он был очень интересным мальчиком. Очень смышлёным, вдумчивым, с феноменальной памятью и фантазией. Иной раз я просто не представлял, как подобные, ну, просто фантастические вещи могут произрастать в голове этого маленького и, казалось бы, совсем ещё неопытного существа. В то же время он пытался наладить общение хоть с кем-то, но из этого мало что выходило. Он на это не особо обижался, никогда ни на какие обзывательства и иные подобные вещи не жаловался, пока не стал подростком. Нежный возраст и всё в этом роде. Проблема его одиночества и отсутствия единомышленников встала для него ребром. Вот так он и метался, пока не появилась... Звёздочка»

— Звёздочка? — Агний, не понимая того, о чём идёт речь, прищурил глаза.

— Жолдыз, если быть точнее. — Зигмунд тут же улыбнулся, на секунду подняв блеснувшие жизнью усталые глаза на мальчика, и продолжил свой рассказ:

«Это была... Это была не то что любовь, это была в первую очередь крепкая и складная дружба. Они познакомились очень быстро и уже через предельно короткий промежуток времени общались так, будто знакомы с раннего детства. Скажет он — она подхватит, она предложит — он разовьёт. Это, наверное, и называется «встретить свою вторую половину» — встретить человека, прилетевшего с той же планеты, что и ты.

Это было прекрасно, сердце радовалось, когда смотрел на них, пока однажды... Однажды Бальтазар прибегает, глаза выпучены, весь бледный и что-то непонятное кричит. Кое как выведал у него — оказывается, украли её. Прямо из театра, где она работала. Она, понимаешь ли, происходила из... Как там... Карахты, кажется... А они же народ очень традиционный... Девочку ещё когда ей было пятнадцать увезли из их деревни в город — от раннего брака спасали — и вот, как повернулось. Вынюхали всё-таки, где невеста несостоявшаяся находится, да и выкрали её. Я, конечно, в шоке был не меньше Бальтазара, но всё-таки уговаривал его не действовать спонтанно и продумать наши последующие действия. Мальчик меня слушать не стал, вскочил на свой... — Зигмунд замялся. — Ты... Ты же знаешь, что такое «велосипед»? Редкая штука, но кое-где встречается. Такая... Ну... Табуретка с педалями, колёсами и рулём — на него садишься, педали крутишь и едешь? Вот. Только у Бальтазара этот велосипед умел передвигаться без педальей, да ещё и раз в двадцать быстрее. Так вот, сел он на эту штуку, я буквально несколько секунд не успел — он уже умчал.

Что было дальше — узнал позже со слов Бальтазара. Доехал он до деревни. Уже ночь была. Он пробрался к Звёздочке. Она не спала, сидела у себя, плакала, да ещё и на лице огромный синяк с царапиной. Парень времени терять не стал — любовь свою в охапку и мигом рванул назад. Что там у них в пути произошло — я уже не помню. То ли двигатель начал барахлить, то ли ещё что-то... В общем — отъехав на приличное расстояние, решили они у реки сделать привал. Пока Бальтазар возился с техникой, Звёздочка решила умыться и на время отложила головной убор в сторону, а когда взяла его вновь — оттуда выскочила змея и её укусила. Змея не особо опасная, но её яда хватит, чтобы человек лишился сознания.

Оказалось, это родня невесты подросла — Звёздочку с помощью той змеи лишили чувств, а Бальтазара схватили, избили, а королю весточку послали, мол, приезжайте, дело первой важности.

Я долго уговаривал короля позволить мне там присутствовать. И мне разрешили, но с одним условием. В услужении короля и многих его предшественников был так называемый «Внутренний Советник». Дух камня, которого я преподнёс в подарок королевской семье долгие годы назад. В общем и целом — он взрастил прямо в моих руках два минерала, на подобии кандалов, чтобы я не смог колдовать и в случае чего помочь Бальтазару..

Что-ж... Приехали... Ждали мы их долго, помню, стоял я как на иголках. Когда лошади вдалеке показались — глядели вместе с Гором во все глаза, чтобы умельца нашего разглядеть как можно быстрее. Увидели... В одной только рубашке и штанах тонких его на снег кинули. Босыми пятками по снегу ступает, ноги дрожат, видно, что переломаны, лицо всё взбухшее от синяков — всё внутри сжалось, когда увидел его таким. К нам подошел один из приезжих, кое-как на нашем болтавший, и начал королю объяснять, что чадо его покусилось на уже обещанную честному человеку женщину и посему должно понести соответствующее наказание от рук отца девушки. Его высочество слушал-слушал, а потом молча кивнул — «Разбирайтесь». Тут же переговорщик махнул своим рукой, крикнул что-то на их языке и назад побежал. Из толпы к Бальтазару вышел высоченный, широкоплечий мужик с огромной деревянной дубиной, которая на глаз весила килограмм двадцать, не меньше. Вышел, постоял, нахмурившись, напротив съездившегося от холода Бальтазара, и о чём-то его спрашивает. Мальчик помолчал с полминуты, а потом что-то отвечает. Что — я не расслышал, далеко они от нас стояли, метров за двадцать. Но, в любом случае, ответ отца не удовлетворил. В ту же секунду он размахнулся и треснул той огромной дубиной Бальтазара по боку. Бальтазар тут же оказался на земле, словно он ничего не весит. Меня так и передёрнуло, я рванулся вперёд, но на меня тут же набросились королевские солдаты. Гор сумел отлететь на несколько метров, но его тоже словили. Я начал, переходя на крик, требовать, чтобы это безобразие немедленно прекратили. Мне ответили, что это с нашей стороны будет не компетентно. Что маленький проступок Бальтазара не должен стоить хороших взаимоотношений с соседними народами, и если он по их мнению совершил преступление — он должен понести наказание. И там... Там...»

По Зигмунду было видно, что он сейчас хотел продолжить рассказ в прежнем ключе, но что-то недосказанное, не выраженное ещё никому, мешало ему это сделать.

— Я не оправдываюсь, но... Я болел тогда. Не сильно, но оказаться за мгновение рядом с мальчиком я не мог. Тем не менее, я мог вырваться, мне бы это не составило труда. Но я не вырвался. А его продолжали бить. — Он надолго замолчал. — Я... Я, чтобы ты не подумал... Ладно, сейчас это не важно...

«К тому моменту Бальтазар уже практически неподвижно лежал на земле. Я до ужаса боялся, что его забьют до смерти, но тут из скопления людей вылетела девушка, которую до того момента старательно удерживали в стороне. Это, как не сложно догадаться, была Звёздочка. Она подлетела к Бальтазару буквально в самый последний момент, под самую дубину, загородила его собой, потом медленно-медленно, не сводя взгляда с отца, присела рядом с Бальтазаром и, обняв, буквально накрыла его собой. Отец бить своего ребёнка, естественно, не стал, но посмотрел на девочку презрительно, с жутчайшей злобой, и после этого они все уехали, а Звёздочка с Бальтазаром остались. Тут и я подрос, всё-таки осмелел и вырвался. Бальтазар ещё три дня пролежал без чувств, у него было сотрясение, и

ему сломали почти все рёбра, они чудом не задели лёгкие. А Звёздочка... Жолдыз ушла через какое-то время. Сказала, что знает, где сейчас под новым именем обосновался её театр и собирается продолжить там работать. Я не знаю почему, но я сразу почувствовал что-то неладное, да ещё и она так выглядела, будто что-то недоговаривает, но отчаянно на это намекает и тем самым подсознательно уговаривает меня каким-то образом её отговорить. И я пытался отговорить, честно, но она не соглашалась. В конце концов я просто проводил её до места назначения, чтобы точно знать, где она находится, и предупредил её, что Гор каждый день будет сюда прилетать, чтобы мы точно знали, что с ней всё хорошо. На том мы и расстались. Больше я Жолдыз никогда не видел.

Шло время, Бальтазар начал приходить в себя, постепенно он начинал связно говорить, овладевать руками и ногами, и вот однажды Гор вернулся со своего визита к Жолдыз как-то подозрительно рано. Как выяснилось, их театр опять куда-то уехал. Они стали часто переезжать — доходы с представлений падали, потому они и меняли так часто место своего пребывания. Но сам факт оставался фактом — Жолдыз пропала. Совершенно и окончательно. А Бальтазара тем временем уже стала интересовать судьба его подруги. Первое время я как мог отмахивался, но в один день он за меня схватился, и, глядя красными, выпученными глазами прямо на меня, прорычал сквозь зубы: «Где Жолдыз?». Не буду описывать нашу перепалку, но после нескольких полетевших на пол вещей я всё-таки его скрутил и рассказал, что произошло. Не хотел этого делать, боялся, что это на нём, и без этого искалеченном, ужасно скажется, и, чего уж греха таить, оказался в итоге прав. Он сразу побледнел, весь затрясся, взвыл — так только собаки, которых душат, визжат — царапаясь и кусаясь вырвался из моей хватки, порвав на себе рубаху, выбежал на улицу и рухнул прямо в мокрый снег, вопя на всю округу. Как мне тогда за него страшно было — это ужас. Одно я сейчас знаю точно — это было началом конца. Ужасного конца.

Через какое-то время к нам заявила королевская гвардия, сообщили, что король с королевой требуют своё чадо обратно. Тут я уже серьёзно разозлился, но Бальтазар — он к тому моменту уже полностью поправился — стал меня уверять в том, что он обязан туда пойти. Стал говорить, что я ведь сам его всегда подталкивал к этому — к тому, чтобы он наладил отношения с семьёй. Он говорил, а глаза у него были серые, безжизненные, холодные... Мы долго так спорили, почти несколько часов, я, Бальтазар и стража. В конце концов его увели. Я его отпустил. Снова. Понимаешь? Снова. Снова буду жалеть, но впоследствии опять наступлю на те же грабли.

Я оказался тогда прав. Он был сломлен. Бальтазар, понимаешь? Если раньше его удерживало как-то моё наставление, его повседневные занятия, как отдушина, то тогда, лишённый любимого дела, его семья сожгла большинство его чертежей и разработок, единственного друга, униженный и достигший, казалось, самого дна — он уже не боялся ничего. И он убил их. Сначала старших...» — Зигмунд заикнулся, будто ему сдавили горло. — «Он, прежде чем уйти от меня, стащил маленькую, совсем-совсем маленькую колбу с одним... С-С одним химикатом. Он сбежал из темницы и подсыпал им это в еду. Они страдали. Долго. Бились в конвульсиях, их рвало кровавой рвотой... Королева и её три старших сына. Её ещё смогли спасти, а вот принцы... В общем, с-сгорели они меньше чем за день. Королева выла потом неделю, а король, поговаривали, прямо на глазах поседел после того, как они увидели тела. Всё бельё красное, а худые лица с до предела распахнутыми глазами искажены были таким животным ужасом, будто к ним за секунду до смерти явился сам Дьявол.

Как бы я не любил его, я понимал, что он сошёл с ума и не остановится. Поэтому я настоял, чтобы Бальтазара искали с утроенной силой. Я тоже искал его. Но мы не успели отыскать и схватить его вовремя. Через какое-то время он объявился, потребовал у отца трон, и, получив отказ, убил всех остальных.

В тот день я, проснувшись, выйдя на улицу, смотря на людей, на небо, на летящих в нём птиц вдруг явственно ощутил, что что-то поменялось. Тогда ещё даже не успели прозвучать первые возгласы «Да здравствует новый король!», но я уже ощущал, что нечто вокруг кардинально поменялось, и будто ведомый каким-то внутренним чутьём я отправился в столицу — На лице Зигмунда появилась широкая, болезненная улыбка. — «Не прогадал, чёрт возьми. Ещё, знаешь, шёл к главной площади и думал: что за запах? Почему так много ворон? Почему так много людей? В общем, пробрался я через толпу народа и увидел...» — Он замолчал. — «Король и королева с их детьми. А точнее — их тела. Хотя... Кого я обманываю — это были просто куски мяса. Фарш, с торчащими отовсюду костями и обрывками окровавленной одежды. И да, висели только королева с выводком... От короля... Только голова осталась. В самой середине находилась, а в глазницу воткнута табличка с надписью: «Потому что они это заслужили».

Боже, я тогда думал, что просто сплю. Мне хотелось спать. Нет, не в том смысле, а в... Ай, не важно! Пячусь я назад, машинально опустил взгляд чуть пониже тел, а там... Там он. Уже с короной. Сидит. На троне. И, знаешь... Я даже... На него смотришь, у него ведь глаза тогда совсем другими стали. Они были не пустыми — они были полны. Крови, безумия и садистской радости. Знаешь, вот, смотрел я тогда на него. Долго-долго смотрел, пошевелиться не мог. Смотрел, и такое ощущение было... Похоже на то, как если смотришь на огромного, хищного паука, неспешно вылезającego из гнезда. Некий первобытный ужас и отвращение. Тогда будто всё вокруг исчезло, остались только я и он. И я ему говорю: «Что ты сделал? Что. Ты. Сделал?» И он меня услышал. В тот раз я не церемонился со стражей. Все за секунду оказались на земле, а я перед ним. Я мог закончить всё разом в ту секунду: он был абсолютно беззащитен. Но не смог. Точнее, я в принципе не мог. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я, и я сейчас не о воздействии электричества на мои силы.

В общем-то, тогда всё и завершилось. Мы пошли на переговоры. Вёл он себя развязно и по-хамски. В итоге мы договорились — я создаю «Ковчег». Место, где люди могут найти покой, и где его, «его величества» власть не имеет силы. Он же имеет право проникнуть на территорию «Ковчега» только в том случае, если мы укроем у себя его врага. На том и порешили. Я ушёл, ничего не сказав. И всё»

Закончив свой рассказ, Зигмунд на несколько секунд закрыл лицо руками и тяжело выдохнул.

— Вот рассказал я всё это сейчас и в очередной раз понимаю, Агний: я ужасный человек. И ужасен я своим бездействием и приуменьшением. Как? Ну, как так можно было? Постоянно меня что-то тормозит. Тормозило, по крайней мере. У меня ведь столько раз был шанс всё это предотвратить: я мог увести Бальтазара от его семьи, я мог заступиться за него тогда, когда его избивали, я мог остановить Жолдыз, когда она уходила, я мог не отпустить Бальтазара домой, я мог, в конце-концов, поговорить с ним хотя бы тогда, в нашу последнюю встречу. Нормально поговорить.

— А убить его?

Зигмунд резко прервался.

— Что?

— Й-я имею ввиду... Если бы вам сейчас выпал шанс — вы бы его убили?

Зависла тяжёлая, сдавливающая всё внутри вставшим в горле ожиданием тишина. Наконец, Зигмунд собрался и честно, уверенным голосом ответил.

— Да. Я бы его убил. Всё-таки он действительно в чём-то прав. Всё, что было раньше — давно в прошлом. В одном я ему сейчас благодарен: у меня теперь есть два прекрасных ученика, которые появились у меня именно из-за того, что я больше не мешкаю. У меня есть смысл жить дальше, именно это и придавало мне сил при побеге. А Бальтазар мёртв. Я сейчас не шучу, он действительно мёртв. Не для меня, а в принципе. Просто.

В тот момент Агний понял, что разговор исчерпан. Мальчик не стал задерживаться. Отблагодарив Зигмунда за доверие и получив ответную благодарность за то, что маленький раб в очередной раз выслушал чьи-то душевные терзания, Агний удалился.

Следующие пол часа протекли как-то... Да никак. Мальчик старался не отходить далеко от места их общего пребывания. Ходил по мостикам, наслаждался чарующим запахом дерева, свежей выпечки, и, конечно, просто фантастическими видами на ночной лес и горы.

Словно граница между реальным, подвластным каким-то суждениям, мыслям и законам миром и чем-то потусторонним, эта тёмная панорама вглядывалась в созерцавшего её мальчик. Тысячелетние кроны деревьев с миллионами листьев поминутно раскачивались на неощутимом ветру, словно это дышит во сне какое-то огромное существо. И в этом шелесте, будто откуда-то издалека, можно было услышать, если вслушиваться очень долго и внимательно, голоса. Множество тысяч голосов, сливающихся в один единый, выговаривали множество нераздельных звуков на каком-то немислимом языке.

— Тоже их слышишь?

Агний резко обернулся и увидел перед собой Гальдору. Та, в свою очередь, с задумчивой улыбкой расположилась рядом с Агнием, облокотившись на перила моста, и тоже начала вглядываться в далёкую мглу.

— Знаешь, кто это? — Гальдора одними лишь глазами уставилась на Агния. Тот помотал головой.

— Это духи «Того».

— Чего «Того»? — Прищурился от недоумения Агний.

— «Того, не знаю сам чего». Зигмунда, видать, почувствовали. Зовут домой.

Понимание того, о чём идёт разговор, у Агния пропало окончательно. А девушка всё продолжала:

— Этот лес является границей того, где мы все можем обитать, и того, где такие, как мы, и пяти минут пробыть не смогут.

— Почему?

Гальдора пожалала плечами.

— Потому что там — неизвестность. Туда можно зайти, но вот выйти... Те, кто шёл туда с лёгкими намерениями, либо с ума сходили, либо впадали в такое дикое отчаяние, что... В общем, долго не жили.

Агний многозначительно промычал в ответ.

— И никто, вообще никто оттуда не выходил в здравом уме?

— Почему? Генерал оттуда вышел, отец Зигмунда. Правда... Не один. С сыном новорожденным. Была война тогда, и отец, спасаясь от врагов, туда и убежал. Что там с ним происходило — он не вспомнил впоследствии... Или говорить не хотел... Но, в любом случае, сын его людям много полезного принёс: и от многих болезней вылечил, и с

дипломатией их познакомил, от многих проблем избавил. Вот так-то.

Агний молча кивнул, переваривая полученную информацию.

— А, да, вспомнила! Чего я тебя-то искала? Искури со всеми остальными приехала, тебя зовёт!

— Хо-Хорошо? — Только и успел вымолвить мальчик, как Гальдора без всяких церемоний схватила его за руку и с завидной скоростью буквально поволокла недоумевающего раба по подвесным улицам, ловко огибая немногочисленных прохожих.

Наконец, они оказались на большом причале (тоже располагавшемся на огромном дереве) около которого и находилось помятое, но не сломленное «Наследие». Не прошло и пяти минут, как они с Гальдорой уже стояли близ каюты капитана и смиренно дожидались того, когда же Искури с Орландо наговорятся и Агний сможет войти. В течение этого времени Агний внимательно вслушивался в разговор за дверью, но сколько он не силился, мальчик никак не мог разобрать, о чём идёт разговор. Разобрать ему в конце концов удалось только последние слова, сказанные Искури: «Ладно уж, ладно... Веди его сюда. Слышала, они уже пришли». После этого послышался грохот открывающегося замка и в дверном проёме показался силуэт Орландо.

— Вот, как и просили, привела! — Бодро отчиталась Гальдора, хлопнув своего лохматого спутника по спине так, что тот аж вздрогнул.

Секунду длилось всеобщее замешательство, после чего рослый мужчина со словами: «Ну, чего стоишь? Заходи! Тебя ждут» завёл Агния в комнату, после чего дверь захлопнулась.

В помещении находилось двое человек: Агний и Искури.

Сидевшая за большим деревянным столом девушка не стала долго тянуть, приветливо улыбнулась и подозвала мальчика к себе, предложив ему присесть. Агний, в свою очередь, немного неуверенно, но всё-таки приблизился к столу и уселся на очень громоздкий для такого маленького, худого и, что уж таить, жалкого существа стул.

— Ну что? — Своим фирменным, бодрым голосом начала разговор Искури. — Как вас тут встретили? Зигмунда уже видели? Как он? Хорошо? Отлично! А то мы так волновались... Как ты сам? Уже освоился? Хорошие тут люди? Ну! Очень тут народ добродушный, сама тут обожаю бывать...

Оперевшись локтями на стол, Искури с улыбкой на губах сделала протяжный вздох и вновь надолго замолчала. Внутренний психолог Агния явственно чувствовал то, что разговор, который сейчас должен состояться, будет очень непростым.

— Прости, я... Просто даже не знаю, с чего начать. — Вновь зависло молчание, но когда Агний уже был готов вставить слово — Искури оживилась и продолжила: — Ты когда-нибудь видел портреты покойной королевской семьи, где они стоят в полном составе?

Агний честно помотал головой.

— Ну, так вот... Их там всегда девять человек: родители и семеро детей. В том числе и этот самый... Бальтазар. — Девушка сделала особый упор на последнее слово, что свидетельствовало об особой неприязни к действующему правителю королевства.

Искури, по видимому, окончательно собравшись с мыслями, повернулась в пол оборота к Агнию и уставилась на то место на лице маленького раба, где у него должны были быть глаза.

— И знаешь что? — Мальчик кивнул в ответ на вопрос. — В тот день, когда Бальтазар предъявил народу убитых им родных — там было только семь тел. Двух детей не хватало. Один из них, ясен пень, это сам Бальтазар, а второй — младшая дочь короля и королевы.

Алиса.

На лице девушки зацвела болезненная, полубезумная улыбка.

— И знаешь, почему её там не было? — Процедила Искури, еле сдерживая смех. Агний всё с те же невозмутимым лицом помотал головой. Спустя короткую паузу прозвучал ответ:

— Потому что она здесь, прямо перед тобой.

С этими словами девушка, начиная от верха переносицы, сильно давя на кожу медленно проехала пальцами по лбу. В этот момент, словно по повелению какого-то сверхъестественного явления, с задорной темноволосой оптимистки начал спадать её привычный, приятный глазу образ. И происходило это так же плавно и быстро, как тает снег под палящим солнцем.

Каштановые волосы в некоторых местах пропали, а на их месте расцвели ужасающие ожоги, сеткой покрывшие бледную кожу, обтягивавшую худой череп. Алые, полные губы потрескались и стали чуть желтоватыми. Как только это страшное преобразование закончилось — Искури (или теперь уже Алиса) посмотрела на Агния глазами, один из которых заплыл и стал таким же, как у мёртвой и уже гниющей рыбы.

— Прикольно, да? — Всё так же печально усмехнулась некогда красавица. — Это Зигмунд создал для меня эту иллюзию. Он не знает, кто я такая на самом деле. Хотя... Думаю, по крайней мере догадывается, но молчит. Понимает, что время для того, чтобы предать данный факт огласке ещё не пришло.

Агний в ответ молчал и внимательно изучал взглядом открывшуюся перед ним картину.

Алиса придвинулась к нему ближе.

— Знаешь, кто это сделал со мной? Кто сделал это со всеми нами?! Он, Агний! Эта тварь отняла у меня семью прямо у меня на глазах, поставила то, что я называла домом на колени и превратила его в притон с рабством и беззаконием! Я видела его своими глазами, Агний! Я видела это животное, и знаю, что загнало людей в норы! В тот вечер никто не ожидал такого, мы только-только оправились от смерти Принцена, Говарда и Худепина, которых Бальтазар убил, как оказалось, первыми. Тот вечер был самым обычным, но он превратился в Ад, как и вся моя дальнейшая жизнь. И, я уверена, не только моя.

Да, тот вечер действительно не предвещал ничего необычного. Они с сестрой и братом сидели в одной комнате. Четырнадцатилетняя Солин как всегда пыталась продемонстрировать свою занятость, даже будучи в полном бездельи, и то и дело ударяла по рукам всё такой же робкой и тихой Алисы, когда та тянулась за той частью их, казалось бы, общей с сестрой косметики, которую Солин специально отобрала конкретно для себя, и хотела попробовать её на себе. А если честно, то у Солин сегодня был негласный праздник. Во время вчерашнего бала некий зажиточный барон подошёл к их матери и, глядя украдкой на расцветающую златокудрую красавицу-девицу якобы спросил, не готова ли ей ещё достойная партия. Для ждавшей подобного всю свою недлинную жизнь Солин это было великим достижением. Именно поэтому она сейчас так гордо рассматривала своё лицо перед зеркалом, размышляя, как бы ей ещё прихорошиться.

Химелен же всё это время невозмутимо сидел на кушетке и рассматривал недавно подаренный ему охотничий нож. Скоро будет его первая охота, и он намеревался показать себя невиданным молодцом и уже представлял себе, рассматривая блестящее лезвие оружия, как по нему польётся кровь его первой добычи, чью жизнь он оборвёт одним мастерским движением руки.

Как вдруг всю эту идиллию оборвал топот по ту сторону двери. В комнату ворвалась

королева-мать, которая, стоило ей только оказаться в помещении, тут же захлопнула дверь и закрыла её на ключ. Одного лишь взгляда на неё было достаточно, чтобы понять — что-то явно не так. Бледная кожа женщины, живот которой уже внушительно выступал из-под платья, была покрыта блестящим слоем пота, волосы взъерошены, даже радужки вытаращенных от ужаса глаз будто побледнели.

— Бальтазар убил отца. — Её слова доносились будто вовсе не из её уст, настолько это было нереально. — Скорее, раскрывайте камин.

Им уже давно было известно, что якобы заложенный давным-давно кирпичом камин в их с сестрой комнате был на самом деле потайным ходом, что вёл наверх, на непросматриваемую часть крыши королевского дворца. Неизвестно, для чего был построен данный ход: для сокрытия каких-то вещей, либо же в случае нападения на дворец врагов — это всё было не важно. Сейчас враг был внутри, и он стремительно направлялся сюда.

Под натиском специально заготовленного для этой минуты лома камни на кирпичной дуге поддались, открывая взгляду маленький, словно нора, проход в каменную труду, ведущую наверх.

— Вы идите вперёд, мы с Химеленом подстрахуем. — Быстро проговорила мама. Нельзя было терять и секунды. Первой в проход шмыгнула Алиса. Хоть это и длилось от силы несколько секунд, но они тянулись просто убийственно долго, что только подбавляло, словно уголь в и без того раскалённую печь, адреналина в кровь. Второй полезла Солин, но тут раздался грохот, за ним полный ужаса крик мамы, переглушивший рычащее «Не ждали, черти?» и стоило только ещё даже не до конца осознающей весь ужас их положения Алисе узнать в постороннем голосе Бальтазара, как за волосы выдернули из прохода и пригвоздили тяжёлым сапогом спиной к полу.

«... Я тогда на секунду лицо Бальтазара успела увидеть, когда он ворвался в комнату. Глазищи у него выпучены были и мутные-мутные, будто в себя смотрят... Взгляд просто... Так смотрит изголодавшийся хищник на жертву, за которой он гонялся несколько дней и наконец-то настиг...»

— А ну, заткнулись все! — Прогремел, отразившись от стен, звенящий от гнева голос. Все затихли.

— Бальтазар, погоди! — Запинаясь лепетала мать, одновременно пряча за собой сына и рефлекторно поддаваясь вперёд к дочери, будто готовясь схватить её в любой момент. — Не надо! Прошу тебя, не надо этого делать! Д-Давай... Д-Давай прос-сто пог-поговорим!

— Поговорим?! Поговорим! Поговори-и-им! Поговорим! — Начал будто бы разжевывать услышанное слово обезумевший юноша, проговаривая его с разной интонацией и театрально растягивая гласные. — Поговорим!!! Поговорим? По-го-во-рим?! Где было твоё поганое «поговорим» все эти годы, мама?! (Голос принца стал напоминать рёв.) Но ничего... Ничего... Вы сегодня узнаете... Вы у меня сегодня все узнаете!

В этот момент Солин вновь завизжала от ужаса. Бальтазар с раздраженным «Замолкни!» тут же занёс ногу и со всей силы ударил хрупкое, неокрепшее тело в грудную клетку. Та вдруг неестественно глубоко продавилась... Глаза вытаращились... Из рта послышался хрип и через секунду оттуда повалила кровавая пена.

«Он отпихнул её в дальний угол. Солин пролетела эти от силы полтора метра как соломенная игрушка и ударилась лбом об стоявший там сундук и затихла. Мама завизжала, я впервые видела её в таком диком состоянии. Она попыталась подбежать к телу, но Бальтазар, опят выкрикнув что-то нечленораздельное, схватил её за волосы и занёс руку...

Тогда я ещё не поняла, для чего он это сделал, но это сейчас не важно... Когда он приготовился убить и маму, то на спину ему запрыгнул Химелен и вонзил ему прямо в плечо свой новый охотничий нож. Бальтазар заорал, начал метаться по комнате и кричать: ...»

— А ну слезь с меня, тварюга! — Бальтазар попятился назад и врезался в стоявший неподалёку книжный шкаф, опрокинув тем самым на себя и крепко вцепившегося в него мальчишку всё его содержимое. Именно в ту секунду пребывавшая в ступоре королева всё-таки пришла в себя и уже была готова кинуться на помощь сыну, и именно в этот момент в комнату ворвались пятеро здоровенных стражников, к которым уже мчалась на подмогу гвардия всего замка. Но схватить предателя они не успели. Именно в ту секунду, в тот самый час, в тот самый день мир узрел самое страшное оружие, которое было сооружено руками простого человека. В ту секунду тысячи, миллионы, миллиарды ярчайших молний вырвались, казалось, просто из неоткуда, озарив ярким светом вырвавшейся на долю мгновения из своей тесной клетки стихии, и так же быстро исчезли. Младший принц, отцепившись от брата, рухнул на пол. Одним рывком вытащив из плеча нож, Бальтазар тут же всадил кровожадное лезвие в голову подвернувшегося под горячую руку стражника за мгновение до того, как последний схватил бы безумца. Тут же над разлохмаченной головой принца был занесён вражеский меч, но не прошло и мгновения, как стражник уже лежал на полу, рассеивая в воздухе шедший от него дым. Та же участь ждала и их оставшихся трёх сослуживцев.

Со стороны коридора послышался топот многочисленных ног и гул. Бальтазар, оглядев своё гениальное оружие, обнажил голодный оскал. Впервые за всю свою жизнь он ощущал своё полное превосходство.

«... Прибежало подкрепление. Их было много. Очень много. Мне тогда казалось, что в нашу комнату вбежала целая армия. Но это ничего не меняет... В общем, я тогда впервые увидела, как один, ОДИН хлипкий человек справляется с целой ватагой крепких воинов, которые на три головы выше его.»

В какой-то момент адреналин достиг своей высшей точки и затрясшийся от перевозбуждения Бальтазар вцепился в одного из гвардейцев шипастой перчаткой и, рванувшись не без помощи схвативших его тогда из-за спины трёх сослуживцев несчастного назад, с мясом вырвал тому нижнюю челюсть. После этого принц озверел окончательно. Больше он никого не боялся. Его преимуществом была не только его чудо-перчатка. Его преимущество — руки, ноги и зубы, которыми он теперь кромсал, рвал и перемешивал в один огромный кровавый фарш на полу и стражников, и очнувшегося Химелена, и некоторых слуг, прибежавших на помощь. Всех. Все они, вытаращивая свои пороссячьи глазки и пища своими тошнотворными голосками сотрутся с лица земли под чужими ударами. Все они окажутся там, в этой гуще человеческих останков, в которой уже невозможно разобрать, где кто. Все они станут одной единой композицией, изображающей самый глубокий, самый кошмарный, самый чудовищный круг Ада, который сейчас крутится в голове принца и, желая всем своим осязаемым существом вырваться наружу, заставлял безумного всё сильнее и сильнее сжимать от напряжения кровотока язык и всё быстрее и жестче уничтожать любые черты человеческого на этих хрупких вместилищах душ, чтобы они уже никогда ничего не смогли сказать, никогда ничего не смогли подумать своими тупыми головами, никогда не смогли выразить ни одной эмоции. Чтобы их больше не было вообще и никогда.

«... Последним он убил Химелена. Даже когда он уже минут пять как не двигался,

Бальтазар продолжал наносить удар за ударом, превращая голову моего старшего брата в месиво. Потом он резко вскочил на ноги, подбежал к шкафу и опрокинул его на тело. Оно резко вздрогнуло и забилося в конвульсиях. Я услышала, как захрустели кости... А он, Бальтазар, ещё и попытался запрыгнуть на шкаф и окончательно раздавить всё, что под ним лежало. В итоге только ногу ушиб, разнёс заднюю стенку и начал просто биться в истерике и истошно орать, рвя на себе рубашку и царапая руки. Он чуть ли не головой об пол бился...»

После непродолжительного выплеска эмоций, Бальтазар, делая надрывные, рычащие вздохи и шатаясь из стороны в сторону, поднялся на будто онемевшие ноги и застыл на месте. Этих нескольких секунд Алисе хватило, чтобы разглядеть его от макушки до пят, пусть и со спины. Он весь был красный, словно какой-то древний кровожадный демон, обмазанный кровью принесённых ему жертв. После короткой паузы перебитый, израненный и еле державшийся на ногах принц с неестественно перекошенным лицом (видимо, разряд попал и в него) медленно, прихрамывая, направился через гущу человеческого мяса к своей главной цели.

«Мама...» — Неслышно шевельнулись губы сидевшей в камине девочки.

Да, всё было именно так. Мама всё ещё была жива. Хотя... Она, наверное, за всё это время успела умереть раз двадцать. Если не физически, то уж душой — да.

Бальтазар неспешно приближался к ней, и чем ближе он приближался — тем шире становилась его искаженная, уродливая, бешеная улыбка.

— Что такое, мама? — Принц проговорил это так, будто не разговаривал уже долгое время и практически разучился шевелить языком. — Жертва ведь всегда сама виновата в своих мучениях, (он подошёл к матери вплотную и нагнулся к ней с уже серьёзной гримасой) или как?

Королева не успела даже звука издать, как Бальтазар придавил её к полу и нанёс удар. Размашистый, полный непередаваемой злобы удар... первый. За ним тут же последовал и второй, через секунду третий, с завидным учащением и четвёртый, и пятый, и шестой... И так пока у наследника не защемило в лёгких и пока кулак не добрался до черепа, который через несколько секунд несколькими ударами рук и ног был превращён в муку.

После этого вновь возбуждённый накатившей агрессией Бальтазар вцепился в безголовую оболочку, несколько раз ударил её об пол, издавая при этом совершенно нечленораздельные звуки, после чего юноша резким движением вспорол вздувшийся живот женщины.

На лицо, прямо в глаза, тонкой струёй брызнула алая жидкость. Бальтазар на мгновение зажмурился и, медленно поднеся руку к лицу, вытер кровь с лица и огляделся. Будто прозревшими глазами он осматривал всю окружающую его обстановку. Выглядел он даже как-то... растерянно.

Оглядывался, оглядывался, оглядывался — а потом коротко всхлипнул, дрогнув всем сгорбленным телом, ещё раз ощупал красными пальцами лицо, шею, волосы и предплечья, будто чтобы убедиться, что он реален, и, пробыв ещё какое-то время в тишине, медленно улёгся на бок.

Он приходил в себя. Приходил в себя, и, как видно, с трудом переваривал произошедшее. Всё произошедшее за последние двадцать минут огромным валом навалилось на него, и теперь он, облизывая языком впадины от выбитых зубов, потирая сломанные пальцы и неспешно распрямляясь на полу, переваривал всё то, что он натворил. Бальтазар ведь далеко не раз представлял, как делал со всеми ними это. Но чтобы вот так... В

реальности, не какими-то там призрачными конечностями в своей голове, а вполне реальными, осязаемыми, бывшими каждый день и каждую секунду руками... По-видимому, даже для него это всё было настолько невообразимо и кошмарно, что разум Бальтазара даже не смог в те секунды хоть как-то на это всё по-человечески среагировать.

Этот «транс» длился не долго, но и не слишком мало. Возможно, даже само время отступило куда-то в другое измерение. Но это не важно.

В какой-то момент Бальтазар всё-же поднялся. Медленно, на дрожащих руках, будто вовсе он отвык от веса собственного тела, но от поднялся. Огляделся, выпучив, будто годовалое дитя, глаза. Двинулся к двери, но вновь застыл, глядя куда-то в одну точку. Так снова прошло несколько минут, потом он снова начал оглядываться и выражение его лица стало меняться. Сначала оно было таким же растерянным, потом вдруг сделалось настороженным, после взволнованным, а потом его взгляд упал на камин, откуда всё это время всё происходившее наблюдала Алиса.

Он застыл, но потом его глаза вновь налились кровью, будто зверь внутри разума юноши понял, что дело ещё не закончено.

— Алиса... — Донёлся хрипловатый голос. Внутри девочки что-то дрогнуло. Медленно, но верно, в ней начало пробуждаться осознание всего произошедшего и происходящего.

— Алис... са...

Бальтазар одним прыжком оказался около камина, запустив туда руку в дьявольской перчатке. Девочка зайцем метнулась к железным выступам на стене прохода, служившим ступеньками, и за секунды, пусть они и тянулись как часы, начала преодолевать расстояние от низа до свободы.

Бальтазар тут же рванулся за сестрой, но стоило ему только оторваться от земли как железка, за которую он держался, выскочила со своего места, и принц ухнул вниз, при падении ударившись головой об стену близ маленького прохода. Выругивая всё на свете, Бальтазар вылез из колодца. На мгновение наступила тишина, но уже скоро откуда-то снизу послышалась возня и злорадное, еле сдерживаемое гоготание.

Алиса так и не поняла, где он взял порох. Судя по всему, он был у кого-то из стражников (они иногда носили по небольшому мешочку на поясе), либо же у самого Бальтазара могло оказаться про запас что-нибудь горючее. В общем, суть вовсе не в этом. Когда нежная, детская ладошка уже почти коснулась верха дымохода, внизу маленькая спичка подожгла груды разорванных за минуту книг, платьев и всего остального, служившего масштабным очагом возгорания, и раздался взрыв.

Алиса, словно из пушки, вылетела из разлетевшейся в клочья трубы, и, покувыркавшись в воздухе, рухнула на каменную платформу на крыше и сломала руку. Но это было детским садом по сравнению с тем, что пережёвывало её ещё совсем детское тело от головы до опалённых практически до костей ног. Боль. Ужасная, дикая, подкрепляемая жадными укусами дождевых капель, стекавших по жёлто-коричневым пузырям, боль. Девочка даже закричать не могла, лишь судорожно плотала воздух, закрывая вздувшееся от ожогов лицо изуродованными пальцами, и силясь хотя бы заплакать...

— ... Потом... Не помню, что было потом... Дальше помню лишь то, как меня уже на улице подобрала мама Орландо. Это было... Ну, месяца три спустя. Из-за моего... — Алиса усмехнулась. — ... Из-за моего прелестного преображения меня, ясен пень, никто не узнал. Да и я не слишком-то горела желанием говорить, что я чудом спасшаяся принцесска. Что это изменит? Ладно, не суть. Попала я к ним, к слову, очень даже вовремя. Они как раз тогда

собирались отправиться жить на «Ковчег». Ну, и я с ними туда ушла. Там и выросла.

Закончив свой рассказ, Алиса ещё какое-то время помолчала, поглощенная мыслями, а потом перешла к самой сути разговора:

— Так вот, Агний, спасла я тебя, признаюсь, не просто так. Нет, ну, точнее, ты не подумай, я бы в любом случае не выкинула тебя за борт, тебя бы на землю... Тфу, ну, в смысле... Не важно! В общем, ты здесь — значит здесь, и ты здесь прямо сейчас не просто так. Понимаешь ли, у нас незадолго до твоего появления с Орландо созрел один план... Даже не знаю, с чего начать... Этот план основывался на психологии Бальтазара, и если коротко, ты мы в итоге пришли к выводу, что лучшим оппонентом в бою с ним будет ребёнок. Причём ребёнок, который прошёл, скажем так, «естественный отбор» — рос в не самых благоприятных условиях и смог выработать в себе определённую стратегию, ведущую к выживанию. И, я думаю, ты уже знаешь, к чему я клоню.

Алиса серьёзно посмотрела на Агния. Тот, толком не зная, какой реакции от него ждут, неловко кивнул и в то же мгновение женщина продолжила:

— Агний, ну ты просто посмотри! Ты смог выжить в условиях рабства! Тебя бросили в лесу, и ты не то что не погиб, а даже смог найти дорогу к нам! Агний, ты знаешь, что это значит? Ты можешь найти выход из любой ситуации! Кому, как не тебе, выступить против Бальтазара один на один? Агний, пойми, больше никому. Никто больше так не сможет. Да и, тем более, сам подумай — все эти люди так хорошо обходились с тобой, неужели ты готов их подвести? Готов обрести их на страдания в руках тирана? Ты будешь героем, Агний! Тебя будут на руках носить! Больше никакого каторжного труда — ведь у тебя наконец-то появится то, о чём ты, я не сомневаюсь, мечтал всю жизнь... — Алиса, с маниакальным взглядом торговца, стремящимся залезть в самую душу потенциального покупателя и буквально вынудить его раскошелиться хоть на что-то, придвинулась к Агнию в упор. — Ты получишь семью, Агний. Любящую семью, которая будет пылинки с тебя сдувать и сильно тосковать по тебе, когда тебя не будет рядом. Но перед этим надо эту семью защитить. Агний, что ты на это скажешь?

Агний застыл, словно вовсе разучившись двигаться, и только подбадривающее подмигивание глаза девушки кое-как вернуло его в чувства.

— Н-Ну... Ну... В общем... В общем, да...

— Согласен?!

— Да...

Алиса вцепилась в мальчика и, чуть ли не подняв последнего в воздух, крепко-крепко его обняла.

— Ты герой, Агний! — Приговаривала девушка, расцеловывая лохматую голову и невидное ей лицо паренька. — Ты уже герой! Молодец! Уважаю! Все будут уважать! Все будут любить! Они уже любят, Агний!

Наконец, уняв радостное возбуждение, Алиса вновь заняла своё место за столом, утёрлась платком и вновь обратилась к своему маленькому собеседнику:

— Если хочешь — иди в столовую, Агний. Ты, наверное, безумно голоден. Там сейчас все наши. Я тоже скоро подойду. Сам доберешься? Хорошо. Ждите меня.

У самой двери Агний вдруг остановился.

— И да...

Алиса посмотрела на мальчика, чуть приподняв бровь.

— Не будет же ничего плохого, если я попрошу об одном одолжении прямо сейчас? Я

прошу не за себя!

Девушка, облокотившись на спинку стула, состроила деловитое лицо.

— Т-Там... Там, на запа... Да уже не помню где... В общем, есть тут недалеко поместье одного богатого господина, и у него есть дочь, Эннель Дагсхарт. Она очень одинока, и вся её семья находится в бедственном положении, отчего страдает не только она, но и вся их прислуга. Помогите им. Им всем. Пожалуйста.

Алиса твёрдо кивнула, не меняя выражения лица. Агний тихо, но искренне, поблагодарил и удалился.

... И он пошел в столовую...

Нужную комнату Агний искал не долго — шумные голоса из-за стены явно намекали о её местоположении, намного дольше мальчик искал вход.

Зашёл. В лицо ударил яркий свет от множества люстр под потолком. Сразу на пути повстречался Имир. Агний посмотрел на юношу снизу вверх и растянул, как смог, лицо в улыбке (сдавливующее чувство всё ещё давало о себе знать). Имир прошёл мимо. Глядя куда-то вперёд, будто даже и не заметив на пустом проходе своего маленького товарища.

Агний, не особо обратив на это внимания, проследовал за другом и присел вместе с ним за стол в дальнем углу, за которым уже сидел Лейв.

Между братьями мгновенно завязался оживлённый диалог, сопровождаемый радостными возгласами и периодическим перебиванием друг друга. Агний же робко сидел на стуле и изредка что-то вставлял в непонятный ему большую часть времени диалог, пожёвывая белый хлеб из корзинки на столе. Братья, бывало, на мгновение прерывались и даже что-то отвечали своему маленькому приятелю, но быстро возвращались в колею им лишь одним понятного разговора. Скоро в сторону Агния даже поворачиваться перестали.

Через какое-то время мальчик всё-таки вышел из-за стола и попятился назад, стараясь не попасться никому под ноги. На его отсутствие никто не обратил внимания.

К тому моменту в столовую успела войти и Алиса, и теперь она, сидя за самым огромным и пышно уставленным всеми мыслимыми и немыслимыми яствами столом громко разговаривала со своей командой, в числе которых был и периодически обнимавший свою подругу Орландо. Как и в прошлый раз, почти незаметное появление мальчика не обратило на себя внимание присутствующих. Агний будто истончавшейся от волнения рукой несколько раз посмел потревожить еле осязаемым толчком Искури, но та, лишь на мгновение обернувшись на мальчика, тут же отворачивалась, забыв о маленьком рабе так же, как забывают об увиденном на секунду краем глаза мираже. Постояв так минут десять, Агний устал от бездействия и начал просто слоняться по всему помещению. Уж лучше что-то, чем ничего.

Он ходил, смотрел, разглядывал, думал, снова ходил и когда ему был знаком уже каждый закоулок, каждое лицо, каждая лужа пролитого молока — он стал задумываться. Все эти люди — истории. Мечты. Миры. Целые вселенные, которые переплетаются друг с другом, дополняя каждый индивидуальную историю другого. Историю, которую потом не стыдно будет рассказать в цветной книжке для детей, которую детёныши какой-нибудь статной дамы будут слушать перед сном. И такие, как он, тоже будут слушать. Из тени. Словно неприкаянные духи в мире, где им уже нет места, они будут всегда находиться бок-о-бок с людьми и где-нибудь в сторонке наблюдать, как начинается и развивается чья-то история, в которой их нет и никогда не будет.

— А теперь, я предлагаю тост! — Звонкий, словно рокот военной трубы голосище

Искури прокатился по всему залу так громогласно и неожиданно, что Агний чуть не обмер.

— Друзья мои! — Продолжала девушка перед замолкшей аудиторией. — Мои дорогие друзья! Только вспомните, сколько мы пережили! Сколько старались! Но теперь — мы на пороге мечты. Мы почти достигли нашей цели! Мы — люди завтрашнего дня, которые с рассветом выдвинутся в последний бой и наконец-то вгонят этот дьявольский режим в могилу. Мы — вместе! Мы — сила! Мы — ПРАВДА, и само небо на нашей стороне, ибо мы гласим устами свободы и добра, которая сегодня же придёт и всё на свете победит! За победу!

— За ПОБЕ-Е-Е-ЕДУ-У-У-У!!! — Загудели, будто предвещая начало страшного суда стены, пол и потолок. Задрезжала каждая лампочка в маслянистых люстрах, завибрировала твердыня под ногами, всё вдруг задвигалось в каких-то диких конвульсиях, угрожая затоптать, изломить, буквально изничтожить маленькое, худое существо, оказавшееся в тот момент в самом эпицентре этого Ада. Агний, буквально сжавшись в один будто таящий под натиском давки бесконечного количества тел и ног комков, под громогласную, нескончаемую какофонию голосов, звона разбивающегося стекла и падающих стульев, от которой закладывало до глухоты уши, метался из стороны в сторону в попытках убежать. Куда? Не важно! Абсолютно неважно! Куда-нибудь подальше! Куда-нибудь далеко-далеко, но каждый раз, будто нарочно, похожая на ствол небольшого дерева нога опять впинывала измученного мальчонку прямо в этот котлован. И в тот момент, когда казалось, что он готов прорывать себе путь к свободе даже зубами, когда в легких почти кончился воздух, когда казалось, что сердце сейчас просто разорвётся и перед глазами встанет мертвый мрак — мальчик одним резким рывком вырвался из толпы, кубарем прокатился по коридору и практически вылетел за дверь на улицу, растянувшись на деревянной платформе. Наступила тишина. Гробовая тишина.

Вот так... Вот так! Ну, что тут ещё скажешь? Сам дурак, да! Сам несусветнейший дурак. Но что это теперь поменяет? Ровным счётом ничего. Да.

Агний всё сидел и сидел... Вот уже белая краска подмешалась в просыпающееся небо и что-то внутри жалобно брякнуло, но тут же это что-то безжалостно придавили, чтобы не шумело. Чёрт со всем этим. Сейчас он сидит. Всё равно, даже если мальчик и пойдёт в очередной раз на поводу своей пунктуальности и явится к кораблю минута в минуту — их это совершенно не тронет. Почему это вообще должно их как-то волновать? Главное — чтоб пришёл. Он.

Агний сидел и предавался чёрствому осознанию того, что никуда он никогда не сбегал. У него просто оригинально сменилась «крыша». А всё по одной простой причине: он — раб. Был рабом, есть раб и будет им до конца. Что бы он ни сделал, куда бы ни пошёл, что бы ни сказал, с какого бы боку себя ни показал, каким бы дружелюбным, общительным и хорошим он ни был бы — в глазах окружающих он по-прежнему никто и звать его никак. Глупая пустышка, с которой никак не надо считаться. Которая ничего не чувствует и не воспринимает. А всё почему? Потому что он не может закатить знатный скандал по этому поводу, от которого всем, даже совершенно непричастным к этому людям и нелюдям стало бы тошно? Не может в резкой форме выразить своё недовольство? Да, не может. Не такой он человек. Представьте себе, для некоторых это является чем-то невообразимым, даже при условии того, что если бы человек совершил это — ему бы стало легче. Да и где гарантия того, что если мальчик это сделает, то лица окружающих расплывутся во вселенской жалости и скорби, а не скривятся от непонимания и отторжения или от ироничных улыбок?

Оно бы сработало, если бы он был одним из них. Если бы он был частью их истории. Истории, где униженные и оскорблённые, объединяясь в одну мощную волну «добра и справедливости», сметают негодяя в пропасть небытия и живут себе поживают, напевая через века оду своей прекрасной и великой дружбе, способной победить одним махом всё на свете.

Но он не один из них. Таким, как он, не посвящают ни одной истории. Про таких, как он, неинтересно и порой даже неприятно рассказывать. Почему? Так посудите сами: главный герой — он какой? Сильный, смелый человек не от мира сего, которого несправедливо унизили и он теперь мужественно идёт войной против несправедливости и угнетённости. А он? А ему-то, мальчику, чем похвастаться? Разве он имеет какую-то оригинальную и интересную судьбу? Да нет, таких, как он, тысячи или даже миллионы в королевстве. Разве его лишили чего-то? Нет по факту... Он родился в таком состоянии, другого он и не знал. А про какой-то там бунтарский дух и говорить нет смысла. В общем — кому он такой нужен? Маленький кирпичик на светлой дороге к будущему, по которой пойдут великие, только и всего.

И вспомнились в тот момент мальчику внезапно слова его самого первого хозяина, что он изрыгал в очередном припадке пьянства своему пятилетнему прислуге:

«Знаешь, вот, парень, ты не смотри на этих богатеньких прихлебал. Никогда им не завидуй. Никогда не завидуй тем, кто выше тебя по статусу, кто более талантлив и кто более любим, чем ты. Вот я, глянь, плотником когда-то был. Всякие полезные штуки вырезал, как говорили про меня — «мастерь на все руки»! Н-да... Мастер... И вот теперь сижу тут, с свиньями и с тобой, глупой безмозгой, разглагольствую... Так вот... Я о чём: мастера там, офицеры, короли — всё это так, мелочь, временно и пусто... А вот посредственности, как ты, парень — посредственности не переведутся ни-ког-да. Знаешь, пошему? Да потому что только благодаря вам одним могут возвыситься великие мира сего — одарённые. Любимчики жизни, так сказать. Помазанные. Вы же нихрена не должны делать. Просто жить и жить, да единственного высшего дара в вашей жизни ждать — смерти, ибо после смерти посредственностям сразу забронирован золотой билет в Рай, прямо под божье крылышко, ибо вы вашу бессмысленную роль отыграли на отлично и без всяких стараний...»

А может... Может, в этом-то всё и дело? Может, лучшее, что может дать ему, маленькому рабу, жизнь — это её окончание? Что ж... Если так подумать — очень даже может быть. По правде говоря, у мальчика действительно было ощущение того, что у Всевышнего когда-то были на него большие планы, но в какой-то момент он просто передумал. И вот он, лохматый раб, сейчас живёт, ну, «просто так». Как брошенный на первых этапах создания дом, он теперь глядит на мир никому не видными глазами и ждёт, когда же поток времени наконец-то поломает сгнившие балки недостроенного деревянного каркаса, засыпет землёй вырытый фундамент и наконец-то заглушит мучительную надежду на то, что добрые дяденьки-строители всё-таки придут и это уже никуда не годное строение наконец-то превратится в уютный домик, в окнах которого всё время будет слышен радостный говор и смех, и на который все проходящие мимо будут смотреть с нескрываемым восхищением и умилением. Но, надо признать, эти мечты так навсегда и останутся мечтами. Да, он посредственность. Миру всегда нужны будут посредственности и их у него хоть отбавляй. Именно поэтому не будет ничего плохого в том, если маленький раб наконец-то обретёт покой. Пусть их концовка будет просто невообразимо счастливой, пусть же на их свадьбах гуляет весь белый свет, сходя с ума от незыблемой радости, пусть нарожают себе

дюжину, нет, тысячу детей, пусть же они просто полопаются от каждодневной радости и все склеят лапы в один день — ему всё равно. Ему от этого ни жарко, ни холодно. И пусть же даже когда ни одной слезы не прольётся над его бездыханным телом — он не загрустит. Он будет знать, что эта дурацкая жизнь закончена и он свободен. По-настоящему свободен. Наконец-то.

— Ой, ты здесь сидишь? — Агний дёрнулся и лишь чуть-чуть рефлекторно обернулся, хотя и знал, кто вышел подышать свежим воздухом. В отличие от своего товарища, у Лейва было прекрасное настроение. Пахнущий свежей выпечкой мальчик так и светился от счастья, а его сине-голубые глаза сияли счастьем даже ярче, чем когда-либо. Их взгляд устремлён в будущее. В светлое будущее.

Светлоглазый мальчик уселся на краю деревянной платформы рядом с Агнием и протянул маленькому рабу одну из булочек, что вынес с собой.

— Не хочешь? А зря! — Качнул головой Лейв в ответ на отказ Агния, после чего мальчик сделал смачный укус, откусив за раз почти половину предлагаемой им недавно булочки. — Здесь такие невообразимо вкусные булочки пекут, нигде таких больше нет! Да и народ тут дружелюбный, очень люблю здесь бывать! Знаешь, очень надеюсь, что когда мы победим завтра, то везде станет так же весело и хорошо. Вот ты что будешь делать, когда всё кончится?

Лейв повернулся в сторону Агния, и лучезарная улыбка за мгновение сползла с его лица. Агний выглядел словно соломенный мешок, безвольно облокотившийся на столб деревянного забора и глядящий никому не видимыми глазами куда-то в пустоту. Он был будто неживой. Кто-то вообще мог бы сейчас подумать, что это тощее, маленькое существо — выброшенная кукла, оставленная хозяевами здесь, наблюдать один и тот же пейзаж.

— Т-Ты знаешь... Неловко заговорил Лейв. — Ты знаешь, я где-то слышал, что всё на свете заканчивается хорошо, и если всё плохо — значит это ещё не конец. Наш конец обязательно будет счастливым!

О да, Лейв. Это будет счастливый конец. Это будет самый счастливый конец из всех до того существовавших. Обязательно...

Глава 16. Что ты сделал?

Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боев, —
а самое страшное
видели —
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?

(с) Владимир Маяковский «Облако в штанах»

— Давай ещё раз... — Бальтазар попытался выговорить это как можно спокойнее, но на последнем слове его голос дрогнул. Тяжелый сапог короля придавливал к полу испещрённый многочисленными трещинами магический камень, который жалобно мерцал в полумраке тронного зала, будто предчувствуя свой скорый конец.

Весь покрытый шрамами, уже ставший неправильной формы из-за многочисленных травм язык нервно слизывал с края губ кровь невезучей поварихи Марты, попавшей сегодня под горячую руку. Во второй половине дня у Бальтазара вдруг резко испортилось настроение. Мужчина будто предчувствовал, что-то не так.

Злоба и раздражение росли с каждым часом, пихаясь в становившейся всё теснее и теснее черепной коробке Бальтазара, чтобы наконец с яростью выломать прутья их не долгосрочной тюрьмы и испробовать всю свою мощь на так не вовремя подвернувшуюся Марту. Одну из немногочисленных обитательниц замка, чья стряпня и спровоцировала срыв.

С бранью пригвоздив несчастную старушку к земле, Бальтазар начал яростно наносить удары по голове женщины железной миской — всю остальную посуду царь уже давно перебил. Бедная жертва, пытаясь закрыть лицо полными, бледными руками, нечленораздельно вопила на весь дворец и прилежащую к нему местность что-то о пятерых внуках и больном муже, но всё тщетно. Спустя минуту после того, как даже машинальные всхлипы пожилой дамы утихли, оставив лишь влажный звук приземления металлической посуды в густую кровавую гущу, Бальтазар остановился. Месиво. Кости, кровь, раздавленные глазные яблоки, мозги, остатки супа — в душе будто что-то всколыхнулось при виде этой до боли знакомой картины.

Металлический запах врезался в нос. В мозгу будто что-то высвободилось на мгновение, заставив короля зажмуриться и вцепиться руками в давно не чёсанные и не стриженные космы. Нет, он не будет это вспоминать. Он больше не будет вспоминать что-либо. Он больше не будет думать. От этого одни проблемы. Он думал до этого. Он был думающим человеком. Он мыслил. Умел мыслить. Но эти мысли не находили выхода наружу, в реальный, материальный мир. словно ходящий по кругу человек эти мысли протаптывали его мозг, превращались в единообразное пюре, которое не было съедено и благополучно сгнило, став очагом возникновения расплывшейся по всему разуму плесени безумия. По

этому маленькому, тесному разуму... Ей стало тесно. Ей нужно было больше места. Дворец. Королевство. Мир!

Всё это теперь не материальное. Всё это теперь часть мыслей. Хаотичных. Не настоящих. Их новая среда обитания давно утратила всякий здравый смысл и рассудок в самые дальние закоулки разума Бальтазара — этой маленькой, сломанной клетки, из которой тянутся гигантские корни всего этого кошмара, высасывающего из окружающего мира все соки, которая теперь уже ничего не значила. Точно так же не значили ничего эти... Люди. Нет, это не люди. Это иллюзия. Не живые существа, не отдельные личности с их историей, мыслями, детством, родителями, предками... Это груши для битья, которые он не раз рвал на части в своём воображении, начиная с подросткового возраста. После каждого такого «сеанса» они таяли, как облачко. Они и сейчас таят... Исчезают... Правда, теперь это не такой уж и легкий процесс... Но вкусный.

Но вот эта дрянь, которая, как всегда, стоит сейчас и смотрит на взбешенного правителя невозмутимыми глазами на искалеченном трещинами лице, уж точно пропадёт за одну секунду, если не станет отвечать за свои действия.

Бальтазар ещё раз глубоко вздохнул и продолжил:

— Давай ещё раз: какого чёрта ты мне ничего не сказал. — Сапог угрожающе медленно постучал подошвой по камню. Внутренний советник не обратил на это внимание.

— А вы спрашивали? — Дух поднял брови.

Бальтазар почти до белизны закусил нижнюю губу и, силясь не сорваться, слегка надавил на камень. По нему тут же поползла новая трещина, как и по сложенным рукам советника, но последний, опять же, даже не шелохнулся.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Ты тут в дурака не играй, друг мой сердешный, а отвечай коротко и по совести — ты на чьей стороне, гадина?!

— Ни на чьей, мой господин.

— Ни на чьей? Тыщу лет королям в ноги кланялся, и ни на чьей?

— А разве надо мне кланяться? Я лежал у них в руках, мирно и спокойно, совершенно так же, как и до того лежал бесчисленное количество времени в недрах скал, слушая поток горной реки, рассказывавший истории людей. Многих-многих людей. И так — год за годом, я научился вас понимать и даже, как вы это неправильно трактуете, «предсказывать будущее».

— Нет, подожди, — Бальтазар наморщил нос, — то есть всё вот это вот, что ты каждому королю втирал — это всё фуфло? Угадывание?

— И вовсе не угадывание, господин. Это точное предугадывание того, что скорее всего случится с человеком в будущем, с учётом его качеств, манеры поведения, отношения к нему людей и определённых событий и факторов, в том числе и родословной. Знаете, на чём строилось предсказание для ваших родителей?

Бальтазар промолчал, глядя на собеседника внимательными глазами.

— Начнём с общего: ваш двенадцати-пра дед был великим реформатором в начале своего пути. Он был талантлив во многих науках, увлекался философией, искусством, и вообще был крайне разносторонней личностью. Однако во время одного из военных походов он попал под влияние одного монаха, который внушил молодому королю, что всё, что он делает — противно человеческому естеству. Вернувшись домой, ваш предок сжёг все свои многочисленные записи, чертежи и книги и ужесточил порядки в стране. Первым

наследником этих неординарных способностей стал ваш настоящий отец — брат прошлого короля, казнённый его же подданными за распространение «ереси», как они это называли. Предсказуемый конец. А ведь его предупреждали, что не стоит торопиться с преобразованиями — и я, и ваш наставник, Зигмунд.

— А они были знакомы? — Глупый вопрос, но Бальтазар задал его.

— Очень поверхностно. За всю жизнь пересекались от силы несколько раз. Времена тогда были не слишком спокойные, вы, должно быть, знаете. У вашего деда была очень насыщенная личная жизнь и достаточно неординарные взаимоотношения. Они поженились в юном возрасте, потом король влюбился в одну из фрейлин и отослал наскучившую жену с двумя малолетними сыновьями в дальние имения. Фрейлина впоследствии родила королю нескольких детей, которые, однако, умерли в раннем возрасте. Затем из-за болезни умерла и сама женщина. После этого король заводил ещё несколько романов, но в конце концов решил возвратиться к своей всё ещё законной жене детям.

— Н-да, хоть повести пиши. — Сухо усмехнулся Бальтазар.

— Печально, что с Зигмундом они толком-то так и не пообщались. Кто знает, может быть, имея в сообщниках его рассудительный ум, пылающее сердце новатора и привело бы эту страну к промышленному расцвету. Хотя... С вами-то вот как получилось в итоге.

— Слушай, можно ближе к делу, а?

— Так вот. Очень быстро я пришёл к выводу о том, что, скорее всего, ребёнок вашей матери и отчима тоже унаследует недюжинный талант, либо же королева, явно разочарованная в своём благоверном, не устоит перед его братом и уже они, с большей вероятностью, породят гения. Как вы знаете, произошло в итоге второе. Своим он будет или не своим — ребёнок будет воспитываться, с наибольшей вероятностью, в семье короля и королевы. Совсем скоро к общей неприязни знати и короля должен был прибавиться и прибавилось в итоге страх, что произошедший в провинции, где ваш отец пытался провести модернизацию, коллапс может повториться и уже в более крупных масштабах. Для вашей же матери вы, по понятным причинам, тоже стояли поперёк горла. Совершенно не удивительно, что такие родители запрут неудобного ребёнка в его одиночестве, заставят его разжедать самого себя изнутри, пока, в конечном итоге, это не приведёт к сумасшествию.

— Я не псих!!!

— Но!.. Всё, что я когда-либо говорил обращавшимся ко мне королям — это не определённая дорога судьбы. Это то, что может произойти при определённом поведении человека, но это всё поправимо, только если он сам захочет измениться...

— Очень мило, спасибо за очередную мораль...

— Кстати, а не припоминаете ли вы ВАШ прогноз?

— Вот только давай без этого!

— Вы же помните?

— Ну... Допустим...

— И что там было?

Бальтазар, закутавшись в грязную мантию, словно в тёплое одеяло, после секундных раздумий начал:

— Ваш... Мой маленький... Маленький мирок не будет знать внешнего вмешательства долгие годы, пока...

— Пока?

Бальтазар нервно выдохнул носом.

— ... Пока моё же прошлое меня не свергнет.

Пальцы вцепились в подлокотники трона.

На какое-то время король замолк, то ли дожидаясь каких-нибудь слов от Советника, то ли вовсе впад в транс, но в конце концов он резко выпрямился и в упор уставился на ненавистное полупрозрачное существо налитыми кровью глазами.

Мог ли он остаться с Зигмундом и "держат оборону"? Мог ли он с самого начала переместиться в замок и всех порешить? Мог... Но не стал. Это было бы опрометчиво. С самого начала он понимал, что надо подготовить почву. Почву, чтобы уже потом никто даже и не подумал ему противостоять.

Да, мама, ты была права — они все глупы, и в этом-то вся фишка. Надо было их всех убедить, что он — и есть то потустороннее и страшное, чего они так сильно боятся.

Надо было выждать момент.

Он стоит за поворотом в одном из коридоров замка. Слушает стражников. Говорят, что генерал — самый разумный из них, его не получилось бы ввергнуть в суеверный ужас, — уезжает на длительный срок к дальней границе. Это ему на руку. Можно сдаваться.

Будто по заказу приехали гвардейцы из столицы, которые, воодушевлённые тем, что им не придётся конфликтовать с кем-то вроде Зигмунда, спокойно повязали безоружного Бальтазара и повезли домой. Безоружного... О-о, как они ошибались. Вместо какого-нибудь пресловутого меча, дротика или стреляющего железного обрубка он несёт во дворец оружие в сорок раз страшнее.

Он несёт его в своей крови, осталось только выделить его. И в этом принцу поможет престарелый служака Франс. Дряхлый, сгорбленный и еле держащийся на ногах пятидесятилетний мужик, отец троих детей, в числе которых была и Адруна. Собственно, это единственное его достижение за всю его жизнь.

Сидя на полу темницы в сыром подzemелье с каналами на руках, Бальтазар отчасти совершенно не удивился, когда увидел, что еду ему доставило это скрючившееся и еле волочащее ноги существо, вместо крепкого охранника, на котором официально и лежит эта обязанность. Сторожевые псы в этом замке оказались ещё ленивее, чем можно было представить. Наверняка, не желая отрываться от излюбленной игры в карты, подкупили старика волшебной бражечкой и вот теперь преданная собачонка выполняет за них эту не хитрую работу.

Франс был просто подарком судьбы. Мало того, что он даже и не думал осматривать заключённого, ногти на руках которого под действием раствора сильно удлинились и начали отслаиваться с пальцев, позволяя использовать себя в качестве неплохой такой отмычки, так ещё и Бальтазар прекрасно понимал, что прайдоха с пропитым разумом поддастся суеверному страху даже больше, чем недалёкий стражник. И вот, три дня ожидания — и всё готово.

Взломанные кандалы лежат за спиной. Бальтазар, не двигаясь, терпеливо ждёт и наблюдает в своей обычной позе смиренного узника, как трясущийся пьяница, еле волочащий костлявые ноги, плетётся с четвертью буханки хлеба и кружкой воды к боковой стене. Приковыляв к пункту назначения, он неуклюже бросает паёк на пол (примерно в метре с половиной от принца) и уже собирается уходить, как вдруг пленник с рыком бросается на него и прижимает когтистыми лапами к каменной кладке.

Полные ужаса глаза старика уставились в приобретшие из-за того же раствора какой-то дикий, животный блеск глазищи принца.

— Слушай сюда, падаль, — Прозвучал в тишине хриплый, зловещий голос. — Слушай, и запоминай, если жизнь дорога. Если проболтаешься... Что ж, твоё дело.

И сказал Бальтазар ему сделать следующее — пойти на кухню в строго отведённое время, забрать оттуда специи с уксусом, нож, блюдец и огниво и пронести всё это под своим толстым пуховым камзолом сюда. После того, как он всё принесёт, ключ старику было велено куда-нибудь потерять (в огонь кинуть. в реку — не важно) и спокойно идти по своим делам. И Франс справился с заданием, как не удивительно. Всё-таки ставка на отрезвляющую силу страха оказалась верной.

По поводу того. Что из-за потерянного ключа может начаться переполох, юноша вообще не волновался, так как точно знал, что его не будет. Один раз так уже было — потеряли ключ от темницы, где сидел человек. Всё думали стражники «Потом найдём, потом найдём» — да благополучно и забыли об этом. А через месяц вспомнили, вскрыли дверь — а там уже полуразложившийся труп с ободранными об стену пальцами. Так вот.

А король с королевой? Они спокойны, ещё неделю (а именно столько оставалось до отъезда Бальтазара) о нём вспоминать не будут. Глупые, они ведь вообще не были в курсе, что прямо за стеной камеры есть потайной ход, заложенный уже обветшалой каменной кладкой, за которым была ещё одна дверь-обманка в виде монолитной стены, а уже за ней протянулись знакомые принцу тайные коридоры замка.

Туда-то он и отправился, зажимая порезанную руку, из которой сочилась содержащая в себе главный компонент для виновника будущего веселья кровь, как только заветное вещество было выведено рядом нехитрых манипуляций в мелкой посудине.

Потом он нашёл Адруну. Перепуганная внезапным появлением пробредшего воистину устрашающий вид Бальтазара она без всяких пререканий забрала чашу с ядом и, под чутким наблюдением сидевшего в укрытии Бальтазара, вылила это в ужин членов королевской семьи. Правда, убедить её помог не только дьявольская внешность принца. Друна была первой, на чьём лице отразился ужас, который Бальтазар немногим после будет видеть очень часто. Она первая, кто увидела. Как прямо по руке принца пляшут мелкие голубые молнии. Это тогда была ещё не перчатка. То были мелкие датчики на пальцах, но эффект они на пару с ударом невысокого напряжения произвели на девушку отменный. Она даже не задумываясь выполнила указание.

От свидетелей он избавился быстро. Друне накинул на шею ремень и, выждав момент, когда девушка перестала двигаться, отнёс её в пустующую комнату для прислуги, накинул на шею заранее заготовленную петлю и заодно ещё украсил тело царапинами и придуманными на ходу знаками.

Словно во сне Бальтазар наблюдал, как уже практически не принадлежащие ему руки уродуют то, что когда-то было девочкой Адруной. И словно во сне в голове всё было серо и беззвучно.

С Франсом вообще получилось просто идеально. Сначала Бальтазар рассчитывал, что узревший художества принца старик перепугается и проглотит язык, но на деле когда Франс увидел изуродованную дочь, он просто схватился за сердце и отправился к праотцам.

Но это мелочи.

Яд в тарелках братьев и матери — уж кому-кому, а отвлечь её более важными делами хотя бы на время не помешает.

Тарелки на столе.

Приятного аппетита, родные.

Бальтазар взглянул на Советника.

— Ну, и что? Что с этого-то? Говори! Что молчишь?! Чего ты мне сейчас опять мозги всем этим промываешь, а? На кой чёрт мне всё это нужно?! Мировоззрение, воспитание... Обладателей этого мировоззрения и воспитания мухи уже давным-давно пожрали, вороны, опарыши — нету их! Десять лет! Десять! Десять, мать вашу, лет я пялюсь, как баран на новые ворота, в эту каменную харю, которая несёт из раза в раз этот до боли в висках «таи-и-инственный и интригуемый» бред! Что?! Что ты хочешь, чтобы я сказал?! Что я кретин?! Что я полная дрянь?! Я и говорю! ДА!!!

Бальтазар за секунду оказался перед собеседником и вцепился до побелевших костяшек в практически неосязаемую одежду.

— Я тварь! Я мерзость, подлец, лицемерный эгоист, который терпеть не может всё на белом свете! Я така-а-ая гнида, которую ещё поискать надо!!!

Алые струйки из продавленной нестриженными ногтями плоти плавно стекали по длинному одеянию Советника, тело которого становилось словно размоченное мыло, склизкие куски которого сочились сквозь пальцы короля.

— Но знаешь что? Знаешь? Ничего я не буду менять, понял? Ни-че-го! Хоть выжри мне всю голову своими мудрёными нотациями — плевать! Мне плевать на тебя, мне плевать на них — пусть хоть все перегрызутся, всё равно! Я не сдамся им, понимаешь? Не сдамся из принципа! Потому что я лучше сдохну где-нибудь в самой грязной, тёмной и зловонной дыре в этом замке, захлебнувшись спьяну собственной блевотиной, чем дам посадить этим слащавым вырождакам меня на плаху и вновь запеть ту же самую песню, что и раньше! «Посмотрите! Посмотрите, мы так счастливы в своём розовом королевстве! Всё так хорошо!» — да ничерта не хорошо! Ты сам сказал: мои родители — два тупоголовых инфантила, и пока будут жить пригретцы этой сволочной системы, которую я не смог добить из-за этого поганого договора, эти идиоты будут плодиться и плодиться! Именно поэтому я уничтожу их сегодня же! Всех, до одного! И эти голоса утихнут! Моё прошлое заткнётся!

— Это не они! — Пробулькало что-то под толстым слоем скользкой массы, похожей расплавленный жир. — Вспомните! Вы знаете, о чём я говорю!

— Всё знаю! Всё я знаю! Не знаешь ничего! Молчи!

— Бальтазар, тот мальчик — это..!

— Да заткнись ты..!

После этих слов сапок упал на камень и тот со звоном разлетелся. Мгновение спустя исчезло и видение...

Тишина. Тишина. Полная. Даже эхо, как показалось, не было. Будто все звуки, весь мир вокруг взял и «выключился». Остался лишь он, Бальтазар. Совсем один в кромешной тьме зала. Мрак ещё никогда не казался королю таким зловещим, всепоглощающим и живым. Живым...

Нечто мелькало перед глазами... Нечто такое, что впечатлительное сознание вылепливало из тьмы. Вот они — неслышно ходят, бегают, скачут, летают, скалятся, разевая дыры ртов и смотрят, смотрят, смотрят... Почему они тут? Съесть его? Нет, примитивно.

Только что оборвалась последняя ниточка, связывавшая мужчину с реальностью. Больше ничего не держало его на плаву и он пошёл ко дну. Оказался в полной власти безбрежного океана хаоса и сумасшествия, медленно опускается всё глубже и глубже в его

тёмные, словно мрак самой бесконечной и непознаваемой вселенной, воды, чтобы наконец-то, даже, возможно, и не заметив этого, достигнуть дна и лежать там. Лежать, лежать и лежать тысячами, миллионами лет, потеряв счёт времени, ощущая на себе бесчисленное количество невидимых взглядов.

Нет! Нет!!! Это бред! Это не по-настоящему! В реальном мире нет места всем этим бредовым фантазиям. Хотя... А реален ли он? Кто сказал, что безумие не может стать настолько безграничным, чтобы выйти из своего заточения внутри человеческой черепной коробки? Так, нет, всё! Хватит! Надо просто подумать о чём-то хорошем и всё это исчезнет! Да! Точно! О чём-то хорошем!

И Бальтазар начал думать. Словно врывшись в холодные, скользкие и воняющие кислотой внутренности вздувшегося от разложения трупа, король начал копаться в своём разуме в поисках хоть чего-то светлого. И он нашёл.

Медленно-медленно в черноте начал возникать плавно покачивавшийся, словно пламя свечи от лёгкого ветерка, родной и любимый образ.

Такая же, как и когда-то. Простенькое платье, тугая коса до пояса, глаза стеснительно направлены в пол... Как же прекрасно.

Будто в некоем блаженном танце похожая на поверхность воды, по которой идёт светлая от солнца рябь, фигура меняла позы, кружилась вокруг своей оси и неизменно улыбалась. Бальтазар разглядел это, пусть и не сразу из-за «текучей» природы этого сказочного существа.

Но сказочный сон продолжался не долго. Воплощение мечты стало медленно, не перебирая при этом ногами, отдаляться назад. Бальтазар поддался вперёд. Всё его существо было просто не способно отпустить этот райский мираж.

Фигура отдалилась ещё сильнее. Бальтазар, уже почти не моргая, сделал несколько несмелых шагов. Наконец, образ максимально близко приблизился к чёрной дыре дверного проёма и стал медленно растворяться в темноте. Бальтазар выкрикнул что-то невнятное и тут же скатился по ступенькам с возвышенности, на которой стоял трон, и шмякнулся на пол.

Буквально сразу после этого король с ужасом рывком поднялся на руках. Да, образ исчез...

Бальтазар за мгновение оказался на ногах и побежал так быстро, как не бегал даже в свои десять лет, когда его два старших брата-акробата чисто ради смеха спустили на мальчика свору охотничьих псов на их очередной семейной вылазке на природу...

Он бежал по тёмным коридорам, вбегал в пустые залы, оглядывал каждый сантиметр вокруг. Всё, абсолютно всё: пол, стены, колонны, потолок — всё будто слилось в один огромный серый камень, одну большую, однородную массу, какое часто бывает с древними строениями. Всё превратилось в холодный, бесцветный камень, который то и дело отражал тысячным эхом миллионы голосов и звуков.

— Бальтазар? Красивое имя, а я...

— Поймать-то поймал, да вот тока не добил!

— Ах, ну ничего! Не расстраивайся! К зеркалу подойди, улыбнись широко-широко и скажи...

— ...Ты отстанешь от меня?..

— Роль третьего плана...

— ...Может, уже наконец-то пора задуматься над тем, чтобы перестать быть обузой?..

— Слушай, а ты и впрямь..?

— ... достал! Всех! ...

— ...иной раз жертва сама виновата в своих мучениях!

Руки резко впёрлись во что-то твёрдое и через секунду Бальтазар чуть не врезался в стену. Король резко поднял голову и тут же отпрянул. На него смотрело взъерошенное, грязное, неопределённого возраста существо с вытаращенными глазами с красными белками. Понадобилось несколько мучительно долгих секунд, чтобы парализованный от страха Бальтазар наконец-то осознал, что это он сам. Он смотрит в зеркало. Последнее в замке.

Тут же из головы исчезли и голоса, и призрачные образы, и в принципе всё на свете. Мужчина с интересом разглядывал собственное отражение. Уже прилично отросшие вместе с бородой неухоженные волосы торчали во все стороны и были похожи на один большой, грязный, воняющий, сальный куст. Через эти дебри редко проглядывала покрытая раздражением из-за уже давно прекратившихся водных процедур короля кожа. И это дебилское выражение лица — только оно осталось прежним... Кажется, именно из-за ненависти к нависшему над одним из полузакрытых глаз веку и постоянно приоткрытому рту из-за неразвитых мышц около подбородка Бальтазар и перебил все зеркала когда-то. Хотя... Нет, причина была другая... Совсем не эта.

Какому-то давно забытому сну подняться из самой пучины непроглядного болота разума Бальтазара помешала резкая боль в боку. Да, король и раньше ощущал её, он часто начинает бессознательно ощупывать своё тело и часто натывается на мелкие впадины на своём торсе. Но только сейчас, глядя на себя со стороны, правитель смог невольно вернуться назад, в тот самый злополучный день.

Он, в одних тонких штанах, стоит голыми ступнями на колючем снеге, а к нему с гордым видом шагает обвешанный шкурами, держа в руках огромную дубину. Вот он, достойный член своей общины! Главный девиз: традиции, почёт, честь и благосостояние семьи — вот венец всего сущего. И ради этого он готов был продать своего единственного ребёнка на растерзание престарелому извращенцу.

— Ты обесчестил мою дочь, щенок. — Шипел мужик сквозь зубы, словно готовая, как только цепь больше не будет её сдерживать, броситься на кролика собака. — Жалеешь ли ты об этом?

Бальтазар — юный, наивный романтик — тогда задумался. Скажет «нет» — покажется легкомысленным подлецом, скажет «да» — окажется трусом.

И он ответил:

— Я люблю её, господин. На этом всё.

Мужчина сжал губы, нахмурил брови и спустя мгновение тяжеленная дубина врезалась в рёбра принца, перемалывая их в труху. Он пытался подняться, он пытался показать, что он стойкий, что он готов бороться за свои чувства, но в конце концов тело просто перестало его слушать. Из-за сломанных костей и порванных мышц юноша оказался запечатан в лежащем положении. Когда же дубина была занесена, казалось, в последний раз, нежные руки подхватили измождённое тело. Пусть он этого, конечно, и не помнит, но Бальтазар был уверен, что так тепло и мирно он себя не ощущал даже в объятиях родной матери, будучи младенцем.

На короткий промежуток времени парень всё-таки смог приоткрыть глаза. Отец его возлюбленной с секунду находился в замешательстве, но после он раздраженно махнул

рукой и, пробормотав что-то вроде «Даже трогать тебя противно, дрянью», что было адресовано не лежавшему на снегу Бальтазару, ушёл.

Потом уйдёт и она... Навсегда. Или... Нет. Нет, что-то было. Что-то было после этого но король это забыл. Надо... Да чёрт подери! Ничего не надо! Ничего!

Бальтазар со всего маху треснул по стеклу и оно разлетелось, после чего находившийся в очередном припадке царь нажал добивать руками лежавшие на полу осколки

Пошло всё к дьяволу! Дворец, Советник, родители, Жолдыз — вся эта хренова жизнь! Вся эта до треска в мозгу сложная, тошнотворная жизнь, которая сейчас заставляла его как никогда чувствовать духоту и тесноту собственного тела. Он стирал руки об пол, «вгрызался» в кожу на лице острыми когтями перчатки, срывал с себя одежду и рвал волосы на голове, выдирая целые клоки чуть ли не с мясом. Бальтазар как никогда хотел избавиться от этого потного, тяжелого и мерзкой клетки и наконец-то дать выход чему-то огромному и бешеному, чтобы оно разнесло всё вокруг, заполнило весь мир и каждую душу чудовищным рёвом, превратить само мироздание в труху.

По коже обильно потекло что-то влажное, дарящее прохладу и мало-мальски приводящий в сознание. В воздухе возник металлический запах. Бальтазар издал протяжный, измождённый стон и завалился на бок без чувств.

Естественно, в таком состоянии он не услышал подошедших к дверному проёму главнокомандующего и двух мальчишек-солдатиков — единственных добровольцев для столь рискованной операции. Это был тот самый момент, которого они ждали. Король беззащитен.

— Помните план? — Обратился, сурово нахмурив седые брови, уже пожилой вояка на двух цыплят с ружьями в дрожащих руках, которые хотя и пытались не выдавать себя, но стук их зубов был как никогда отчётливо слышен в воцарившейся тишине. Да, они боятся, как и все солдаты. В их глазах это падшее до всех вообразимых низов существо — бог, которой может убить их в любой момент. Единственный способ спастись — беспрекословное, фанатичное подчинение.

Именно так и работает животный страх, и генерал понимал это. А ещё он, человек, на глазах которого это животное выросло, понимал, что правитель не представляет из себя ничего сверхъестественного и всеми силами пытался убедить в том же других.

Сегодня же настал момент истины. Генерал был не из тех людей, которые слепо ждут помощи от счастливых из «Ковчега». Он привык добиваться результата своими силами. Предыдущие несколько покушений окончились неудачей, и их зачинатель и по совместительству главный исполнитель просто чудом не попадался в те моменты королю на глаза. В противном случае — он бы сейчас здесь не стоял. Определённо.

Но теперь он был уверен, он чувствовал, что эта попытка будет успешной. Пусть даже изначальный план действий, заключавшийся в том, чтобы подлить Бальтазару в еду лошадиную дозу снотворного и заставить его отключиться, не сработал, но сейчас правитель находился в полном беспомощности. Можно действовать.

Как же всё-таки сильно в людях желание увидеть страдание врага как можно ближе... Узреть живую каждый мускул на перекошенном в ужасе и страхе выражении лица. Эта жажда посмотреть в последний раз в глаза свинье, погубившей всё королевство, и подвело генерала. Он настолько сильно хотел того, чтобы этот слизняк в свои последние мгновения увидел его, человека, у которого безумец на троне отнял почти всё, что можно и лично пожелать этой твари гореть в аду, что не пожелал выстрелить сразу издалека. Нет, он

направился напрямиком к Бальтазару.

Тихо-тихо, почти не касаясь ногами пола, мужчина подкрался к свернувшемуся в клубок королю и посмотрел на последнего. На мгновение в душе главнокомандующего что-то ёкнуло. Оно и понятно, этот парень ведь вырос на его глазах. Сколько лет он невольно наблюдал со своего поста за вечно одинокой фигурой, бесцельно бродившей по королевскому саду, и, чего греха таить, в глубине чёрствой солдатской души сопереживал этому недопонятому ребёнку. В их семейные дела мужчина никогда не лез — это, всё-таки, не в его компетенции, да и не его это в принципе дело, — но он надеялся, искренне надеялся, что этот мальчик сможет выстоять и, пусть даже и не в этой семье и не в этой стране, но сможет найти себя и стать просто хорошим, порядочным человеком.

Тем не менее, воспоминания о повредившейся рассудком жене, голодных детях и больном внуке вернули генерала в печальную реальность. Того мальчика уже дано нет. Есть только ненасытное животное в человеческом облике. И оно должно умереть.

— Подавись собственной кровью, нелюдь. — Генерал занёс нож и...

Два солдата, стоявшие всё это время в дверях, даже не сразу поняли, что произошло. Бальтазар резко рванулся вверх и застыл на уровне шеи генерала, который тут же шарахнулся назад, вскинул руки, выронив нож, и с выпученными глазами издал хриплый рокот, будто пытаясь что-то закричать. В обе стороны что-то брызнуло. Несчастный мужчина, метаясь из стороны в сторону на подгибающихся ногах, вцепился пальцами в космы безумца и изо всех сил пытался оторвать Бальтазара от себя, при этом не переставая издавать нечеловеческие звуки, похожие на истошный вой умирающего в муках зверя. В последнюю секунду главнокомандующий всё-таки смог вспомнить про висевший на поясе пистолет, выхватил его, прицелился, но тут король так же резко метнулся в сторону и пуля попала напрямиком в единственный глаз генерала. Истекая кровью из искалеченной шеи и пустой глазницы, мужчина тяжело рухнул на пол, а Бальтазар лишь выплюнул на пол вырванную трахею и направил взгляд на мальчиков. Этот взгляд пробирал до костей. Тёмные зрачки, вцеплялись острыми, тонкими иглами в грудь, под кожу. Не безумный, не бешеный, спокойный. Всё в его руках — вселенная, время, все судьбы человеческие. Ему не ведом страх. Его ни что не возьмёт.

У одного из парней сдали нервы, и он, не прицелившись, без разбору шмальнул в сторону Бальтазара. Короля спас случай — несорванная железная пластина, совершенно невидимая в темноте, в которую и попал снаряд. Пусть в этом и не было ничего сверхъестественного, но двум солдатикам этого было достаточно. Его не взяла пуля. Его вообще ни что не возьмёт.

Близ Бальтазара, словно порождения тьмы, вызванные своим повелителем на бой, стали плясать устремлявшиеся от пола к самому потолку белые разряды, которых с каждым мгновением становилось всё больше, больше и больше. И несчастные парни, душа, разум и тело которых было насквозь пропитано первобытным, сводящим с ума ужасом, еле успели исчезнуть из дверного проёма и из того коридора вовсе, прежде чем огненная завеса, помчавшаяся на них, не вырвалась из помещения, «царапая» сотнями маленьких и больших молний близлежащее пространство, словно когтистая лапа кота, залезшая в мышиную нору.

А Бальтазар всё наблюдал и наблюдал за бесчисленными белыми полосами, которые словно тысячи находящихся в некоем демоническом экстазе беснующихся тел вращают вокруг него хороводы с адскими плясками. Как же хорошо и свободно... Он не боится. Он не сожалеет. Он готов.

Глава 17. На том и кончилась сказка...

— Ну что, готов? — С улыбкой во всё лицо спросила Алиса.

— Готов. — Буркнул в ответ Агний.

Не теряя оптимизма, девушка нагнулась к своему маленькому товарищу и ободряюще похлопала его по плечу.

— Не слы-шу!

— Готов!!! — Гаркнул мальчик, да так громко и с таким раздражением, будто он хотел вместо этого сказать «Да поехали уже!»

После этого Агний бесцеремонно обогнул Алису и уже направился по мостику на борт «Наследия», как вдруг его окликнули:

— Нет, стойте! Ещё не готовы! Агний, погоди!

Маленький раб обернулся и перед ним тут же вырос запыхавшийся Имир.

— Вот. — Парень сунул Агнию в руку маленький, размером с ладонь мальчика, бутылёк с зеленоватой жидкостью. — Зигмунд просил передать. Залечит даже смертельную рану. Знаю, там вряд ли выдастся свободная минутка для самолечения, так сказать, но всё-таки...

— Спасибо. — Кивнул в ответ маленький раб, убирая прощальный подарок в глубокий карман штанов.

К маленькому ножичку и устойчивой к электричеству жилетке — а именно такие средства защиты были выданы конкретно Агнию — прибавилась ещё одна явно бесполезная в этом гиблом деле штучка.

— А вот и МЫ!

В Имира почти врезалась Гальдора на своей верной спутнице Матильде, но юноша успел вовремя увернуться, при этом перехватив подругу прямо на лету, после чего она оказалась в его объятиях.

— Голубки! — К ним приблизилась Алиса. — Может... Всё-таки останетесь? Зачем вам туда? Там будет настоящая бойня! Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

— Знаем. — Лицо Имира не меняло беспечного выражения.

— Вы можете не вернуться, парень! Подумайте о...

— Леди, вы не знаете нашей живучести! — Подхватила Гальдора. — Выживем, и не то ещё переживём!

Алиса нервно втянула носом воздух.

— Ну-с, ваше право, господа... Доверяю исключительно вашим светлым головам.

После этого раздался бой корабельного колокола. Надо поспешить, скоро отплытие!

Сколько же народу собралось на пристани проводить отважных воинов в неравный бой... Сотни рук махали шляпами и подбрасывали их в воздух, ещё больше платков утирали слёзы с раскрасневшихся щёк безутешных матерей, отцов, братьев и сестёр... Вернутся ли храбрецы из этого похода? Обнимут ли ещё хотя бы раз своих родных и друзей? Искури говорит — да. Вернутся все, или хотя бы большинство. Как законная наследница престола, считающая своим долгом свергнуть тирана с трона её предков и возобновить спокойную жизнь для своих подданных, она не даст ни одной капли крови пролиться зря. Она будет их щитом. Она первая ринется в бой и загородит всех своей грудью, не щадя сил. И ей верили.

Отплыли. Всё дальше и дальше отдалялась пристань вместе с не унимавшимися на ней

людьми, пока всё это не исчезло в облаках. Всекуда-то ходили из стороны в сторону, что-то переносили... Готовились, в общем. А Агний не готовился. Он вообще ничего не делал, просто сидел на бочке в дальнем углу палубы и смотрел на проносившийся внизу пейзаж. Куда ему торопиться? О чём волноваться? Сиди себе, думай, размышляй, пока можешь.

Внезапно, откуда ни возьмись прямо перед носом корабля буквально из неоткуда выросло темное облако. Орландо от неожиданности резко дёрнул штурвал в сторону, но корабль всё равно угодил в серое марево. Тревожная возня не успела вступить в силу, когда «Наследие» так же совершенно внезапно вынырнуло из тучки и благополучно полетело дальше. Несколько секунд матросы недоумённо переглядывались, их число было впоследствии несколько раз пересчитано, весь корабль был осмотрен и только после этого былая возня возобновилась.

— Ну, как ты?

Агния дёрнулся, резко обернулся и не поверил своим глазам. Рядом с ним сидел... Альфюма.

— Я вас не сильно испугал? — Молодой лев слегка склонил голову на бок. Его тело будто состояло из того самого облачка и «развевалось» на ветру, медленно принимая более чёткие очертания.

— Д-Да н-нет... — Вышел из ступора Агний. Мальчик начал оглядываться по сторонам, проверяя, не видит ли ещё кто-нибудь незваного гостя.

— Они не видят, мальчик. — Маленький раб вновь взглянул на своего товарища. — Меня видишь только ты. И... Этим подтверждается моя догадка.

— В смысле?

Альфюма лапой попытался приподнять вечную чёлку Агния, но прежде чем лев сумел хоть что-то рассмотреть мальчик дёрнулся и резко закрыл лицо руками, сжавшись в комок. Даже легкий солнечный свет, проглядывавший сквозь облака, для прошедшего столько лет в полумраке Агния был сродни удару ножа по глазам. Поняв это, принц сконфузился, извинился и лишь минуту спустя осмелился задать вопрос:

— Ты не знаешь, кто твои родители?

Агний пожал плечами.

— Я сирота, ваше сиятельство. Позволь спросить, а какое это имеет значение?

— Около наших земель когда-то жили люди, называвшие себя. Мы были большими друзьями, и наша дружба была настолько крепкой и древней, что со временем мы получили возможность, как бы, «чувствовать» друг друга. Если конкретнее — общее эмоциональное состояние одного народа влияло на подсознательном уровне на другой. Мы заранее знали, есть ли у них появились неприятности, или у них свершилось огромное счастье... В том числе, они могли видеть нас в любой нашей форме, как духов неба, что ты сейчас и наблюдаешь. Так вот... Ты же... Ты же грустил сегодня утром?

Унылый вид Агния был выше всяких слов.

— Чувство пустоты. Всепоглощающее. Как равнина с отравленной почвой, на которой умерло всё светлое...

Мальчик прижал голову в груди, из-за чего тёмные космы загородили его лицо окончательно, и сжал кулаки. Он явно хотел что-то сказать, крикнуть, высказать, но не решался.

— Я имею ввиду — возможно, твои родители были из этой народности. После того, как Бальтазар арестовал всё поселение, многие дети были угнаны в рабство. А ты же бывший

раб, верно?

— К чему вообще всё это? — Не меняя позы просипел Агний. — Зачем ты здесь?

— Ну, как я уже говорил, мне стало любопытно из-за того состояния, в котором я пребывал, как выяснилось, благодаря тебе. Я точно не знал, на что похожа «связь», так как на момент казни я ещё не родился, но я всё равно решил проверить. Тебя не чувствовали до этого, наверное, потому, что ты был достаточно далеко, да и ты, скорее всего, последний в своём роде.

— А во-вторых?

— Во-вторых — мы идём с вами. — Молодой лев кивнул в сторону проплывающих мимо облачных вершин.

Агний пригляделся. По белоснежным склонам, словно миражи, бежали то появляющиеся, то исчезающие образы соплеменников Альфюмы.

— Как вы узнали? — Прошептал Агний.

— Связь мно-огое может рассказать, мой друг. Несколько из наших сюда прибежали чисто на разведку, а когда стало понятно, что вы действительно идёте в последний бой — мы снарядили воинов и двинулись за вами. И я в том числе. Точнее, я тут конкретно ради тебя. Я почувствовал, что тебе уготовано особое место во всём этом действии, и решил, что дополнительная поддержка тебе не помешает. — На секунду принц прервался. — Только должен тебя предупредить, если столкнёмся с Бальтазаром — я мало чем смогу помочь. Эта его перчатка, эти молнии, что она изрыгает... Они делают нас бессильными. Основной арсенал короля составляет оружие, плюющееся огнём. Такое оружие, как его перчатка, встречается редко. Так что особой опасностью для нас является лишь король. С ним вам придётся справиться самим.

— Мне одному, Альфюма.

Лев замер.

— Я выйду против Бальтазара один. Так мне сказали.

— Один?..

— Один.

Выражение морды звёздного так и говорило: «Они тут что, с ума посходили?». Принц хотел что-нибудь сказать. Он должен был. Но что тут скажешь? Внезапно вспомнились те чужие эмоции, которые заползли в его душу этим утром. Отчаяние, безнадёжность, уныние, ненависть, смирение и... желание.

Действительно, тут нет слов утешения.

Тёплый, шершавый язык прошёлся по макушке мальчика и мягкая голова примостилась на коленях маленького раба. Агний прилёг прямо на неё. На секунду стало так хорошо... Уютно... Беспечно... На мгновение захотелось плакать... Но самую блаженную минуту в жизни Агния прервал резкий звук падения чего-то увесистого на палубу корабля.

Все устремили взгляды на неопознанный объект. Им оказался лев, который случайно запутался в собственных лапах на бегу и как нельзя удачно рухнул прямо на корабль. Альфюме пришлось проявиться.

Как только принц разъяснил всю ситуацию и объяснил Искури, что их, львов, много и они готовы помочь, глаза девушки загорелись и чуть ли не скача на месте от радости она выкрикнула:

— Да ведь это то, что нужно! Боже правый, как вы кстати! Спасибо!

После этого Алиса задрала длинный рукав рубахи и обнажила запястье, на котором

крепился прибор со встроенным в него микрофоном и кнопкой, на которую и нажала самопровозглашенный командир, и, поводя немного рукой в воздухе, ловя сигнал, дождалась короткого звона из динамика.

— Да, я, я, это мы! Почти подлетели к городу! Слушай, тут у нас нарисовалась возможность высадиться прямо внутри столицы, не за воротами! Вы же упоминали, что у вас есть ход на базарной площади, верно? Есть возможность нас там подобрать? Приём! ... Да, да, да, буквально через полчаса. ... Всё! Хорошо! Конец связи!

А задумка капитанши заключалась в следующем: если небесные львы способны так развоплощаться, то они вполне смогут обеспечить и прекрасную маскировку спускающимся на парашютах солдатам, благодаря чему не надо будет лететь далеко от города, чтобы незаметно от стоявшей за каждым углом, особенно близ границы города, стражи высадиться и тем самым потерять тучу времени.

Так они и сделали. Зависнув почти в километре над поверхностью земли и затерявшись в облаках, спасители всея королевства начали надевать амуницию, готовясь к спуску. Застегнув последний ремень, намертво прилепивший с трудом дышащего Агния к груди одного из солдат, Искури хлопнула последнего по плечу, ознаменовав окончание нелёгкого процесса, и добавила:

— Только аккуратнее с ним. Это бесценный груз.

Мужчина подошёл к краю палубы и слегка нагнул торс вниз. Половину лица бедняги Агния перекрывало одно из креплений, отчего мальчик не мог пошевелить даже головой. Один лишь короткий взгляд с чудовищной высоты вниз и ощущение полной неподвижности и зависимости от чужих действий заставляли панику внутри мальчика разрастаться с невероятной скоростью.

— Страшно, да, парень?

Агний, как смог, кивнул головой, хотя это было абсолютно не обязательно.

— Ты вот как поступи: зажмурь глаза и повторяй про себя: «Всё вниз и вниз». И при этом старайся думать не о земле, что внизу, а о самом процессе падения. Ладно.

Мальчик сглотнул.

Первой шеренге было приказано выстроиться у самого края. Ещё несколько секунд и десять матросов сиганули вниз, а вместе с ними и Агний.

За мгновение до того, как до боли в лице зажмуриться, Агний успел заметить множество развоплотившихся львов, бросившихся к прыгнувшим бойцам. Словно скопление прозрачных камбал, они начали кружиться плотной стеной вокруг каждого человека, делая его невидимым.

«Всё вниз и вниз. Всё вниз и вниз. Всё вниз и вниз» — не переставал повторять одними губами маленький раб уже превратившуюся в бессвязный набор букв мантру. Через неопределённый, но от этого не менее мучительный промежуток времени Агний внезапно ощутил резкий толчок, от которого перехватило дыхание. После этого, как отметил мальчик, они стали опускаться чуть медленнее, и только тогда Агний позволил себе разлепить задубевшие веки. Да, они действительно опускались в разы медленнее, чем это должно было быть. Но почему? Какое-то внутреннее чувство подсказывало мальчику, что ответ кроется где-то сверху, но посмотреть туда Агний был не в состоянии.

Лишь когда они достигли твердыни и его освободили от ненавистных оков, маленький раб смог разглядеть то, что позволило солдатам не разбиться. Огромное одеяло с округлыми концами на верёвочках, которое вырывалось из ранцев спускающихся бойцов и в полёте

напоминало семечко одуванчика.

По понятным причинам, львы не оставляли людей даже после приземления, накрывая их своим превращающимся при соприкосновении с землёй в подобие шатра невидимым телом. Да вот только, как выяснилось, в этом особой надобности не было. Находившимся под «прикрытием» в виде львов солдатам было, однако же, видно всё, что происходило вокруг, считая остальных своих братьев и пустые, вымершие улицы. Конечно, нельзя отрицать то, что жившие почти бок-о-бок с сумасшедшим тираном люди наверняка не испытывают большого желания выходить на улицу, где они ещё более беззащитны, чем дома, но это всё-таки столица и даже в такие времена она никак не может напоминать полностью вымершее захолустье. Здесь же...

Вокруг ни души. Лишь изредка краем глаза в одном окне на весь продолговатый дом можно было увидеть какую-нибудь тень. Большинство окон на пару с дверьми выломаны, а из них торчит сбитая, будто в результате мощной давки, мебель. Около дверей, на улице, на мостовой — тут и там валяются вещи: бельё, посуда, фляги, свёртки с растоптанной едой, личные вещи, даже пара брошенных чемоданов. Создавалось такое впечатление, словно люди в спешке покинули это место, причём сделали это совсем недавно.

Всё это настораживало. Именно поэтому после того, как на землю спустилась Алиса, совершенно не отличимая от своих братьев из-за массивной формы, с последними солдатами, по рациям было решено рассредоточиться так, чтобы тот лев, под которым находилась командир, затерялся в толпе и незаметно подобрался к нужному месту. Надо было быть начеку, всё-таки они не знали, что ещё успел изобрести Бальгазар. Вполне возможно, что сидящим сейчас где-нибудь в засаде стражникам невидимость небесных хищников была совершенно не помехой.

К железному люку, заложенному камнями, подобными тем, что застилали всю площадь, Искури нагнулась так, будто что-то уронила, чтобы не вызвать в случае чего никаких подозрений. Смотря куда-то в сторону и нервно скрипя зубами, Алиса несколькими быстрыми движениями освободила небольшой участок поверхности круглой крышки и ритмично постучала по ней.

В то же мгновение люк резко откинулся назад и из него показалась чумазая физиономия.

— Дня доброго, коман...

— Чщ-щ-щ!!! — Алиса застучала по сомкнутым до треска зубам указательным пальцем.

— Да не бойтесь вы, командир! Нету здесь никого. Не-ту!

— То есть..?

— Залезайте скорее, потом расскажу!

Спустя минуту несколько десятков ног бежали рысцей по узкому подземному тоннелю, а встретивший бойцов человек эмоционально рассказывал Искури последние события:

— Боже, тут такая вакханалия ночью была, это что-то! Невольно подумаешь, что конец света начался, честное слово! Все бегут куда-то, орут — жуть! Там как пополз среди горожан слушок, что вся армия короля сворачивается и бежит из города — так все буквально с ума посходили! Все вещи, которые только смогли унести, в охапку, и бегом отсюда! К утру никого не осталось.

— Подожди, королевские гвардейцы бежали?

— Ну, как я слышал.

— Город абсолютно без охраны?

— Насчёт замка — не знаю, но на улицах и даже на стенах на границе ни одного стражника не увидели.

— И в городе тоже вот совсем-совсем никого?

— Ну, точнее, кто-то из горожан всё-таки остался, также некоторые хозяева, как мне известно, рабов своих в подвалах заперли, чтобы, как я понял, лишних ртов не было. А так — всё!

— Н-да-а-а... — Алиса на несколько секунд затихла. — Вот что-то мне настойчиво твердило с самого утра, что нас ждут здесь сюрпризы. А тут прямо чудеса!

Дальше на пути начали попадаться боковые ответвления, помеченные определёнными буквами. Все эти проходы вели в определённую часть дворца. За то время, что отправленные наследием копатели провели здесь, они успели вынюхать почти каждый закоулок каменного сердца королевства. Бальтазар будет окружён.

В каждый проход было отправлено по группе в сопровождении с осведомлённым о строении ходов человеком. Медленно-медленно отряд под командованием Алисы таял, пока, наконец, она вместе с двумя десятками людей не подобралась к люку, завершающему тёмную, сырую трубу. С ними был и Агний.

— Ну-с, всё. Момент истины. Все помнят план? — Алиса посмотрела на своих подчинённых и те синхронно закивали головой. — Как двигаемся, что делаем? Отлично. Агний, — девушка обернулась на маленького раба, — ты со мной. Нога в ногу. Делай всё так, как я скажу, понял?

Агний коротко кивнул. Всё было решено.

Искури дала знак сопровождавшему их человеку. Тот уже заготовил дымовую шашку и взялся за ручку люка.

— Стоим до конца. Помните, зачем вы здесь. — Добавила Алиса за секунду до того, как копатель всем телом навалился на железную крышку. Стоило только свету ворваться в тёмный тоннель, как тут же вслед за шашкой, заволокшей всё пространство серыми клубами дыма, наружу ломанулись солдаты со львами и в воздухе загрохотали выстрелы. Искури вцепилась в Агния и, рывком вытащив его наружу, буквально поволокла онемевшего от неожиданности мальчика в неизвестном направлении.

— Скорее, скорее! Пока никто из них...

— Кто? — Искури на мгновение на бегу повернула голову и замерла. Перед ними с Агнием, развалившись на куче мешков с песком, беззаботно лежал костлявый старичок, допивавший уже далеко не первую бутылку сидра.

— Командир! Командир!

Алиса вздёрнула голову, посмотрев на стоявшего на окружной стене Альфюму.

— Тут никого нет! Вообще никого! Все стражники исчезли!

Опомнившись, девушка тут же отдала приказ прекратить огонь тем бойцам, которые ещё не успели осознать того, о чём объявил львиный принц.

Гул стихших выстрелов прокатился по опустевшему замку и благополучно исчез в его тёмных углах.

— Прав зверюга — нет тут никого. — Прокряхтел дед, делая очередной глоток. — Все сбежали. Все. И ценности кой-какие из дворца прихватили. Вы когда будете по коридорам идти — там даже нескольких золотых подсвечников в стенах не будет хватать. На моих глазах вырвали.

Тот старик был явно из числа стражников. Об этом свидетельствовали покоящиеся

рядом с ним изъеденный молью мундир, шлем и меч.

— А почему все разбежались? — Искури сощурила глаза.

— Ну, как из-за чего? Из-за царя нашего батюшки. Совсем у него крышу снесло. Вчера, вот, покушение на него организовать хотели, так он взял и генерала Седрика загрыз. Голыми зубами, как псина бешеная, прямо в глотку вгрызся — и усё!

— А вы что же?

— А я? А мне-то куда! Мне за свою жизнь нечего бояться. Нет в ней более смысла. Жена ещё пять лет назад от голода дух спустила, дети разбежались кто куда, а я свой век отжил. А как пелось в одной песни: «Кто не боится смерти — тому страшиться неча!».

Дедок хрипло засмеялся, звучно икнул и спустя секунду продолжил:

— А вы сюда что, тоже за великими подвигами? — Искури хотела что-то ответить, но пожилой солдат её перебил. — Так вот что я вам скажу — сворачивайтесь, да валите отсюда поскорее. Гиблое это дело. Сколько храбрых ребят его свергнуть пытались — все полегли!

— Мы не ляжем, сэр. Я... Мы пришли забрать то, что принадлежит нам по праву.

Мужчина наморщил лоб и приподнял бровь. Искури поспешила пояснить:

— Я Алиса, сэр. Помните? Младшая дочь прежних короля и королевы. Девочка с каштановыми волосами до пояса и в сереньком платье.

Для пущей убедительности, Алиса даже показала своё истинное, изуродованное лицо.

— Я не погибла в тот день, слышите? Все эти годы мы вынашивали план, как мы сможем одолеть Бальтазара и вернуть мир в Королевство. Понимаете меня?

Мужик помолчал, ровно сел, подвигал из стороны в сторону нижней челюстью, будто разминая её, и, не сводя хмурых глаз с командира отряда, прохрипел:

— Али-и-иса, значит?

Девушка с ребяческой надеждой в глазах закивала головой. На секунду зависла полная напряжения тишина, как вдруг старик с невиданной резвостью вскочил, вцепился в жилет Искури и притянул её к себе.

— Так вот что я тебе скажу, Алиса. — Прошипел сквозь зубы солдат.

— Не стрелять! Не стрелять! — Завопила девушка своим подчинённым, направившим на старика оружие.

— ... Бери их всех, сворачивайте весь этот ваш балаган и спасайтесь! — Всё продолжал дед. — Не живёт на смертной земле такой человек, который с этой заразой совладать смог бы! Лишь себя загубите и людей этих невинных! Оставьте это место ему и..!

Он не договорил. Раздался взрыв, во все стороны полетели каменные обломки, которые и задавили несчастного старичка. Под лязг металлических запчастей из образовавшейся дыры показалась продолговатая механическая лапа, похожая на паучью. Аналогичные звуки, вперемешку с настороженным рокотом львов, раздались и из-за стены, отделявшей две платформы. Несколько мгновений, и перед застывшими в недоумении и ужасе показалось роботизированное нечто в три метра ростом с нарисованной на цилиндрообразном теле хищной рожей, вделанными в «лоб» железными рогами и присобаченным зачем-то краном, стилизованным под виселицу, на котором болтался собранный из всякого хлама Из динамиков раздался театрально-зловещий смех и чудовище начало своё наступление, размахивая многочисленными конечностями и выпуская струи пламени из ржавых труб по бокам. По твари тут же открыли огонь, но пробить прочную броню врага было не так-то просто, да ещё и ей на подмогу двигались её многочисленные собратья, не менее до абсурда зловещие.

— Давай, давай, скорее! — Искури вновь вцепилась в предплечье и рванулась с ним в узкий проход, уворачиваясь от лап монстров. Вот только один из них, стоявший прямо на стене, всё-таки заметил беглецов, подпёр лапами каменный угол и тот полетел вниз. Алиса еле успела толкнуть Агния вперёд и мальчик кубарем покатился по ступенькам на нижний ярус напрямик к лапам Альфюмы.

— Ваше высочество! — Подала голос оставшаяся по ту сторону каменного завала Искури. — Берите мальчика и бегите во дворец! Бальтазар! Найдите его! И не оставляйте в живых!

— Давай, залезай! — Лев нагнулся к маленькому товарищу и тот, опомнившись, тут же вскочил на спину друга.

Альфюма был ловок и быстр, стальные лапы успевали лишь слегка задеть взъерошенную макушку маленького раба, который, съевшись в комок, крепко-крепко держался холодными пальцами за редкую гриву льва. И правильно делал, поскольку Альфюма в итоге решил обойтись без визита к парадной двери замка. Подбежав к краю каменной платформы, лев, за мгновение до того, как на него обрушилась бы лапа очередного монстра, сделал мощный рывок, пролетел несколько метров над пропастью и вломился во дворец через огромный круглый витраж. Прямо в воздухе Альфюма успел сгруппироваться, заключив Агния в крепкие объятия сильных лап, и тем самым обеспечил себе и другу мягкую посадку. Но расслабляться было нельзя. Спустя мгновение в длинный коридор ворвалась целая свора механических врагов, чьи нахмуренные глазищи блестели отовсюду. Агний тут же вновь вскочил на Альфюму и они вместе понеслись вперёд. В первое время удача сопутствовала им, но в один момент железная клешня вцепилась в хвост молодого льва и рванула его на себя. Альфюма взвыл, резко развернулся, оттолкнулся от земли и уродская рожа робота встретилась с когтями и зубами принца, которые разодрали в труху всю металлическую обшивку, вывалив на всеобщее обозрение всё содержимое адской твари. Безумный смех, всё ещё доносившийся из колонок, превратился в жуткую какофонию, смешанную с треском помех. Изуродованная тварь завалилась на спину, насадив себя на конечность одного из своих собратьев, и рухнула на пол, утянув за собой нескольких из последних.

— Всё хорошо? Ты цел?! — Заголосил Агний, ощупывая всё ещё находившееся в кармане зелье. Альфюма кивнул и уж было хотел подняться, как вдруг тут же вновь растянулся на полу и застонал. Тело принца на несколько секунд стало полупрозрачным. Агний с ужасом осмотрелся и заметил опутавшие ногу льва провода, нещадно бившие его током. Находясь в полном беспомоществе, мальчик потянулся к ним, чтобы хоть как то помочь своему товарищу.

— Не трож!!! Беги!!! — Альфюма из последних сил вскочил на ноги, вцепился зубами в штаны мальчика и отбросил его далеко вперёд.

— Я справлюсь, беги! Беги, кому сказал! Давай! Вперёд! В дверь, в проход, БЕГИ!!!

Мальчик в ужасе мотал головой по сторонам. Со всех сторон, из всех щелей на него надвигалась опасность. Только одна область оставалась чистой: две зеркальные мраморные лестницы, ведущие к огромной позолоченной двери. Так же, как и когда хозяин валялся под рухнувшим на него подоконником, а на руках чувствовалась туго стягивавшая запястья верёвка, внутренний голос вторил крику Альфюмы и оглушительно заорал «БЕГИ!!!». Агний сорвался с места, и, не помня себя, понёсся вперёд, взлетел по ступенькам, без всяких усилий раскрыл дверь и, оказавшись в помещении. Захлопнул её.

Воцарилась тишина. Вокруг была лишь непроглядная мгла. Можно было даже невольно подумать, что маленький раб попал в другое измерение, не имеющее никаких точек соприкосновения с тем, что творилось сейчас снаружи.

Чуть придя в себя, мальчик отлепил дрожавшую от напряжения ногу от пола и переставил её. В ту же секунду плита, на которую приземлилась ступня, слегка продавилась вниз. Агний взвизгнул, подлетел на месте и вжался в резной рельеф на двери. Тут же продолговатый зал последовательно осветили зажигающиеся будто по волшебству сбоку факелы и в зловещем алом свете мальчик смог разглядеть на небольшом возвышении фигуру высокого человека в мантии и короне.

Драматическая пауза продолжалась с минуту, после чего высокий человек зловеще рассмеялся, запрокинув голову, расправил руки и явил взору единственного зрителя меч и когтистую перчатку, от которой тут же пошли разряды электричества, заплывавшие по стенам и потолку. После этого человек двинулся на онемевшего Агния, который, как это не странно, и не думал отступать. Как бы это странно не звучало, но мозг Агния предпочёл сосредоточиться не на приближающейся опасности, а на совсем иных вещах. В частности на том, что наступавший на него противник был... не человек. Человек не может так двигаться, его голос не может так звучать... Но довести мысль до логического вывода Агний не успел. Когда враг был уже менее чем в десяти метрах от жертвы, большущий кусок потолка рухнул прямо на него вместе с несколькими изломанными роботами в придачу. Сверху показались ошарашенные лица солдат, которые тут же встречались взглядами с не менее ошарашенным Агнием.

Минут через десять в, как выяснилось, тронный зал, без всяких помех в лице «омертвевших» роботов, ввалился отряд Искури с ней самой во главе.

— Он был здесь? — Девушка подошла к мальчику.

— К-Кто? — Агний еле как разлепил посиневшие губы.

— Бальтазар. — Маленький раб впервые в жизни ощутил на себе такой холодный и требовательный взгляд со стороны Искури.

Не сумев заставить себя произнести вновь хоть что-то вразумительное, Агний просто указал пальцем на груды обломков, под которой уже расплывалась красная лужа.

Алиса подошла к ней и замолчала. Кожаные сапоги, с силой вжатые в пол, со скрипом заёрзали. Кулаки женских рук сжались до белизны. Алиса за несколько секунд позеленела, глаза её налились кровью и всё тело затряслось... но она сдержалась.

Смачно харкнув в красную лужу, девушка с гордо поднятой головой обошла груды обломков и направилась к трону. К застывшему на месте и глядящему на подступающую к ногам алую жижу Агнию приблизились Имир и Гальдора с Матильдой в руках.

— Парень, всё хорошо? — Чисто кстати спросил юноша маленького раба. — Всё закончилось, можешь расслабиться.

Тут же рядом с ними оказался и прихрамывающий Альфюма, которого направление взгляда мальчика, по неизвестной причине, насторожило сильнее. Агний, к сожалению, был тогда не в том состоянии, чтобы вновь открыть рот и внятно объявить о том, что от так называемой «крови» шёл неестественный запах. И Агний знал этот запах. Так пахла дорогая краска, которой он красил амбар у своего второго хозяина.

— Итак, свершилось, господа! — Во всеуслышание объявила Искури, стоявшая спиной к находившемуся меньше чем в метре от неё заветного трона.

Агний с трудом сплотнул и уже хотел поднять голову, как вдруг маленький раб вновь

оставился в одну точку.

— Что там? — Прошептал Альфюма, ткнув мальчика лапой в бок.

— С сегодняшнего дня — всё не унималась девушка, — рука тирана более не властвует над нами и мы начинаем полномасштабно возвращение королевству его прежнего облика, как оплота добра и справедливости.

— П... П-П-Пловр...

— Что? — Альфюма начал волноваться.

— Невинная кровь больше не оросит землю нашей страны...

— П-Провода?..

Имир обратил внимание на слова мальчика, проследил за его взглядом и каким-то чудом смог разглядеть то же, что и он: пучок проводов, выбивавшийся из сколотого каменного плитуса, один из которых, тонкий и почти незаметный, шёл напрямиком к трону.

— ... уж я-то в этом клянусь.

После этого Алиса сделала два шага назад и, не разворачиваясь, согнула колени и уже успела взяться за мраморные ручки, когда Имир заорал на весь зал:

— Алиса, СТОЙ!!!

... но было уже поздно. Девушка приземлилась на седушку и в тот же момент плита, заменявшая её, прогнулась под весом новоиспечённой правительницы. Тут же на руках, ногах и талии Искури защёлкнулись железные кольца, обездвижившие девушку, после чего по залу прокатилась невидимая волна, заставлявшая попадавших под неё солдат биться на месте в конвульсиях от пропускаемых через их тело разрядов тока. За мгновение до того, как страшная волна достигла бы противоположной стены и накрыла бы всех стоявших там людей, Матильда успела подхватить Имира, Гальдору и Агния, а Альфюма, допрыгнув до зависшей в воздухе метлы, развоплотился, обернулся невесомым облаком вокруг шеи Агния и превратился в подобие толстого вязаного шарфа с кошачьими лапками. Как только волна «ударилась» в стену, по ней тут же скатилась прицепленная к потолку растянутая пятёрка простыней, сшитая между собой, на которой красовалась размашистая надпись: «Да здравствует королева!!!».

С высоты было как нельзя лучше видно подвергшийся недавнему ремонту пол, каменные плиты которого были заменены на более лояльный к току материал. Как только Матильда приблизилась к пьедесталу, на которого не распространялась действие тайного оружия, Имир с Гальдорой тут же слетели с летательного средства и бросились помогать уже поддавшейся панике Искури, совершенно забыв об Агние, меткий взор которого уже выхватил еле видный из-за стыка стен проход. Интуиция навязчиво подсказывала мальчику, что ему просто необходимо туда заглянуть.

— Я тоже его вижу. Давай, беги! Я подстрахую! Вытерплю! — «Лапки» шарфа на шее маленького раба вытянулись и обмотали ноги последнего, закрыв ступни. Мальчик уж было хотел отказаться от такой помощи, но, взвесив все «за» и «против», собрался с силами и с разбегу прыгнул на пол. Передвигаясь скачками, чтобы как можно меньше раз касаться земли, мальчик добрался до заветного хода и перед ним предстал тёмный коридор с деревянной дверью в конце.

— Я оставлю тебя здесь. — Агний собрался снять шарф. — Ты уже достаточно раз рисковал своей жизнью ради меня.

— Мы встретимся с Бальтазаром вместе. — Шарф затянулся потуже. — Мы вместе пойдём через это.

— У тебя есть мама, папа, народ, который ведёт в тебе опору и надежду. Тебе есть к кому вернуться. А я... — Агний мельком взглянул на всё ещё не сумевших освободить Искури Имира с Гальдорой и Матильдой. Люди с «Наследия» им вряд ли в ближайшее время помогут, они заняты более важным делом — обломки роботов собрались в более сильных чудовищ, которые сейчас безжалостно рвут на куски непрошенных гостей.

— Так... — Завершил мальчик. — Просто...

— Из-за этого человека я провёл детство без отца. Во главе нашего прайда встал недостойный правитель, лишивший меня братьев и сестёр. Для меня выйти против него — дело чести.

Агний лишь глубоко вздохнул и направился к двери.

— Ладно уж. Видать, если мне когда-нибудь всё-таки поставят хотя бы совсем-совсем маленький памятник — мне придётся делить пьедестал с тобой.

Оба друга нервно засмеялись, после чего Агний толкнул тяжёлые доски.

Перед ними предстала длинная винтовая лестница, ведущая глубоко-глубоко вниз, в вязкую темноту. Слегка прикрыв дверь, дабы оставить хоть какой-то источник света, мальчик приложил руку к холодной стене и сделал первые шаги, попутно напевая песню, которую так удачно напомнил ему ныне покойный солдатик.

«Жил-был на нашем свете
Простой трудяга Жан,
Работал день и ночь он
Не корча гордый стан.

Но как-то шёл с работы
Попал под дождь, промог,
И вот бедняга Жанчик
Совсем уж занемог»

Вот уже последние отблески слабого света затерялись во мраке, но, к огромному счастью, редкая грива Альфюмы начала источать мягкий, разноцветный свет, отогнав кровожадную мглу от всё прибавлявшего темп Агния.

«Понурились родные
И вся в слезах жена,
А Жан им всем твердит
Такие вот слова:

«Состарился уж, или
Попал ты под карету —
Страшнее смерти твари
На свете белом нету,
Всем тяжко, если жизни
Дрожит худая свеча,
Но не боюсь я смерти —
И мне страшиться неча!»

На мгновение мальчик запнулся из-за того что споткнулся об мелкий выступ. Чудом удержавшись на ногах, маленький раб, у которого в эту секунду сжалось и похолодело всё внутри, отдышался и продолжил свой путь, постепенно возвращаясь в привычный ритм.

«Но ночью, в полумраке,
Присел вдруг, — сер, худой, -
Меж рёбер Жаньих злобный,
Свирепый домовой.

«Не страшно тебе, друг мой,
Смотреть мне в мутный глаз?
Завьюсь, заворочусь — и в миг
Ты без костей у нас!»

И усмехнулся Жан мой,
Улыбкой синих губ
И молвит вдруг он гостю
Оскалив белый зуб:

«Состарился уж, или
Попал ты под карету —
Страшнее смерти твари
На свете белом нету,
Всем тяжко, если жизни
Дрожит худая свеча,
Но не боюсь я смерти —
И мне страшиться неча!»

Уже привыкшие к темноте глаза Агния через какое-то время уже смогли различить внизу твёрдую поверхность, знаменующую конец лестницы.

«Всё смолкло ненадолго,
Но вдруг грохочет гром
И прямо перед Жаном
Встаёт ночной фантом.

«Мне передал слуга мой,
Что ты, раб Божий Жан,
Страх потерял, оставив
На чести моей шрам.

Но ничего, узри же
Ты ужас во плоти!
Дрожи, кричи — но я уж
Не дам тебе уйти!»

Но Жан лишь улыбнулся,
Протёр платочком лоб,
И тычет белым пальцем
В стоявший у стен гроб:

«Состарился уж, или
Попал ты под карету —
Страшнее смерти твари
На свете белом нету,
Всем тяжко, если жизни
Дрожит худая свеча,
Но не боюсь я смерти —
И мне страшиться неча!»

Предвкушая окончание пути, полный решимости мальчик преодолевал последние ступеньки.

«Мир смолк вдруг, в тихом страхе
Дрожит ночная мгла,
В предсмертном бреде Жану
Явился Сатана.

Копытами грохочет,
Что пол весь ходуном
В глазах огонь, рычит он,
Словно грохочет гром:

«Смотри же, ты, пропащий,
На мощь царя греха!
Признай же, что не чист сам!
Пойдёшь в МОИ края!

Порвём тебя на части,
Разложим по котлам,
И будешь ты вариться
Всю вечность в радость нам!

Но Жан лишь, без испуга,
Закрыв усталый глаз,
И говорит он чёрту
В последний в жизни раз:

«Состарился уж, или
Попал ты под карету —

Страшнее смерти твари
На свете белом нету,
Всем тяжко, если жизни
Дрожит худая свеча,
Кто не боится смерти —
Тем и страшиться неча!»

И вот, наконец, перед ним большая дверь с кольцом вместо ручки. Момент настал.

Потерев замёрзшие пальцы, Агний прислонился будто уменьшившейся в несколько раз ладонью к деревянной поверхности и толкнул её. Дверь поддалась не сразу. Только когда маленький раб навалился на неё всем весом и, перебирая ногами по скользкой поверхности обработанного камня, двинулся вперёд она открылась и мальчик оказался внутри. Когда Агний отпустил дверь, она тут же с грохотом захлопнулась, но громкий звук маленького раба, на удивление, почти никак не испугал.

Агний огляделся. Окружение представляло собой большую пещеру с высоким потолком, сплошь уставленную какими-то совершенно непонятными мальчику вещами. И разглядеть он это благодаря исходящему от стоящего в отдалении захламлённого рабочего стола алого света керосинок. И за этим столом сидел человек, который тут же поднял голову со столешницы, стоило ему только услышать грохот упрямой двери.

Незнакомец обернулся и посмотрел прямо в сторону Агния.

— Алиса? — Прокатилось эхо по пещерным сводам.

Агний немного растерялся и, замотав головой, вымолвил:

— Н-Не-Нет.

Тёмная фигура с растрёпанной головой ещё секунду глядела в сторону остолбеневшего мальчика. После недолгого молчания неизвестный попытался привстать со стула, но тут же споткнулся об какую-то железку и с тихим «Чёрт!..» застыл, нагнув спину.

— Я... — Снова начал незнакомец, снова встав в полный рост. — Я извиняюсь, зрение уже не то. Много работаю в темноте, да и алкоголизм, знаете ли... Плохо на это влияет. А вся энергия ушла на то, что сейчас творится наверху. Приходится свечками довольствоваться.

Высокий, сутулый силуэт начал приближаться к Агнию. Хоть света и не было, но Агний сумел заметить то, что на его собеседнике не было ничего, что хотя бы отдалённо напоминало доспехи или хотя бы обмундирование. Незнакомец был в обычной рубашке и штанах, подвязанных на голени.

Когда мужчина оказался на достаточно близком расстоянии от мальчика, который был ниже неизвестного более чем в два раза, глаза последнего, судя по всему окончательно привыкли к темноте, и он наконец-то сумел разглядеть стоявшего перед ним гостя. Альфюма, переставший, на всякий случай, излучать свет, стянулся на шее мальчика сильнее, будто говоря своему другу быть начеку.

Вновь повисла напряженная тишина.

— А-а-а... Всё-таки пришёл. — Устало усмехнулся собеседник.

Мальчик поморщился в недоумении.

— Ты-ж тот самый парень, которого они подослали, чтобы меня укокошить? Да ладно, ладно, не отвечай.

Тёмный силуэт подошёл к мальчику вплотную и присел на корточки, оказавшись лицом

напротив Агния. Маленький раб всем существом ощутил на себе пристальный взгляд, пронизывающий насквозь.

— И как я понимаю, против финального чудовища ты пришёл сюда драться один, м? Н-да. У остальных, по-видимому, есть более важные дела — Собеседник глубоко вздохнул и продолжил. — Парень, ну вот если откинуть абсолютно все розовые мечтания о блаженной жизни в достатке в окружении так называемых «друзей» и обо всём прочем, что они тебе там понаобещали — сам подумай, ты им зачем? Почему они не отправили на это дело Имира — знаешь его? — Лейва, может быть. Они-ж по любому умеют в разы больше тебя! Я, конечно, не хочу разрушить нежную детскую психику, мой друг, но скажу тебе напрямую — им плевать, выживешь ты или нет. И это не я такой-сякой, как говорится, это жизнь такая. Они себе пообещали, что скинут меня с трона любой ценой. В том числе и ценой жизни вот таких, как ты.

Агний ощутил, как ком больно сдавил горло, почти перекрыв доступ к кислороду. Очень хотелось сделать резкий вдох.

— Ты обычный раб. Таких, как ты — маленьких, легко внушаемых, верящих в чудо и хороших людей сопляков — великое множество. И они этим пользуются, парень. Ты им не нужен, и именно поэтому единственное, что ты получишь в награду, если доживёшь до сегодняшнего вечера — это банка варенья, кулёк конфет и билет в какой-нибудь самый дремучий край королевства, чтоб глаза не мозолил.

— Я знаю.

— Чего?

— Я з-знаю. Знаю. Всё это знаю. — Агний никогда не чувствовал себя настолько раскованно. Он позволил себе... плакать. Тихо и сдержанно. С этой функцией его организма у него, повидавшего много человеческих страданий, виновником которых были выходявшие из-под контроля эмоции, были самые тёмные ассоциации. Но сейчас было всё равно. Совсем скоро всё равно будет на весь мир.

— Знаешь, значит? — Собеседник хмыкнул и на секунду повернул голову в сторону. — Видать, реально подошли к выбору кандидата на это всё основательно. Не какого-то там идиота взяли. Но, в таком случае, позволь спросить: почему не удрал? У тебя же когда-то получилось убежать, почему опять не поступил так же и не бросил это всё?

— Я н-не могу... — Агний тяжело слотнул. — Я просто понял, что не могу. Просто не могу. Никто не может...

— Ла-а-адно. Продолжим разговор. — Собеседник негромко усмехнулся и тут же с характерным треском во мгле зажглись заплывавшие по той самой легендарной перчатке мелкие разряды, осветившие заросшее тёмными сальными волосами заляпанное кровью нездорового цвета лицо, обрамлявшие последнее словно грива, и бледные глаза с красными белками. Даже выражая холодное любопытство, они, как отражение разложения разума, некогда скрывавшегося в этой голове, выглядели неимоверно жутко. Именно их взгляд и напугал маленького раба больше всего.

Зловещая лапа приблизилась прямо к Агнию и остановилась ровно на том расстоянии, чтобы он смог узреть во всей красе мелкие молнии, «выпрыгивавшие» к лицу мальчика словно голодные звери к поднесённому на близкое, но всё ещё недостижимое расстояние до их клетки сочному и ещё не остывшему куску мяса.

— Я устал, парень. — Рука тирана на мгновение дрогнула из-за глубокого вдоха. — Устал не меньше тебя. И именно поэтому у меня нет никакого желания рвать тебя на куски и

причинять тебе невероятные страдания чисто «потому что». Давай так: я быстро и безболезненно освобождаю тебя от этого брэнного существования, а ты даёшь мне дожарить оставшихся наверху товарищей до хрустящей корочки и мирно дожить в этих трущобах остаток своих дней. Идёт?

Агний застыл, сжимая лапы Альфюмы. Принц, наверное, наивно полагал, что у его друга есть какой-никакой план, и поэтому бездействовал. Но мысли маленького раба в тот момент захватило кое-что другое. Протяжный гул дьявольского механизма заставил мальчика ощутить это чувство в первый раз. Что-то большое ударило снизу об толстый вековой лёд подсознания, заставив ровную гладь звучно треснуть. Что-то напомнило о себе. Что-то далёкое-предалёкое, вроде сна, увиденного ещё в самые ранние годы. Он когда-то слышал что-то похожее. Он когда-то проходил через что-то похожее. Или не он? Да, кажется так. Кто-то не отпрыгнул в последний момент, когда это было необходимо. Хотя он должен был. Тогда бы всё было по-другому. И...

— Ну-с, молчание — знак согласия.

После этого перчатка начала медленно приближаться к лицу Агния, но вдруг раздался грозный рык и в последнюю секунду оголённые когти высвобождающихся лап возвратившего свою изначальную форму хищника больно полоснули мальчика по руке, после чего грозный зверь бросился на Бальтазара.

— Агний, чёрт тебя дери!!! Чего застыл?! ДАВАЙ!

Не помнящий себя раб почти на автомате выхватил с пояса нож, за секунду оказался перед Бальтазаром и рубанул по внутренней стороне лучевой кости метавшейся руки правителя. Ему-то не досталось, а вот находившимся там оголённым проводам — ещё как.

— Ах ты-ж..! — Взревел обезумевший от гнева Бальтазар, ударив со всего маху потерявшего бдительность льва в висок запястьем с искрившимися концами проводов. Получивший мощный удар током принц тут же стал полупрозрачным и почти упал. В тот же момент король навалился на него всем весом и приготовился добить противника, но тут лезвие ножа вонзилось в спину тирана и тот был вынужден был отступить.

— Не вставай! Не вставай!!! — Завопил Агний.

Бальтазар, вопя что-то нечленораздельное, замахивался страшной лапой себе за спину, но наградой за это были лишь новые и новые царапины, так как наученный горьким опытом Агний укорачивался от каждого удара, вгоняя нож всё глубже и глубже. Король носился с криками из стороны в сторону, сшибая всё на своём пути и заваливаясь то вперёд, то назад, стремясь наконец-то скинуть с себя эту мелкую тварь или вовсе придавить её своим телом. Каждый раз, когда тиран собирался рухнуть спиной на пол или врезаться ею же в стену и переломать ненавистному противнику кости, Агний тут же выставлял ноги назад и до треска в сухожилиях отталкивался от твёрдой поверхности, придавая Бальтазару ускорения вперёд. Когда же королю всё-таки удалось упасть так, чтобы мальчик не успел упереться, Агни со всей силы рванулся в сторону и, отлетев в сторону, заставил врага больно удариться предплечьем.

На глаза попало отверстие в одной из машин, высотой в стандартный дверной проём, ведущее в тёмное нутро жуткого агрегата, кишашее тучей проводов, и имеющее аналогичный выход в противоположной железной стенке. План созрел моментально. Подхватив нож и со всей дури вогнав его в плечо приподнявшегося на руках Бальтазара, Агний напоследок хорошенько пнул правителя в бок, чтобы окончательно его «раззадорить» и стремглав влетел в заросли электрических лиан.

Взбешенный король заскрежетал зубами, голыми руками вырвал окончательно сдохший и теперь лишь мешавший аккумулятор в перчатке и нырнул во внутренности машины, тут же запутавшись в них.

Почти на четвереньках преодолев расстояние от одного отверстия до другого, Агний вылетел наружу, обернулся и тут же вид налитых кровью глаз Бальтазара, чуть ли не зубами прорывавший себе путь к ненавистному мальчишке, прибавил адреналина в кровь и маленький раб сорвался с места. Так начались дикие догонялки. Агний носился из стороны в сторону, нарезая круги вокруг правителя и тем самым пытаясь измотать врага. Иной раз мальчик даже проносился прямо перед ним, чтобы нырнуть во «внутренний мир» очередного механического монстра и затянуть за собой Бальтазара, чтобы тот запутался в проводах, уже тянувшихся за ним гигантской «мантией» ещё сильнее.

В конце-концов, отбежав от врага на максимальное расстояние, которое ему позволяли уже подгибающиеся ноги, Агний забежал за огромную грудку металлического хлама и затих. Вокруг царила гробовая тишина, слышалось лишь с трудом сдерживаемое тяжёлое дыхание мальчика и доносившийся откуда-то протяжный стон Альфюмы, безуспешно пытавшегося подняться на лапы.

«Только не вставай дружище! Только не встречай! Ты слишком слаб, он убьёт тебя! Я с ним разберусь!» — Думал Агний, всё оглядывая окружавшую его обстановку, боясь даже вытереть градом катившийся с горячего лица пот.

Выслеживая хоть малейшее движение среди громадных силуэтов машин, Агний потянулся к ножу на поясе и... Твою-ж!

Пол ушёл у маленького раба из-под ног, а сердце пропустило удар. Ножа не было. Только сейчас Агний осознал, что оставил его в плече Бальтазара.

Так, ладно, без паники. Сейчас нельзя терять рассудок. Нужно осмотреться. Осторожно осмотреться и найти что-нибудь, чем можно было бы защититься.

Собрав всю волю в кулак, Агний начал медленно-медленно разворачиваться, стараясь не упустить момент пришествия сумасшедшего короля, но тут твёрдая рука вцепилась в волосы на затылке, рванула мальчика в сторону и живот пронзила острая, сковывающая всё тело боль.

— А вот и нож. — Прозвучал ехидный смех прямо над ухом.

Рука сжала лохматые космы ещё сильнее, после чего обессиливший раб отлетел к дальней каменной стене, находящейся близ хорошо освещенного рабочего стола, и стал безмолвно наблюдать, как двоившееся изображение его без минуты убийцы приближается всё ближе и ближе. Бальтазар ликовал. Если бы Агнию довелось лицезреть те ужасные события, то при лучшем освещении он бы смог понять по лицу мужчины, что он сейчас переживает заново тот самый момент, когда он, в припадке беспросветного безумия медленно, смакуя момент, приближался к матери, чтобы завершить ту кровавую бойню сочным финальным аккордом.

— Ну что, допрыгался? — Через отдышку прокряхтел король. — Знал же, что живым отсюда не уйдёшь.

Агний коротко застонал от боли сквозь парализованные губы.

— Больно, да? Вот именно. Посиди, помучайся. Я-ж тебе предлагал решить всё быстро но не-е-ет, надо обязательно всё кардинально усложнить.

Подойдя к трясущемуся от напряжения и истекающему кровью Агнию, Бальтазар слегка нагнулся и ядовито усмехнулся.

— Ну что-ж... Дай хоть на твою рожу напоследок гляну, пока дух не испустил. А то космы себе отрастил — Боже мой!

Рука правителя сжала тёмные волосы в пучок, и одним ловким движением Бальтазар срезал чёлку мальчика под корень.

На мгновение Агний испытал легкую дезориентацию: перед глазами, с пути которых убрали многолетнюю преграду, предстал совершенно другой мир с иными формами и даже объемом. Но вот что реально заставило мальчика поёжиться, так это перекосившееся от увиденного лицо Бальтазара. Оно вытянулось и стало настолько белёсым, что его очертания в темноте можно было увидеть даже без сильного освещения. Ставшие серыми глаза выпучились настолько, что, казалось, они вот-вот вывалятся из глазниц. Ещё чуть-чуть, казалось Агнию, и мужчина поседеет.

— Какого..? — Только и смог выдать открытый в безмолвном крике рот короля.

В эту самую секунду мальчик отмер и из последних сил саданул пяткой по коленной чашечке правителя. Раздался влажный хруст, которому тут же вторил громогласный гул. Донёсшийся откуда-то сзади. Это была та самая несчастная платформа, крепления которой Бальтазар так и не удосужился поменять. Не выдержав столь долгого напряжения, металлические болты повыветали со своих мест, а проржавевшие подпорки снизу безвольно проломились под невиданной тяжестью груды механических изделий, многочисленные провода которых в момент начавшегося движения стянулись на груди короля в один большой узел и потянули последнего за собой, в бездну. Король, не сумев удержаться на ногах, рухнул на пол и, волочимый сотнями мелких и толстых пут, заревел нечеловеческим голосом и стал цепляться за всё, что только попадалось под руки. Рычаги, углы, мелкие выступы на каменной поверхности — ничего не помогало. Злобный рок был неумолим. В последний момент, находясь уже у самого края, он успел вцепиться в выпиравшую над склоном панель с педалями. Разодранные до костей пальцы окрашивали гладкую поверхность в алый, мышцы трещали по швам, грозясь лопнуть в любой момент, выдерживая на себе вес многотонной конструкции. Но продолжалось это меньше секунды, после чего панель с треском оторвалась от твердыни, отправив тем самым своего создателя в полёт, сопровождаемый уже с трудом различимыми криками последнего и грохотом разламывающихся изобретений, в неизведанные пучины пещерной пропасти.

Спустя минуту стало тихо, а ещё через несколько секунд ожили оставшиеся в живых лампочки на стенах пещеры, заполонив всё светом. Агний с непривычки сощурился и попытался приподняться на руке, но дьявольская боль в боку тут же дала о себе знать.

Именно тогда Агний и вспомнил про подаренное Зигмундом снадобье, которое было тут же вытащено из кармана — хвала небесам, бутылёк был цел! — и выпито до половины. Почти сразу по телу разлилось приятное, мягкое ощущение. Боль постепенно исчезла, кровоточащая рана вмиг затянулась, на её место пришла усталость. Хотелось заснуть, прямо здесь, но вдруг со стороны послышался шорох. Это Альфюма с трудом ковылял на помощь своему напарнику.

— Стой, не двигайся! — Агний за несколько прыжков оказался перед товарищем, после чего остатки чудодейственного отвара были отданы принцу. Последних было невероятно мало, чтобы полностью восстановить организм хищника, но, несмотря на это, он стал выглядеть в разы лучше, чем до этого.

После того, как лев поднялся на ноги, Агний заметил его взгляд. Альфюма смотрел на него. Причём смотрел так, будто видит нечто выходящее за рамки его понимания. Но

мальчику было на это уже глубоко плевать. Его голова болела так сильно, что уже просто отказывалась соображать, и маленький раб с превеликим удовольствием сейчас вышел бы на поверхность, к свежему воздуху, но осталось ещё одно дело...

Агний прошёл к обрыву. За ним последовал непонимающий поведения друга Альфюма. Дна из-за поднявшегося в воздух гигантского количества пыли видно не было

Один бывший хозяин Агния был редкостным любителем горного туризма, и, разъезжая с последним по самым разным утёсам, хребтам, склонам и прочему, Агний кой-чего, да нахватался.

Заприметив около себя небольшой камешек, мальчик скинул его вниз и слегка нагнулся, выставив ухо вперёд. Спустя несколько мгновений прозвучал удар.

— Тут... Тут как минимум метров тридцать — не больше.

— Ты на что это намекаешь? Ты серьёзно думаешь, что он мог выжить?

— Ну... Судя по тому, что мне рассказывали — мужик живучий. — Усмехнулся мальчик.

Альфюма совсем недолго пребывал в раздумьях, но потом понял сам, что проверить данную теорию надо. Всё-таки им не нужны лишние сюрпризы.

Агний поспешно, но аккуратно, залез на спину льва и тот, словно спускаясь со склона заваленной рассыпчатым снегом горы, начал плавно спускаться по воздуху вниз, перепрыгивая с места на место.

Через какое-то время они достигли дна и огляделись. Всё замусоренное обломками гениальных изобретений короля пространство было освещено мягким голубоватым светом, исходящих от томившихся здесь минералов. Момент их созерцания прервал тот, ради кого, собственно, Агний с Альфюмой сюда и спускались.

Переваливаясь с одной сломанной конечности на другую, Бальтазар, громко бормоча себе под нос что-то неразборчивое, мужчина перевалился через одну из железак, на секунду застыл с опущенной головой, но стоило ему только увидеть Агния, как он тут же нервно засмеялся и смех этот быстро перерос в истерический гогот.

Король на четвереньках попятился назад, неуклюже перелезая через всевозможные препятствия, пока не упёрся спиной в каменную стену. Бальтазар предпринял несколько попыток перелезть и через неё, то и дело оглядываясь на всё приближавшихся к нему мальчика и льва, пока окончательно не отчаялся и не сжался в комок на полу, когда маленький раб был уже прямо перед ним.

Агний безмолвно смотрел на болезненно всхлипывавшее перед ним существо и не испытывал никакой ненависти. Он понимал, что это — не жестокий правитель. Это просто сумасшедший. Судя по всему, Альфюма понимал это тоже.

Сделав ещё один смелый, но осторожный, шаг вперёд, Агний легко провёл рукой по уже практически покрывшейся плесенью голове теперь уже точно бывшего правителя. Тот дёрнулся всем телом, и, казалось, сжался ещё сильнее. Нападать он явно не планировал. Весь его вид так и говорил: «Отойди, не трогай меня».

Агний перевёл взгляд на льва. Тот слегка наклонил голову, как бы спрашивая: «Ну, и что делать будем?»

Мальчик вздохнул и задумался.

— Альфюма. — Начал он. — Я могу попросить вас о последнем одолжении? Хотя, нет, двух одолжениях?

— Что ж. Говори, что ты придумал?

— Ваша грива же тоже, как и у вашего отца, обладает волшебными свойствами? А вы не могли бы...

На улицы медленно начали высыпаться оставшиеся жители города, коих, как ни крути, было немало. Грохот от в последнюю секунду отключившегося робота-гиганта, проломившего своим весом крышу и пол в тронном зале, тем самым сохранив жизнь и малую долю здоровья небольшой горстке «недожарившихся» людей, был знатный. Постепенно к толпе исхудалых жителей и грязных рабов у подножия парадной лестницы замка стали присоединяться матросы подбитого в неравной битве «Наследия», прихрамывающие львы и Алиса с жалкими остатками её отряда, многих из которого пришлось выносить на руках. Великая и могучая Искури, придерживавшая сломанную при очередной попытке освободиться от железных наручников руку, выглядела так, будто её смачно прожевали и с отвращением выплюнули.

— Что с вами произошло? — Спросил оказавшийся перед девушкой запыхавшийся Орландо. Та посмотрела на него невидящими глазами и начала мерно шевелить еле двигающимися губами:

— Он видел, как Бальтазар умер. Ну, он, мальчик, как эту заразу пришибло куском крыши. Мы вошли и я сдуру уселась на трон. А трон этот, чтоб его, кнопкой оказался. Ловушкой, в общем. И их там всех...

Она не смогла договорить, ком подкатил к горлу. Орландо лишь посмотрел на подругу печальными глазами и прижал её сотрясающееся от беззвучных рыданий тело к себе.

— От крови воняло краской, понимаешь? Это был обман! Ты хоть представляешь, какая я дура? Он, наверное, сбежал уже десять тысяч раз и...

— Смотрите! — Донеслось внезапно из толпы и сразу несколько рук указали вверх.

На самой вершине десятиметровой лестницы возник силуэт маленького мальчика в сопровождении звёздного льва. Вся толпа стихла. Миллионы глаз смотрели на Агния.

— Король умер. — Во всеуслышание объявил он. По толпе пронёсся гул, который, однако, так же быстро стих.

Агний неспешно выудил из-за спины оружие, которое ещё долго будет снится жителям королевства в самых кошмарных снах — перчатку. Поломанную и ныне совершенно нерабочую. Выждав пару секунд, мальчик отпустил край кожаного напульсника и перчатка покатила по мраморной лестнице и упала прямо к ногам людей, которые тут же с криками шарахнулись в сторону, словно стая воронья от кинутой в них палки.

Тем временем Агний всё так же неспешно спустился вниз, подошёл с полным равнодушием на лице к Алисе и вручил ей корону. На мгновение подняв голову вверх он смог уловить у окружающих то же самое выражение лица, что было некогда у Альфюмы, когда лев впервые увидел мальчика без чёлки на лице.

— К-Как он умер? — Слегка опомнилась Алиса.

Мальчик посмотрел ей прямо в глаза и растянул рот в широкой и немного неестественной улыбке.

— Упал с обрыва и разбился. Осмотрите тронный зал внимательнее. Вы там мно-о-ого интересного найдёте.

После этого Агний нырнул в толпу, и, находясь уже у самого её края, напоследок поинтересовался у одной женщины, как ему пройти к городским воротам. Получив нужную информацию, мальчишка бросил короткое «Спасибо» и направился по полуразрушенным

улицам к границе города. Оказавшись около пограничной стены, зиявшей незагороженными проёмами ворот, Агний без задней мысли вышел за черту города и направился по сухой неровной дороге. Альфюма, всё это время следовавший за мальчиком, на секунду остановился, не веря своим глазам, по после поспешно последовал за другом.

— Нет, сотой, ты что, серьёзно хочешь уйти?

— Ну да. — Беззаботно улыбаясь выдал Агний, даже не смотря на льва.

— И-И куда ты пойдёшь?

Мальчик втянул полной грудью воздух.

— Та' понятия не имею! Куда-нибудь!

Принц начал постепенно сбавлять скорость, пока окончательно не остановился и не уселся на сухую траву, наблюдая за тем, как маленький человек всё дальше и дальше уходит к горизонту, подпрыгивая на ходу, тем самым будто желая слиться с этим легким, тёплым ветерком и унести с ним, необременённым и беспечным, куда-нибудь далеко-далеко.

Тем временем на дворцовой площади Орландо вышел из ступора и, схватив Алису за предплечье, в полной тишине потащил её на самый верх лестницы. Развернув девушку так, чтобы происходящее было как можно лучше видно окружающим, мужчины вырвал у подруги из рук корону и стрепетом водрузил её на голову бывшей принцессы, после чего развернул последнюю лицом к народу. Отойдя в сторону, капитан присел на одно колено и склонил голову. Его примеру быстро последовали и Имир с Гальдорой, а после и все остальные. Так, все почтено опустили в поклоне перед новой королевой.

Но молчание длилось не долго. Через несколько мгновений из гущи людей послышался возбуждённый крик «УРА!!!», после чего люди засуетились. Кто-то вторил радостному воплю, кто-то начал целоваться и обниматься со всеми окружающими, а кто-то вовсе рухнул в счастливый обморок.

Алиса, еле сдерживая слёзы, вцепилась в куртку Орландо, рывком подняла его на ноги и впиалась в его губы.

На площадь упали тёплые лучи солнца, вырвавшиеся из-за стены светло-серых облаков, знаменуя начало новых, прекрасных и счастливых дней.

Я не унижусь пред тобою;

Ни твой привет, ни твой укор Не властны над моей душою. Знай: мы чужие с этих пор.

Ты позабыла: я свободы Для зблужденья не отдам; И так пожертвовал я годы Твоей улыбке и глазам, И так я слишком долго видел В тебе надежду юных дней И целый мир возненавидел, Чтобы тебя любить сильней.

Как знать, быть может, те мгновенья, Что протекли у ног твоих, Я отнимал у вдохновенья! А чем ты заменила их? Быть может, мыслью небесной И силой духа убежден, Я дал бы миру дар чудесный, А мне за то бессмертье он? Зачем так нежно обещала Ты заменить его венец, Зачем ты не была сначала, Какою стала наконец!

Я горд! — прости! люби другого, Мечтай любовь найти в другом; Чего б то ни было земного Я не соделаюсь рабом. К чужим горам, под небо юга Я удалюсь, может быть; Но слишком знаем мы друг друга, Чтобы друг друга позабыть.

Отныне стану наслаждаться И в страсти стану клясться всем; Со всеми буду я смеяться, А плакать не хочу ни с кем; Начну обманывать безбожно, Чтоб не любить, как я любил, — Иль женщин уважать возможно, Когда мне ангел изменил?

Я был готов на смерть и муку И целый мир на битву звать, Чтобы твою младую руку —

Безумец! — лишний раз пожать!

Не зная коварную измену, Тебе я душу отдавал; Такой души ты знала ли цену? Ты знала — я тебя не знал!

(с) М. Ю. Лермонтов "Я не унижусь пред тобою"

Глава 18. Коротко о том, что было после

Где же ты, Агний? Куда ты ушёл? Что делаешь? Жив ли ещё, или нет? Эти вопросы мало волновали Алису, Орландо или вообще кого-либо из их большой команды следующие полгода. Все они с головой погрузились в свою новую жизнь. Королевство возвращалось в прежнюю, добальтазаровскую колею. По крайней мере, столица расцвела. Подневольный труд в ней был полностью искоренён, площади и улицы ожили, отовсюду доносились радостные голоса забывших о горе людей, смелыми глазами смотрящих в завтрашний день. При дворе служило теперь множество образованных молодых людей с необыкновенно добрыми глазами, которые с гордо поднятыми головами сообщали своей королеве, что в доверенных им регионах королевства всё так же прекрасно, как и в городе у подножия дворца, где стоило только великой правительнице выйти к людям — к ней тут же неслись с аплодисментами, цветами и радостными возгласами.

Только Зигмунд раз за разом портил всю малину. Ему доверили в полное властвование на территории бывшего «Ковчега», где всё ещё жили люди, не пожелавшие вернуться в земли, о которых остались лишь самые чёрные воспоминания. И при каждом своём визите к старым знакомым он прямо говорил о том, что за пределами ближайших к столице земель всё не так уж и хорошо, как об этом говорят приближенные к Алисе люди. Где-то всё ещё царит нищета, пьянство, разруха, а в некоторых регионах люди и вовсе творят всё, что им в голову взбредёт, не имея никакого контроля со стороны власти. В первое время Алиса действительно прислушивалась к старому другу и делала замечания нерадивым губернаторам, требуя от них исправить данную ситуацию, но когда Зигмунд уже в пятый раз заговорил о том, что в отдалённых уголках ничего не меняется, королеве всё это стало изрядно надоедать.

— Зигмунд. — Обратилась однажды Алиса к чародею. — Я понимаю, вы у нас человек придирчивый, но постарайтесь всё-таки понять — ничего в принципе не может быть идеально.

— Я понимаю это, леди, но я постоянно говорю это лишь потому, что с нашего первого разговора, без всяких преувеличений, ничего не изменилось! Ваши люди вас обманывают, а вы не хотите в это верить. Может, будет лучше, если вы сами туда поедите и своими глазами всё увидите?

— Я доверяю своим подчинённым, Зигмунд. Доверие — основа хороших взаимоотношений с гражданами.

— Вы доверяйте, госпожа, но проверяйте. Помните — власть губит людей, и ваши подчинённые от этого не застрахованы.

— Так, всё, Зигмунд, я не желаю больше продолжать этот разговор. — Алиса рывком поднялась с трона и устремила на великана взгляд из-под нахмуренных бровей. — Я хороший правитель и хороший человек с головой на плечах, посему обойдусь и без ваших советов.

Зигмунд лишь хмыкнул, развернулся и уже был готов направиться к выходу, как вдруг добавил:

— Ты и с Агнием поступила так же, верно?

Алиса, которая уже успела занять своё прежнее место и погрузиться какой-то частью мозга в мысли о личном, вдруг встрепенулась от одного только упоминания маленького

раба.

— В смысле?

— Ты ведь с самого начала не планировала, что он выживет, выполняя твой приказ? Не хотели оставлять на этой земле живое опровержение того, о чём вы мне только что сказали.

Алиса плотно сомкнула губы.

— Смею заметить, что узнав о нашем плане — вы не попытались нас остановить. Так что вы, можно сказать, соучастник.

— Я и не скрываю, что совершил множество ошибок за свою жизнь. В частности я не отстоял вашего брата, когда за ним ко мне заявились прислужники вашего отца. Это было за неделю до первых смертей, если вы меня понимаете. О вашем плане я узнал поздно, слишком поздно, чтобы на что-то повлиять. В любом случае, даже если бы я тогда сумел выйти и остановить вас прямо перед отлётом и рассказал бы всем о том, что вы были готовы пожертвовать жизнью маленького ребёнка... Да и не только его одного, если бы дело к тому пошло — начались бы массовые волнения в ваших рядах, а это привело бы к ещё более страшным последствиям. Времени придумывать какой-либо план у меня не было, поэтому я оставил всё так, как есть. Но дал мальчику шанс на выживания. Бутылёк с раствором, залечивающим даже смертельные раны. И он его, судя по всему, использовал.

Алиса пыталась не подавать виду, но Зигмунд заметил, как её рука с силой сжала мраморный подлокотник.

— Мальчишка сейчас просто способен задеть меня за живое, так ведь, Зигмунд? До этого момента вам тоже было плевать на его судьбу, вы не искали его..!

— Вообще-то я уже давно выяснил, где он находится и связался с ним.

— Ну, и как он? — Чисто для галочки, глубоко, вздохнув, спросила королева.

— Жив и здоров. Но вас он больше видеть не хочет, и, судя по всему, не заинтересован не заинтересован в разглашении вашей тайны. Так что можете быть спокойны.

«Ну вот и хорошо» — проговорила одними губами Алиса. После этого Зигмунд ушёл.

Это был единственный раз за всё то долгое время, когда лохматого мальчика всё-таки вспомнили. Наверное, после этого маленький раб так бы и сгинул в пучине повседневной рутины, радостных дней и иных забот, если бы не один случай...

Как бы это странно не звучало, но все эти шесть с половиной месяцев Алиса до последнего откладывала поход в родительскую спальню. Никому из прислуги она туда не позволяла заходить, но и сама никак не могла собраться с духом, чтобы потревожить прошлое. Сложно сказать, что её останавливало: безумие бывшего короля, которое настолько сильно впиталось в стены злополучного помещения, что, по ощущением, почти обрело материальную форму, либо же мысли о чём-то безвозвратно утерянном, что уже никогда не вернётся, либо всё сразу. Но, в любом случае, однажды девушка решилась.

Холодное помещение встретило распахнувшую старые двери Алису стойким запахом пыли вперемешку с едким смрадом чего-то химического и протухшего. Сжав кулаки, девушка переступила порог и огляделась.

Кровать. Вспомнилось вдруг, как они с сестрой и братом вставали с первыми лучами солнца, неслись к родителям и все трое наваливались на них с криками «ПРО-СЫ-ПА-ЕМ СЯ!!!». Мама с папой никогда не ругали их за это. Они всегда были к ним нежны и любезны.

Шкаф. Сломанный, грязный, захламлённый. Но это только сейчас. В голове всплыли воспоминания, как однажды, на их с Солин День рождения (а они родились в один и тот же день с разницей в два года) мама решила устроить дочкам целый квест, который начинался

здесь. На верхней полке шкафа сидел огро-о-омный белый плюшевый мишка, державший в лапках две красные ниточки, по которым девочки шли следующие три часа, находя на своём пути подарки. Один из них Алиса до сих пор носит с собой. Плетёный браслетик с мелкими драгоценными камушками.

А платье... Ох, мамины платья — это вообще отдельная история. Алиса на ватных ногах подобралась к развороченному шкафу и начала перебирать то, что осталось от богатого гардероба матери. Вот это, к примеру, она надевала на званые ужины. Ещё она к ней делала такую смешную причёску с косичками, из-за чего мама становилась похожа на маленькую девочку с лицом взрослой женщины. Вот это она всегда надевала на природу. Даже капли малинового сока кое-где остались с их вылазок за ягодами. Вот это она вместе с норковым жилетом надевала для верховой езды. А вот это... Да не может быть! Оно уцелело!

Алиса хорошо запомнила это платье. Именно, по многочисленным рассказам, мама надела тогда, на свой самый первый бал, где они с папой и познакомились. Самодельное и простенькое, оно сильно выделялось среди своих более помпезных и дорогих коллег. Именно папа уговорил маму оставить это платье при себе, чтобы и они могли вспомнить былые времена, и детям было что показать. Да, они ужасно любили друг друга... Всем бы испытать такую любовь в своей жизни.

Королева подняла голову и тут её взгляд упал на прикроватный столик со множеством лекарств на нём. Алису привлекли совершенно не они, а то, что было «похоронено» под ними. Подойдя к груде медикаментозных средств, Алиса аккуратно очистила от них заинтересовавший её предмет и взяла его в руки. Это оказался альбом. Тот самый кожаный альбом, который Бальтазар везде и всюду таскал с собой, теперь перед ней. Очередной призрак прошлого.

С чувством того, что она заглядывает в какую-то неведанную тайну, Алиса присела на край кровати и стала листать страницы.

На первых двухстах не было ничего интересного. Множество чертежей и редкие приписки к ним. После всё чаще и чаще стали попадаться короткие заметки о внутренних переживаниях принца. Потом к чертежам стали примешиваться портреты какой-то девушки. Подождите, Алиса же знает её! Бальтазар познакомился с ней на одном из балов! Как её там?.. Не важно.

С её личностью у королевы было связано одно яркое воспоминание. Однажды в детстве ей совершенно не спалось, и, проворочившись в постели несколько часов, девочка поднялась и решила подышать свежим воздухом, выглянув в окно. Среди звуков ночи до принцессы отчётливо донеслись голоса Худэпина и Говарда. Посмотрев вниз, Алиса увидела на одном из мостиков между башнями близнецов и наконец-то вернувшегося домой Бальтазара. Вечером он куда-то пропал и не вернулся даже к ужину. И вот теперь братья, по всей видимости, пытались выяснить у младшего причину столь долгого отсутствия. В какой-то момент Говард, судя по всему, неудачно съязвил и Бальтазар тут же бросился на него с кулаками. Зарождавшуюся драку прервал появившийся откуда ни возьмись Принцен, который твёрдым словом отправил близнецов восвояси, а сам он взял Бальтазара под руку, отвёл в сторону и спустя мгновение со всей дури впечатал твёрдый, как кувалда, кулак в нос брата.

Следующие слова наследника престола Алиса расслышала лучше, чем весь предыдущий диалог между царскими отпрысками:

— Ещё разсбежишь к этой калбитке — упрошу родителей, чтобы они ускорили твою

отправку на службу. Понял? Всё, в постель, и чтобы я тебя не видел.

Заметки принца в альбоме становились всё мрачнее, а мысли о новых изобретениях навещали его голову всё реже. В один момент, когда у Бальтазара, видимо, было особенно плохое настроение, он изодрал ручкой страницу с разработкой своего нового творения, а несколько листов и вовсе вырвал.

Апогеем всего этого стал кроваво-красный разворот, на котором — судя по всему, пальцем, было выведено размашистое: «Они все мертвы».

К странице также было приклеено что-то странное. Девушка пригляделась и, осознав то, что это специфически пахнущая субстанция является выдранным с мясом клоком волос, резко отбросила книгу и согнулась пополам, вжавшись лицом в колени. Придя в чувства и уняв мелкую дрожь с рвотным позывом, Алиса всё-таки заставила себя взять в руки злосчастный альбом и продолжить его листать.

Далее было исписано не так много страниц. Теперь чертежи попадались намного реже и в технике их рисования пропала былая чёткость — линии стали более импульсивными. Альбом превратился во что-то на подобии дневника. Случилось это, как поняла Алиса из коротких заметок своего брата, из-за того, что у него в какой-то момент начала сильно ухудшаться память. Со временем Бальтазар вошёл во вкус, и короткие записи стали со временем разрастаться в объёмах и содержании.

Алиса всё листала и листала... Всё читала и читала... И с каждой страницей руки всё сильнее холодели и сжимали твёрдую обложку, волосы на голове поднимались дыбом, а глаза наполнялись ужасом. Наконец, настал тот момент, когда королева швырнула страшную находку на пол, вылетела из комнаты, за несколько секунд оказалась перед игравшим с сослуживцами в нарды Орландо и не своим голосом завопила на весь дворец:

— Собирай всех, щас же! Надо найти Агния!

Неделю искали. Скороходов на пару с гонцами во все уголки королевства разослали, Зигмунду написали раз десять (ни на одно из писем не было дано ответа). И вдруг на шестой день приходит весть — нашёлся тот, кто утверждает, что знает местоположение маленького беглеца.

Привели его (информатора). Невысокого госта мужичок в протёртой одежде богобоязненно рухнул на колени перед пьедесталом с воплем «Не вели казнить!». Несчастливого успокоили и велели говорить. Он и заговорил. Мол, так и так, примерно спустя два месяца после объявления о свержении Бальтазара к ним в посёлок пришёл мальчишка. Маленький такой, худющий, одежда уже в тряпки превратилась, и ну просто вылитый Агний.

Алиса с Орландо всё слушали и слушали, но окончательно они убедились, что они нашли то, что им нужно было, когда среди черт неизвестного мальчугана мужик упомянул криво растущую чёлку, которую будто неаккуратно состригли, и даже показал линию разреза.

Уже через час был снаряжен небольшой конный отряд и Орландо отправился вместе с наводчиком в его городок. Как оказалось, за два месяца Агний успел прошкандыбать на своих двоих добрых двадцать восемь километров и залечь в совершенно неприглядном захолустье, устроившись на работу к местному пекарю.

Первое впечатление от той местности было, мягко говоря, удручающее. Зелёные поля с лесами, украшавшие близлежащие ко дворцу земли, быстро кончились и их заменили дикие, поросшие хищными сорняками равнины, единственными обитателями которых были

вороны, скакавшие тут и там и встречавшие незваных гостей неодобрительным карканьем. На въезде в деревню их встретили два пьяных пограничника, явно не ожидавшие приезда начальства.

Первое, что увидели приезжие в этом небольшом населённом пункте, была детская площадка. Точнее, когда-то она являлась таковой, но ныне это была лишь груда деревянного мусора, вокруг которой крутились две маленькие девчонки в рваных рубашках. Рядом со всем этим на скамеечке примостилось лицо женского пола неопределённого возраста, размеренно потягивавшее горячительное прямо из горлышка бутылки.

Вдруг, на сию радостную поляну вбежала ещё одна девчушка. Платье на ней было хоть и далеко не новое, но всё равно — выглядела она намного ухоженнее своих ровесниц, носившихся меж обломков. Судя по всему, последние были знакомы с прибывшей, так как сразу с поздоровались и без задней мысли побежали с ней играть. Но тут сидевшая до того момента с абсолютным безразличием на лице женщина молнией вскочила со скамьи и с диким рёвом и морем брани понеслась прямо на ребёнка, размахивая бутылкой. Неизбежное предотвратил Орландо.

— Женщина, вы с ума сошли?! — Прокричал будущий король, сжимая похожую на кусок жидкого теста руку взбесившейся мадам. — Вы что творите?!

— А тебе какое дело, сапог ходячий?! — Проорала мамаша, вырываясь из цепкой хватки. — Чего защищаешь эту буржуйку?! Сам, небось, один из них? Давно люлей не получал?

— С вами говорит главнокомандующий Орландо Микарде — правая рука её величества и её будущий супруг.

Несколько секунд до женщины доходила эта информация, и как только дошла — пельмень на ножках громко ахнул и рухнул на колени, в полной готовности чуть ли не вылизывать ботинки своего кумира.

— Господин мой! Повелитель! Спасители вы наши помазанные! — Приговаривала женщина, задыхаясь от счастья. — Освободители вы наши! Сколько лет мы под гнётом этих тварей просидели — жуть!

— А девочка... Ну, как вы выразились, «буржуйка»...

— Её папаша подневольных держал, представляете? Ух-х мы им задали, все зубья ему вышибли, все космы его швабре повыдирали! Да и этой бы оборванке я сейчас... Где?! Тфу, удрала! Ну ничего, я сейчас..!

— Так, так, всё! Успокойтесь! — Орландо схватил собеседницу за оба предплечья и посмотрел ей в глаза. — Домой сходите, чаю там, я не знаю, выпейте. Не надо никого бить, уж тем более детей...

— А если мой милостивый государь позволит поинтересоваться мне, недостойной — куда вы путь держите? — Женщина заискивающе посмотрела в глаза Орландо, сложив ладони вместе.

— Я извиняюсь, но это вас не касается.

— Чем смогу — помогу!

— Спасибо! — Мужчина, еле сдерживая нервы, отодвинул женщину с дороги. — У нас уже есть информатор.

Зыркнув полными злобы рыбьими глазами на худого мужичка, хвостиком семенившего за Орландо и явно не горевшего желанием попасть под тяжёлую руку горевшей желанием услужить пьяницы. Под натиском соколиного взгляда несчастный сжался и с заячьим

страхом в голосе пролепетал:

— Э-Это государь за мальчиком Прокотовым приехал... Помнишь его?

— О-ОХ! — Тучное тело аж подлетело от нахлынувшего на него возбуждения. — Вы за этим паршивцем примчались? Вот уж спасибо! Вот уж есть на земле справедливость! Вот уж наконец-то праведная голова на трон уселась! Вы знаете, он же и сам, Прокот этот, пекарь, будь он неладен, и сам на руку не чист! Я это точно знаю! Уверяю вас! Он...

Вот так, до самой пекарни, их и сопровождало безостановочное кудахтанье, состоящие из отборных сплетен и жалоб на всё и всех, и в особенности на пекаря Прокота, у дверей которого они вскоре и оказались.

Как только на заплёванном и прогнившем деревянном пороге появился хозяин с обмотанной бинтами головой, сломанной рукой и огромным фингалом под глазом, всю округу оглушил истеричный визг, которому через секунду вторило карканье перепуганных ворон:

— Ну что, проклятый, нашлась на вас управа!

— У-ва-жа-е-ма-я! — Орландо не сдержался и перешёл на крик. — Всё! Хватит! Разберёмся сами!

Некогда полный благоговения взгляд женщины тут же помрачнел, нос наморщился, уголки губ опустились, оттянув за собой обвисшую кожу. Притихшая говорунья, похожая на закупоренный еле сдерживавшей давление пробкой вновь наполнившийся едким ядом толстопузый сосуд, хотела ещё что-то сказать, но вместо этого развернулась и поковыляла своей дорогой.

Прокот, местный пекарь, у которого, согласно доносу, и обосновался Агний, был явно не в настроении принимать гостей, особенно после той трёпки, которой ему задали местные. Красные кулаки массивных рук, достойные скорее не мастера хлебобулочных изделий, а кузнеца, были сжаты, а серо-зелёные глаза, накрытые густыми тёмными бровями, смотрели на Орландо с двухметровой высоты с нескрываемой неприязнью.

— Мы по поводу мальчика, господин. — Начал, опомнившись, королевский посланник. — У вас же есть такой работник.

— Он ни в чём не виноват. — Послышался в ответ грубый голос. — Он просто защищался. На нас напали.

— Я совершенно не в курсе того, что произошло между вами и вашими соседями. — Продолжил Орландо. — Мы просто хотим забрать мальчика. Вы же, наверное, слышали о том, что мы его ищем?

Здоровенный мужчина хотел что-то ответить, но, после секундных раздумий, шумно втянул воздух сломанным носом и пригласил гостей внутрь.

— Он наверху. — Пекарь, не смотря в сторону пришедших, кивнул в сторону лестницы. — На чердаке. У него сейчас перерыв, отдыхает.

Орландо, перепрыгивая через ступеньку, быстро оказался под самой крышей и, слегка приглядевшись, смог рассмотреть в полумраке пристроившийся под самодельным одеялом из мешковины худощавую фигуру, по которой плясали полупрозрачные блики пробивавшегося через дыры в потолке света.

Облегчённо выдохнув, мужчина, сам не зная зачем, почти на цыпочках подкрался к спящему ребёнку и аккуратно потряс его за плечо. Агний издал протяжный стон и наморщил лоб, но после того как он увидел, кто сейчас перед ним, мальчик резко выпрямился и уставился на стоявшего перед ним человека выпученными глазами. Тогда Агний во второй

раз увидел то же самое выражение лица, что некогда заметил у окружающих в день свержение Бальтазара: непонимание и неверие, смешанное теперь ещё и с лёгким испугом. Но волновало мальчика сейчас не это. Он прекрасно знал, что его сейчас начнут уговаривать уехать. Собственно, так оно и произошло.

Со слащавой улыбкой Орландо, держа тонкую руку мальчишки, начал говорить о том, как они его долго и усердно исколи, как они волновались и как будут рады, если он вернётся. В первые мгновения было видно, что менталитет покорного раба, не смеющего никому сказать «Нет», ещё пытался заставить Агния согласиться, но он сумел вовремя прийти в себя и, пусть и неуверенно, но вымолвить, глядя послу прямо в глаза:

— Я никуда с вами не поеду.

— Агний, ну ты же...

— Я никуда с вами не поеду! — С нажимом на каждый слог повышенным тоном процедил мальчик, поднявшись на ноги.

— Да послушай же ты меня!

— Мне здесь хорошо, я работаю, я не голодаю, я хорошо живу! Я не хочу! — Вновь перебил будущего короля Агний, отчаянно вырывая руку из его хватки и пытаясь сохранять спокойствие.

— Ты..!

И тут случилось то, чего Агний боялся больше всего: из кармана прохудившихся штанов вылетел бутылёк. Тот самый, который некогда излечил ранение мальчика. Только вот теперь в нём был не целебный отвар, а голубая дымка. И Орландо знал, что это такое. Он узнал одно из заклинаний, которое когда-то давно им в качестве простого фокуса показывал Зигмунд: в сосуде специальный порошок, его нюхнул — и в этот же сосуд в виде тонкой струйки дыма переместился.

А ведь они же тогда особо и не осмотрели дно той ямы в потайной мастерской Бальтазара... Подумали, незачем, он не смог бы выжить при падении с такой высоты... Даже он...

Орландо с силой сжал запястье Агния и рванулся к стеклянному вместилищу того, что никак не хотело наконец-то перестать обременять землю своим существованием, но мальчик со всей дури пнул его в живот, что дало оборванцу несколько секунд, чтобы схватить бутылёк первым.

— А ну отдай! — Мальчишка попытался скрыться, но твёрдая рука в толстой кожаной перчатке оказалась проворнее.

«Отдай! Отдай! Отдай, выродок поганый! Верни, кому говорят!» — Брызжал слюной сверкавший озверелыми глазами Орландо, отчаянно пытаясь прорваться второй рукой на подмогу первой и выхватить из рук ненавистного мальчонки заветный сосуд, но тут же его встречал яростный отпор из пинков, плевков в сторону лица и оглушительного до боли в ушах «НЕТ!!!».

— Что тут происходит, чёрт подери?

Всё замерло. Орландо с Агнием на пару впёрлись глазами в лестницу. Где стояли владелец пекарни и не менее недоумевающие, чем он, подоспевшие к месту действия солдаты правой руки королевы. Прежде чем мужчина успел вернуть мысли в прежнюю колею, мальчик его опередил:

— Всё хорошо, господин. Не беспокойтесь. — Агний без труда высвободился из хватки оцепеневшего противника и тут же спрятал бутылёк в задний карман штанов. — Это... Дело

личное.

После этого маленький работник обернулся в сторону будущего правителя.

— Орландо. — Ребёнок почти не глядел в глаза собеседнику, но при этом держал спину прямо и говорил уверенно и чётко. — Я услышал вас и действительно готов уехать с вами. Однако, не считите это за наглость, если позволите — я хотел бы выдвинуть некоторые условия моего пребывания во дворце, если ваша просьба не является принуждением. — Агний старался осторожно подбирать слова. — Всё-таки когда-то её высочество сказало мне, что после окончания правления Бальтазара мы станем семьёй — она это может подтвердить, всё-таки монахи обязаны знать цену своим словам — и если мы действительно семья — то мои пожелания тоже должны учитываться, я ведь прав?

Мальчик исподлобья заглянул в голубые глаза Орландо. Буквально на долю секунды в них мелькнула тяжёлая, остроконечная искра, так и говорившая: «Условия он тут ещё будет ставить... Да я же тебя в землю закатаю», но она тут же разлетелась об стальную преграду в виде холодного «Мне нечего терять», читавшегося в глазах бывшего раба.

Стиснув зубы, мужчина кивнул. После этого Агний широким шагом приблизился к своему работодателю и направился вместе с ним вниз, по пути обговаривая возможность своего возвращения на должность помощника, в случае если при дворе что-нибудь не срastётся. После этого мальчик распрощался с пекарем и вместе со стражниками направился к чудо-драндулету. Орландо же ещё ненадолго остался.

— Вы что ему наговорили-то?

Поручный королевы обернулся на присевшего около окна с пожелтевшими стёклами здоровяка, мирно покуривавшего дешёвую сигарету.

— В смысле?

— Ну, просто парень спокойный такой. Обычно тише воды, ниже травы, за весь день может слова даже не вымолвить. А тут — орёт, как резаный, дерётся. Хотя... Был случай ещё жестче. Недельку назад припёрлись в первом часу ночи к нам дорогие наши «борцы за справедливость»... Вот, вывеску мне сорвали, всё тут разнесли — это мы только на днях окончательно порядок навели после того погрома — мне тоже досталось, как видите. — Мужик почесал щеку близ огромного синяка на глазу.

— Так они же, наверное, не просто так к вам ворвались, не считите за грубость? — Поднял бровь Орландо. — Вы им чем-то насолили? Вы были рабовладельцем?

— Рабовладельцем? — Красные от бессонных ночей глаза уставились в упор на короля. — Скажи мне пожалуйста, товарищ государь, мне, по-твоему, на что содержать твоих ненаглядных рабов, если сам я вон на той скамейке под дедовским пледом сплю? Чё ты так смотришь? Дом я свой вместе с кроватью продал, давно, и причём не из-за картёжного долга, как братец той, что вас до моей скромной обители провожала. Уж извините, донесу на человека, чтоб они в ваших глазах не были уж такими-рассякими ангелочками обиженными. У меня, в отличие от них, мозги не потекли... Не успели потечь... Не знаю даже — хорошо это, или плохо...

Рослый бородач затушил сигарету, в очередной раз тяжело вздохнул и продолжил:

— Народ тут бедный, друг мой. Голодный, холодный, и оттого злой, как собака. На всё злой. И нет, не владел я рабами, не за их счёт всё это содержал. Сам на то, что от поля осталось, бегал, ночей не спал, ворон отгонял, чтоб последние дряхлые колоски не сожрали. Сам его собирал. Сам муку делал. Сам хлеб какой-никакой пёк. Сам его охранял. Да, охранял. Потому что сопрут, да так сопрут, что не докажешь потом ничего. Да и сейчас

особо ничего не докажешь... Ничего, по правде говоря, вы не поменяли со своей подружкой, сударь. Раньше ничего нельзя было доказать потому, что контролировать всё это дело некому было, а ещё потому, что те самые «рабовладельцы» — то есть люди имеющие либо устойчивое положение в обществе за счёт связей и приличного денежного запаса, либо редкий талант выкручиваться из любой ситуации, либо всё сразу — имели абсолютную вседозволенность. Хотим — грабим, хотим — убиваем, хотим — милуем. А сейчас? А сейчас, скажите мне, что поменялось? «Доблестные служители закона» вас, наверное, уже порадовали своим благородным видом, когда вы в город въезжали. Поменялось разве что только то, что сейчас балом правит вчерашняя чернь, драившая полы за заплесневелую корку хлеба. Это же уже не люди, сударь. Это животные, живущие по своим диким законам. А после того как наша любимая государыня им руки развязала своим указом... Как там он звучал? «Берите своё, униженные и оскорблённые, и наказывайте по справедливости виновных»?

Мужик сжал кулаки и с трудом сдерживаемой яростью заскрежетал зубами:

— Так скажи ты мне, мой государь. Скажи мне, старому увальню, что значит ваша «справедливость»? Что значит «виновные»? Что значит «униженные и оскорблённые»? Чем это измеряется? Кого этими определениями можно обозвать? Почему я, деревенщина, еле читать умеющая, понимаю, что законы — это жёсткая конкретика, а ваша вся из себя такая правильная и справедливая королевишна — нет?! Чем она руководствовалась, когда писала это красивую бредятину? «Накалякую что-нить, а они там сами разберутся» — так что-ли?

— Вы говорите о моей жене, попрошу вас...

— А ты мне рот не затыка-ай, братец! Не заслужил ты уважения в моих глазах, уж извини! Я, возможно, тоже унижен и несусветно оскорблён вами, кретинами! Хотя, какая, чёрт подери, разница? О чём нам с тобой говорить? Всё равно вы ничего не поменяете. Так и будете сидеть в своём розовом замке... А меня рано или поздно обобрут окончательно, да прямо под крыльцом закопают... Две недели назад уже попытались, как видите. Ворвалась эта пьяная орава посреди ночи: «Жрать давай! Жрать давай! Убьём! За нами королева!» — орут. В хранилище пытались прорваться. Я, естественно, сразу в драку, за нож чуть не взялся, да куда там? И вдруг мальчонка прямо с лестницы спрыгивает и на этих всех с факелом из ручки от швабры несётся. Да с такими дикими глазищами... Там аж здоровые мужики к выходу попятнулись... В общем — всех прогнал. Пропал бы я без него. Берегите ребятёнка, не обижайте понапрасну.

— Господин, вы, если хотите, можете претендовать на компенсацию за счёт потери работ...

— Не-не-не-не-не! — Хозяин аж подскочил с места и, замотав головой, приблизил ладонь ко рту Орландо, как бы говоря: «Молчи!». — Вы что, до сих пор не поняли? Да они-ж меня тогда точно порвут! Да и куда я эти деньги дену по-вашему? Знаете, для меня лучшей компенсацией будет, если вы к моим словам прислушаетесь и за ум возьметесь, друг мой. Поразмыслите над этим.

— Х-Хорошо, господин. До свидания.

Всю дорогу Агний сидел тихо и отсутствующим взглядом глядел в окно чудо-машины. На все вопросы, что должны были его разговорить, мальчик отвечал односложно и без особого энтузиазма. Думал он в то время совершенно о другом.

За то время, как бывший раб покинул столицу и ушёл в «свободное плавание», многое

внутри него перевернулось и безвозвратно изменилось. Одним из самых ощутимых изменений являлось то, что мальчик стал видеть сны. Нет, он и до этого их видел, но прежде они представляли из себя бесформенное скопление цветов и звуков, не оставлявших после себя никакого послевкуся. Но всё изменилось. Причём крупно.

Тем не менее, сны снами, но вот совсем недавно мальчику приснилось нечто такое, что заняло мысли мальчика на долгие недели вперёд. Это подкреплялось ещё и тем, что Агний каким-то подсознательным чувством ощущал, что в сне этом есть что-то важное, в чём надо разобраться.

А выглядело сновидение следующим образом:

Агний сидел в концертном зале. Большо-о-ом таком, с тысячей мест для зрителей, огромной сценой и высокими алыми стенами ширм, которые с исчезновением света в помещении раздвинулись в стороны, приглашая зрителей в волшебный мир, скрывавшийся за ними. И Агний вошел в него. Своими ногами. Медленно встал с сидения и, сам не зная зачем, взобрался на сцену и оказался перед невысокими распахнутыми воротами некого каменного строения, находившегося в густых джунглях. Мальчик уж было хотел приблизиться к чернеющему проёму, в котором можно было различить ведущие наверх ступеньки, как вдруг чуть не попал под колёса длинной вереницы сцепленных между собой и идущих друг за другом огромных цирковых вагончиков, покрытых облупленной краской. На месте кучера главенствующего вагончика, подёргивая поводья хиленького ослика, как-то умудрявшегося тащить всю эту икебану, сидели две мелкие уродливые марионетки Алисы и Орландо, неестественно большие головы которых представляли из себя распиленные на две половины деревянные шары. Верхняя половина каждое мгновение почти до предела откидывалась назад, словно бы кукла распахивала рот, слышался громкий, визгливый смех и задорное напевание: «Жизнь прошла наша не зря, вешаем нынче царя!».

В следовавших далее вагончиках за огромной толстой решёткой сидели гигантские хищные растения, своим видом напоминавшие диких зверей, наполовину сделанных из металла. А в замыкающем, свесив ноги вниз и высунув из-за железных прутьев так же непропорционально большую голову, сидел Бальтазар, своим обвисшим лицом, на котором отображалась вся вселенская безнадёга, напоминавший собаку породы мастифа.

Как только шум колёс и счастливые крики утихли, Агний наконец-то смог войти в здание, подняться по лестнице и очутиться в необычайно светлой, хоть и маленькой комнатке. За небольшим окном на детской площадке играли дети, солнечные зайчики бегали по белым стенам и по яркой зелени молодых деревьев, на которых росли большие, сочные плоды, похожие на крупные персики. Эти деревья имели особое значение во сне мальчика, так как в последнем Бальтазар не машины изобретал, а выращивал доселе невиданные растения, и эти деревца были его главным творением. Всё дело было в плодах. Съешь один — и будет тебе великое счастье.

На стоявшем в том же помещении, кроме многочисленных бумаг и книг, мальчик смог обнаружить дневник создателя всей здешней зелёной благодати.

Гулким, беспорядочным эхом голоса Бальтазара отдавались читаемые мальчиком за мгновения и совершенно не запоминаемые страницы в дневника. Хотя, скорее, это был даже не дневник, а огромное послание ему, Агнию, в котором явственно выделялась повторяемая много-много раз фраза: «Всё, что я делал, было ради тебя», а также множество её перефразированных вариаций.

Когда лохматый беспризорник уже почти дошёл до конца, прямо на книгу упал большой

спелый плод, тут же расколовшийся от удара об твёрдую поверхность и забрызгавший страницы густым, ароматным соком красивого красно-оранжевого цвета. Из образовавшейся в яркой кожуре трещины торчала маленькая записочка, на которой были уже знакомым почерком выведены слова:

«И будь уверен, сладких плодов ты ещё наешься!»

Казалось бы — сон, как сон. Обычный отрок подпитанного последними событиями, мыслями и размышлениями подсознания. Однако Агнию никак не давала покоя именно та самая пульсирующая фраза: «Я всё делал ради тебя». Уж очень красочно и самобытно она и её «ответвления» отпечатались в его мозгу. Это чувство будет хорошо понятно людям с развитым ассоциативным мышлением, так как у них у каждого слова есть свой цвет, свой звук, свой вкус, свой ритм, своё движение... И это на первый взгляд бессмысленное предложение задело определённые, ни с чем не переплетающиеся струны в мозгу мальчика, и последний был уверен в том, что он наконец-то поймёт смысл всего этого, когда эти же струны будут тронуты вновь.

Они приехали, Агния встретили, накормили, комнату выделили и всю оставшуюся часть дня чуть ли не на руках носили. Малец, в свою очередь, не стремился во всех красках показывать своё недовольство, но его напряженный взгляд в пол и полная апатия в голосе явственно намекали окружающим, что здесь его ничего не держит и он в любой момент готов свернуться и уйти, забыв обо всех участниках его недавнего приключения, как о страшном сне. Захватив при этом, разумеется, заветный бутылёк, который у мальчика пару раз в наглую пытались вытащить прямо из кармана. Подойдут, зададут какой-нибудь бессмысленный вопрос, усыпят на секунду бдительность, а тем временем какой-нибудь другой человек со спины подойдёт и уже тянет свои лапы к выпирающему еле заметным бугорком сосуду, как вдруг получает от Агния не слабый удар по руки. А потом ещё, самое главное, стоят, с ноги на ногу переминаются и улыбаются во всю мосью, будто перед ними всё тот же самый маленький идиот, за которого они некогда считали бывшего раба, который ничего не понимает и за кусок хлеба готов хоть с крыши прыгнуть.

Держать оборону мальчику удавалось до глубокой ночи. Даже в самый дремучий час Агний, свернувшись калачиком, в середине которого был плотно зажат меж цепких пальцев бутылёк, боялся заснуть. И не заснул, если бы ему под загороженную всем, что только попало в комнате, дверь в один момент не прыснули какую-то зловонную дрянь, из-за которой тут же голова налилась свинцом, веки резко потяжелели, мысли помутились и в конце-концов преданный хранитель маленькой стекляшки благополучно улетел в самые недра царства снов, где пребывал аж до полудня.

После пробуждения его ожидала предсказуемая картина: все его баррикады разгромлены, дверь заколочена, сосуда нет.

А тем временем в другом конце замка Алиса собиралась с силами, чтобы войти в заветную дверь и наконец-то посмотреть в глаза тому, кто на долгие годы лишил её сна, покоя, нормальной жизни и лица. Сжав кулаки и вдохнув полной грудью, девушка сумела на короткое мгновение вырваться из вихря страшных воспоминаний и толкнуть громоздкую деревянную преграду, отделявшую королеву от её прошлого. В тусклом свете, отходящего от находившегося на противоположной стене окна, явственно выделялся силуэт прямоугольного стола, за которым сидел, связанный по рукам и ногам, старший брат. Да, действительно, это был и вправду он. Хоть годы не пощадили его, да и всё нездорового цвета лицо было в розовых шрамах, последнее, освободившись от запущенных зарослей волос, всё

ещё хранило в себе черты того знакомого с детства затравленного юноши. Глаза тоже были теми же самыми, с них спала та жуткая пелена, так хорошо врезавшаяся в память Алисы. Вот только в них больше не было той детской неуверенности. Он был спокоен. Он наконец-то чувствовал себя твёрдо стоящим на ногах. Теперь, находясь в рассудке, уже точно.

— Приве-ет, Лисюш. — С какой-то даже наивной улыбкой на лице протянул бывший король, в момент когда его собеседница пристраивалась за противоположным концом стола. — Сколько там лет прошло? Одиннадцать-двенадцать? Да, красивая иллюзия! Зигмунд делал, верно? Сильно тебя тогда, — ну, ты понимаешь, — потрепало? Или ты всё-таки успела вылезти из той трубы?

— Не твоё дело, дрянь. — Проскрежетала зубами королева, ещё сильнее насупив брови. — Тебе бы лучше все известные молитвы в памяти освежать перед исповедью. Завтра ты наконец-то сгинешь. Уже навсегда. Сделала тебе великое одолжение, так сказать. Изначально хотела тебя вообще к столбу на площади привязать и каждый день со вкусом наблюдать, как тебя обплёвывают и...

— Алистик, это всё просто прекрасно, но можешь мне, пожалуйста, сделать последнее одолжение и приоткрыть окно? Душно так.

— Ты зарезал всю мою семью, а у тебя, дрянь, ещё дури хватает на то, чтобы строить из себя кретина?! Отец, братья, сестра, чёрт подери, блин, мама — **БЕРЕМЕННАЯ!**

— Хосподи, да не была она беременной, Алиса, я тебя умоляю!

Секунду девушка хотела продолжить гневную тираду, но стоило ей только вдуматься в слова брата, как незыблемый гнев на её позеленевшем лице сменился недоумением.

— В-В смысле?

Бальтазар ненадолго замаялся, обдумывая, как наиболее корректно сообщить сестре данную новость, и, собравшись, начал:

— Я провёл дополнительное вскрытие некоторых тел после той ночи. Мама не была беременна. У неё был рак шейки матки, что и привело к характерному вздутию живота.

Немного помолчав, мужчина шепотом, почти неслышно, добавил:

— Видимо, даже её организм уже начал понимать, что ничего путного он воспроизвести не сможет.

От стен отразился звонкий хлопок, и Бальтазар, с резко развёрнутой в сторону головой, молча потёр о плечо краснеющий на щеке след от пощёчины.

— Ещё хоть что-то в этом роде вылетает из твоего рта — я вырываю голыми руками твой язык!

«Не сомневаюсь» — Уголки губ мужчины на мгновение дрогнули, но он сумел сдержать эмоции и всё тем же равнодушным взглядом уставиться на сестру.

— Слушай, ну раз всё уже решено, тогда зачем мы здесь сидим?

— Я хотела в последний раз посмотреть тебе в глаза. Узнать, сожалеешь ли ты о случившемся хотя бы немного, осталось ли в тебе хоть что-то человеческое.

— Даже если я скажу, что сожалею, ты что, вот так просто поверишь мне? Или, нет, обязательно поверила бы, если бы я сейчас театрально замолчал, вот так сложив перед собой в замок руки и понутив голову, а потом громко разревелся, упал на пол и упёрся тебе лицом в колени. Устроил бы представление, так сказать. Ты же в этом ша-аришь, я ведь прав?

— Ты о чём сейчас вообще говоришь? Что это за..?

— Послушай-ка, Алис, а ты сама-то сожалеешь?

— В смысле? О чём?!

Агний решил твёрдо — надо выбираться. Быстро.

Через дверь опасно в любом случае, там наверняка стражники. А вот насчёт окна...

Подбежал к решётчатым ставням. Осмотрел сдерживавший их замок. Не новый. Хлипкий. Большого давления не выдержит.

Обернулся. Начал судорожно водить глазами по комнате. Взгляд упал на железный наконечник ножки стула. Тонкий, крепкий, в самый раз.

Прежде чем начать, со всей силы навалился на стоявший в комнате дубовый шкаф и загородил им дверь. Потом ещё придвинул сундук, тумбочку и всё, что только под руку попадало. Чтоб уж наверняка.

Схватил заветный стул. Разбил им зеркало над туалетным столиком. Выдрал из рамы самый большой осколок и, совершенно не обращая внимания на кровоточащие от нажима на острый край руки, начал подпиливать ножку. После вцепился в стул и несколько раз с силой приложил его об пол. С третьего раза железный наконечник с небольшой частью деревяшки соскочил. То, что надо!

Вновь оказался около окна, вддел ножку в замок, зафиксировал последнего в устойчивом положении — чтобы в самый последний момент не соскочил — и всем весом навалился на импровизированный рычаг. Три... Два... Один... Есть!

Вытер пот со лба, убрал ножку и вынул замок из ушек ставней. Прохладный ветер тут же навалился на освобождённые окна, ворвался в комнату и окатил мальчика свежим воздухом.

«Наверно, будут потом оправдываться, что просто не хотели, чтобы я простыл. Если вообще будут оправдываться...» — На мгновение пронеслось в голове Агния.

Высунулся и тут же залез обратно, спрятавшись под подоконник. Да, Алиса всё предусмотрела. То плато, на которое выходило окно комнаты, было усеяно стражниками.

Закрыл окно обоими руками. Пригнулся. Пришёл в себя. Осмотрелся. Нет, все окна тёмные, не должны были по блеску стекла заметить...

Так, надо что-нибудь придумать.

Внизу, мальчик успел разглядеть, есть карниз. Достаточно широкий, чтобы на него встать и относительно спокойно по нему передвигаться. В радиусе видимости никаких мешков, стогов с сеном или чего-то, на что можно было бы без вреда здоровью приземлиться нет. Значит, нужно будет лезть достаточно далеко. Но как? Заметят же!

Вновь взгляд обратился в помещение. Простыня! Не предусмотрела красавица-королева только одного — простыня на кровати как раз под цвет стены. Да и стражники сонные — видно, что дежурили всю ночь. Заменить-то их некем, не каждый, даже спустя полгода, готов пойти служить в это проклятое место. Не должны заметить.

Стянул простыню, обмотался ею, взялся за створки окна, собрался с силами и раскрыл их. Не медленно, но и не особо быстро, чтобы случайный блик не привлёк лишнего внимания.

Посмотрел вниз. До карниза метра полтора. Стал осторожно выбираться наружу. Сначала тело, потом одна нога, другая. Повис на краю окна. Быстро прицелился пятками, выдохнул и отпустил деревянный край. Приземлился. Быстро наладил равновесие. Вжался в камни за спиной. Вытянулся в струну. Сердце больно билось об рёбра. Дышать было сложно. Сейчас не до этого. Надо двигаться.

— Думаешь, я был не в курсе твоего плана, а? С использованием ребёнка против меня? Да не какого-то там ребёнка, а обязательно беспризорника из здешних подворотен.

— Да при чём тут..? Я рассчитывала на то, что эти дети прошли естественный отбор, поэтому у них намного больше шансов выжить. Знаю, это жестоко, но чем-то приходится жертвовать ради общего благополучия. И, уж извини меня, жизнь одного маленького мальчика не стоит сотен тех, что мы спасли.

Шаг. Встал. Шаг. Встал. Шаг... Долго-долго, медленно-медленно... Когда Агний успел уже впасть в некое подобие транса, а движения стали механическими, прижатая к стене рука при очередном особенно широком шаге вдруг не ощутила под собой привычной шершавой поверхности и сорвалась в глубину выросшего на её пути провала. Мальчик по инерции крутанулся в бок, секунду балансировал на одной ноге, еле удержал равновесие и спустя мучительно долгое мгновение вновь встал на обе конечности. Стук крови во вспотевших висках стал постепенно разбавляться чьими-то голосами. Они доносились из провала, которым оказался вырез окна в толстой стене. Маленький беглец приходил в себя не слишком долго, но этого вполне хватило, чтобы слышимый им разговор успел его заинтересовать.

В комнате за окном находились двое: одним из них определённо был Орландо, а вторым — Агнию потребовалась минута, чтобы убедиться в этом окончательно — был Имир.

— Ну да, сказала мне та, что без задней мысли была готова пожертвовать и этими сотнями тысяч.

— Да ты..?

— Хочешь, я скажу настоящую причину вслух? Она заключается в том, что такие лохматые беспризорники, как тот мальчик, никому не нужны. Никто не станет задавать лишних вопросов, никто не станет плакаться. Да и, самое главное, эти дети, ничего светлого в своей жизни не видавшие, пошли бы за вами, наобещавшими им счастливую и беззаботную жизнь, преданными хвостиками, глядящими вам прямо в рот. Это просто животные, расходный материал в твоих глазах. Не получилось бы с этим парнем — вы нашли бы другого. Не вышло бы со вторым — третьего. И в твоей голове бы даже не всплыла мысль о том, что это тоже люди. Такие же, как и ты, Орландо, Имир, Лейв... Со своими мыслями, мечтами и прочим. Но нет, блин, мы бережём лишь своих. Те, что пониже, могут и в топку отправиться!

— Заткнись!

— О! В бой пошёл самый действенный аргумент!

— Закрой свой рот! Заканчивай этот цирк!

— Ба. Алис, да у тебя вся жизнь — один огромный цирк, на который смотреть просто невероятно весело.

— ... Я до сих пор не могу поверить... Так вы всё-таки не обследовали дно впадины? — Донёсся до ушей Агния знакомый голос юноши, некогда оставившего его в лесу.

— Да. Признаюсь, не стали. На эмоциях были. Знаю, это не оправдание, но... Как есть Глупо конечно.

— И что вы собираетесь делать? Слухи по любому поползут, народ у нас ушастый. Да ещё и приукрасят во сто крат. Что планируете с этим делать?

— У Алисы там есть какой-то план. Я точно пока не знаю какой, сказала, что потом, после беседы с этим, ты понял, расскажет. — Послышался глубокий вздох. — Ух, до сих пор вспоминаю, и до костей пробирает её взгляд, когда я ей сообщил, что парнишка-то его с собой в бутылочке утащил.

Когда Орландо по мере приближения к слову «его» стал говорить тише, из-за чего Агнию пришлось подобраться к окну ещё ближе и максимально наострить уши, чтобы не пропустить ничего интересного.

— ... Думал, она меня сейчас просто разорвёт, вместо него.

— Ладно, хорошо, не будем сейчас об этом, так про какой дневник вы говорили?

— А, это!

Послышалась возня.

— Вот. — Вновь начал Орландо, когда всё стихло. — Вот оно. Его альбом. После него Алиса и подорвалась парня искать.

— Поня-я-ятно, ну и зачем он здесь?

— Она не дочитала до конца, сказала мне это сделать. А здесь, сам понимаешь, нырять в бредни сумасшедшего одному не самая лучшая затея. Нужен был, так сказать, посторонний слушатель. Причём такой, которому можно было доверять.

— Ну-с, ваше величество, тогда открывайте, полистаем.

— Очень красивое изречение, наш дорогой чёрный философ. В таком случае, если моя жизнь — это цирк, то ты в нём самый главный клоун, который возомнил себя лучше остальных только потому, что бог невесть за какие заслуги дал способность собирать всех этих железных уродов.

— Которыми вы активно пользовались, выстраивая их по моим чертежам, между прочим.

— Ты хоть вообще понимаешь, о чём я тебе сейчас говорю? Тебе совсем всё равно?

— Я всё понимаю, Алиса. И да, мне абсолютно плевать с высокой колокольни, ты права. Мне всё равно, что ты со мной сделаешь. Мне всё равно, какой ты будешь королевой... Хах, знаешь... Понимаю, немного не в тему, но... Незадолго до вашего приезда в столицу я стал как никогда сильно задаваться вопросом, почему же Внутренний советник, зная предполагаемую судьбу правителя, никогда не вмешивался в ход событий, даже когда понимал, что всё идёт к печальному финалу. Потому что... — Бальтазар начал нервно смеяться, силясь выдавить из себя хоть что-то. — Потому... Потому что он камень, понимаешь? Камень! Камень... А у камней-то ничего... Ничего нет! Ни семей, ни королевств, ни религии о, там, Боге каком-то, Рае, Аде — нету! И смысла жизни нету. Потому что камень. Стремиться ему некуда, узнавать и делать тоже. Понимаешь? И мне..! И мне тоже нечего сейчас!

— Н-Ну и? — Алиса немного отстранилась и наморщила лоб, силясь понять весь этот бред.

— И вот теперь я, дорогая моя Алиса, обложенная брильянтами и шелками сестра моя родимая, беру на себя этот тяжёлый крест придворного камня, — Вещал Бальтазар, театрально корча рожи, — и говорю тебе прямо — дура ты! Не-не-не, не отворачивайся! Что

ты там сказала? «Идиот»? Да, идиот! Люди добрые, слышите?! Я ИДИОТ!

— Да что ты орёшь, молчи! Услышат!

— Тупой, эгоистичный идиот, признаю и не стесняюсь этого! А вот сидит моя сестра, зовут её Алиса, двадцать восемь лет отроду, королева ваша. Королева, вот только живёт она не здесь, не в вашем королевстве, не с вами, пьянью и сбродом, который за кусок сала готов другому глотку перегрызть, а в своём, ска-а-азочном мирке, вместе со всей своей кодлой!

Орландо пролистал страницы с чертежами, достаточно быстро прочитал заметки, оставленные незадолго до появления в альбоме кровавого разворота с прилипшим к нему скальпом и ещё несколько записей после него. После этого начавший плясать почерк короля и почти совершенно несогласованные предложения стали даваться мужчине с трудом.

— О, а тут целая тирада. — Проговорил читающий, перелистнув очередной лист. — Даже как-то подозрительно внятно написано.

— Ну?

— Так-с, «16 апреля. Сегодня я...»

Жолдыз без особого труда справлялась с работой уборщицы. Грязно, тяжело, но это всё равно лучше, чем ничего. Она с детства привыкла к подобному труду, поэтому задача по возвращению зрительскому залу на тридцать человек божеского вида было для неё вполне посильной миссией, чего не скажешь о её коллегах по актёрскому делу. Даже когда уже подходил срок, девушка умудрялась вылизать это некогда вполне приличное место за всё те же два часа. Да, с каждым днём становилось всё тяжелее и тяжелее, но она всё равно, взяв всю волю в кулак, бралась за любой, даже самый непосильный труд, чтобы раздобыть всё необходимое. На сцене, по понятным причинам, она выступать уже никак не могла.

Тем не менее, в её положении были и внушительные плюсы: не раз и не два Звёздочка, орудуя шваброй после представления, слышала за своей спиной игривые присвистывания и непристойные комплименты на пару с обсуждениями столь экзотического экземпляра, зацепившего глаз очередной запоздалой компании. Однако стоило только Жолдыз выпрямиться и повернуться к наглецам лицом (а ещё лучше боком), как весь энтузиазм в них тут же улетучивался, а лица перекашивали гримасы отвращения.

Правильно, не на что тут глазеть, идите своей дорогой.

И вот подошёл срок, всё случилось... По началу было непривычно, но потом кое-как она привыкла и к этому. Даже несмотря на то, что жить стало в разы тяжелее. Она никуда не могла отойти одна. Это было опасно, да и по понятным причинам это было просто невозможно. Ещё и хозяин театра со своей слащавой улыбкой и снисходительным выражением лица постоянно давил на нервы недвусмысленными фразами по типу: «Может, всё-таки отдашь, а? Представь просто, какая выгода! Да и тебе не так тяжело будет, понимаешь же?».

Врезать бы ему прямо промеж его поросячьих глазок... Но нельзя. Надо терпеть. Ей нужна эта работа.

Она хорошо умела терпеть. С того момента, как был совершён переворот в королевстве, Жолдыз научилась абстрагироваться от внешнего мира. Плевать на то, что жизнь уже точно никогда не будет прежней. Плевать на то, что теперь везде царит лишь нищета и голод, а за лишний паёк приходится чуть ли не драться. Плевать на то, что больше не существует той

дружной компании, которая когда-то так радушно приняли её в свой коллектив и с которыми они и организовали этот любительский театр. Плевать на то, что всё изменилось, стало грязным и развращенным. Девушка с седыми прядями в ныне коротких волосах (свою роскошную косу она уже давно сдала в бутафорию за дополнительную плату) хорошо понимала, что её подруги уже успели пожертвовать чем-то большим, нежели здоровыми, не истёртыми в кровь руками, закрываясь с очередным зрителем в кладовой... Её детское сознание просто не хотело осознавать, насколько мир вокруг неё опустился. И самым большим страхом Звёздочки было то, что в один момент подобные «свидания» станут для таких, как она, единственной валютой для покупки билета на выживание в следующем месяце.

Многие сломались с наступлением тяжёлых времён, но она держалась. В отличие от вышеупомянутых «многих», у неё всё ещё был смысл жизни. Крохотный, слабый, но смысл.

Именно ради него она согласилась ответить на приглашение режиссёра и тряхнуть стариной на сцене. Всего несколько безмолвных появлений в первом акте и маленький монолог, но заплатить за него пообещали почти так же, как за неделю круглосуточных уборок. Подобное поведение можно было понять: у них премьера завтра, а актриса, что изначально должна была исполнить роль, внезапно упала прямо во время репетиции. Думали, очередной голодный обморок, но, к сожалению, ошиблись... Теперь же, как наиболее подходящий из всех немногочисленных дублёров вариант — знающий, к тому же, тот самый монолог наизусть — Жолдыз должна спасти положение.

Вот только встал острый вопрос — куда спрятать на время представления самое ценное?

Отдать кому-то? Просто оставить в своей коморке? Нет, нет и ещё раз нет. Девушка прекрасно понимала, что все люди в этой дыре только и ждут того, чтобы прикарманить столь лакомый кусочек.

Надо что-нибудь придумать. Широкая рубашка здесь уже никак не спасёт. Что есть в наличии? Есть плед с интересным рисунком, по которому даже самой Жолдыз иногда хочется беззаботно водить пальцем, вырисовывая самые разные образы, есть кружевная шаль (немного пыльная, но это не критично, её выступление будет недолгим), есть небольшой ящик из-под овощей и есть дыра в стене, о которой знала только сама девушка. Не мудрено, ведь в кладовой для моющих средств, где она живёт, никто, кроме неё самой, не заходит.

Использував все подручные средства, Звёздочка задвинула заветный ящик поглубже в дыру — слава Богу, там хотя бы не холодно — и на мгновение застыла перед последней, глядя на выделявшийся в темноте квадратный силуэт. В ушах сразу зазвенело эхо всех тех страшных слухов о том, что творится в королевстве. Всё стало товаром. Человек стал товаром. Страшно.

Грудь сильно болела, хотя ей уже долгое время было нечего нести в себе. Ничего. Сейчас она отыграет, — да так отыграет, что пропащий зритель выполнит за неё всю работу и вымоет пол своими слезами, — побежит на рынок и затупится там самым дорогим и самым вкусным...

Она всё предусмотрела, дело должно пройти гладко. Волноваться нет причин.

Закрыла дыру толстой и длинной доской, заложила её швабрами, вениками и ведрами. Всё, пора идти в гримёрную.

Сегодня в зале было как-то непривычно много народу. С воцарением голода и нищеты людям стало не до искусства, поэтому было великим счастьем, если им удавалось собрать

хотя бы треть зала. Сегодня же было занято почти всё.

Свет, зрители, декорации, знакомые интонации играющих на сцене коллег. На мгновение девушке даже удавалось полностью абстрагироваться от всех тёмных мыслей, словно бы она сумела повернуть время вспять и вернуться в ныне невообразимо далёкие моменты счастья, когда она выступала на большой сцене. На неё смотрели сотни зрителей, глаза друзей горели, а в животе не чувствовался вакуум, вызывавший холод в пальцах и тяжесть во всём теле. Тогда она играла во всю силу. Однако это были лишь мгновения — осознание суровой реальности быстро выталкивали Жолдыз из сладких грёз, словно она надувной мячик. Опущенный под воду.

Настал её черёд. В образе грязной оборванки, в которой уже сложно было распознать человека, она стояла на коленях со связанными руками перед одетым в уже давно не стираный, поеденный молью и обрамлённый «лучами» из торчащих ниток костюм восточного правителя пузатым актёром.

— ...Слышу тебя хорошо, мой государь. Хоть мои сломанные ноги уже не ощутят под собой нежной травы моих родных степей, но уши ещё слышат. И я всё понимаю. Позволь же задать тебе один вопрос, мой государь, хорошо ли ты видишь? Осмелишься ли сейчас взглянуть на меня, одну из тех, кого твой взор предпочитал обходить стороной? Смотри же — я улыбаюсь. Я похоронила братьев, молча глядела, как горит мой дом, переживала изо дня в день великое унижение ради того, чтобы прокормить больную и тронувшуюся умом мать, что была в числе тех, кого я задушила этими руками. Не со зла я это сделала, мой государь, не со зла. Им было невыносимо более жить. Несчастные, безумные, павшие на самое дно человеческого сознания — эти души, запечатанные намертво в гробах своих черепных коробок, не смогли бы вновь стать такими же, какими они пришли на эту землю — чистыми, невинными, полными надежд, мечтаний и пытливого ума. Потому-то я и освободила их. И потому-то я сейчас и улыбаюсь, потому что иду к ним. В небо. Белым голубем взметнусь я под облака, не чувствуя больше тяжести человеческого тела, пролечу через них, встречу лик к лику с ярким солнцем. Я возопию, со слезами на глазах ощущая тёплый, дружелюбный, тёплый ветер, держащий мои неощутимые крылья, словно мать с невыразимым трепетом держит на своих нежных руках своё новорождённое дитя: «Нет больше боли! Нет больше страха! Нет больше тьмы! Нет больше земли!» — есть небо. Есть бесконечность, куда я полечу в вечном блаженстве, словно лепесток вишни по тёплому ручейку в бескрайний океан. Я буду там. Далеко от земли. Далеко от здешних краёв. Далеко от тебя, мой государь. Оставайся здесь. Вкушай самые сытные блюда, распивай дальше самые пьянящие нектары, будь обласкан тысячью женщин и заставь преклониться перед тобой все земли мира. Живи так и дальше, погружаясь всё глубже и глубже в бескрайний, тёмный океан небытия. Да благословит Господь, чтобы всё-таки настал тот день, когда, находясь близко к самому невозможному пределу глубин хаоса, погрязнув и захлебнувшись вязкой грязью, составляющей всё существо павших, за мгновение до столкновения с непостижимым для человеческого разума дном ты всё-таки прозреешь. Самая маленькая, мельчайшая крупица разума в твоём сознании воссияет как сотни тысяч Солнц, лучи которого с хлюпаньем будут пробиваться сквозь всю ту гниль, что осталась от твоей души, и заставит тебя наконец-то осознать, насколько ты жалок. Ты взмолишься. Рвя своё тело на части и стирая язык в кровь ты будешь молить всевышнего о том, чтобы тот позволил столь недостойному пребывать хотя бы у самого подножия его трона, в пыли его сандалий. Вечно.

И тут в тишине раздались хлопки. Размеренные, с большим интервалом, они эхом

прокатывались по помещению, будто призывали Звёздочку поднять опущенную голову. Она и подняла, и ту же секунду всё в мире под тонкий писк в ушах превратилось в одну серую кашу, обрамлявшую, словно круглая рамка, силуэт высокого мужчины с до боли знакомым лицом, на котором застыло театральное восхищение.

Всё тело затрясло. Жирный пузырь в горле отнял способность дышать. На мгновение всё в глазах стало красным. Но тут же в голове всплыли мысли о самом важном.

Без команды умершего на мгновение мозга неощутимые ноги сами понесли её за сцену.

Мужчина, сложив руки на груди, непринуждённо вздохнул.

— Догнать.

Тут же из ровных рядов зрителей, словно туча шершней из потревоженного гнезда, вырвалась целая туча разодетых королевских гвардейцев, которые, однако, не сразу найдут потайную дверь внизу сцены, которая плотно зажалась меж ржавым креплением и полом от мощного рывка Звёздочки, которая уже неслась по низкому коридору, сошвыривая с себя лохмотья, чтобы как можно быстрее добежать до заветной двери и увидеть то, что надо было ожидать.

Эта жирная свинья на пару с рыжим и тощим пьяницей Фредом выносили корзину. Да как они..? Да что они вообще?!

Дыхание спёрлось, сердце перестало биться, а вся кровь моментом оказалась в голове, превратившись в разряд сотен тысяч молний, который швырнул столь малое и слабое для такого животного гнева тело на подлецов.

— А ты что тут..? Почему не на сце... Да что там происходит?!!

— Да отцепись ты, зараза!

Фред, отчаянно пытаясь скинуть с себя озверевшую девчонку, всеми силами пытавшуюся добраться до удерживаемой в одной из рук мужика корзины, с надрывом плюнул в её сторону, но промахнулся. Тем временем толстяк выхватил корзинку и во всю прыть понёсся по коридору. С бранью Жолдыз рванулась за ним, но костлявые пальцы вцепились в её короткую шевелюру и чуть не сняли с неё скальп, потянув назад.

— А с тобой я ещё поговорю, невинность ты наша ходячая. — Пронеслось над ухом противное хихиканье, пропитанное спиртом.

С новым ударом волны адреналина Жолдыз взревела, извернувшись и зубами отодрала твари половину уха. Тот пронзительно заверещал и секундное послабление дало девушке шанс вновь вскочить на ноги и с нечленораздельными криками погнаться за вторым мерзавцем, но тут ей прямо в спину прилетел раскладной нож, заставив несчастную упасть на колени.

За спиной слышались шаги. И когда Звёздочка была готова уже вновь устремиться в погоню хоть на ногах, хоть на четвереньках, хоть вообще ползком, продирая изъеденными хлоркой пальцами себе путь к заветному сокровищу и к изощрённому убийству всех этих сволочей, раздался хлопок. Директор кубарем выкатился из-за угла и, прижимая к себе корзину, застыл в полулежащем состоянии. Его правое плечо кровоточило. Оттуда же вышел знакомый силуэт.

Полный мужчина отпихнул корзину, поднял руки, начал сбивчиво оправдываться, но тут же неизвестный направил на него нечто, что было у него в руке, и от чего спустя мгновение вместе ещё одним оглушительным хлопком вырвалась струйка зловонного дыма. Директор упал на спину с дырой во лбу.

Тем временем сзади уже слышались отчаянные возмущения Фреда, с яростью

пытавшегося вырваться из хватки гвардейцев. Хлопок. Из дыры в голове хлынула кровь, тощее тело задрожало, лицо перекошило, мутные глаза закатились. Фред обмяк.

Высокий человек, оглядев деловитым взглядом художника плоды своего «творчества», убрал оружие за пояс.

— Уберитесь тут по быстрому, возвращайтесь на улицу и ждите меня там.

После этого покорные прислужники занялись переносом застреленных. Куда? Жолдыз это волновало тогда меньше всего. Почти потеряв способность дышать, девушка не меняя положения, стёрла дрожавшей рукой со щеки каплю крови ещё минуту назад живого человека. Слегка опомнившись, она тут же быстро подобралась к корзинке и с замирающим сердцем проверила её содержимое. Хорошо... Боже, всё хорошо! Не верится даже, но всё..!

Острая боль от со свистом вынутого из спины девушки ножа заставили последнюю громко вскрикнуть и рефлекторно развернуться, чтобы в ту же секунду её приоткрытые губы накрыли чужие в грубом, глубоком и пошлом поцелуе.

Твёрдая рука в железной перчатке с силой прижала хрупкое тело к торсу своего хозяина, будто желавшего всем своим существом прочувствовать тепло столь желанного человека. С огромным трудом, но Звёздочка всё-таки вырвалась из грязной хватки, но особо далеко ей уйти не дали.

«Ну подожди же ты! Ну я же так по тебе соскучился! Ну так же я тебя давно не видел!..» — Приговаривал старый знакомый, прижимаясь и ластясь к девушке. В конец рассвирепев, она со всей силы пнула мужчину в солнечное сплетение, вырвалась из навязчивых объятий и уже хотела пуститься наутёк, забрав с собой и корзину, но рука в железной перчатке схватила плетёную ручку первой.

— А это что тут у нас? Воровством промышляешь?

— А ну верни! — Взвизгнула Звёздочка, ломанувшись к корзинке, но та была тут же поднята вверх.

— Да ладно тебе, я что, осуждаю?

— Верни!!!

— Я понесу, хорошо? Мы сейчас...

И тут содержимое корзины наконец-то... закричало. Протяжно, тонко, по-детски...

Выпученные глаза Бальтазара, в которых отразилась полная потеря понимания происходящего, обескураженно смотрели то на застывшую над головой корзинку, то на Жолдыз...

«... а потом я как понял... Меня аж пот прошиб. В глазах помутнело, в голове что-то щёлкнуло, думал прямо там и сяду. Чёрт, если так подумать — сколько там времени прошло? Полгода? Да, где-то так. И все эти полгода, и ещё несколько месяцев до этого, я был папой»

Они сидели за столом. Молчали. Перед Жолдыз остывала тарелка супа. Свежего, горячего, полностью из съедобных продуктов. На коленях у Жолдыз мирно лежит и глядит на мрачные стены их маленький кареглазый сын.

Сильно пышную трапезу Бальтазар решил не устраивать, так как опасался, что сидевший такой приличный отрезок времени на столь экстремальной диете желудок подруги просто скрутит судорогой, если его так сразу набить едой. Да и сама Звёздочка особого возражения не выказывала. Она вообще ничего не делала.

Всё это было странно и даже немного смешно. Он ведь столько раз представлял их встречу в самых мельчайших деталях, так мечтал наконец-то найти её... Но, как это часто бывает, в реальности всё намного сложнее. Жолдыз сильно изменилась, и дело тут вовсе было не в печальном облике этой исхудалой, грязной и измождённой женщины. Что-то внутри её самой было безвозвратно утеряно. Та робкая, нежная и, невзирая на все невзгоды, с улыбкой шедшая по жизни девчонка исчезла, уступив своё место загнанному зверьку, который теперь жался в комок перед взором некогда самого любимого человека.

— Можно посмотреть? — Спустя двадцать минут бездействия, король резко поддался вперёд, вытянув руку в маленькому свёртку.

Жолдыз испуганно втянула воздух и поддалась назад, прижав малыша к себе.

Тишина.

— М-Можно?

— Снимай эту хрень. — Широко раскрытые глаза женщины на мгновение устремили взгляд на железную перчатку, которая словно грозный зверь, ждущий команды хозяина, покоилась на его руке.

— Я...

— Снимай!!! — Надрывный вопль эхом отразился от стен.

Бальтазар тяжело вздохнул и под бдительным взглядом почти немигающих глаз Звёздочки ослабил крепления и через несколько секунд стряхнув непривычно лёгкую руку, страшный «наездник» которой был отложен на дальний край стола.

— Теперь-то можно? — Шёпотом (сам не зная почему) спросил мужчина.

Жолдыз с полминуты колебалась, но всё-таки на дрожащих руках вновь опустила сына на колени, при этом пребывая в полной готовности снова прижать его к себе и кинуться прочь в любой момент.

Расправил ладонь. Медленно-медленно приблизился к глазевшему на него изучающим взглядом мальчику и осторожно похолодевшими от волнения кончиками пальцев погладил последнего по макушке. Расслабился. Не по-детски умные и в то же время невероятно милые глазки продолжали непрерывно следить за криво сросшейся кистью руки, которая уже более смело теребила мягкие тёмные волосы.

По душе блаженным млеком растекалась нежность. Лицо невольно расплылось в улыбке.

— Так ты об этом хотела мне рассказать тогда, у реки? — Бальтазар поднял взгляд на Звёздочку и вся беззаботная радость внутри тут же притихла.

— Да. Но не успела.

— И из-за этого на тебя так орал отец? Ну, в смысле, я несколько минут находился под окном и...

— Да. — Она кивнула и, сделав глубокий вдох, будто сдерживая плач, продолжила:

— Меня повели прежде всего к повитухе чтобы выяснить, смогу ли я родить будущему мужу ребёнка. Там-то всё и вскрылось.

— Но теперь-то волноваться не о чем! Вы... — Бальтазар вновь был готов улыбнуться, но оставшееся безрадостным лицо любимой приостановило его ликование.

— Ну да. Слышала о твоих геройствованиях. Мне лично рассказали. Подруга, у которой родственники в столице жили.

Жолдыз всё запомнила, ибо именно тогда у неё начались преждевременные роды. На мгновение из самых глубинных закров памяти выплыло, сопровождаемое чудовищным

коктейлем из запаха залежавшейся ткани, мокрых тряпок, крови и пота, воспоминание о том, как она в душной коморке с чулком во рту, находясь на грани жизни и смерти, три часа выдавливала из себя ребёнка, молясь, чтобы никто её не услышал.

Бальтазар после этих слов почувствовал себя как минимум приниженным.

— Нет, ты серьёзно? — Лицо короля перекошило. — Ты мне прямо сейчас предъявляешь за то, что я избавил Землю от уроды, который хотел продать тебя за скотину дряхлому извращенцу, а потом ещё и отрёкся от тебя?

— Ты убил не только его. Обычные, хорошие люди, дети — ты всех порешил, Бальтазар! Да ещё как!

— Большинство из этих детей, — как я, кстати, подметил, — были девочки, которых твои «обычные, хорошие люди» в своё время аналогично отдали на растерзание богатым мужьям. Так что особо не волнуйся, не многое потеряли.

— Да ты..?!

Жолдыз резко вскочила на ноги и, повалив стул, отступила назад, продолжая с презрением смотреть на мужчину, который уже неспешно вставал с пола.

— Что «я»? Вот просто — что?! Я — Бальтазар, приятно познакомиться!

— Чёрт подери, да ты просто вокруг посмотри!

— Ну и что в этом «округе» такого плохого?

— Да что-ж..! — Жолдыз затрясло, она гневно зарычала. На руках у неё уже надрывался перепуганный малыш. — Посмотри! Посмотри, что там творится, грёбанный ты кретин! Разбой, нищета, проституция — это ты хотел, Бальтазар? Этого?

— Я...

— Я ведь помню тебя! Помню, каким ты был! Помню, как мы ходили, планировали, предлагали людям твои изобретения! Ты же хотел сделать этот мир лучше, Бальтазар! Хотел направить свои изобретения во благо! Что изменилось?

— Если ты действительно всё это помнишь, то в твоей голове явно есть воспоминания о том, что ни-хер-та из всего того, что я в этих тоннах бумаг начиркал, никому не было нужно. Ни простым жителям, ни королю с королевой — никому! Так что в том, что я перестал сильно замораживаться из-за других, я особой проблемы не вижу.

— Настоящий Бальтазар так бы не сказал.

— Ой-ой-ой, это-ж откуда мы знаем?

— Я знаю, потому что люблю тебя!

— Ах, теперь выясняется, что ты меня любила. Ну, и почему же тогда свиснулась, даже не попрощавшись?

— Так было лучше.

— Для кого?

— Для всех. В первую очередь для тебя.

Бальтазар замолчал. Склонил голову, сжал кулаки. Дыхание дрожало. В конце-концов он зацепил сапогом ножку стула, придвинул его к себе, рухнул на седушку и впёрся лбом в спинку.

— Я сидел в снегу, я рвал на себе волосы, я орал так, что... — С глубоким вздохом он поднял глаза. — А тебе не приходило в голову, что именно ты меня добила? Ты... Ты не могла хотя бы записку оставить, что я... Мы... У нас есть он?

— Чтобы ты бросился нас искать и нажил себе ещё больше проблем? Бальтазар, твой отец совершенно не возражал, когда мой был готов забить тебя до смерти. Я ужасно боялась,

что выкинь ты ещё хоть что-нибудь, и они тебя вообще казнят. Я так надеялась, что Зигмунд за тебя заступятся и они оставят тебя в покое.

Бальтазар болезненно рассмеялся, растянув рот в грустной ухмылке.

— Я отказался оставаться с Зигмундом. Хотел посмотреть, как они себя будут вести. Меня бросили в тюрьму. Почти не кормили. Собирались отправить куда-нибудь в самые дремучие закоулки королевства, лес валить. Хотели окончательно и бесповоротно стереть факт моего существования из истории. Я не собирался этого дожидаться, хотел покончить с этим быстро. Даже острый осколок бутылки раздобыл. Но знаешь, в последний момент подумал: блин, а почему я? Почему я, а не они? Ты... Ты сама подумай: я создал все эти вещи. Я создал то, что люди ещё даже осознать человек, а они хотят усадить на трон того, кто даже самую ничтожную реформу будет бояться провести, тем самым останавливая и без того почти не двигавшееся ещё незапамятных времён развитие этого проклятого государства ещё лет на сорок как минимум. И я избавился от них. Сначала от старших, потом и от остальных, чтобы меньше хлопот было. И я действительно по-началу пытался что-то менять. Образование, торговля, там, политические отношения... Но кому это было нужно? Как оказалось, всем этим свиньям, — и знати, и тем, кто пониже, — было вполне комфортно в их свинарниках. В самом начале я не придавал особого значения их постоянным протестам, думал, побесятся и успокоятся. Но нет. Потом осознал, что хоть как-то изменить этих людей — дело гиблое. От поколения к поколению, сын за отцом, а мать за дочерью — они проделывали ряд одинаковых, ничем не примечательных действий, и они не планировали выходить из этого ещё долгие и долгие столетия. Я задумался и пришел к выводу, что самое лучшее решение — это уничтожить всё. Сделать так, чтобы они никак не смогли продолжать ход по этому замкнутому кругу, поместить их в стрессовые условия, заставившие бы их явить для всего мира их истинную сущность. Всё сработало так, как я и предполагал — на свет явилась куча невежественных обезьян, которые готовы друг другу глотки перегрызть.

— Ну, и?

Бальтазар недоумённо поднял брови.

— Что?

— Ты, вот такой весь замечательный, явил этому прогнившему миру его истинную сущность — и что?

— Я... Я надеялся, что они тем самым придут к выводу, что надо двигаться дальше. Даже активно распространял пропаганду этого.

— Я слышала. Вот только знаешь, что ты не договариваешь, Бальтазар? — Король устался на Звёздочку. — Ты всё разрушил в первую очередь потому, что хотел отыграться таким способом. Нет, ты сам посуди — ты хоть понимаешь, насколько абсурден весь твой план? Если все люди этого королевства реально настолько тупые, как ты говоришь, то подобный подход лишь уничтожит в них последние капли рассудка, и я просто не поверю, что ты этого не осознавал, если вообще был в те минуты в своём уме. Насчёт убийства твоей семьи — в том есть и моя вина, признаю, потому я и не берусь тебя судить. Возможно, мне действительно надо было поступить как-то по-другому, нежели просто уйти. Но все твои остальные действия, начиная с вот этой твоей «гениальной» задумки — это лишь упоение властью, а не желание помочь. Ты не смог их убедить в том, что твои изобретения могут им помочь, и верх взял эгоизм. Желание управлять, ущемлять и тем самым культивировать своё «Я». Ты так много обвиняешь этих, как ты выразился, «обезьян», которые так и жаждут испортить тебе жизнь, и совсем не замечаешь, что ты не слишком-то далеко от них ушёл.

Посмотри на себя, Бальтазар. Посмотри, в кого ты превратился. Я вот лично перед собой вижу не гениального страдальца, которого так старательно рисует тебе твоё ущемлённое самолюбие, а самовлюблённого, озлобленного и переполненного жалостью к себе... человека. Знаешь, я всё ещё хочу верить, что тебе осталось ещё хоть что-то с тех времён, когда мы могли выехать на твоём драндулете за горных хребет, рухнуть мордой в снег и часами пялиться на звёзды. Я не хочу уходить так же, как и тогда, в неизвестность, оставив тебя одного. Уверена, что это вновь не приведёт ни к чему хорошему. Я хочу тебе помочь. Сама даже не знаю как, но хочу привести тебя в чувства. И не надо смеяться.

— Наивно.

— Возможно.

— А вот что ты скажешь на моё заявление о том, что меняться я особо не стремлюсь. Мне и так хорошо... Подожди, подожди, не перебивай! Послушай, я ведь и вам могу устроить жизнь со всеми благами! Только подумай...

Звёздочка, с лицом еле сдерживавшего плач ребёнка, сплотнула тугой комок в горле. Король тем временем всё продолжал уже совершенно безразличный для девушки монолог:

— ... я же всё вам могу дать! Всё! Еду, жильё, да ещё какое! Целый дворец в полном вашем распоряжении! Да что там дворец, весь мир скоро будет у ваших ног! У твоих ног, Жолдыз! Забудешь ты все эти швабры, мётлы и тряпки, как страшный сон! Ты — актриса, которой скоро будет восхищаться каждый в этом королевстве, все сцены которого сейчас под моей рукой. Помнишь, как ты мне говорила, что ужасно хочешь сыграть эту, ну, как её там? Элисию-Шалисию... Н-Не важно! Сыграешь, да и не только её! Все главные роли всех театров на земле отныне твои, слышишь? Да и мальчик наш — представь, как ему здесь хорошо будет! Я же вас на руках носить буду, а ему вообще всё на свете отдам! Выращу, все мои знания передам, я...

— Нет. — Звёздочка прикрыла свободной рукой опущенное лицо. Голос у неё был как у вековой старухи.

— Ч-Что, прости.

— Нет. — С нажимом на каждую букву повторила женщина, будто вовсе не могла сказать больше ничего.

— Что «нет»?

— Сына здесь не будет, Бальтазар. Прости, но это моё окончательное решение. Однажды ты поймёшь. У него не должен быть такой отец.

— Какой «такой»? — Голос короля еле заметно дрогнул.

Жолдыз прекрасно понимала, что он вот-вот взорвётся. Надо уходить.

— Чего? Чего отворачиваешься? Давай, договаривай!

Мужчина начал повышать голос.

Ответа ему не последовало.

БАБАХ! — рухнул на пол перевёрнутый дубовый стол. Словно зверь из засады Бальтазар рванулся в сторону Звёздочки, вцепился мёртвой хваткой в воротник и резко притянул её к себе.

— Что ты..? Пусти!

Женщина под истошный плач своего чада начала предпринимать яростные попытки вырваться, но железная хватка удерживала её на месте, пока Бальтазар в сопровождении оглушительного эха рвал в кровь связки прямо перед её лицом.

— Что такое?! Опять решила смотаться, да? «Моя хата с краю, нихрена не знаю» —

так?! Нет уж, золото моё, теперь-то не прокатит! Теперь в несчастную не поиграешь! Теперь-то я тебя из-под земли достану, все кости тебе, дряни, пересчитаю! А теперь — давай! Давай, договаривай! Какой я? Какой?!

— Псих!

— Чего? — Бальтазар чуть не задохнулся. Истерический смех на пару с тучей брани вели ожесточённый бой за право вылететь из лёгких короля быстрее соперника.

— Псих! Большой урод — вот ты кто! Что, теперь доволен?!

— Ах, я псих, да?

— Да!

— А это псих, чтоб ты знала, подгрёб под себя всё королевство! Ни одна зараза мне слово поперёк здесь не скажет! Захочу — вообще всё здесь с землёй сравню! И тебя в первую очередь, скотина безмозглая!

— А ты попробуй сначала! Попробуй!

— Да ты же по рукам пойдёшь, дура! Продаваться будешь за копейки и сгниёшь в грязи вместе с выродком своим!

— Да уж лучше так, — обгрызенные ногти на покрытых волдырями пальцах впились в глотку короля, раздирая кожу до крови; Жолдыз с полными ненависти глазами шипела через зубы прямо в лицо Бальтазара, — чем выращу из него ещё одну такую же озлобленную тварь, как и ты!

— Ну, собачья дочь, тогда уж!..

Мужчина вырвал у Жолдыз из рук вопящий свёрток, с силой пнул Жолдыз на пол и уже замахнулся, чтобы со всей дури шарахнуть его об пол, но Звёздочка уже чрез мгновение оказалась на ногах и с нечленораздельным криком бросилась на Бальтазара, и тут...

Тонкий жужжащий звук.

Бальтазар застыл на месте.

Жолдыз упала.

Глаза женщины широко раскрыты, на руке можно было разглядеть потрёпанное медное кольцо с подвеской — деталь от того самого браслета, сделанного самим горезобретателем своей новоиспечённой супруге.

Так и не смогла от него избавиться...

Оно-то и задело мелкий трансформатор у Бальтазара на запястье, который невозможно было снять вместе с перчаткой.

Совсем мелкий.

Секундное прикосновение.

Но этого было достаточно.

Бальтазар осел на пол. Под одиноко разносившийся по залу крик раскрасневшегося от плача ребёнка, король беззвучно открывал рот, силясь вымолвить хоть что-то.

Пересилил себя. Дрожащими пальцами дотронулся до запястья женщины. Пульса нет.

Нет?

Нет.

Всё.

С секунду, казалось, он не чувствовал ничего, словно все эмоции в один момент превратились в белый шум, либо же сознание просто отказывалось воспринимать всё это, как реальность. Это просто сон. Просто сон, такого просто не может быть! Не может! Нет, нет, нет — только всё было ДА.

В разуме отчётливо росла мысль о том, что что-то утеряно безвозвратно. Что какая-то маленькая ниточка, на которой держалось всё, тихо лопнула и вся жизнь рухнула в беспросветную тьму.

Горло больно сдавило, дышать стало сложно. Всё внутри сжалось.

Бальтазар закрыл рот, а потом и всё лицо ладонью и сделал судорожный вздох, вдохнув неприятный запах металла, которым была пропитана кожаная перчатка. Потом ещё раз. И ещё...

Зажмуренные глаза намокли.

«Как-то вот так.

Не помню, сколько я так просидел. Через какое-то время, однако, разум стал ко мне возвращаться, и я понял, что нужно что-то делать.

Закрыл ей глаза. Тело завернул в скатерть и унёс в погреб.

Хоронить просто закопав в землю я её не решился. Я знал, что из раза в раз буду возвращаться к ней. Навязчивые мысли о том, что она всё ещё существует и находится прямо рядом со мной сведут меня с ума, заставляя каждый раз вновь и вновь находить её и созерцать то, что сделало с ней время. Да и она бы этого не хотела. Я решил, что нас надо разделить раз и навсегда. Разделить так, чтобы даже то, что от неё осталось, оказалось совершенно в иной плоскости.

Сделать всё по-быстрому не вышло. Казалось бы — что тут такого? Вынес в сад, залил горючим и поджог. Но нет. Я не могу. От одной лишь мысли, как огонь будет пожирать то, что некогда представляло собой столь многое и грандиозное, меня передёргивает. Решился на самообман. Порылся в груди старых вещей, разломал х в щепки и не слишком толстым слоем накрыл тело.

Только после этого поджёг. Горело долго, но я ждал. Правда, мелкий начал замерзать и пришлось ненадолго вернуться в замок. Не дай бог ещё простынет.

Выехал потом тайком за город и развеял там прах. Как раз был не слишком сильный ветер.

Красивая была сцена.

Всё хорошо, Звёздочка. Так ведь? Больше не надо переживать за тех, кто этого не достоин. Больше не надо думать о завтрашнем дне. Больше не надо трудиться денно и ношно. Больше ничего не надо.

Потому что больше ничего нет.

Ничего нет»

Орландо перелистнул страницу и, видимо, наткнувшись на дополнительную приписку к только что зачитанной записи, прочёл следующее:

«И да, кстати о мелком — следующие три дня он яростно не давал мне спать. Что ж, его можно понять. Он хочет на ручки к маме, а не к какому-то непонятному мужику. В один момент я просто не вынес, уложил его в колыбельку (Её я откапал в старом хламе. Предназначалась для моего несуществующего брата или сестры), рухнул на кровать и, совершенно не обращая внимания на не прекращавшиеся крики ребёнка, уснул. Нет, даже не уснул, просто потерял сознание.

Проспал двенадцать часов.

Просыпаюсь, окидываю взглядом стену передо мной и тут понимаю, что пацан замолк.

Меня будто водой окатили — тут же подскочил на кровати, выпрямился и вижу следующую картину: малец лежит в кроватке, на лице вселенское спокойствие, а рядом стоит и поглаживает его по голове нянечка Фресси, напевая при этом какую-то незамысловатую детскую песенку, больше похожую на набор звуков, лишь имитировавший речь. Совсем забыл об этой старухе... Честное слово — идёшь-идёшь так по коридору, все по всем щелям разбежаться, а этой хоть бы хны. Я уже молчу о том, что она без задней мысли не побоялась ко мне зайти. Хотя... Способна ли она вообще ныне соображать? Может ли её мозг, которому один лишь Господь Бог знает сколько лет, выдать хоть что-то на подобии рассуждения? Живо ли хоть что-нибудь в её черепной коробке, либо же она действует теперь лишь на одних инстинктах, отточенных многими годами и десятилетиями службы няней?

Что ж, в любом случае, мне надо быть с этим всем повнимательнее. О ребёнке не должно знать слишком много людей — из этого не выйдет ничего хорошего, нутром чую.

Ну, и да, у меня теперь есть новое развлечение — рассматривать себя со своей маленькой копией в зеркале. Серьёзно, он очень на меня похож. Будто на прошлого себя смотрю.

«Надо ему имя придумать»

Далее пошли какие-то бытовые записи, не отличавшиеся особой масштабностью. Лучше всего Агний сумел расслышать только две из них:

«Сегодня было особенно плохое настроение. Ничего не хотелось делать. По самый вечер вдруг в голову забрела идея навестить погреб. Нет, ну, а что? Столько же легенд ходит про целебные силы хмеля, почему бы и мне их на себе не испытать?»

Последний раз невзначай выпил лет в четырнадцать. Такой гадости я не пробовал за всю свою жизнь. Тогда просто не представлял, как некоторые люди вообще могут подсесть на такую дрянь.

Как уже говорилось, спустился в погреб, отрыл там целую и полную бутылку, вернулся с ней в комнату. Открыл. Спустя минуту терзаний отхлебнул. Ничего не изменилось. Всё такая же гадость. Отложил её и продолжил записи.

Тем не менее, в какой-то момент почувствовал навязчиво желание сделать ещё один глоток. Потом ещё. И ещё. И ещё... Пока сидел на стуле даже не ощущал особой разницы, только в глазах мутнеть стало. Только когда поднялся, чтобы немного размять спину, торс на пару с головой вдруг неожиданно потяжелели килограмм на десять, и я грохнулся на пол. Голова загудела, руки ослабли. Так и провалялся с минуту, пока наконец-то не смог приподняться.

Вперёд посмотрел — мелкий сидит в кроватке и на меня смотрит. Внимательно так, непонимающе. И в тот момент думаю: «Ну ё-моё, как же я сейчас, наверное, противно выгляжу. И он на это вынужден смотреть»

«У мелкого появилась новая тема — раньше он начинал орать, когда я его брал, теперь он орёт, когда я его оставляю.

Делать нечего. Принёс его в мастерскую, придвинул к рабочему столу стул, примотал к нему парня ремнём, чтоб не свалился, и начал работать. Только вот и тут сердце моего друга затребовало открытий. Сижую, собираю что-то, одним глазом на разработку, а другим — пацана, поскольку он каждую секунду что-то хватал со стола и начинал рассматривать. В

конце концов пришлось стул немного отодвинуть, а то, не дай Божэ, ещё что-нибудь себе в рот засунет.

А вообще, признаться честно, я реально вдохновился идеей всё ему показать и рассказать. Лет через пять займусь этим

И да, надо бы почаще вести записи. Сегодня заметил, что у меня начинает отшибать память. Только с нескольких попыток сумел вспомнить, как звали моих родителей. Может, это из-за алкоголя? Но разве такие фундаментальные знания могут пропасть из-за двух выпитых мною за всю жизнь бутылок? А хотя, откуда мне знать?»

Тем временем разговор между Бальтазаром и Алисой и не думал останавливаться, несмотря на то, что бывший король уже изрядно утомился.

— Слушай, давай уже расходиться. Я устал, да и ты, я уверен, уже ждёшь не дождёшься чтобы увидеть мой труп. Хотя, подожди, об одном лишь я хотел попросить. Я же имею права на последнюю волю? Да не бойся, не бойся. Ничего сверхъестественного. Алис, пожалуйста, отстаньте от парня. Поверь, вот эти вот все заискивания ни к чему не приведут, он далеко не идиот. Пусть идёт своей дорогой.

— А ты вообще чего так сильно о нём печёшься, а?

— А это уже, сестра моя, не твоё собачье дело. Твоё дело выполнить то, о чём я тебя попросил, повесить меня преспокойно и наконец-то за ум взяться в плане управления королевством. На мой взгляд ничего сложного.

Наконец, Орландо дошёл до последней записи, и по его наморщившемуся от напряжения лбу (Агний уже к тому времени совершенно неосознанно начал смотреть краем глаза в небольшое углубление, где находилось окно, и наблюдать за тем, что творилось в помещении) там была написана какая-то околесица. Эта догадка подтвердилась, стоило только будущему королю начать читать. Он часто прерывался, путался и с трудом выговаривал написанное в некоторых местах, так как, по заключению Агния, в тексте было целое море ошибок, предложения были склеены кое-как, а некоторые слова и вовсе писались слитно, превращаясь в одну огромную мешанину из букв. Всё это заставляло мальчика всё ближе и ближе тесниться к окну, чтобы лучше расслышать читаемое. Из того, что получилось разобрать, можно было составить следующее:

«Вечер. Темно. Темно. Уже ночь? А, да, ночь. Только сейчас понял, что мальчик кричит. Кричит. Кричит. Кричит. Всё днём было серое. Надоело серое. Глаза бы выколоть. Сейчас нет. Всё чёрное. Пишу. За спину смотреть страшно. Из-за лампы страшно. И ему тоже страшно. Представил себя на лампе. Чёрт. Пересилился. Странно ощущать себя вне стула. Сложно. Взял на руки. Я осязаем. Я есть. Я есть. И он тоже получается есть? Он сейчас думает. Или нет? Да, думает. Я знаю. Знаю. Хочу знать. Хорошенький. Особенно в свете лампы. Жмётся. Не кричит. Хорошенький. Глаза умненькие. Я о чём? Послушайте. Хоть кто-нибудь послушайте. Не хочу чтобы это оставалось во мне. Хотя ладно. Лист слушает. Я так уже решил. Всё хватит. Думаю. Уже устал думать. Разбил себе лоб. Ещё больнее сейчас. Уже высовывался в окно. Ветер. Раньше было легче. Тут душно. Но тут есть он. Сейчас он смотрит так. А потом? Она тоже так смотрела. А потом нет. Никогда бы не смотрела по-другому. Больше нет. Чёрт. Дрянь. Все они. Пусть исчезнут. Но он-то остался. Он потом тоже не будет так смотреть. Так. Ну вот так. Хочется исчезнуть. Хочется проснуться. Хочется всё это разломал. Что-то разломал. Кровь была. И сейчас треснула и

течёт. Он смотрит так. Рукой тянется. Пальцы пачкает. Показывает. Я занервничал и вытер. Надо смотреть реалистично. Блин. Чёрт. Но ладно. Это же может быть? Может? Я жду. Минуту. Час. Больше не могу. Я душусь. Стены страшные. От лампы страшные. Хочу чтобы снова было солнце. Трава. Луга. Реки. Убежать бы куда-нибудь далеко. И умереть. Освободиться. Но не могу. Этого не будет. Никогда не будет. Мы будем здесь. Но он. Он не обязан. Что мне делать? Он не должен здесь быть. Он не должен это видеть. Я должен это прекратить. Говорил себе. Пытался. Не смог. Тогда решил по-другому. Нашёл потом бутылёк от Зигмунда. Остался. Красивый. Прямо тепло идёт. Как память. Бес с ним. Думал долго. Опять думал. Потом решил. К чёрту. Был дождь. В небе гремело. Гремело. Земля аж тряслась. Он испугался. Начал плакать. Это. Скалы страшные. Большие. Живые. Нет, не живые. Что там? Будто выглядывает. Будто бросится сейчас. Брёл. Шёл. Следы вижу. Раздвоенные. Сначала не понял. Потом разобрал. Копытца. Пасутся. Уже забыл. Не вспомнил. Пора. Долго думал. Думал. Думал. Думал. Оставил. Не плачь. Прошу. Не плачь. Не кричи. Я уйду. Я не могу. Прости. Прости. Прости. Прости. Прости...»

— ... вся страница в «прости». — Заключил, дочитав, Орландо.

Зависла тяжёлая тишина.

— Значит, он оставил своего ребёнка в горах?

В ответ на вопрос Имира Орландо лишь вздохнул и, перелистнув несколько страниц, вдруг остановился.

— Что там? — Вновь задал вопрос юноша, глядя на опять сморщившийся от напряжения лоб товарища.

— Тут... — Процедил мужчина, вертя в руках альбом. — Тут он опять что-то накалякал, но, блин, не разобрать...

— Давай я свежим взглядом. — Имир потянулся к книге и Орландо отдал последнюю парню.

Тот ещё с минуту вертел загадочную надпись перед глазами.

— «Я... — Начал Имир.

Орландо с Агнием в предвкушении поддались вперёд. Ещё раз проговорив увиденное на страницах про себя, юноша наконец-то скандировал:

— «Я сделал это только потому, что люблю тебя»

Лампочка в голове зажглась мгновенно. Точнейшая ассоциация. словно в голове прорвало платину. И в эту же секунду оконная рама, на которую так неаккуратно навалился мальчик, поддалась вперёд и он рухнул на пол, тут же, однако, подняв голову и встретившись взглядами в большом овальном зеркале со своим отражением, имевшим до боли знакомые, виденные совсем недавно, черты...

— Ты меня не затыкай, братец. Чего ты так за мальчишку разволновался? Тебе-то какое дело? Тебя, вот, реально вздёрнут, и тебе будет уже на всё плевать. Чего ты разволновался?

— Алиса, ну чёрт меня раздери, вы-ж сами себе могилу копаете таким упёрством, если уже не выкопали. Да и... — Буквально на мгновение Бальтазар умолк, чтобы, не слишком смело на первых нотах, но прибавить, — ты же наверняка мои все записи — я имею ввиду тот толстенный альбом в кожаном переплёте в родительской спальне, уже давно нашла. Всё знаешь.

Алиса стиснула кулаки. На её лице с еле сдерживаемой улыбкой и выпученными глазами читалась еле сдерживаемая истерика.

Выйдя из ступора, Орландо тут же схватил парня и прижал его к себе.

— Зови охрану! — Заорал он Имиру, который не теряя ни секунды вынесся в коридор.

Агний бился отчаянно вырывался, кричал и в один момент всё-таки сумел извернуться так, чтобы со всей силы ударить последнего в солнечное сплетение и оказаться на свободе, после чего, не теряя ни секунды, скрыться в полумраке дворовых ходов.

— Так это всё-таки...

— Алиса!!! — В комнату ворвался весь красный, со стекавшим по вискам потом Имир.

— Ч-Что то случилось? — Женщина прищурилась, смотря в пол оборота на парня.

— Мальчик, ну, это... В общем — сбежал!

Глаза девушки медленно расширялись по мере её осознания всей ситуации. В растерянности она повернула голову в сторону Бальтазара. Тот лишь развёл несвязанными ладонями, с выражением лица, на котором так и было написано: «Ну вот. Дождались».

Придя в себя, Алиса гневно скомандовала подниматься всем стражникам дворца и сию же секунду, хоть из-под земли, но достать ей мальчишку.

На протяжении получаса весь замок содрогался от топота многочисленных ног, нервных окликов и ложных доносов, направлявших целые стада стражи на пару с Алисой и Орландо в направлении места, где их ждала одна и та же неутешительная картина — мальчика нет. Нигде нет.

И тут, совершенно случайно, оказавшаяся на смотровой площадке Алиса вдруг сумела разглядеть с высоты отвесной крепостной стены, как по мёртвой равнине куда-то вдаль уходит маленькая точка.

— А-А-Агни-и-ий!!! — Прокатилось по всей округе.

Ополоумевшая королева за несколько мгновений, перепрыгивая через ступени, оказалась в самом низу и помчалась по ухабам мокрой, густой грязи, не жалея своего царственного вида. Всё-таки отличная физическая подготовка дала свои плоды, и девушка не потратила слишком много времени, чтобы догнать беглеца.

Тот мужественно вышагивал по затягивавшей при каждом шаге его ноги в своё полное гнили и мелких камней нутро жиже и даже не думал останавливаться.

— Агний! — Отчаянно закричала Алиса, подбирая подол уже успевшего изгваздаться платья и убирая волосы со вспотевшего лица. — Агний, погоди!

— Отвали! — Последовал тут же полный злобы ответ.

— Подожди! Не уходи! Я сейчас всё объясню! Клянусь тебе!

— Отвали от меня!

— Да послушай же ты! — В отчаянии девушка вцепилась в руку мальчика и силой потянула на себя.

— Да уйди ты!

Острая боль в руке, отдававшаяся аж в носу, заставила королеву со вскриком отшатнуться назад и схватиться за запястье.

Секунда. Две.

Алиса убирает ладонь. На правой руке кривой дугой краснеет кровавый след от зубов.

Девушка перевела взгляд на маленького беглеца.

Мелкий, взъерошенный, съёжившийся, грязные кулаки сжаты — словно дворовый котёнок, который за своё недолгое пребывание в этом мире уже успел повидать всю его

грязь, убившую в итоге в этом маленьком существе всякую веру в человечность. И глаза... Никакой детской чистоты и невинности. Только кровь и ненависть.

Агний с нажимом провёл тыльной стороной ладони по лицу, вытирая розовую слюну, при этом не переставая сверлить Алису взглядом.

Минута. Алиса тихо выдохнула.

— Ладно. Ладно, всё. Чего ты хочешь?

Агний расслабился, глубоко вздохнул, окончательно пришёл в себя и приготовился ответить.

***

Месяц спустя всё королевство готовилось к долгожданной королевской свадьбе, которая обещала быть не менее пышной и радостной, чем некогда у родителей нынешней королевы.

Гостей съехалось столько, что каждое окно, каждого дом, каждая улица, каждый магазин и каждая таверна буквально ломилась от переполнявших их людей, радостно распевавших песни, поднимали бокалы за молодых, выкрикивали поздравления, подбрасывали шляпы в воздух и краем глаза приглядывали за носившимися весёлой стайкой с пёстрыми флажками детьми. Хотя, те и сами не горели желанием убежать далеко. Каждые пять минут они прибегали обратно к родителям и с горящими глазами спрашивали, когда же наконец-то начнётся торжество, чтобы успеть оказаться на папиной шее и увидеть всё самое интересное.

Но тут в толпе началась какая-то недобрая возня. Поднялся гул. Замелькали силуэты гвардейцев. Рано или поздно, но до всех в той ещё секунду назад радостной толпе дошло страшное известие: королева пропала! Взволнованно заголосили женщины, расплакались в ужасе дети, а мужчины грозно завопили, вскидывая кулаки в воздух: «Да как так-то? Как так-то? Из полного стражи замка пропала! Как?!».

— А вот так! — Дьявольский, искажённый голос доносился, казалось, отовсюду. Все, в том числе и стража вместе с выбежавшим из дворца в поисках своей возлюбленной Орландо.

Некогда белые цветы на свадебной арке на главной площади вдруг разом загорелись красным пламенем, чем вызвали ещё больший ужас у народа. Даже гвардия поёжилась. Лишь только король остался стоек, глядя в самую середину главной площади, откуда уже начал волнами по всем уголкам города расползаться жуткий багровый дым, то и дело словно превращавшийся в силуэты гигантских чудовищ, приветствовавших жалких людишек грозным оскалом. И тут прямо под полыхавшей аркой возник... Он! Да, да, именно он, с его огромными рогами вместо короны, перепончатыми крыльями и вылетающими прямо из рук молниями. Сомнений никаких не было — это король Бальтазар! Злой чародей, посланник самого Дьявола!

Чудовище расхохоталось, глядя на застывших в смертном ужасе людей. Орландо выхватил меч, приготовившись к неравному бою.

«Неужто вы думали, что сможете вечно сдерживать меня в цепях, ваше величество? Я смог обмануть всех вас тогда, смог сбежать! Ладно, вы меня нашли, да ещё и решили казнить прямо здесь и сейчас, устроив пир на моей крови! Так знайте же — так просто я не дамся!»

В этот же момент из-под крыш близлежащих домов начали вылезать жуткие, клацающие тремя рядами острых зубов, драконьи головы на длинных чешуйчатых шеях. Спустя секунду с ужасным воем монстров смешался многоголосый крик и топот бесчисленных ног, стремившихся унести своих владельцев подальше отсюда.

«Видишь, мой государь? Ты это видишь? Со мной ты остался один на один. Ни один из солдат, ни один из простых жителей, этих трусов, не посмеет выступить против меня — бога во плоти! Ни один!»

Казалось, никто из толпы даже не слушал всего этого. Но нет. Одному мужчине эти слова крепко вдарили по мозгам. Голыми руками вырвав из стены хлипкий флагшток, мужик завопил на всю округу: «Люди! Десять лет! Десять с лишним лет по подвалам, по углам сидели! Что мы, твари дрожащие?!» — и со всей дури всадил острый железный наконечник в нижнюю челюсть ближайшей драконьей башки. Раздался громкий скрежет вперемешку со становившимся всё ниже и ниже рёвом. Спустя мгновение глаза чудища погасли и оно обмякло. Все застыли, разинув рты. Надо же, не бессмертные! Не всемогущие! Можно, можно их убить!

Тут же в руках горожан заблестели вынесенные из домов, ножи, вилы, дубины и даже веники — всё шло в ход в зверской битве горожан с приспешниками злодея, разворачивавшейся на фоне из с Орландо неравного боя.

В какой-то момент, когда почти все змеи были побеждены, вновь раздался жуткий голос свергнутого короля:

«Сильные у вас жители, мой король. Хоть и не с первой секунды, но бросились в бой. Не ожидал. Но знаешь. Чем я взял трон, государь? Умом! И следуя ему же не буду тратить силы, что и без того малы. Посему — забирай свою невесту...» — В торсе демона образовалась дыра, откуда вывалилась в измятом платье перепуганная Алиса. — ... да не надейтесь, что я вас оставлю! Я ещё вернусь!»

Вновь вокруг рогатой фигуры начало сгущаться багровое облако, как вдруг пришедшая в чувства королева выхватила у оторопевшего жениха меч и несколькими мощными взмахами лишила врага рук, а после и головы. Вместо крови из ран брызнул фонтан разноцветных искр, который за несколько секунд накрыл рухнувшее наземь тело, после чего оно растворилось в воздухе.

— Не вернешься. — Твёрдо заключила королева.

Секунду спустя толпу накрыли овации.

Как только всё стихло, Алиса, стоявшая вместе с без пятнадцати минут мужем под вновь ставшей белоснежной аркой, начала речь. Таковую, которая бывает в конце любой доброй сказки, чтобы любой маленький ребёнок смог понять её главный посыл. А посыл этой сказки, как выходило из речи королевы, был таков: сегодняшняя победа — плод трудов не только правящей четы, но и каждого, кто здесь находится. Все жители объединились в желании победить общего врага. И сейчас, когда этот враг окончательно и бесповоротно побеждён, надо вновь объединить усилия. На это раз — ради общей цели восстановить королевство и вернуть ему былое величие. И начать надо с осознания того, что, какой бы правитель над ними не стоял, пока люди не поймут, что всё начинается с них, с их понимания того, что пока они будут продолжать выяснять кто кому что сделал, кто лучше, кто хуже, кто умнее, кто глупее, кто богаче, а кто не слишком — ничего не получится.

— ... мы клянёмся сделать всё, что в наших силах, чтобы поднять наш общий дом из грязи. А вы?

— Это ещё посмотрим. — Прокряхтела где-то в общих рядах полная женщина с вечно перекошенным недовольством лицом. — Да какой дурак ко всему этому прислушиваться будет? В наше время всем на всех плевать — так и живём!

— А для таких подготовлен отдельный котелок. — Донёсся еле слышно из раскрытой

пасти мёртвого змея металлический голос. — Сам видел!

Громко икнув, бедная женщина схватилась за сердце и завалилась назад, чуть не приложившись об землю. Благо, последнее предотвратили подоспевшие муж с дочерью, тут же начавшие приводить мать в чувства.

Церемония венчания, танцы, стол — всё это было прекрасно. Но самое интересное всех ждало под самый конец основной части праздника.

Именно тогда все впервые увидели новое доверенное лицо королевы — долговязого мужчину в не слишком богатом наряде и с перемотанной какой-то тряпкой головой (как позже это объясняли — несчастный был бесчеловечно изуродован много лет назад). Стоял он около своего «подарка» молодожёнам, который был скрыт под пыльной простынёй. Спустя мгновение томительного ожидания она была сдёрнута, и перед всеми предстало пианино. Да не какое-то там — было оно почти в два раза больше своих обычных, виданных почти каждым братьев, сделано из металла, украшено красивыми резными узорами. Всем стало понятно, что главным пользователем этой вещи будет Орландо.

Король в воцарившейся тишине приблизился к инструменту и начал вести себя несколько странно. Сначала он внимательно посмотрел механику в глаза, потом медленно, даже осторожно, подошёл к стоявшему около пианино стульчику и, слегка надавив на круглую седушку, вновь бросил беглый взгляд исподлобья на стоявшего близ своего творения человека со скрытой головой. Тот невозмутимо махнул в сторону пианино, как бы говоря: «Ну, давай же! Давай! Для тебя же сделано».

Орландо сел на стул и придвинулся к клавишам. Причём сидел он так, будто готовясь в любой момент сорваться с места. Зажал одну из педалей. Ничего. Зажал другую. Тоже ничего. Зажал петельку и нажал на одну из клавиш. Лёгкий, нежный, похожий на смесь нескольких музыкальных инструментов разом звук разнёсся по залу, завораживая слушателей и подогревая их нетерпение ещё сильнее. Орландо это тоже впечатлило, но не терял бдительность. В конечном итоге он зажал обе педали и быстро провёл пальцем по всем клавишам. У некоторых аж дух захватило. Действительно — такого яркого звука не мог бы издать ни один инструмент на земле.

И тут Орландо пробило окончательно. Глаза загорелись, руки затряслись — стало понятно, наконец-то оно здесь! Столько попыток, столько стараний и на уже отчаявшегося музыканта наконец-то снизошло озарение.

И он заиграл. Заиграл так, как не играл никогда. Заиграл, забыв обо всём на свете. Заиграл, будто в последний раз в жизни, не щадя пальцев, которые еле поспевали за мыслью своего владельца, почти не дышавшего в попытках не упустить заветную мысль.

А все присутствующие в зале всё слушали и слушали... Да что там? Не только они.

Как только король начал играть, на каждой улице внезапно включились доселе неприметные алюминиевые трубы, из которых по всей округе полилась чарующая мелодия, вкрадывавшаяся в самую душу, и у каждого она поднимала то, что было, казалось, утеряно навсегда в тёмных глубинах подсознания. Что-то такое, что связано ещё с тем далёким временем, когда человек ещё, только появившись на этом свете, ещё даже говорить не умел, но уже чувствовал, впитывал, слушал, осознавал. Первое знание, первая искра, первое стремление, первая мысль и чувство чего-то первозданного и непостижимого, что идёт с человеком бок-о-бок и о чём он так часто забывает с течением времени, но что каждый раз в тишине неслышно зовёт его домой.

Аккорд-звук-всё. Задубевшие, мелко дрожащие пальцы рухнули на крышку. Орландо

сделал натужный вдох.

Ещё одна секунда и весь зал разразился небывалыми аплодисментами. «Браво! Браво!» — дрожали вековые стены, силясь не упасть под напором эмоций.

Алиса хотела подойти к мужу и слегка успокоить его, но тот в последний миг вдруг вскочил на ноги и от всей души пожал руку чудо-изобретателю, который был явно не готов к такой бурной благодарности.

Никто тогда не заметил маленькое, бледное лицо мальчика, наблюдавшего за всем происходившим из небольшого окна под самым потолком. Он тоже аплодировал, и он улыбался.

И всё-таки, как ни крути, тогда, когда он ушёл из столицы, сказка не совсем закончилась. Но вот теперь — да.

Хорошая получилась история. Добрая, поучительная и всем понятная. Самое оно, чтобы почитать её детям перед сном, либо же учить их по ней чтению. Хотя и пришлось немного приврать в конце — но это ничего. Они ведь ничего от людей жизненно важного не скрыли. Они просто раз и навсегда развеяли нелепые слухи и позволили жителям королевства со спокойной душой устремиться в светлое будущее, которое лично у Агния началось с обещанной помощи Эннелъ Дагсхарт, а также её родителям и подневольным людям их поместья. И если для последних главным чудом тогда стала нормальная, человеческая работа с хорошей заработной платой, то для самой Энни — ноги.

Агний сам помогал ей через пару дней после операции впервые в жизни встать на ноги и сделать первые, неуверенные шаги. Все присутствующие — и родители, и прислуга, — просто потеряли способность дышать, наблюдая за самым настоящим чудом.

— Моя семья сильно зависела от перевоза товаров в соседние страны. — Рассказывала Энни, когда они час спустя сидели в саду и бросали в воду камни. — После своего воцарения, Бальтазар очень быстро рассорился с большинством их правителей и у папы дела пошли на спад. В том числе нам стало откровенно нечем платить работникам нашего поместья. Тогда папа отважился на отчаянные меры — пообещал королю подключать свои какие-то связи в целях отслеживания какой-либо активности со стороны жителей «Ковчега». За это Бальтазар отблагодарил его своим покровительством, гвардейцами, которые очень быстро запугали желавшую сбежать из-под неволи прислугу и львом... Кстати, как он там? Он вернулся к семье?

— Да. С ним всё хорошо. Планирую даже как-нибудь навестить его. И да, я был очень удивлён, когда узнал, что вы с мамой решили отсюда уехать. А ваш отец за вами не следует?

— Нет. — Тяжело вздохнула девочка. — Очень уж он привязан к своему имению. Мы с матушкой, конечно, пытались дать ему понять, что содержать нам вот это вот всё откровенно не на что, да и вряд ли после всей той истории с удержанием людей против их воли с ним вообще хоть кто-нибудь захочет работать, но он нас не слушает. — Она на мгновение замолчала. — Вообще, откровенно говоря, я не думаю, что, даже если бы у нас были деньги, мама согласилась бы тут остаться, столько печальных воспоминаний у неё связано с этим местом. Я же, в свою очередь, всегда мечтала повидать настоящий горный городок.

— Горный городок?

— Да, нам там ещё давно достался домик моей двоюродной бабушки. Приведём его в порядок, наладим хозяйство и заживём по-человечески. С нами даже добровольно несколько слуг вызвалось отправиться, в том числе и Мэри, помнишь её?

Агний на секунду замялся, но после с улыбкой кивнул головой, вспомнив ту самую смотрительницу, отпустившую его с салом к измождённому Лорду.

— Ну, вот. — Завершила Энни. — Мы как всё уладим — сразу вам напишем. Будем ждать тебя с твоим отцом в гости.

— От... цом? — Это слово вырвало Агния из колеи беззаботных мыслей.

— Ой, прости, я просто думала, что вы родственники. Глаза у вас уж очень похожи.

— Да нет, нет, ты н-не ошиблась. — Последнее слово мальчик вымолвил особенно тихо. Энни косо посмотрела на друга.

— С тобой всё хорошо?

— Всё нормально, правда, не переживай.

Девочка немного поразмыслила, но потом всё-таки решилась заговорить об этом.

— Ты не сочти за дотошность, но вы друг друга будто избегаете.

— Это настолько заметно?

— Да, очень.

— Тут... Понимаешь, история нашего расставания не слишком весёлая, и мы вообще — я, по крайней мере — точно, — не ожидали найти друг друга спустя столько лет и... М-Мы, то есть я, вообще не ожидали, что на месте другого окажется именно он... Если ты понимаешь, о чём я...

Зависла тишина.

— Послушай меня, я тебя не заставляю это делать, но всё-таки должна тебе сказать лишь одно — вечно вы от друг друга всё равно бегать не сможете. Сам подумай — небо же на землю не рухнет, если ты просто подойдёшь к нему и поговоришь с ним. Если это тебе, конечно, нужно.

«Небо же на землю не рухнет, если ты просто подойдёшь к нему и поговоришь с ним» — вновь прокрутил в голове слова Энни Агний, смотря из-за дверного косяка на что-то самозабвенно строчившего на целом ворохе чертежей Бальтазаром и стоявшим рядом с ним Зигмундом. Великан, в свою очередь, с интересом разглядывал локомотив поезда, который уже совсем скоро пустят по железным дорогам королевства. Конкретно этот будет служить лично королеве и её приближённым в её поездках по городам. Все остальные локомотивы будут строить по его образу и подобию, чтобы внезапный визит правительницы был ещё более внезапным.

Одну только деталь придворный мастер решил сделать только для королевского поезда, и Зигмунд эту деталь только-только заметил.

— Друг мой, а корпус ты собираешься перекрашивать?

— Вы о чём? — Буркнуло что-то из-под горы бумаг.

— Тут... Тут просто всё в каких-то красных каплях. — Волшебник поскрёб одну из них ногтем. — Ты что так размашисто красил здесь?

— А это не краска, господин Зигмунд. — Последовал ответ. — Это кровь нечестных чиновников.

Зигмунд хмыкнул и даже слегка ухмыльнулся, но труженик на это даже не обратил внимания. Лицо великана вновь стало серьёзным и немного печальным. Вздохнув, он приблизился к собеседнику.

— Баль... Друг мой, я... — Чародей предпринял попытку положить огромную ладонь на плечо бывшего подопечного.

— Чертежи будут готовы к четвергу, господин Зигмунд, как и обещали. — Гаркнул

последний так, что его услышала половина дворца. — Спасибо, что проявили инициативу и навестили меня, можете идти отдыхать.

Рука Зигмунда застыла в сантиметре от застиранной рубахи мастера. Спустя мгновение Зиг всё-таки её убрал и, сжав губы и кинув на мужчину ещё один обречённый взгляд, направился к дверному проёму и вышел, будто и не заметив Агния.

Дождавшись, когда тёмный плащ окончательно скрылся из виду, мальчик вновь устремил свой взор на рабочий стол и спину сидевшего за ним человека. В воцарившейся тишине, прерываемой лишь стуком карандаша и шелестом бумаг, Агний отчётливо мог слышать, как стучит кровь в висках. Подумать только — он столько пережил, столько совершил, а вот теперь он боится сделать такой ничтожно маленький шаг. Хотя, может быть, не такой уж и ничтожный? Почему, почему же это так тяжело? Они же уже разговаривали — тогда, в его мастерской под замком, потом ещё раз, когда они устраивали то масштабное «представление» на свадьбу Орландо и Алисы, а именно Бальтазар командовал Агнию, на каких улицах включать змей, чтобы избежать давки. Но это было всё не то. Сейчас совсем по-другому. Вот он подойдёт, вот он что-нибудь скажет... Что? Что он может сказать? «Привет»? «Здравствуй»? «Как дела»? Нет, как же глупо! Глупо! Глупо!.. Ну, допустим, даже если и скажет — что потом? Что будет после? Что ему ответят? Агний не знал. Никто не знал.

Да ну его к чёрту.

Сжав запотевшие кулаки и сглотнув вставший поперёк горло ком, мальчик сделал первый шаг на онемевших ногах. Бальтазар его услышал. Он понял, кто пришёл. Мужчина тут же напрягся, сгорбился и втянул голову в плечи, будто пытаюсь спрятаться.

«Ему тоже страшно» — промелькнуло в разуме мальчика. Этот факт придал ему уверенности, но не заставил отбросить страх полностью.

Медленно-медленно Агний подошёл к мастеру и осторожно, будто на иссечённую плоть раненого зверя, положил руку ему на спину. Бальтазар дёрнулся и сжался ещё сильнее, окончательно перестав писать. Выждав ещё миг, мальчик соскользнул на предплечье и так проследовал до самой грубой ладони бывшего короля. Она сомкнулась, несильно сжимая пальцы Агния.

Тем временем незаметно наблюдавший за всем этим Зигмунд с долгожданным облегчением заключил сам для себя: всё хорошо. Наконец-то.

Агнию не спалось. Именно поэтому он был сейчас здесь, близ дыры, которая временно заменяла один из склонов крыши над мастерской. Схоронившись среди строительных материалов, он заворожённо глядел на ночное небо, усыпанное звёздами. И в этом деле он был не один.

— Да иди ты сюда, не съем я тебя!

Агний поднял взгляд на уже давно замеченный им силуэт, примостившийся, свесив худые ноги, на одной из верхних балок нового каркаса для крыши. Не заставляя собеседника ждать, мальчик быстро вскарабкался вверх по стоявшей неподалёку лестнице и примостился рядом с Бальтазаром. Мужчина, не переставая глядеть вдаль, тут же накрыл мальчика краем своего пледа, чем вызвал у Агния странное ощущение. С одной стороны — это нормальная, а ещё и с учётом их родственной связи естественная ситуация, с другой...

Мальчишка всё никак не мог заставить себя поверить в то, что всё это действительно происходит именно с ним. Глядя в ночную даль и вдыхая прохладный воздух, он вспоминал свою жизнь. Череду повседневных событий, в смысл и суть которых он не вникал. Он в своём смысле и сути никогда не вникал. Кем он вообще был? Иногда ему казалось, что он — бесплотное существо. Некая видящая и думающая сущность, не имеющая материального тела и взявшаяся из неоткуда с одной лишь целью — существовать. Именно таким он был, сидя близ грязного крыльца таверны под проливным дождём. Эх, маленький раб... Знал ли ты тогда, что с тобой произойдёт? На пороге какого огромного путешествия ты стоишь? Что тебе придётся пережить и через что пройти, чтобы в итоге оказаться... вот здесь? На этой балке, под одним пледом с тем, кого ты когда-то считал чуть ли не за мифическое создание, в итоге оказавшееся твоим родителем? Да уж. Очень интересная картина.

— Те копыта... — Начал Агний. Бальтазар обратил на него внимание. — Те копыта, которые ты видел в ущелье, прежде чем оставить меня там — помнишь же? Ты в своём дневнике описывал — это были копыта овец моего первого хозяина. Уже не помню, как его зовут. Он меня и нашёл. — Мальчик, немного помолчав, продолжил. — Был такой немного неловкий момент один раз. Я однажды заметил, что одна из овец немного располнела. Хозяин пояснил, что у неё скоро родится малыш, маленькая овечка. Я тогда ещё был совсем маленьким, взял и спросил: «А люди тогда откуда берутся?». Хозяин вместо ответа привёл меня в ущелье, показал на большой, плоский камень и говорит: «Не знаю, откуда все остальные люди, но то взялся вот отсюда!».

— Это камень, который ещё около кустов был?

Агний аж дёрнулся от неожиданности, но быстро пришёл в себя.

— Ну... Да, были та, судя по всему, кусты когда-то, но, как я помню, почти всё там уже засохло к тому времени. Их ветки почти полностью закрывали камень.

— Да, да. Он, судя по всему.

Агний усмехнулся, но после этого оба вновь погрузились в свои мысли.

Если так подумать — а что если бы его последний хозяин решил бы в тот день идти на рынок по другой улице, и на него бы ничего не упало? Что если бы у маленького раба не хватило смелости бежать, пока хозяин был в беспамятстве? Что если бы он не успел нырнуть в реку? Что если бы «Наследие» не проплывало бы рядом с ним в тот день? Что если... И таких «что если?» было бесчисленное количество. Но всё произошло так, как произошло.

Сотни тысяч вариантов развития событий, но всё сложилось так, чтобы они сейчас сидели рядом.

— Ты знаешь. — Агний задумался. — Мне однажды сказали, что у каждого в этой жизни своя дорога. У кого-то подлиннее, у кого-то покороче, у кого-то более прямая, у кого-то петлистая, и у каждого на ней свой финал. Так вот, большую часть жизни я думал, что моя дорога — это бессмысленный путь в никуда, который даже не обязательно проходить полностью. Но теперь, здесь и сейчас, я вижу, что каждый поворот, каждый изгиб и каждый её метр всё это время вёл меня к тебе.

Мальчик поднял голову и без всякого страха или стеснения посмотрел отцу прямо в глаза. Да, права была Энни, глаза у них двоих очень похожи.

Агний улыбнулся.

— И я так рад, что у меня хватило сил и терпения дойти до конца.

Бальтазар по-доброму усмехнулся и прижал сына к себе. Приятный холодный ветерок скакал по спящей траве во мраке ночи. Безмолвно на землю взирали свидетели вечности, звёзды, совершая свой обычный путь по чистому небосводу и благополучно исчезая за голубыми скалами, чтобы потом повторить его вновь и вновь, век за веком.

— Нет, ну, почему же «конец»? Это ещё далеко-о-о не конец. — Мужчина поцеловал пребывающего в полудрёме парнишку в макушку и закончил:

— Завтра буду учить тебя читать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net